

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-11-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-11-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

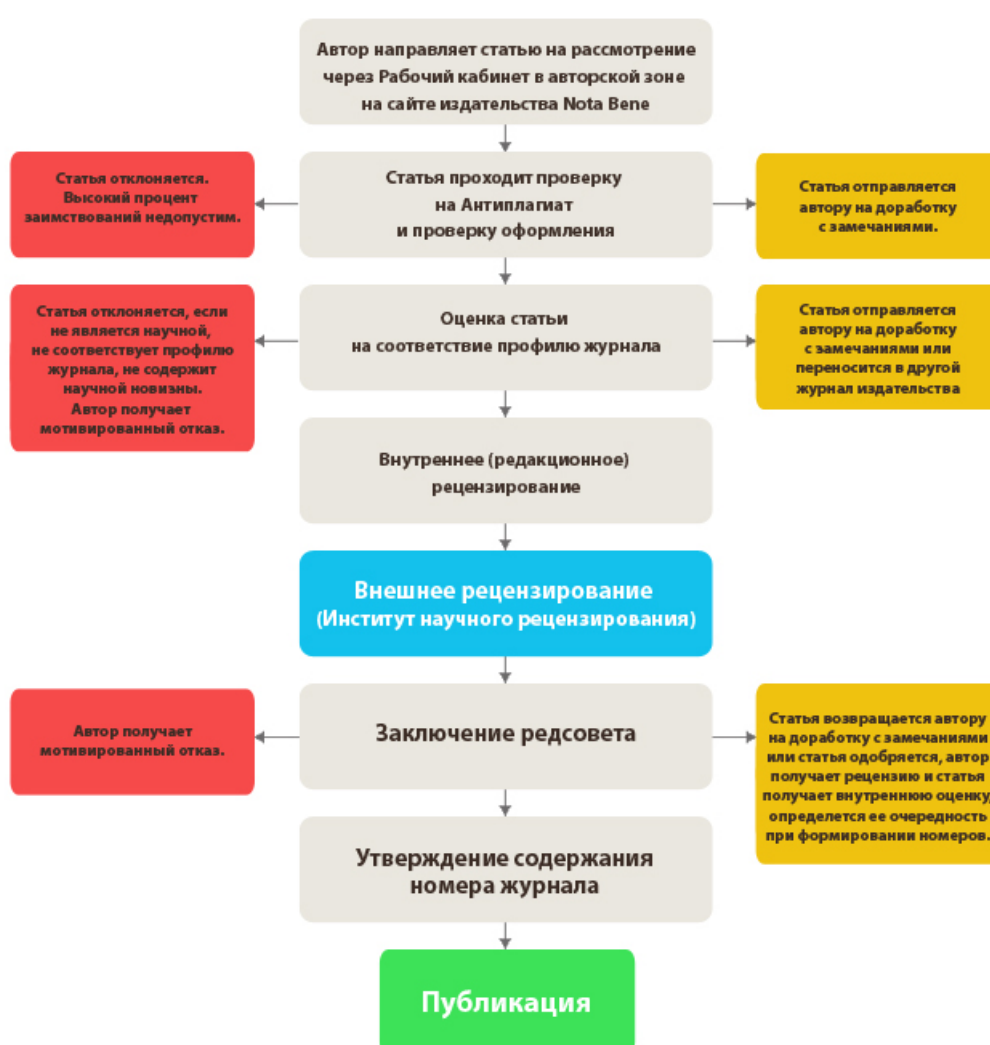
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ши Ф., Ли С. Восприятие В. Пелевина и изучение его творчества в Китае	1
Повалко П.Ю., Чжан Ц., Ван Ч. Письменная коммуникация на китайском языке в кампусе интернационального университета	11
Смирнова Д.Л. Изменение парадигмы значений ключевого знака в семантическом пространстве художественного текста при его переводе на иностранный язык	33
Люй С. Концептуальная пара «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира: экспланация значений прецедентных текстов для представителей русской лингвокультуры	44
Колосова Е.И. Эволюция представлений о вегетарианстве в литературе Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. (на материале «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Дж. Ритсона, философской поэме «Королева Маб» и эссе «Оправдание естественной диеты» П.Б. Шелли)	55
Гуркова А.В. Употребление прилагательных как средства изменения временного континуума в рамках художественного текста	67
Соловьева А.А. Методика применения мини-корпусов для анализа языкового варьирования этикетных выражений двуязычных языковых ситуаций в социалингвистическом аспекте.	77
Зенков А.В. Под чужим флагом: литературные мистификации и использование числительных	86
Октябрьская О.С. Тема семьи и дома в дилогии Марии Якуниной «Восьмерка» и «Дорогая Рита»	110
Бай Я., Пинаев С.М. Эстетика дзэн-буддизма в творчестве М. А. Волошина (на примере стихотворных миниатюр – надписей на акварелях)	117
Ван Т., Митрофанова И.И. Основные новации периода пандемии в русском языке	125
Гальцов П.И., Батурина Э.Р. Проявление и эволюция иронии в англоязычной стендап комедии	136
Криницын А.Б. Притча о народной вере и мотив крестового братания в романе Ф.М. Достоевского «Идиот».	148
Сухих О.С. Павлик Морозов в постсоветской действительности (по роману В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик»)	160
Лифанов К.В. К вопросу о дивергенции словацкого и чешского литературных языков на словообразовательном уровне	171
Михайленко А.Ю. Текстовые перифразы в семантической структуре сентиментальной исторической повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»	179
Лян Ц. Байронические мотивы в образе Раскольникова	189
Баканова А.В., Терентьева Е.Д. Сборники испанских паремий XVI в. и их влияние на развитие фольклористической традиции	199
Северина Е.М., Ларионова М.Ч. Проект Chekhov Digital: задачи и проблемы реализации семантической разметки текстов (на примере рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника»)	211

Ян Ц. Проблема «народности» в концепции почвенничества Достоевского	223
Павленко Е.А., Куралева Т.В., Вьюнова Е.К. О проблеме передачи игры слов (на материале англоязычных и русскоязычных рекламных текстов)	235
Гришакова Е.С., Балыкина М.И. Мотивы и закономерности обращения к античным источникам в древнеанглийских религиозных текстах авторства Эльфрика Эйншемского и Вульфстана	248
Цзоу С. Изображение Китая в русской поэзии: «Китайское путешествие» О. А. Седаковой	258
Англоязычные метаданные	269

Contents

Shi F., Li X. Perception of V. Pelevin and the study of his work in China	1
Povalko P., Zhang J., Wang Z. Written Communication in Chinese on the International University Campus	11
Smirnova D.L. The transformation of meanings of the semantic space of a literary text under translation to a foreign language	33
Lyu S. The conceptual pair "Life" and "Death" in the Chinese linguistic picture of the world: an explanation of the meanings of precedent texts for representatives of Russian linguistic culture	44
Kolosova E.I. The evolution of ideas about vegetarianism in British literature in the Late 18th – Early 19th Century (a case of 'An Essay on Abstinence from Animal Food, as a Moral Duty' by J. Ritson, 'Queen Mab' and 'A Vindication of Natural Diet' by P.B. Shelley)	55
Gurkova A.V. The use of adjectives as a means of changing the time continuum within a literary text	67
Soloveva A.A. The Method of Application of Mini-corposes for the Analysis of Language Variation of Etiquetial Expressions in Bilingual Language Situations in the Sociolinguistic Aspect.	77
Zenkov A.V. Under a False Flag: Literary Hoaxes and the Use of Numerals	86
Oktyabr'skaya O.S. The theme of family and home in Maria Yakunina's dilogy "The Eight" and "Dear Rita"	110
Bai Y., Pinaev S.M. Aesthetics of Zen Buddhism in the works of M. A. Voloshin (On the example of poetic miniatures – inscriptions for watercolors)	117
Van T., Mitrofanova I.I. Main innovations of the pandemic period in the Russian language	125
Galtsov P.I., Baturina E.R. The Manifestation and Evolution of Irony in English Standup Comedy	136
Krinit syn A.B. The Parable of the People's Faith and the Motive of the Crusade Fraternization in F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot".	148
Sukhikh O.S. Pavlik Morozov in Post-Soviet Reality (based on V. P. Krapivin's novel "The Bronze Boy")	160
Lifanov K.V. On the Divergence of the Slovak and Czech Literary Languages at the Word-formation Level	171
Mikhailenko A.Y. Textual periphrases in the semantic structure of N.M. Karamzin's sentimental historical novel "Natalia, the Boyar's Daughter"	179
Liang Z. Byronic motives in the image of Raskolnikov	189
Bakanova A.V., Terentieva E.D. Collections of Spanish paremias of the XVI century and their influence on the development of folklore tradition	199
Severina E.M., Larionova M.C. The Chekhov Digital project: tasks and problems of implementing semantic markup of texts (on the example of A. P. Chekhov's story "The	211

Death of an Official")

YANG J. The Problem of "Nationality" in Dostoevsky's Concept of "Pochvennichestvo"	223
Pavlenko E.A., Kuraleva T., Vyunova E.K. About the problem of wordplay transmission (based on the material of English and Russian advertising texts)	235
Grishakova E.S., Balykina M.I. Purposes and patterns of the use of antique sources in old English religious texts by Ælfric and Wulfstan	248
Zou X. The portrayal of China in Russian poetry: "Chinese Journey" by O. A. Sedakova	258
Metadata in english	269

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ши Ф., Ли С. — Восприятие В. Пелевина и изучение его творчества в Китае // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.44199 EDN: YRJNYM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44199

Восприятие В. Пелевина и изучение его творчества в Китае

Ши Фуэй

кандидат филологических наук

старший преподаватель, Институт русского языка, Даляньский университет иностранных языков

116000, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, ул. Люйшуньси, 6

✉ sfy1989@foxmail.com**Ли Сюэцз**

ORCID: 0000-0003-3002-6968

кандидат филологических наук

старший преподаватель, факультет русского языка, Педагогический университет Внутренней Монголии

010000, Китай, Внутренняя Монголия, г. Хух-Хото, ул. Джун-Уд, 81

✉ lixiaoge89@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.44199

EDN:

YRJNYM

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2023

Дата публикации:

04-10-2023

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению восприятия В. Пелевина и изучения его творчества в Китае. Объектом исследования является восприятие творчества Виктора Пелевина в Китае. Предметом исследования являются обзор переводов произведений В. Пелевина на китайский язык и изложение результатов исследования его творчества в китайской литературной критике. Основная цель работы заключается в анализе степени изученности творчества Виктора Пелевина в Китае с кратким обзором основных

направлений современных исследований китайских критиков. В работе, наряду с общенаучными методами анализа, синтеза, аналогии и обобщения, применялись также описательный и сравнительно-сопоставительный методы. В результате проведённого исследования выявлено, что китайские литературоведы уделяют пристальное внимание творчеству Виктора Пелевина, особенно китайским культурным элементам в его текстах, и признают высокую интеллектуальную ценность произведений писателя. Описанные в данной статье результаты будут способствовать более глубокому осмыслению творчества В. Пелевина китайскими литературными критиками, а также могут быть внедрены в качестве научного материала в учебный процесс на филологическом факультете. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые вовлекаются в исследовательскую сферу новые научные достижения Китая – оценки и результаты изучения китайскими исследователями произведений В. Пелевина.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, постмодернизм, пустота, дзэн-буддизм, восточная философия, китайские элементы, антиутопия, китайская критика, русская литература, китайское литературоведение

Данная статья является промежуточным результатом проекта Фонда планирования социальных наук провинции Ляонин (L20CWW002)

Введение

Виктор Олегович Пелевин – один из самых влиятельных и популярных современных русских писателей, представитель русского постмодернизма, который является автором наибольшего количества бестселлеров среди современных русских писателей. Его произведения переведены на многие языки.

Китайские ученые называют Пелевина «темной лошадкой в русском литературном мире», «русским Ван Шо (王朔Wang Shuo, современный китайский писатель)» и «русским Мо Янем (莫言Mo Yan, первый лауреат Нобелевской премии по литературе 2012 года)», а его произведения считаются «литературными образцами постсоветского периода» [1, с. 36]. Внимание китайского академического сообщества к Пелевину началось в конце 1990-х годов. В 2001 году в Китае был опубликован первый перевод романа В. Пелевина «Generation "П"» на китайский язык (затем книга была переиздана в 2018 году). В 2004 году в Китае был издан еще один шедевр Пелевина – роман «Чапаев и Пустота». Впоследствии на китайский язык были переведены «Желтая стрела», «Жизнь насекомых» и «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре». Кроме того, в китайских научных журналах последовательно опубликованы статьи, посвященные его произведениям «Омон Ра», «ДПП (НН)», «Ананасная вода для прекрасной дамы», «Любовь к трём цукербринам», «IPhuck 10» и др. (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Выходные данные переводов произведений В. Пелевина на китайский язык

№	Название	Переводчик	Выходные данные
1	《“百事”一代》 («Generation "П"»)	刘文飞 (Лю Вэньфэй)	北京:人民文学出版社, 2001年。 (Пекин: Издательство народная литература, 2001.)
	《“百事”一代》	刘文飞	北京·北京十月文艺出版社 2018年。

2	《“П”一代》 («Generation “П”»)	(Лю Вэньфэй)	(Пекин: Пекинское издательство литературы и искусства "Октябрь", 2008.)
3	《黄色箭头》 («Желтая стрела»)	王海涛 (Ван Хайтао)	海拉尔:内蒙古文化出版社, 2004年。 (Хайлар: Издательство культуры Внутренней Монголии, 2004.)
4	《人虫变》 («Жизнь насекомых»)	周正沧 (Чжоу Чжэнцан)	台北:远流出版社, 2005年。 (Тайбэй: Издательство "Юаньлю", 2005.)
5	《恐怖头盔——铁修斯与米诺陶的神话》 («Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре»)	周正沧, 陈翠娥 (Чжоу Чжэнцан, Чэнь Цуйе)	台北:大块文化, 2007年。 (Тайбэй: Издательство "Локус", 2007.)

Исследования творчества В. Пелевина в китайских академических кругах

Вместе с постоянным выпуском переводов произведений В. Пелевина на китайский язык развиваются и углубляются исследования китайского академического сообщества, посвященные его творчеству. В настоящее время в Китае изданы две монографии: «Игра · Дзен · Постмодерн – исследование постмодернистской поэтики В. Пелевина» (2006 г.) и «Реальность и иллюзия – художественная картина постмодернистских романов Виктора Пелевина» (2012 г.).

В работе Чжэн Юнвана «Игра · Дзен · Постмодерн – исследование постмодернистской поэтики В. Пелевина» (2006 г.) (далее «Исследование») основное внимание уделяется произведению «Чапаев и Пустота»: учёный начал с анализа интертекстуальности текста романа, чтобы доказать, что он является постмодернистским произведением. Затем исследователь установил, что Пелевин использует в тексте нарративные игры для выражения своего метафизического взгляда на иллюзорность мира. Индивидуальное повествование главного героя, Петра Пустоты, обладает игровыми характеристиками постмодернистских текстов. Увлечение сочетанием реальности и фантазии является отличительной чертой русской постмодернистской литературы [\[14\]](#).

Стоит упомянуть, что автор «Исследования» предположил, что существует в некоторой степени неправильное толкование пелевинского понимания дзен-буддизма. Пелевин использует глиняный пулемет как оружие – достаточно было навести его на цель, и предмет или человек исчезали бесследно, как будто их и не было. Оказалось, что глиняный пулемет это – мизинец Будды Анагамы, к которому приделан глиняный приклад. Будда Анагама не тратил много времени, разъясняя людям природу вещей – ему было достаточно навести мизинец левой руки, и тут же указанная им вещь показывала свою истинную природу – пустоту. Глиняный пулемет в романе Пелевина подразумевает пустоту вещей и иллюзорность мира. Такое понимание построено на неправильном толковании «пустоты» в дзен-буддизме, где она означает не пустоту материальных вещей на бытовом уровне, а отсутствие постоянного и непреходящего существа, или сущности. При этом пустота относится не только к внешнему миру, но и к самому человеку: она проявляется в том, что он оказывается лишенным постоянства. Однако в романе глиняный пулемет укажет цель и раскроет суть предмета или человека

– исчезновение в ничто. На самом деле, это непонимание термина «пустота».

Следует сказать, что «Исследование» полно философских размышлений – его автор, учёный Чжэн Юнван, является экспертом не только в теории постмодернизма, но и в буддистском учении. Он глубоко проанализировал элементы дзен-буддизма, использованные Пелевиным, и логически подтвердил правильность определения романа как постмодернистского литературного произведения [\[11, с. 107\]](#). Автор монографии в определенной степени признает идею, что «мир – иллюзия», «мир – мираж». Вся книга написана в постмодернистском духе. Увлечённость и личная заинтересованность учёного, который интерпретирует роман на метафизическом уровне, делают монографию настолько яркой и оригинальной, что её обязательно стоит прочитать.

В книге «Реальность и иллюзия – художественная картина постмодернистских романов Виктора Пелевина» (2012 г.) (далее «Картина») объектом исследования стали такие произведения В. Пелевина, как «Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота» и «Generation "П"». В монографии анализируются реальные и иллюзорные картины, изображенные в романе. Автор считает, что Пелевин создал миф о современной русской литературе. Он является культурным символом постсоветской эпохи. Его творениям удастся соединить русскую историю и культуру с современной российской социальной реальностью. Они не только демонстрируют переосмысление Пелевиным истории и культуры своей Родины, но и наполнены глубокими размышлениями писателя о настоящем и будущем России. Пелевин сознательно нарушает языковые табу, установленные в традиционном литературном творчестве, тем самым ярко воспроизводя жизненный дискурс людей из всех слоёв общества, объективно отражая изменение и развитие языка в новую эпоху [\[7\]](#).

В данный момент в Китае творчеству Пелевина посвящена кандидатская диссертация «Проблема Восток–Запад в прозе В. О. Пелевина в ракурсе семиотики культуры». Её автор, учёный Кун Лиин, обращает внимание на семиотику культуры Ю. М. Лотмана, обобщает характеристики семиосфер русской, восточной и западной культур. Автор полагает, что проблема Восток–Запад в прозе Пелевина трансформируется в семиосферы восточной и западной культур. На основе семиотики культуры Ю. М. Лотмана с помощью западных постмодернистских теорий, а также теорий восточной философии выявляется смысл столкновения и обмена между семиосферами различных культур, проводятся поиски персонажей на границе разных культур. По мнению исследователя, Пелевин использует постмодернистский абсурд и языковые игры для размышлений о проблеме человечности, а также для поисков первоисточника жизни и дальнейшего пути развития России [\[5\]](#).

Основные направления научных исследований в китайской академической среде

Все больше китайских ученых обращают внимание на важность творчества В. Пелевина и художественную ценность его произведений. В дополнение к вышеупомянутым монографиям и докторским диссертациям, количество магистерских диссертаций и научных статей в китайском академическом сообществе, посвящённых В. Пелевину и его творчеству, увеличивается год от года. Исследования можно разделить на несколько общих направлений.

1. В. Пелевин и постмодернизм

Чжэн Юнван «Исследование постмодернистских маркеров романа Пелевина “Чапаев и Пустота”» – учёный считает, что творчество Пелевина обладает постмодернистскими

чертами благодаря писательской стратегии «псевдомоветон» (pseudomauvais) и использованию образов реальных вещей, таких как поезд, для метафорического выражения иллюзорности мира [\[15, с. 34\]](#).

Кун Лиин «Исследование интертекстуальности в романе Виктора Пелевина "Generation П"» – основываясь на теории интертекстуальности, автор анализирует интертекстуальные связи между романом и другими текстами, которые обнаруживаются в таких приёмах, как цитирование, намёк, пародия, коллаж и т. д. В статье также определяются значение и эстетические функции интертекстуальности в романе [\[4, с. 65\]](#).

Чжэн Сяотин «Виктор Пелевин и восточный постмодернизм» – учёный полагает, что современный русский писатель Виктор Пелевин объединил «постмодерн» с «восточностью». Цель Пелевина – осуществить уникальный эксперимент в области постмодернистского творчества, сфокусированного на Востоке. Восточный постмодернизм Пелевина невозможно изучить исключительно в рамках русской литературной критики и литературоведения, поскольку он внёс значительный вклад в переосмысление восточной когнитивной парадигмы. Творчество Пелевина способствует развитию литературного диалога между Востоком и Западом [\[13, с. 68\]](#).

2. Восточные элементы в творчестве В. Пелевина

Ван Шуфу «Восточная иллюзия в русской литературе: образ Китая в романах В. Пелевина» – учёный отмечает, что в интерпретации китайских культурных элементов Пелевин не всегда точно передаёт оригинальный текст и его смысл. У писателя есть и разумная интерпретация, и собственные обработки, и ненамеренное ошибочное понимание, и нарочитое неверное толкование. С позиций Запада Пелевин описывает воображаемый экзотический Восток. Цель писателя заключается в использовании восточных элементов для подчёркивания преимуществ Запада перед Востоком и компенсации недостатков Запада сильными сторонами Востока [\[2, с. 18\]](#).

Ши Сицян «Русская мечта в Нанькэ о Китае: китайские элементы в "СССР Тайшоу Чуань" Виктора Пелевина» – учёный указывает, что китайские культурные элементы – это не только художественные средства, с помощью которых Пелевин отражает реалии зарубежного мира, но и один из важнейших способов построения его литературной империи. Рассказ Пелевина «СССР Тайшоу Чжуань» включает в себя *南柯一梦* (китайская идиома, сон царства Нанькэ), *蚂蚁缘槐* (китайская идиома, муравьи поползли вверх и вниз по дереву баньянов), *万物皆空* (всё пустота) и другие элементы китайской культуры. С помощью этих элементов писатель строит в романе уникальную поэтическую конструкцию и выражает своё философское понимание мира. Пелевин использует структуру китайской легенды династии Тан, чтобы рассказать историю России, демонстрируя глубокое понимание и уникальное представление китайской культуры, а также в определённой степени отражая универсальные ценности и философский подтекст элементов китайской культуры [\[16, с. 58\]](#).

Цинь Жуйцзы «О влиянии южной школы дзен-буддизма на творчество В. Пелевина – на примере "Чапаев и Пустота"» – учёный отталкивается от взаимосвязи между идеями южной школы дзен-буддизма и содержанием романа, анализирует влияние китайского дзен-буддизма на картину мира, отражённую в романе, образы персонажей и манеру повествования. Пелевин не отказался от воспитательной роли традиционной русской литературы. С точки зрения буддийского идеалистического мировоззрения писатель исследовал происхождение мира, отделял реальность от иллюзии и интерпретировал

духовный кризис и массовое замешательство, от которых страдали люди в постсоветскую эпоху [\[9, с. 75\]](#).

3. Антиутопические идеи в творчестве В. Пелевина

Вэнь Юйся «Комплекс "Антиутопия" в постмодернистском контексте: пейзаж творчества В. Пелевина» – учёный подчеркивает, что Пелевин через свои романы раскрывает фальшь утопических идеалов и их негативные последствия, показывая экзистенциальную растерянность, которую этот псевдоидеализм принес российскому обществу, и ту психологическую тень, которую он отбрасывает на современного человека. Писатель изображает растерянность, страх и тревогу российского общества под воздействием сильной мировой культуры [\[3, с. 11\]](#).

Цзян Лэй «Против утопии консюмеризма: исследование романа Виктора Пелевина "Generation П"» – учёный выбирает «Generation "П"» Пелевина в качестве объекта исследования. Он считает, что эта книга является предсказанием, предупреждением, выражает зародившееся у современных русских интеллектуалов беспокойство в связи с наступлением эпохи потребления, демонстрируя сильную антипотребительскую утопическую идею [\[10, с. 101\]](#).

Чжу Тао «Утопия или антиутопия? – О стилистическом споре романа В. О. Пелевина "SNUFF"» – учёный считает, что в этом произведении Пелевин смело прорывается через традиционные для утопических и антиутопических романов методы изображения, сознательно стирая границы между ними, чтобы эффективно вобрать в себя преимущества двух жанров и максимально сосредоточить внимание читателя на реальности и стоящих за ней всевозможных парадоксах и абсурдах, так что произведение наполнено противоречиями между реальным и иллюзорным, добром и злом [\[12, с. 47\]](#).

4. Другие аспекты исследований В. Пелевина

Янь Мэйпин «Гуманистические перспективы искусственного интеллекта в "IPhuck 10"» – учёный использует произведение «IPhuck 10» в качестве анализируемого текста, чтобы исследовать размышления писателя о гуманистических проблемах, возникающих в связи с развитием искусственного интеллекта. Он выявляет творческую позицию писателя через анализ текста с помощью методов исследования цифровых гуманитарных наук: во-первых, ИИ имеет постмодернистскую специфику и является своего рода виртуальной реальностью; во-вторых, развитие самосознания ИИ может привести к конфронтации между искусственным интеллектом и человеческим разумом [\[17, с. 120\]](#).

Фэн Сюэ «Пространственное письмо в постмодернистских романах В. Пелевина» – учёный выдвигает гипотезу о том, что пространство – это не только место, где происходят события, но и отражение внутреннего мира персонажей. Пространство в творчестве Пелевина – это своего рода плавающее пространство сознания, метафора блуждающей судьбы современных людей, потерявших основу существования [\[8, с. 84\]](#).

Кун Лиин «Исследование границы: кризис идентичности в романах В. Пелевина» – исследователь отмечает, что кризис идентичности человека и даже всей страны, вызванный проблемой выбора ориентира – восточного или западного пути развития, в полной мере отразился в романах известного современного русского писателя-постмодерниста В. Пелевина. В произведениях писателя многие герои застигнуты врасплох масштабными социальными изменениями в переходный период, в результате

чего перед ними встают вопросы «Кто я?» «Где я?». Они никак не могут найти своего места в мире. Персонажам присущи типичные характеристики современного «лишнего человека» и «маленького человека» [\[6, с. 69\]](#).

Заключение

Виктор Пелевин – постмодернистский писатель, который уделяет значительное внимание восточной культуре. Восточные элементы в романах В. Пелевина – это художественная оценка и интерпретация восточной культуры с позиций русской литературы и культуры, это символическое конструирование и представление воображаемой восточной, в частности китайской, культуры. Творчество Пелевина обладает ярко выраженным национальным оттенком, при этом он рассматривает китайскую культуру как экзотическую чужую землю с западной точки зрения, что отражается в его суждениях и интерпретациях китайских культурных реалий, которые несут явные следы российской массовой культуры.

В данной статье приведён лишь общий обзор восприятия творчества В. Пелевина и результатов изучения китайскими исследователями его произведений. Многие книги Пелевина ещё не встречались с китайскими читателями, поскольку их перевод на китайский язык – долгий и непростой процесс. В. Пелевин, в качестве выдающегося русского писателя, привлекает внимание китайских читателей и исследователей как своей художественной ценностью, так и элементами восточной философии и китайской культуры, присутствующими в его произведениях. Его романы подобны призме, через которую русскому читателю открывается Восток, а китайскому – Россия.

Библиография

1. Ван Шуфу. Виктор Пелевин: типичный образец постсоветской литературы // Русская литература и искусство. (王树福. 佩列文:一个后苏联时期的文学标本 // 俄罗斯文艺). 2013. №3. С. 36-43.
2. Ван Шуфу. Восточная иллюзия в русской литературе: образ Китая в романах В. Пелевина // Новые перспективы мировой литературы. (王树福. 俄罗斯文学的东方幻象:佩列文小说中的中国形象 // 外国文学动态). 2013. №3. С. 18-21.
3. Вэнь Юйся. Комплекс «Антиутопия» в постмодернистском контексте: пейзаж творчества В. Пелевина // Русская литература и искусство. (温玉霞. 后现代语境下的“反乌托邦”情结——维·佩列文的小说创作图景 // 俄罗斯文艺). 2010. №1. С. 11-17.
4. Кун Лин. Исследование интертекстуальности в романе Виктора Пелевина «Generation П» // Изучение Сибири. (孔俐颖. 佩列文小说《“百事”一代》互文性解读 // 西伯利亚研究). 2019. №2. С. 65-70.
5. Кун Лин. Проблема Восток-Запад в прозе В. Пелевина в Ракурсе Семиотики Культуры: Дис. ... канд. филол. наук. – Пекинский университет иностранных языков, 2021. 160 с. (孔俐颖. 文化符号学视域下佩列文小说中的东西方问题研究. 博士论文). 北京外国语大学. 2021. 160 с.
6. Кун Лин. Исследование границы: кризис идентичности в романах В. Пелевина // Современная зарубежная литература. (孔俐颖. 边界地带的求索——佩列文小说中的身份认同危机 // 当代外国文学). 2023. №1. С. 69-76.
7. Ли Синьмэй. Реальность и иллюзия – художественная картина постмодернистских романов Виктора Пелевина. – Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2012. 222с. (李新梅. 现实与虚幻——维克多·佩列文后现代主义小说的艺术图景). 复旦大学出版社. 2012. 222 с.
8. Фэн Сюэ. Пространственное письмо в постмодернистских романах В. Пелевина //

- Новые перспективы мировой литературы. (冯雪. 佩列文后现代主义小说的空间书写 // 外国文学动态研究). 2019. №1. С. 84-94.
9. Цинь Жуйцзи. О влиянии южной школы дзен-буддизма на творчество Пелевина – на примере «Чапаев и Пустота» // Журнал Цзямусийского профессионального института. (秦睿梓. 论中国南派禅宗哲学对佩列文创作的影响——以《夏伯阳与虚空》为例 // 佳木斯职业学院学报). 2018. №3. С. 75-76.
 10. Цзян Лэй. Против утопии консюмеризма: исследование романа Виктора Пелевина «Generation П» // Современная зарубежная литература. (姜磊. 佩列文《百事一代》反消费乌托邦思想研究 // 当代外国文学). 2016. №3. С. 101-108.
 11. Чжан Синь. Глубокая интерпретация постмодернистских текстов – рецензия на «Игра · Дзен · Постмодерн» // Русская литература и искусство. (张馨. 对后现代文本的深度解读——评<游戏·禅宗·后现代> // 俄罗斯文艺). 2008. №1. С. 105-107.
 12. Чжу Тао. Утопия или антиутопия? – О стилистическом споре романа В. О. Пелевина «S.N.U.F.F.» // Русская литература и искусство. (朱涛. 乌托邦抑或反乌托邦?——论维·佩列文小说《S.N.U.F.F.》的文体之争 // 俄罗斯文艺). 2018. №1. С. 47-53.
 13. Чжэн Сяотин. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм // Новые перспективы мировой литературы. (郑晓婷. 维克多·佩列文与东方后现代主义 // 外国文学动态研究). 2022. №1. С. 68-76.
 14. Чжэн Юнван. Игра · Дзен · Постмодерн – исследование постмодернистской поэтики В. Пелевина. Пекин: Издательство народная литература, 2006. 284 с. (郑永旺. 游戏·禅宗·后现代——佩列文后现代主义诗学研究). 北京:人民文学出版社, 2006. 284 с.
 15. Чжэн Юнван. Исследование постмодернистских маркеров романа Пелевина «Чапаев и Пустота» // Иностранные языки и литература. (郑永旺. 佩列文的小说《夏伯阳与虚空》的后现代主义标记研究 // 外国语文). 2008. №2. С. 34-38.
 16. Ши Сицян. Русская мечта в Нанькэ о Китае: китайские элементы в «СССР Тайшоу Чуань» Виктора Пелевина // Современная зарубежная литература. (史思谦. 一个俄国人的中国南柯梦——论佩列文《苏联太守传》中的中国文化元素 // 当代外国文学). 2018. №4. С. 58-64.
 17. Янь Мэйпин. Гуманистические перспективы искусственного интеллекта в «IPhuck 10» // Новые перспективы мировой литературы. (阎美萍. «IPhuck 10»对人工智能的人文反思 // 外国文学动态研究). 2021. №3. С. 120-127

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Виктора Пелевина – русского писателя-постмодерниста – привлекает внимание как российских, так и зарубежных исследователей. Действительно, проза данного автора универсальна, ибо он использует в своих текстах знаки разных культур, различных социальных этносов. Перевод романов В.О. Пелевина на иностранные языки затруднено, однако, вполне удачно получается это сделать в ходе конструктивной и достаточно долгой работы. Рецензируемый труд является более описательным, нежели аналитическим, но этот факт не снижает его актуальности, значимости. Автор статьи обращает внимание на проблему восприятия наследия Виктора Пелевина в Китае. Отмечу, что данное сочинение имеет компилятивный характер, оно несколько формально, но и подобный тип исследований имеет место быть в научной среде. Думаю, что не так критично, например, выглядят следующие фрагменты: «Виктор Олегович

Пелевин – один из самых влиятельных и популярных современных русских писателей, представитель русского постмодернизма, который является автором наибольшего количества бестселлеров среди современных русских писателей. Его произведения переведены на многие языки», или «в книге «Реальность и иллюзия – художественная картина постмодернистских романов Виктора Пелевина» (2012 г.) (далее «Картина») объектом исследования стали такие произведения В. Пелевина, как «Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота» и «Generation "П"». В монографии анализируются реальные и иллюзорные картины, изображенные в романе. Автор считает, что Пелевин создал миф о современной русской литературе. Он является культурным символом постсоветской эпохи. Его творениям удается соединить русскую историю и культуру с современной российской социальной реальностью. Они не только демонстрируют переосмысление Пелевиным истории и культуры своей Родины, но и наполнены глубокими размышлениями писателя о настоящем и будущем России» и т.д. Основное внимание исследователя приковано к наиболее значимым наработкам китайских филологов: «вместе с постоянным выпуском переводов произведений В. Пелевина на китайский язык развиваются и углубляются исследования китайского академического сообщества, посвященные его творчеству. В настоящее время в Китае изданы две монографии: «Игра • Дзен • Постмодерн – исследование постмодернистской поэтики В. Пелевина» (2006 г.) и «Реальность и иллюзия – художественная картина постмодернистских романов Виктора Пелевина» (2012 г.)». Думаю, что подобная разверстка объективна, и российский читатель сможет с интересом познакомиться с сутью, задачами указанных монографий. На мой взгляд, стиль статьи все же ориентирован на собственно научный тип, но иногда встречаются в тексте т.н. сбивы, нарушение логики ведения оценки, языковые неточности. Формальный стандарт научного изыскания выдержан, хорошо, что текст дробиться на смысловые фрагменты, это позволяет несколько дифференцировать значимые для автора точки. Позиция исследователя вполне верифицирована, серьезных нарушений на этом уровне не выявлено. Собственно оценочные части выглядят убедительно: например, «Чжэн Юнван «Исследование постмодернистских маркеров романа Пелевина "Чапаев и Пустота"» – учёный считает, что творчество Пелевина обладает постмодернистскими чертами благодаря писательской стратегии «псевдомоветон» (pseudomauvais) и использованию образов реальных вещей, таких как поезд, для метафорического выражения иллюзорности мира», или «Кун Лиин «Исследование интертекстуальности в романе Виктора Пелевина "Generation П"» – основываясь на теории интертекстуальности, автор анализирует интертекстуальные связи между романом и другими текстами, которые обнаруживаются в таких приёмах, как цитирование, намёк, пародия, коллаж и т. д. В статье также определяются значение и эстетические функции интертекстуальности в романе», или «Ван Шуфу «Восточная иллюзия в русской литературе: образ Китая в романах В. Пелевина» – учёный отмечает, что в интерпретации китайских культурных элементов Пелевин не всегда точно передаёт оригинальный текст и его смысл. У писателя есть и разумная интерпретация, и собственные обработки, и ненамеренное ошибочное понимание, и нарочитое неверное толкование. С позиций Запада Пелевин описывает воображаемый экзотический Восток. Цель писателя заключается в использовании восточных элементов для подчёркивания преимуществ Запада перед Востоком и компенсации недостатков Запада сильными сторонами Востока» и т.д. Работа имеет завершённый вид, основная цель исследования достигнута; поставленный вектор задач решен. Тема работы соотносится с одной из рубрик журнала. Итоговый блок созвучен основной части. Автор отмечает, что «Виктор Пелевин – постмодернистский писатель, который уделяет значительное внимание восточной культуре. Восточные элементы в романах В. Пелевина – это художественная оценка и интерпретация

восточной культуры с позиций русской литературы и культуры, это символическое конструирование и представление воображаемой восточной, в частности китайской, культуры. Творчество Пелевина обладает ярко выраженным национальным оттенком, при этом он рассматривает китайскую культуру как экзотическую чужую землю с западной точки зрения, что отражается в его суждениях и интерпретациях китайских культурных реалий, которые несут явные следы российской массовой культуры...». Список источников полновесен, правка данной части излишня. Считаю, что статья «Восприятие В. Пелевина и изучение его творчества в Китае» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Повалко П.Ю., Чжан Ц., Ван Ч. — Письменная коммуникация на китайском языке в кампусе интернационального университета // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.44083 EDN: YZCZHT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44083

Письменная коммуникация на китайском языке в кампусе интернационального университета

Повалко Полина Юрьевна

ORCID: 0000-0002-4278-3408

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ povalko-pyu@rudn.ru

Чжан Цзясянь

магистр, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1032229207@rudn.ru

Ван Чжиин

магистр, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1032229599@rudn.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.44083

EDN:

YZCZHT

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2023

Дата публикации:

05-10-2023

Аннотация: В статье рассматривается место и роль китайского языка в языковом ландшафте кампуса Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Предметом исследования выступают письменные публичные тексты на китайском языке, размещённые на территории кампуса университета (объявления, вывески, плакаты и пр.). Собранный методом сплошной выборки материал был проанализирован с позиций адресантов текстов, их тематики и полиязычности, а также оценен с точки зрения соблюдения норм китайского языка в текстах объявлений. Эффективность китаеязычной письменной коммуникации была оценена с помощью опроса студентов, говорящих на китайском языке. Описано место китайского языка в языковом ландшафте университетского кампуса; отмечено, что письменная коммуникация на китайском языке на территории кампуса играет важную роль как в образовательном процессе, так и в обиходно-бытовом взаимодействии. Вместе с тем, сделаны выводы о недостаточной представленности и ограниченном тематическом разнообразии китаеязычных текстов. Предложены рекомендации по совершенствованию письменной коммуникации на китайском языке, которые помогут оптимизировать процесс адаптации студентов из Китая, повысить уровень их информированности, что в целом положительно скажется на эргономичности коммуникативного пространства, а также повысит статус китайского языка в языковом ландшафте международно ориентированного университета.

Ключевые слова:

интернациональный кампус, университетский кампус, языковой ландшафт, письменная коммуникация, коммуникативное пространство, межкультурная коммуникация, международно ориентированный университет, эргономичность коммуникативного пространства, мультязычность, китайский язык

Публикация выполнена в рамках проекта 050223-0-000 «Языковой ландшафт и дискурсивные практики кампуса интернационального вуза».

Введение

В Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) обучаются студенты из более чем 160 стран, которые являются носителями различных лингвокультур, что делает кампус университета многоязычным поликультурным пространством с уникальным языковым ландшафтом. На территории кампуса, помимо русского языка как государственного языка РФ и официального языка образования, функционируют иностранные языки: английский, французский, арабский, испанский, персидский, китайский и др. По данным официального сайта, в РУДН обучаются около 11 тысяч иностранцев, из них почти 1100 — студенты из Китая, что составляет 10% от общего числа. Поэтому китайский язык является одной из важных составляющих коммуникативного пространства интернационального кампуса РУДН, а его появление в языковом ландшафте университета может быть оценено с позиций «статуса языка, демографической и институциональной мощи этноса» [1: 27], а также его «силы, власти, статуса, значимости и жизнеспособности на данной территории» [2: 301].

Роль отдельного языка в формировании полилингвального языкового ландшафта изучалась как зарубежными, так и отечественными учёными. Отметим работы А. Павленко [3] и Дж. Дженкинс, А. Моранен (J. Jenkins, A. Mauranen) [4], которые

обеспечивают методологическую основу таких исследований, а также труды российских и китайских учёных, посвящённые изучению роли китайского языка в лингвистических ландшафтах городов [\[5, 6, 7, 8, 9, 10 и др.\]](#) и образовательных учреждений [\[11, 12, 13, 14, 15 и др.\]](#). Установлено, что использование китайского языка в иноязычном коммуникативном пространстве помогает китайским студентам сохранять и выражать свою идентичность, подчеркивает социальную активность китайского языкового сообщества, демонстрирует его статус на исследуемой территории.

В данной статье будет исследована письменная коммуникация на китайском языке, представленная визуальными публичными текстами: объявлениями, вывесками, плакатами, надписями и др. Отметим, что данный вопрос является одной из задач, решаемых в рамках многоаспектного исследовательского проекта по изучению языкового ландшафта кампуса интернационального университета, который реализуется на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы [\[16; 17\]](#).

Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей письменной коммуникации на китайском языке в коммуникативном пространстве интернационального университета на примере кампуса РУДН.

Для достижения этой цели методом сплошной выборки были собраны все тексты на китайском языке или с его использованием, «расположенные снаружи или внутри публичного учреждения» [\[18: 14\]](#), то есть объектов кампуса РУДН. Собранный материал был проанализирован с позиций адресантов текстов, тематики и полиязычности; помимо этого, тексты объявлений были изучены и оценены с точки зрения правильности их перевода с соблюдением всех норм китайского языка. Кроме того, для оценки эффективности письменной китаеязычной коммуникации было проведён опрос студентов, которые говорят на китайском языке. Полученные результаты могут внести вклад в изучение языкового ландшафта кампуса интернационального вуза (РУДН), в исследования по межкультурной коммуникации в российских вузах и в практику преподавания русского языка как иностранного китайским студентам.

Результаты

На территории кампуса РУДН объявления на китайском языке встречаются гораздо реже, чем на русском и английском языках (был обнаружен 41 текст), поскольку такие объявления ориентируются на определённый круг адресатов информации — носителей китайского языка и изучающих китайский язык как иностранный. Известно, что выбор того или иного языка в публичных текстах осуществляется с целью охватить определённую аудиторию и исключить другую [\[19\]](#).

Классификация объявлений на китайском языке проводится в соответствии со следующими параметрами: адресант (официальный или неофициальный текст); тематика; полиязычность / моноязычность. Кроме того, оценивалось полнота и качество перевода текста на китайский.

Создатели языкового ландшафта, или адресанты текстов, выделяются как его ключевая характеристика [\[18: 20\]](#). Так, исследователи классифицируют публичные тексты как «идущие сверху вниз» (top-down), т. е. установленные властями, и как «идущие снизу вверх» (bottom-up), т. е. установленные частными лицами [\[18\]](#). В образовательном контексте мы можем говорить о текстах, создаваемых администрацией университета, и о текстах, адресантами которых выступают преподаватели и студенты РУДН. Как показал

материал исследования, все объявления на китайском языке создаются администрацией университета. Кроме того, были обнаружены тексты, адресантами которых выступили внешние по отношению к РУДН субъекты, такие объявления носят преимущественно рекламный характер.

По содержанию все объявления на китайском языке на территории кампуса можно разделить на 5 групп: объявления о правилах безопасности, рекламные объявления, приглашения, информационные объявления и просьбы.

Все объявления о мерах безопасности (см. Рис.1, Рис. 2) на китайском языке размещены по этажам общежития. Кроме того, можно увидеть эвакуационный знак на китайском языке «紧急出口», то есть «указатель запасного выхода» (см. Рис. 3), расположенный в учебном корпусе естественно-гуманитарных факультетов (ЕГФ), в Институте русского языка, Институте иностранных языков и т. д. Стоит отметить, что такие объявления всегда размещены не отдельно, а параллельно с объявлениями на других языках, таких как французский, испанский и арабский, что формирует полиязычную картину.

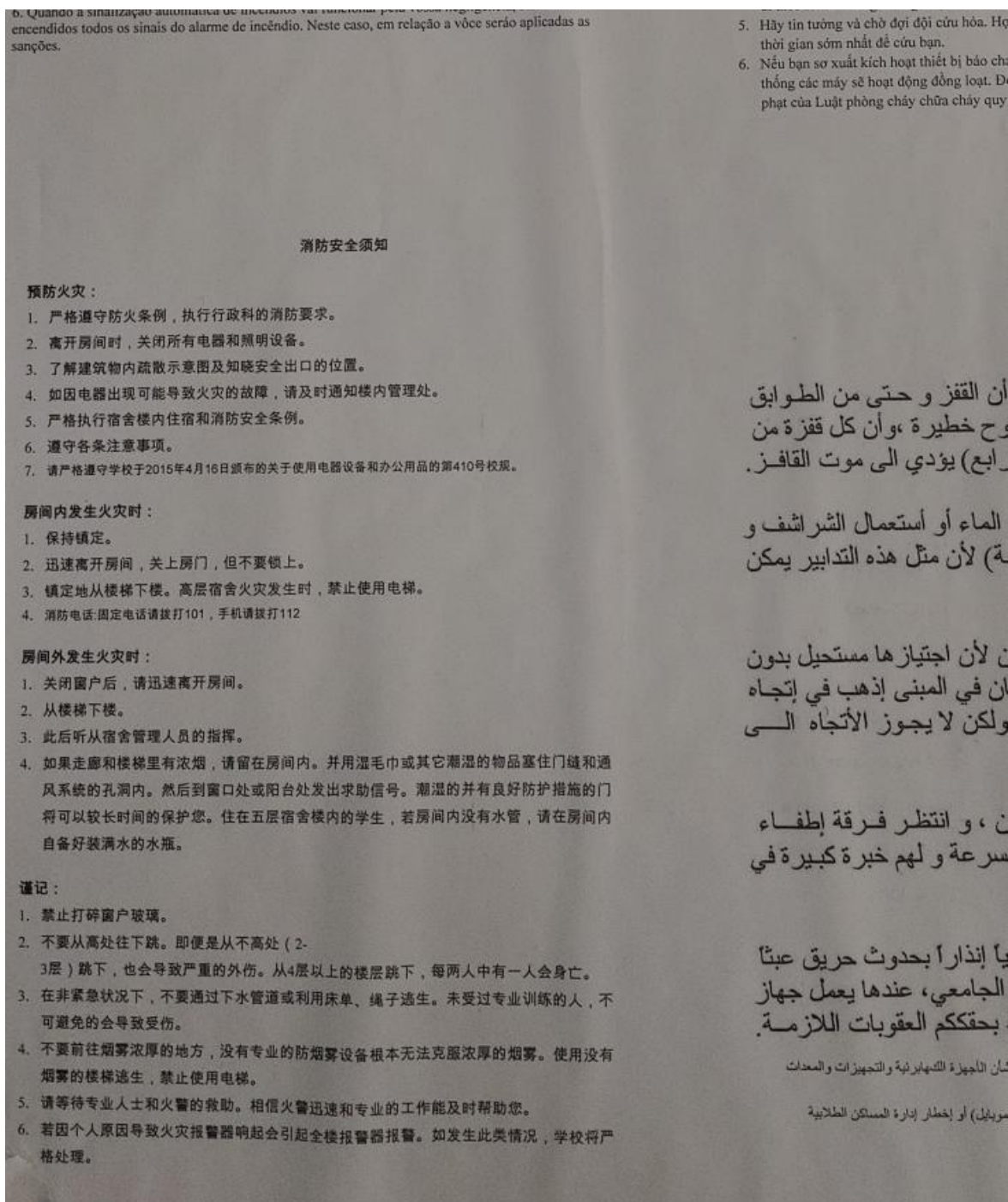

Рис. 1

Fig. 1

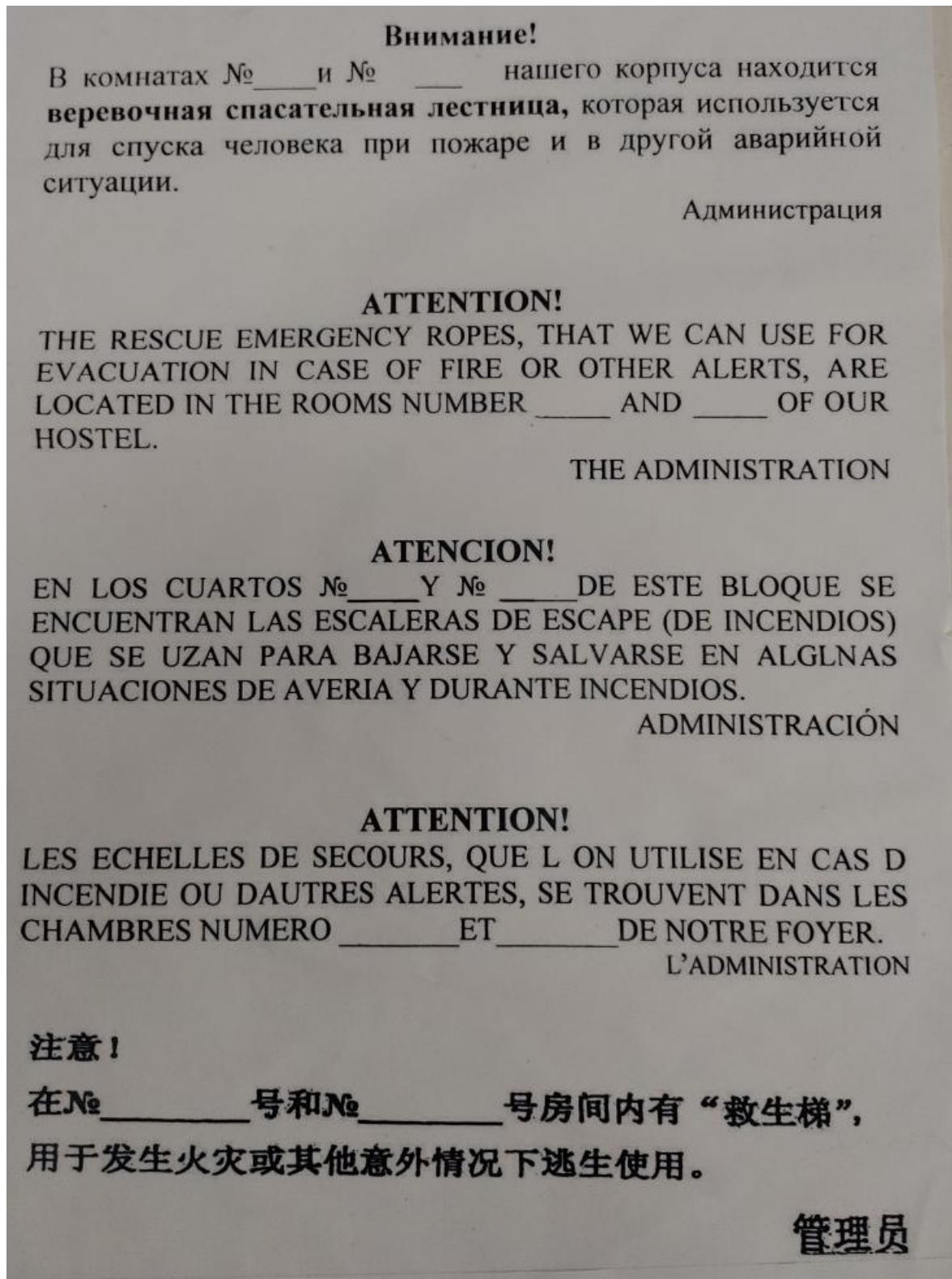

Рис. 2

Fig. 2

Рис. 3

Fig. 3

Educational Holding

我们可以给中国申请人提供什么？

- ✓ 可以以自费或公费形式转到俄罗斯大学
- ✓ 从合同转到预算教育
- ✓ 恢复到同一课程（不需要留级）
- ✓ 转移到另一个教育机构，当然没有损失
- ✓ 可以入读大学的任何专业
- ✓ 协助准备毕业答辩

<https://educational-holding.com/chinese>

仅在收到结果后支付相关服务费用 联系方式:

无需预付款 8 999 968 55 43

gennadevnad@gmail.com

Рис. 4

Fig. 4

Что касается рекламных объявлений, то в кампусе РУДН было обнаружено только два

таких объявления: одно — об оформлении нотариального перевода документов с китайского на русский — находится на цокольном этаже корпуса ЕГФ (см. Рис. 5), другое — о предоставлении услуг помощи в учёбе и поступлении в вузы России — на подготовительном факультете Института русского языка (см. Рис. 4).

Рис. 5

Fig. 5

Как и объявления о правилах безопасности, рекламное объявление подразделения нотариальной конторы на цокольном этаже корпуса ЕГФ содержит текст одновременно на нескольких языках, в том числе на китайском «文件公证翻译» («нотариальный перевод документов»). В первом случае полиязычность обусловлена жизненной необходимостью: объявление, написанное на родном для студентов языке, позволяет им быстро и правильно принять меры для обеспечения безопасности в экстренной ситуации. Во втором случае полиязычная реклама нацелена на более широкий круг потенциальных клиентов — носителей разных языков, в том числе и китайского.

Объявления о режиме работы обычно размещены на дверях кабинетов, однако большинство из них написаны на русском языке, объявление о режиме работы на китайском языке встречается только на двери кабинета «Отдел стран Азии» (см. Рис. 6), где принимают документы азиатских студентов для поступления в РУДН. Помимо этого, в группу информационных объявлений входят объявление о способе контакта с Отделом стран Азии в корпусе ЕГФ (см. Рис. 7), объявление о состоянии китайского языка в мире (см. Рис. 8) и карта Китая на китайском языке в Институте иностранных языков (см. Рис. 9), а также памятка по раздельному сбору мусора в общежитии № 11 (см. Рис. 10; 10.1).

亚洲学生办公室 工作时间:	
日期	时间
星期一	11:00 – 13:00 14:00 – 16:00
星期二	11:00 – 13:00 14:00 – 16:00
星期三	11:00 – 13:00 14:00 – 16:00
星期四	11:00 – 13:00 14:00 – 16:00
星期五	11:00 – 13:00 14:00 – 16:00

Рис. 6

Fig. 6

Рис. 7

Fig. 7

Рис. 8

Fig. 8

Рис. 9

Fig. 9

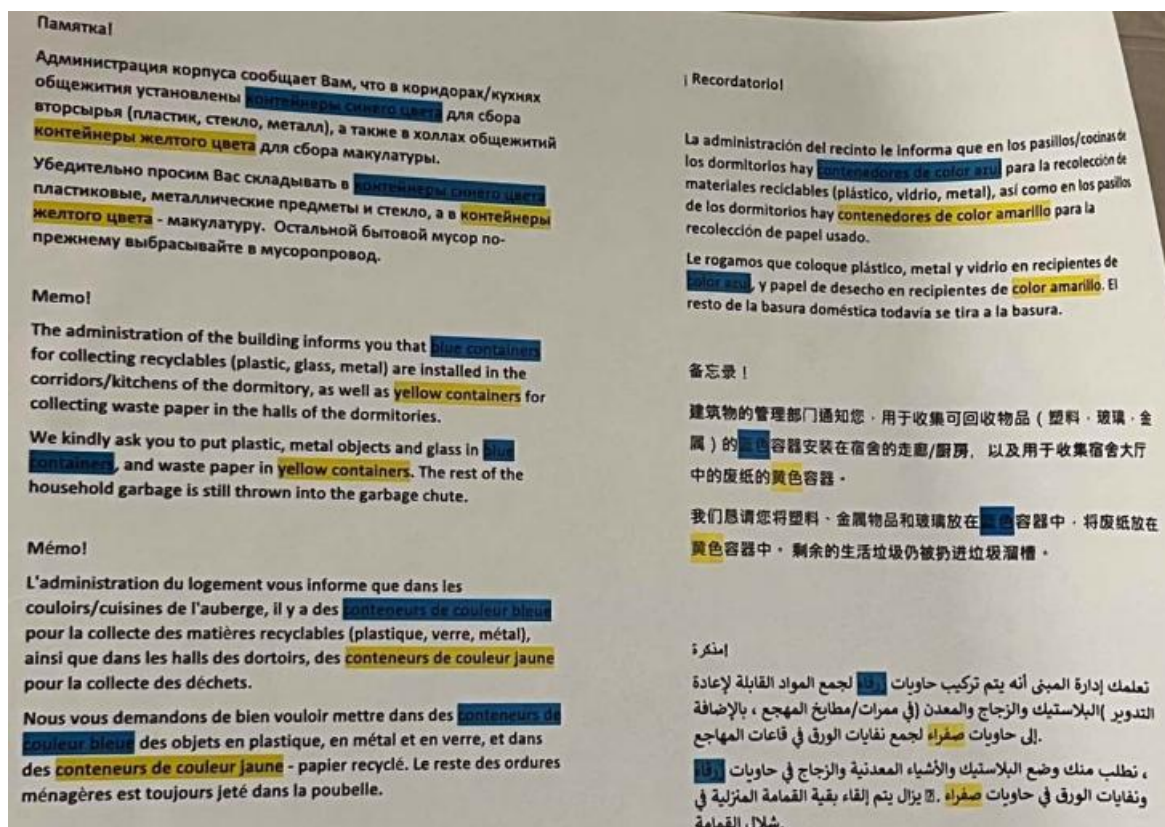

Рис. 10

Fig. 10

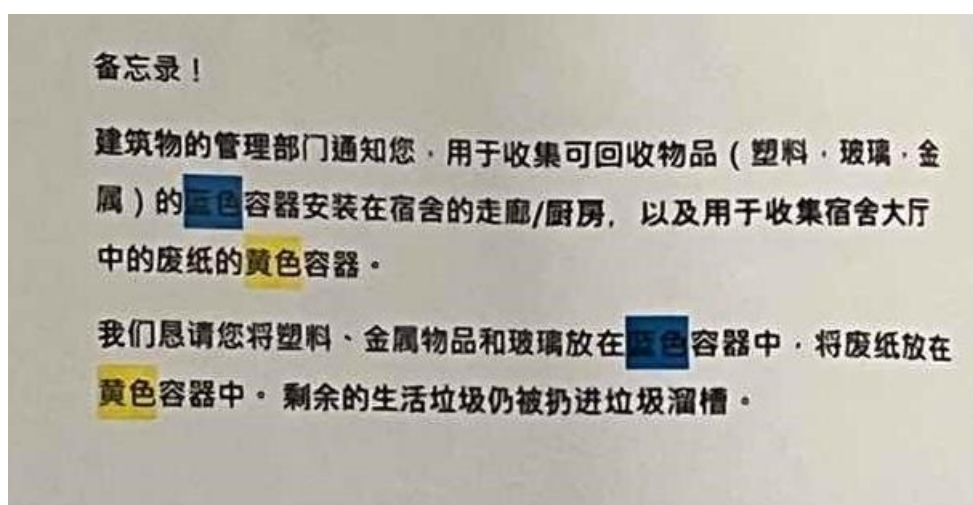

Рис. 10.1

Fig. 10.1

Отметим, что объявление о состоянии китайского языка и памятка о сортировке мусора равным образом характеризуются полилингвальностью. Кроме того, очевидно, что текст второго объявления составлен не носителями китайского языка, поскольку в нём имеются выражения, не соответствующие орфографическим правилам китайского языка. Например, словосочетание администрация корпуса переведено на китайский как 建筑物的管理部门, в то время как правильным выражением является 物业管理部門. В тексте содержится солецизм 用于收集可回收物品(塑料,玻璃,金属)的蓝色容器安装在宿舍的走廊/厨房,以及用于收集宿舍大厅中的废纸的黄色容器, и подходящим вариантом перевода с русского языка на китайский должен быть следующий: 在宿舍走廊和厨房配有用于收集可回收物品(塑料,玻璃,金属)

的蓝色垃圾桶,在宿舍前厅中也配有用于回收废纸的黄色垃圾桶 («... в коридорах/кухнях общежития установлены синие контейнеры для сбора вторсырья (пластик, стекло, металл), а также в холлах общежитий контейнеры жёлтого цвета для сбора макулатуры»). Необходимо отметить, что к данной фразе был применён метод дословного перевода без учёта контекста. Слово *контейнеры* в данном контексте должно быть переведено как *垃圾桶*, то есть 'контейнеры, специально предназначенные для сбора мусора', а не как *容器*, обозначающее контейнеры самого разного назначения, что вызывает искажение смысла. Необходимо также внести исправления в последнее предложение объявления — «*剩余的生活垃圾仍被扔进垃圾溜槽*» — в данном контексте применение пассивного залога и перевод наречия *по-прежнему* на китайский как *仍* не соответствует языковой практике носителей китайского языка. Правильным в данном случае мы считаем такой вариант перевода: «*请将剩余的生活垃圾像往常一样丢入垃圾溜槽中*».

Перейдём к обсуждению объявлений о приглашении. Подобные тексты на китайском языке обнаруживаются на ограниченной территории кампуса – в Институте русского языка и Институте иностранных языков, так как там обучается большая часть китайских студентов, а также студенты, изучающие китайский язык как иностранный.

Необходимо отметить, что некоторые из этих приглашений содержат неточности перевода. Китайский язык по типологической классификации относится к изолирующему типу языков, которые характеризуются отсутствием словоизменения и высокой степенью лаконичности. Этот факт необходимо учитывать при переводе: в данных объявлениях есть несколько лишних иероглифов — для более чёткой и краткой передачи информации их следует удалить.

В качестве примера приведём текст приглашения к участию в волонтерской деятельности (см. Рис. 11), размещённого в Институте русского языка. В названии текста «*交本地的好朋友*» содержатся два лишних элемента: служебное слово *的* и качественное прилагательное *好*. Во-первых, наличие служебного слова *的* в данном тексте не обязательно; во-вторых, в китайском языке не принято говорить «*交好朋友*» («заводить хороших друзей»). Доступными вариантами в данном случае являются выражения «*交朋友*» («заводить друзей») и «*交到好朋友*» («завести хороших друзей»). Глаголы *交* (заводить) и *交到* (завести) различаются по виду: в первом варианте акцент делается на самом действии, в во втором — на результате действия, иными словами, на качестве друзей. Кроме того, фраза «*我们在这有个有好的方法*» представляет собой грамматически неправильное предложение с тремя лишними иероглифами: *在*, *的* и второй *有*. Верный вариант для точного выражения смысла данной фразы таков: «*我们这有个好方法*».

Помимо употребления лишних иероглифов, в объявлении нарушена лексическая сочетаемость: «*完全地介绍自己*» («**полно** рассказать о себе»). Для исправления этой ошибки необходимо заменить наречие *完全地* (*полно*) словом *详细地* (*подробно*).

Кроме того, текст приглашения заканчивается неполным предложением «*Ты встретишь*». Данное объявление отличается от других неполнотой содержания текста.

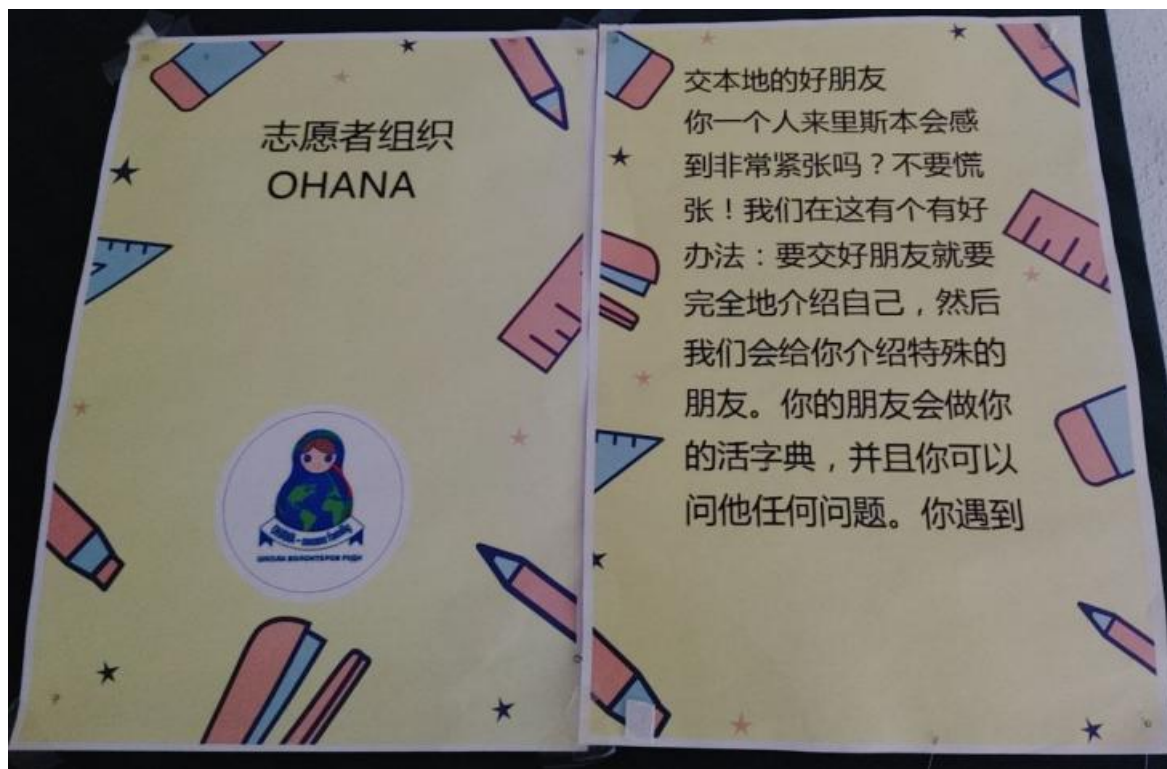

Рис. 11

Fig. 11

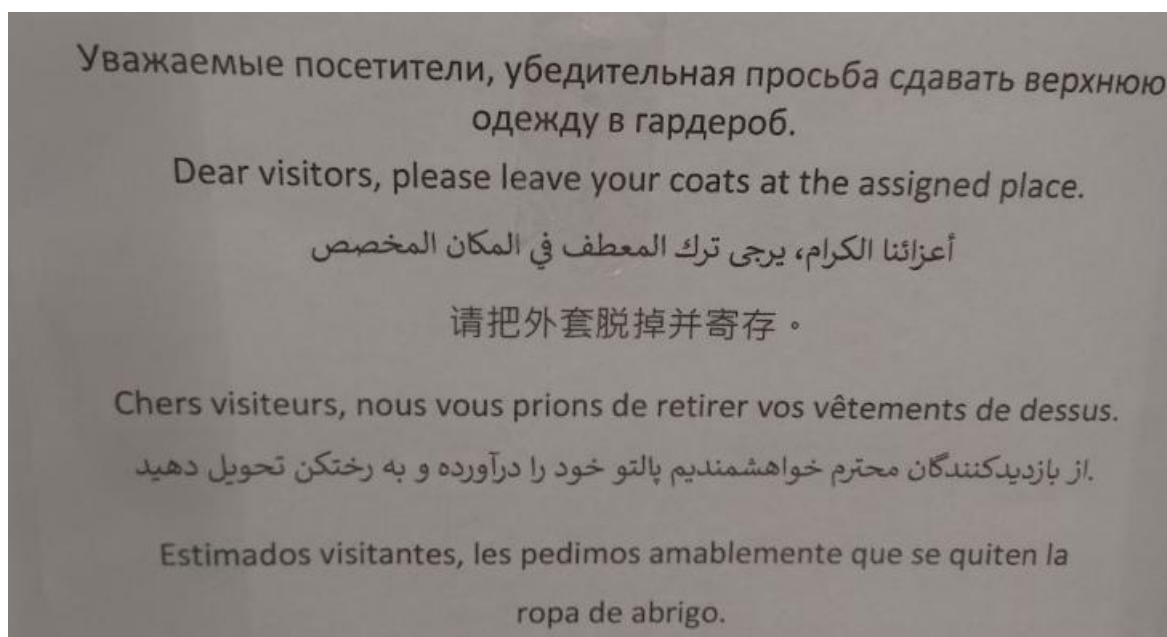

Рис. 12

Fig. 12

На первом этаже Института иностранных языков размещена просьба сдавать верхнюю одежду в гардероб на семи языках, в том числе и на китайском (см. Рис. 12). По сравнению с текстом на русском языке «Уважаемые посетители, убедительная просьба сдавать верхнюю одежду в гардероб», в китайском варианте «请把外套脱掉寄存» («Снимайте верхнюю одежду и сдавайте её на хранение») пропущено обращение к посетителям и место для сдачи одежды, что в определённой степени отличается от оригинала на русском языке.

Перечисленные объявления на китайском языке имеют отношение к организации жизнедеятельности студентов и их внеучебной жизни, тогда как текстов, касающихся учебного процесса, нами обнаружено не было.

Одной из особенностей китаеязычных текстов стало то, что содержание объявлений передаётся в простой словесной форме без особенного дизайна или декоративных элементов. При этом, как было установлено в ходе исследования эргономичности коммуникативного пространства кампуса РУДН [\[21\]](#), использование изображений, крупного шрифта и ярких цветов привлекает внимание студентов и побуждает прочитать объявление.

Для того, чтобы выяснить, каково отношения к китаеязычной письменной коммуникации со стороны её потенциальных адресатов, и установить, в какой степени они удовлетворены количеством и качеством информации на китайском языке на территории кампуса РУДН, был проведён опрос студентов со знанием китайского языка.

В опросе, проведенном с помощью Google.Forms, приняли участие 57 респондентов. Вопросы были составлены с учётом необходимости решения нескольких конкретных задач:

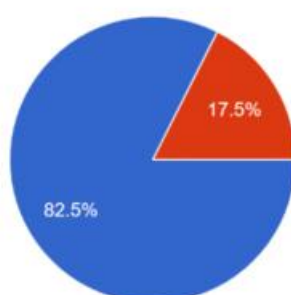
- установить соотношение типов респондентов (носители китайского языка / изучающие китайский язык);
- выяснить, как респонденты оценивают уровень распространённости объявлений на китайском языке на территории кампуса РУДН;
- выяснить, в какой степени у респондентов возникает желание читать увиденные ими объявления на китайском языке;
- установить, насколько участники опроса удовлетворены количеством и качеством перевода текстов объявлений на китайский язык;
- узнать мнения опрошенных о необходимости увеличения количества объявлений на китайском языке;
- выявить типы объявлений, наиболее интересных для информантов.

В соответствии с результатами, 82,5 % участников опроса являются носителями китайского языка, остальные изучают китайский язык как иностранный (см. Рис. 13).

Вы носитель китайского языка или изучаете китайский язык как иностранный?

(请问您是汉语母语者, 还是将汉语作为外语学习?)

(57 条回复)

- Я носитель китайского языка. (我是汉语母语者。)
- Я изучаю китайский язык как иностранный. (我将汉语作为外语学习。)

Рис. 13. Типы респондентов

Fig. 13. Types of respondents

На вопрос «Видели ли Вы на территории кампуса РУДН объявления на китайском языке?» предоставлялись три варианта ответа: «Да, часто сталкиваюсь с объявлениями на китайском языке», «Видел(а), но таких объявлений немного» и «Никогда не видел(а) объявления на китайском языке». Отметим, что среди 57 опрошенных никто не выбрал первый вариант, что объясняется тем, что объявления на китайском языке на территории кампуса РУДН ограничены сферой распространения, о чём было сказано выше (см. Рис. 14). Основная часть респондентов (82,5 %) оценили распространённость текстов на китайском языке как невысокую.

Рисунок 14. Оценка распространённости объявлений на китайском языке на территории кампуса РУДН

Fig. 14. Assessment of the prevalence of Chinese texts on the RUDN campus

Более 80 % участников опроса выразили недовольство имеющимся количеством объявлений на китайском языке (см. Рис. 15); количество респондентов, поддерживающих увеличение количество таких объявлений, составляет 75,4 % (см. Рис. 16).

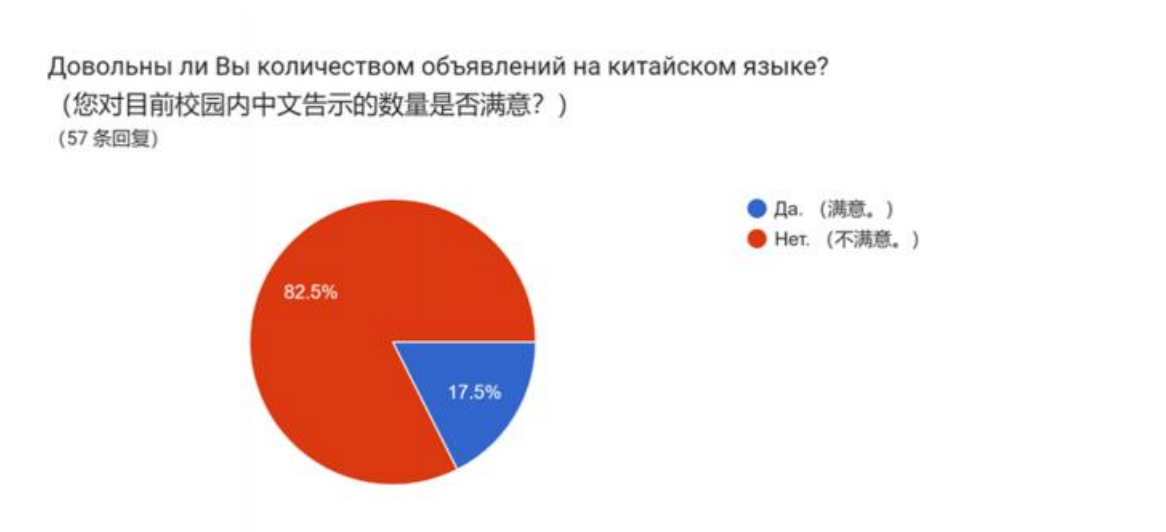

Рисунок 15. Уровень удовлетворённости участников опроса количеством и качеством перевода текстов объявлений

Fig. 15. Level of satisfaction of respondents with the quantity and quality of translation of texts

Рисунок 16. Мнение опрошенных о необходимости увеличения количества объявлений на китайском языке

Fig. 16. Opinion of respondents on the need to increase the number of Chinese texts

Кроме того, исходя из собранных данных, более 98 % опрошиваемых отметили желание прочесть увиденное объявление на китайском языке, и 59,6 % из них читают тексты этих объявлений выборочно (см. Рис. 17). Необходимо отметить, что, несмотря на высокую степень желания участников опроса прочесть увиденные объявления на китайском языке, качество их перевода вызывает недовольство у 84,2 % респондентов (см. Рис. 18).

Рисунок 17. Желание читать увиденные объявления на китайском языке

Fig. 17. Desire to read Chinese texts on the campus

Довольны ли Вы качеством перевода объявлений на китайском языке?
(您对中文告示的翻译质量是否满意?)
(57 条回复)

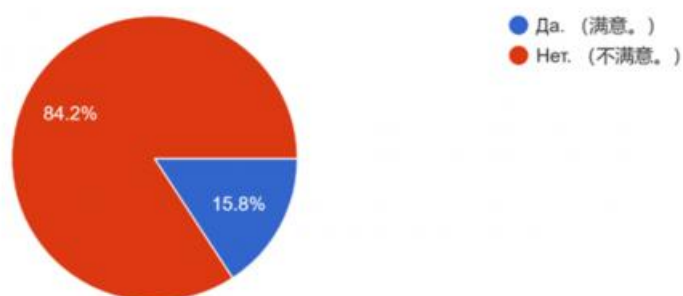

Рисунок 18. Уровень удовлетворённости участников опроса количеством и качеством перевода текстов объявлений

Fig. 18. Level of satisfaction of respondents with the quantity and quality of translation of texts

Также мы классифицировали все размещённые на территории кампуса РУДН объявления на китайском языке, разделив их на 5 групп, и попросили участников выбрать привлекающие их внимание типы объявлений. Большинство опрошиваемых проявляют больший интерес к объявлениям о правилах безопасности и объявлениям информационного характера (см. Рис. 19).

Какие типы объявлений на китайском языке Вас привлекают более других?
(哪种类型的中文告示最吸引您的关注?)
(57 条回复)

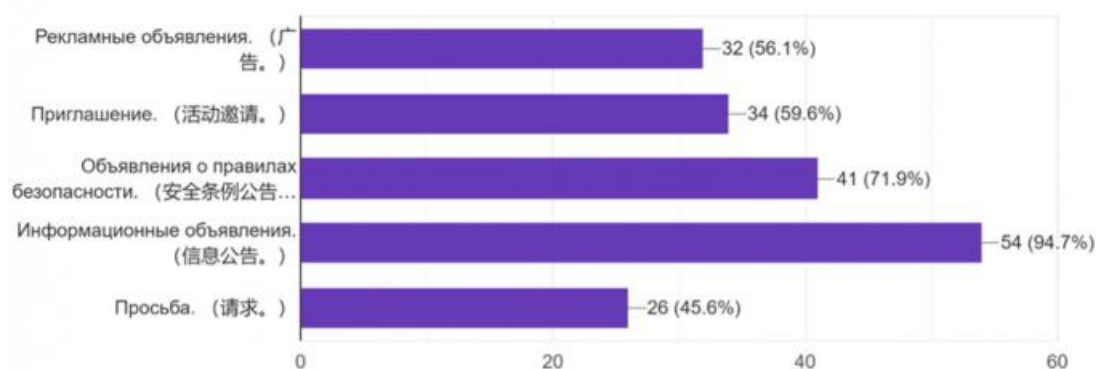

Рисунок 19. Интересующие информантов типы объявлений

Fig. 19. Types of texts that informants are interested in

Результаты опроса позволили выявить возможности для повышения эффективности письменной межкультурной коммуникации на территории кампуса РУДН путём устранения ряда имеющихся проблем, таких как недостаточное количество объявлений на китайском языке, узкий круг их распространения и неточность перевода содержания.

Заключение

В данной статье были проанализированы тексты на китайском языке, размещённые на территории кампуса Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Проведённое исследование позволяет прийти к выводу о том, что письменная коммуникация на китайском языке в кампусе интернационального университета играет важную роль как в образовательном процессе, так и в обиходно-бытовом взаимодействии. Тексты на родном языке позволяют студентам из Китая, особенно тем, кто владеет русским языком на недостаточном уровне, получать необходимую информацию, касающуюся важных сфер жизни, помогают им адаптироваться к чужой культурной среде. Однако существуют возможности для совершенствования качества письменной китаеязычной коммуникации на территории кампуса, а значит — для повышения эргономичности коммуникативного пространства. В частности, необходимо увеличить количественную и тематическую представленность текстов на китайском языке. Например, для того, чтобы помочь студентам, особенно абитуриентам, адаптироваться к новой культурной среде и ознакомиться с учебной системой РФ, необходимо увеличить количество объявлений на китайском языке, содержание которых должно быть связано с такими темами, как условие для получения красного диплома российских вузов, обязательные формальности после прибытия в Россию и т. д.

Библиография

1. Landry R., Bourhis R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16 (1). P. 23–49. DOI:10.1177/0261927X970161002
2. Pütz M. Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology. *Russian Journal of Linguistics*, 2020, 24 (2), 294–324. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324
3. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 493–514. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514.
4. Jenkins J., Mauranen A. (eds.) *Linguistic Diversity on the EMI Campus: Insider accounts of the use of English and other languages in universities within Asia, Australasia, and Europe* (1st ed.). Routledge, 2019. DOI: 10.4324/9780429020865
5. Дубинина М. Н., Колодяжная Д. А. Китайский компонент в лингвистическом ландшафте культурно-исторической части Коломны // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. № 4. С. 1213–1217. DOI: 10.30853/phil210189
6. Лю Цзинпэн. Лингвистический ландшафт: исследование и анализ перевода с русского на китайский язык в крупных городах России // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2019. № 2. С. 121–129.
7. Cao H.Z., Liu Y.Q., Chen H.Y. Mapping the Linguistic Landscape in a Chinese University. *Open Access Library Journal*, 2022, 9, 1–16. DOI: 10.4236/oalib.1109585.
8. Xiaofang Y. A layered investigation of Chinese in the linguistic landscape: A case study of Box Hill, Melbourne / Y. Xiaofang // *Australian Review of Applied Linguistics*. – 2020. – P. 302–335. DOI: 10.1075/aral.18049.yao
9. Лю Л. Способы и мотивы наименования географических объектов в китайском и русском языках // *Litera*. – 2021. – № 5. – С. 97 - 105. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.5.35607
10. Yaru Zhou, Yi Zhang

- (2023). The Role of Linguistic Landscape in Teaching Chinese as a Foreign Language: Taking the Linguistic Landscape in Lanzhou Subway Station as an Example. *Journal of Social Science Humanities and Literature*, Vol.6, (4), 201-212. DOI: 10.53469/jsshl.2023.06(04).38
11. Im J.H. The discursive construction of East Asian identities in an era of globalization and internationalization: the linguistic landscape of East Asian departments at a US university. *Journal of Multicultural Discourses*, 2020, 15 (1), 80–103. DOI:10.1080/17447143.2020.1738441.
 12. Liu C. & Wang Y. J. Exploration of Code Use and Arrangement of Linguistic Landscape in Universities-Take Shungeng Campus of Shan Dong University of Finance and Economics as an example. *Modern Communication* (20), 2021, 102–104.
 13. Zhang Y.C. Research on the Linguistic Landscape of University Campus. *Literature Education*, 2020, 10, 132–133. DOI: 10.16692/j.cnki.wxjys.2020.10.058.
 14. Jiang S. & Ma C.Y. Research on the Linguistic Landscape of University Campus from the Perspective of Adaptation Theory. *Ability and Wisdom*, 2018, (09), 13. DOI: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=CAIZ201809011&DbName=CJFQ2018>.
 15. Nosiani N., Asiyah S., Mustikawati D.A. Linguistic Landscape on Campus in Ponorogo (A Case Study of Sings in Ponorogo Universities). *Penerbitan artikel ilmiah Mahasiswa Universitas Muhammadiyah Ponorogo*, 2019, 3 (2): 130–138. DOI: 10.24269/ed.v3i2.299
 16. Повалко П. Ю., Михеева Е. С., Губанова О. И. Университетский кампус как объект научного исследования // *Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сборник статей Международной научно-практической конференции*. Москва, 14–15 апреля 2022. Москва: РУДН, 2022. С. 283–291.
 17. Колышева О. Н., Лоханкина И. Н., Таранова А. А. Что значит слово «кампус»: взгляд студентов и преподавателей // *Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сборник статей Международной научно-практической конференции*. Москва, 14–15 апреля 2022. Москва: РУДН, 2022. С. 616–623.
 18. Ben-Rafael E., Shohamy E., Amara M. H. & Trumper-Hecht N. Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel // *International Journal of Multilingualism*. 2006. Vol. 3 (1). Pp. 7–30. DOI: 10.1080/14790710608668383
 19. Cenoz J., Gorter D. Linguistic landscape and minority languages // *International Journal of Multilingualism*. 2006. No 3. P. 67–80. DOI: 10.1080/14790710608668386
 20. Malinowski D. 2009. Authorship in the linguistic landscape: a multimodal-performative view. In E. Shohamy & D. Gorter (eds.) 2009, *Linguistic landscape: Expanding the scenery*. London: Routledge, pp. 107–25.
 21. Губанова О. И., Лоханкина И. Н. Эргономичность коммуникативного пространства интернационального кампуса: взгляд иностранных студентов // *Восточный калейдоскоп: материалы докладов и сообщений III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых-востоковедов с международным участием*. Москва, РУДН, 6 декабря 2022 г. Москва: РУДН, 2023. С. 136–144.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье исследована письменная коммуникация на китайском языке, представленная визуальными публичными текстами: объявлениями, вывесками, плакатами, надписями и др. Автор отмечает, что «данный вопрос является одной из задач, решаемых в рамках многоаспектного исследовательского проекта по изучению языкового ландшафта кампуса интернационального университета, который реализуется на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы». Таким образом, представленная задача достаточно точно сформулирована, цель исследования прозрачна, актуальна, своевременна. Для достижения цели был использован метод сплошной выборки, были собраны все тексты на китайском языке или с его использованием, «расположенные снаружи или внутри публичного учреждения», то есть объектов кампуса РУДН. В частности конкретизировано, что «собранный материал был проанализирован с позиций адресантов текстов, тематики и полиязычности; помимо этого, тексты объявлений были изучены и оценены с точки зрения правильности их перевода с соблюдением всех норм китайского языка». Методология анализа языкового материала не вызывает сомнений, она имеет академический стандарт. Стиль работы соотносится с собственно научным типом речи, материал имеет практический характер, наработки, на мой взгляд, можно продуктивно использовать далее. Фактических данных достаточно для верификации проблемы: «на территории кампуса РУДН объявления на китайском языке встречаются гораздо реже, чем на русском и английском языках (был обнаружен 41 текст), поскольку такие объявления ориентируются на определённый круг адресатов информации — носителей китайского языка и изучающих китайский язык как иностранный. Известно, что выбор того или иного языка в публичных текстах осуществляется с целью охватить определённую аудиторию и исключить другую». Объективный тон анализа прослеживается на протяжении всего сочинения, причем теоретический базис подключается вполне органично и уместно. Например, «классификация объявлений на китайском языке проводится в соответствии со следующими параметрами: адресант (официальный или неофициальный текст); тематика; полиязычность / монологичность. Кроме того, оценивалось полнота и качество перевода текста на китайский». Считаю, что работа выполнена на должном научном уровне, иллюстративный фон максимален; режим пиктограмм позволяет потенциально заинтересованному читателю полновесно оценить ситуацию практической письменной коммуникации на китайском языке в кампусе РУДН. Фактические выводы предметны, автор отмечает, что «по содержанию все объявления на китайском языке на территории кампуса можно разделить на 5 групп: объявления о правилах безопасности, рекламные объявления, приглашения, информационные объявления и просьбы», «все объявления о мерах безопасности (см. Рис.1, Рис. 2) на китайском языке размещены по этажам общежития. Кроме того, можно увидеть эвакуационный знак на китайском языке «紧急出口», то есть «указатель запасного выхода» (см. Рис. 3), расположенный в учебном корпусе естественно-гуманитарных факультетов (ЕГФ), в Институте русского языка, Институте иностранных языков и т. д. Стоит отметить, что такие объявления всегда размещены не отдельно, а параллельно с объявлениями на других языках, таких как французский, испанский и арабский, что формирует полиязычную картину» и т.д. Должный аналитический комментарий дается верно: «что касается рекламных объявлений, то в кампусе РУДН было обнаружено только два таких объявления: одно — об оформлении нотариального перевода документов с китайского на русский —

находится на цокольном этаже корпуса ЕГФ (см. Рис. 5), другое — о предоставлении услуг помощи в учёбе и поступлении в вузы России — на подготовительном факультете Института русского языка (см. Рис. 4)», или «объявления о режиме работы обычно размещены на дверях кабинетов, однако большинство из них написаны на русском языке, объявление о режиме работы на китайском языке встречается только на двери кабинета «Отдел стран Азии» (см. Рис. 6), где принимают документы азиатских студентов для поступления в РУДН. Помимо этого, в группу информационных объявлений входят объявление о способе контакта с Отделом стран Азии в корпусе ЕГФ (см. Рис. 7), объявление о состоянии китайского языка в мире...» и т.д. Языковой строй работы нормирован, т.н. модели-связи поддерживают общую логику анализа: «перейдём к обсуждению объявлений о приглашении. Подобные тексты на китайском языке обнаруживаются на ограниченной территории кампуса – в Институте русского языка и Институте иностранных языков, так как там обучается большая часть китайских студентов, а также студенты, изучающие китайский язык как иностранный». Важно, что работа вмещает критическую оценку ситуации, что важно при исправлении неточностей / недочётов по факту: «помимо употребления лишних иероглифов, в объявлении нарушена лексическая сочетаемость: «完全地介绍自己» («полно рассказать о себе»). Для исправления этой ошибки необходимо заменить наречие 完全地 (полно) словом 详细地 (подробно)», или «по сравнению с текстом на русском языке «Уважаемые посетители, убедительная просьба сдавать верхнюю одежду в гардероб», в китайском варианте «请把外套脱掉寄存» («Снимайте верхнюю одежду и сдавайте её на хранение») пропущено обращение к посетителям и место для сдачи одежды, что в определённой степени отличается от оригинала на русском языке» и т.д. Таким образом, конструктивный принцип раскрытия проблемы наличен, собственно это и придает тексту новизну, актуальность. Не лишено исследование и статистических данных, они подкрепляют объективность положения: «в соответствии с результатами, 82,5 % участников опроса являются носителями китайского языка, остальные изучают китайский язык как иностранный (см. Рис. 13)», или «более 80 % участников опроса выразили недовольство имеющимся количеством объявлений на китайском языке (см. Рис. 15); количество респондентов, поддерживающих увеличение количества таких объявлений, составляет 75,4 % (см. Рис. 16)» и т.д. Полновесно наработанный блок данных иллюстрируется графиками и диаграммами. В заключительном блоке отмечено, что «проведённое исследование позволяет прийти к выводу о том, что письменная коммуникация на китайском языке в кампусе интернационального университета играет важную роль как в образовательном процессе, так и в обиходно-бытовом взаимодействии. Тексты на родном языке позволяют студентам из Китая, особенно тем, кто владеет русским языком на недостаточном уровне, получать необходимую информацию, касающуюся важных сфер жизни, помогают им адаптироваться к чужой культурной среде. Однако существуют возможности для совершенствования качества письменной китаеязычной коммуникации на территории кампуса, а значит — для повышения эргономичности коммуникативного пространства». Уместен в финале работы и практический ряд рекомендаций, например, «для того, чтобы помочь студентам, особенно абитуриентам, адаптироваться к новой культурной среде и ознакомиться с учебной системой РФ, необходимо увеличить количество объявлений на китайском языке, содержание которых должно быть связано с такими темами, как условие для получения красного диплома российских вузов, обязательные формальности после прибытия в Россию и т.д.». Тема статьи соотносится с одной из рубрик издания, список источников оформлен верно, расширять и дополнять текст не целесообразно. Основная цель работы достигнута, структура выдержана в рамках научного изыскания. На мой взгляд, можно конкретизировать название, введя ориентир на традиционную номинацию учебного заведения – Российский университет

дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Статья «Письменная коммуникация на китайском языке в кампусе интернационального университета» может быть рекомендована к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Смирнова Д.Л. — Изменение парадигмы значений ключевого знака в семантическом пространстве художественного текста при его переводе на иностранный язык // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.44179 EDN: ZTUZZG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44179

Изменение парадигмы значений ключевого знака в семантическом пространстве художественного текста при его переводе на иностранный язык

Смирнова Дарья Леонидовна

ORCID: 0009-0009-6971-8479

аспирант кафедры Общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; старший преподаватель кафедры Теории и практики перевода, Российский новый университет

129090, Россия, г. Москва, Олимпийский проспект, 10 корпус 3, кв. 266

✉ dar1jasmirnova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.44179

EDN:

ZTUZZG

Дата направления статьи в редакцию:

29-09-2023

Дата публикации:

06-10-2023

Аннотация: Трансформация семантической структуры художественного текста при переводе на иностранный язык неразрывно связана с трансформацией концептуально значимых смыслов данного текста. Для установления направления изменения значений входящих в состав парадигмы ключевых для данного текста высказываний необходимо всестороннее изучение возникающей в тексте перевода парадигмы значений с использованием дефиниционного анализа ключевых лексем в исходном языке и языке перевода и контекстуального анализа формирующих смысл контекстов данного текста. В связи с чем предметом исследования является семантическая структура ключевого высказывания в полифоническом тексте. Особое внимание уделяется изменению в объеме формируемых при переводе смыслов и изменению в актуализации возникающих по мере семантического развертывания текста смыслов. Научная новизна заключается в материале, выбранном для исследования: в работе приводятся контексты из перевода

романа Ф.М. Достоевского «Идиот», выполненного Евой М. Мартин, изданного Everyman's Library в 1914 году и переизданного в 1916. Ранее данный текст перевода не привлекался в качестве источника, ценного для получения новых знаний о семантической структуре художественного текста и ее трансформации при переводе, в частности, аспекта, касающегося функционирования текстовых доминант на эстетико-языковом уровне. Приведённые в исследовании контексты дают основание полагать, что в тексте перевода существенно сужена парадигма значений ключевого знака, что приводит к уплощению концептуально значимых смыслов и нарушению основных свойств полифонического слова.

Ключевые слова:

семантика, художественный текст, содержательная структура, семантическая структура, ключевое высказывание, текстовая доминанта, концептуально значимое высказывание, полифоническое слово, парадигма значений, Достоевский

Введение

Для того чтобы понять, как трансформируется семантическая структура текста при ее переводе на иностранный язык необходимо установить особенности семантической структуры оригинала, а затем рассмотреть, как она изменяется при переводе.

Так роман Ф.М. Достоевского «Идиот» является полифоническим текстом, семантическая структура которого *«представляет собой предельно концентрированную проекцию структуры концептуально значимого смысла»* [\[1, с. 14\]](#). Структуру полифонического текста определяют его свойства. В данном романе отрабатываются такие свойства полифонического слова как: равносильная актуализация противоположных смыслов, формирование объемности смысла, перераспределение функций композиционных форм речи, специфика приема повтора, формирование композиционно усиленных смыслов, подавляющих сюжетную реальность, изменение функции категории стиля и др. [\[1, с. 252\]](#). Вышеназванные свойства полифонического текста, определяющие структуру текста как полифоническую в концентрированной форме отражены в семантической структуре концептуально значимого высказывания *идиот*.

Когда устанавливалась семантическая структура полифонического текста и высказывания, отражающего в концентрированном виде семантическую структуру текста, *идиот* исследователь прослеживал возникновение контекстуальных значений и их соотносённость со словарными значениями. Мы тоже начнем с рассмотрения вопроса о том, какие словарные значения обнаруживает знак *idiot* в толковых английских словарях и сравним их с теми значениями, которые фиксируются в толковых словарях русского языка и с которыми работала Валентинова О.И.

Соотнесем значение знака *idiot* в словарях современных созданию оригинального текста и современных словарях. (значения приводятся в переводе, здесь и далее перевод мой-Д.Л.)

	Новом международном словаре английского	Шестое издание словаря Лонгмана	Четвертое издание Кембриджского словаря для	Толковый словарь английского языка для	Слова совре англий языка

	языка Уэбстера под редакцией Аллена Стерджиса (словарь современный созданию текста) [9]	«Longman dictionary of contemporary English» [11]	продвинутых учеников «Cambridge Advanced Learner's Dictionary» [10]	изучающих язык Коллинз COBUILD (международная база данных языков Бирмингемского университета) [7]	«Macmillan English Dictionary Advanced Learner's Edition»
Устаревшее значение	'необразованный, невежественный, несведущий человек'	'слабоумный человек'		'человек с серьезным нарушением способности к обучению'	'душев больно слабоу челове'
	'человек, действующий в своих собственных интересах'				
	'шут'				
Разговорное значение					'кто-то ведет чрезвы глупо'
Первое словарное значение	'человек страдающий идиотизмом'	'глупый человек'	'глупый человек или кто-то, кто ведет себя глупо'	'глупый или бесчувственный человек'	
Второе словарное значение	'дурак, простофиля' (используется для выражения упрека)				

Сравним представленные словарные значения со значениями, зафиксированными в толковом словаре Ожегова [\[5\]](#). Первичным словарным (общеупотребительным) значением высказывания *идиот* на русском языке является 'человек, который страдает врожденным слабоумием', значение же 'глупый человек, тупица, дурак', выступающее первичным (общеупотребительным) в современном английском языке, помечено как разговорное и бранное в русском.

Семантическая структура ключевого слова *идиот*, содержит закодированную семантическую структуру всего текста и отражает содержательную структуру образа главного героя.

Изменение парадигмы значений ключевого знака

1. Смещение акцентов при передаче значения близкого к словарному

Рассмотрим, как в переводе Евы М. Мартин изданном Everyman's Library в 1914 году и

переизданном в 1916 [8] переводятся те контексты, в которых возникают значения близкие к словарному значению слова *идиот*. Подобно тому, как общеупотребительное значение ключевого слова *идиот* - 'слабоумный человек' многократно актуализируется в оригинальном тексте романа [4, с.25, 75, 150, 219, 453, 459, 476, 488, 508] в текст перевода слово *idiot* входит эквивалентным значением 'a person afflicted with idiocy' [8, с.25, 527, 563, 603], однако переводческая интерпретация смещает акцент в сторону болезни, а не слабости ума. Так значение болезни войдет в сцепление со знаком *idiot* в следующих контекстах:

«<...> that thought I once **was so ill that I really was little better than an idiot** <...>» [8, с.84]

«<...> he had just undergone a **successful course of treatment for idiocy** (sic!) <...>» [8, с.250]

«<...> on the **plea of his being ill** (and it was more than likely that the general was right in his **believe that the prince was actually ill**) <...>» [8, с.534]

«<...> You can see for yourself **the man is an invalid** <...>» [8, с.542]

2. Уточнение полемичных значений при переводе

Актуализация общеупотребительного значения в тексте оригинала не мешает возникновению других значений. Тезис переходит в антитезис и «высказывание *идиот* покрывает собой не только значение 'слабоумный человек', но и прямо противоположное значение 'умный человек'» [8, с. 15].

Полемичное значение 'умный человек' входящее в противоречие несовместимое с первым словарным значением 'слабоумный человек' многократно закрепляется в тексте оригинала [4, с. 115, 280, 259, 422, 481]. Заметим здесь, что русское прилагательное «**умный** называет факт присутствия ума у человека, но не уточняет в какой форме, области и ситуации проявляется ум. В отличие от русского, английские эквиваленты часто указывают на сферу применения ума, на форму его реализации или степень его наличия». [6; с. 418] Так переводческой интерпретации подвергается «ум» князя. В тексте перевода Радомский выскажется о нем «**intelligent**» [8, с. 569] (данный знак имеет значения 'умный, смыслённый, разумный, способный, хорошо соображающий, понятливый (обладающий умственными способностями, хорошим пониманием и умением продумывать то, что происходит)'), Ганя назовет его «**a most extraordinary man**» [8, с. 131] в значении 'самый умный, способный, сообразительный, смыслённый (обычно молодой и успешный в учебе, делах)', Лизавета Прокофьевна скажет «**Did you suppose he was stupider than yourself, and was in capable of forming his own opinions, or what?**» [8, с. 323]. Не закрепляется значение 'умный человек', возникающее в кристаллизованном виде вне полемики, в репликах Аглаи и Лебедева. так сказанное Аглаей в переводе «**wiser**» [8, с. 327] имеет значение 'умнее, дальновиднее, мудрее, благоразумнее (обладающий большей мудростью и опытом)', а в реплике племянника Лебедева выкристаллизуется значение '**the cleverest man**' [8, с. 183] - 'самый умный (способный к учению и быстрому схватыванию новых сведений) человек'. В тексте перевода вне полемики кристаллизуется значение не 'умный человек', а 'способный, дальновидный человек'.

Реплика Аглаи, переводящая в тексте оригинала антонимичные с позиции общеупотребительного русского языка значения 'слабоумный человек' и 'умный человек' в семантическое пространство, обнаруживающее отличные от отработанных в общеупотребительном языке семантические оппозиции в результате чего названные значения оказываются в отношениях абсолютной слитности [1, с. 16], вновь подвергается переводческой интерпретации. Утвердительное высказывание «**хоть вы и в самом деле больны умом**» [4, с. 356] будет переведено условным предложением с наречием **little** «**even if your surface mind be little affected**» [8, с. 418] – 'даже если ваш поверхностный ум немного слаб'; «**главный ум**» (**нравственный**) [4, с. 356] станет "**real mind**" [8, с. 418] – 'настоящим умом', при переводе высказывания «**лучше, чем у них у всех**» [4, с. 356] вновь без увеличения количества знаков произойдет уточнение «**better than all theirs put together**» – 'лучше чем у них у всех вместе взятых' и максимум переводческой интерпретации проявится при разделении ума, речевого повтора в переводе не будет, вместо этого увеличится количество знаков от двух до десяти «**the kind that matters, and the kind that doesn't matter**» « [8, с. 418] – 'тот который имеет значение и тот который не имеет'.

Разделение в переводе речи Аглаи ума на 'значимый' и 'не имеющий значения' не передает разделения на философский и практический ум, а повторяет семантическую оппозицию 'настоящий ум' и 'ум поверхностный'. Высказывание «больны иногда умом» [4, с. 356] переводится с акцентуацией не периодичности, а глубины слабоумия поверхностный ум 'поражен немного'.

3. Ослабление формируемой смысловой парадигмы

Гипертрофированные проявления практического ума становится формальным оправданием для появления в тексте оригинала значения 'хитрый расчетливый человек, стремящийся к личной выгоде' [1, с. 16-17]. Возбуждаемый смысл устойчиво закрепляется в тексте [4, с. 48, 66, 75, 142, 431, 235] и опускается при переводе, в частности такие контексты как:

«<...> конечно, **этот человек себе на уме** <...>» [8, с. 115]

«По крайней мере искренно; и **хитро**, и искренно!» [8, с. 119]

«<...> *That's frank, at any rate!*» [8, с. 135]

Из-за применённой конкретизации в тексте перевода в контексте, приведенном выше возникает вместо 'хитрого' значение 'искренний, честный' закрепляемое контекстом «*you are candid, however*» [8, с. 2], а благодаря контексту «<...> *you certainly know how to make the most of your - let us call it infirmity, for the sake of politeness: you have set about offering your money and friendship on such a way that no self-respecting man could possibly accept them. This is an excess of ingenuousness or of malice – you ought to know better which word best fits the case*» [8, с. 270] значению 'невинный, искренний' в тексте перевода станет противопоставлено значение 'злой, имеющий злой умысел'.

Провоцируемое общеупотребительным значением высказывания *идиот* значение 'наивный, невинный, простодушный', предстающие изначально табуированными заместителями слабости ума [4, с. 7, 144, 257, 258, 471], передается в тексте перевода с повторением знака **simple**:

«... he was **such a simple-minded man**, and because he, **in the simplicity of his soul**, believed that he could be happy with a woman of your character. <...> You could not love **so simple a soul** as his <...> I never in my life met a man **anything like him for noble simplicity of mind and for boundless trustfulness**.» [8, с. 556-557]

Данная реплика Аглаи [4, с. 471], насыщенная повторами, усилительными конструкциями («такой простодушный» - «*such a simple-minded*» (в данной паре значений на смену 'простодушный' при переводе приходит значение 'наивный'), «такого простого» - «*so simple a soul*» (в данной паре значений на языке перевода уточняется простота, приобретая значение 'простодушный') «ни одного подобного ему» - «*anything like him*» (значение остается неизменным), наиболее концентрированно представляет собой новую смысловую парадигму, которая кроме того постоянно усиливается (актуализируется) в следующих репликах Келлера [4, с. 257, 258], Радомского [4, с. 481]. В тексте перевода данное значение будет частично актуализироваться с акцентуацией знака *simple* в репликах Келлера «*Oh prince! With what simplicity, with what almost pastoral simplicity, you look upon life!*» [8, с. 296], Радомского «... basis of all that has happened, has been first of all your innate inexperience (remark the expression 'innate', prince). Then follows your unheard-of simplicity of heart» [8, с. 569] и отсутствовать из-за структурной перестройки предложения при переводе реплики Ипполита «He had thought at first that the prince was "humbugging" him; but on looking at his face he saw that he was absolutely serious, and had no thought of any deception» [8, с. 509].

При переводе в единое целое смысловой парадигмы стягиваются следующие качества: «наивный - неопытный - невинный - простодушный - искренний - благородная простота ума - хороший - честный», из положительных качеств при переводе пропадают '**доверчивый-добрый**', кроме того при переводе актуализация голосами других героев новой смысловой парадигмы происходит не в полном объеме во всех актуализующих репликах, что приводит практически к полной утрате общего оценочного положительного оттенка формируемой парадигмы.

В тексте оригинала все члены формируемой парадигмы объединяются значением высшей степени таких качеств как 'невинный - наивный - простодушный - доверчивый - искренний - благородный - добрый - честный - хороший'. Новое значение входит во взаимодействие с концептуально значимым смыслом 'ребенок, дитя', получающим полиситуационную и полисубъектную поддержку репликами Шнейдера [4, с. 63], Настасьи Филипповны [4, с. 142], Рогожина [4, с. 302], Ипполита [4, с. 433], генерала Епанчина [4, с. 44-45] и наконец голосом самого князя [4, с. 457]. Заметим, что при переводе само высказывание 'ребенок, дитя' - 'child' действительно получает поддержку репликами названных героев, однако степень полноты данного концептуально значимого смысла варьируется. Только в реплике Шнейдера значение 'совершенный ребенок' останется неизменным [8, с. 70], сам князь опишет себя в тексте перевода «*I am nearly twenty-seven years old, and yet I know I am little better than a child*» [8, с. 539], Рогожин: «*You are just like a child* <...>» опишет князя '**почти как ребенок**', '**чуть лучше ребенка**', а Ипполит и генерал Епанчин в тексте перевода назовут князя '**обычным ребенком**': «*he's quite a child*» [8, с. 48], «*he's a gular child*» [8, с. 48].

4. Разрыв парадигматических связей значений

В тексте перевода не только не сцепляются значения 'странный человек' и 'человек, которому присуще отсутствие чувства меры', но и закрепляется значение только

‘странности’, ‘необычности’ князя:

«*I think what they say about you must be true, that **you are so original***» [8, с. 134];

«*I do not agree, in fact I am angry, when I hear you called an idiot; you are far too intelligent to deserve such an epithet; but **you are far strange** (выделено переводчиком) **as to be unlike others...***» [8, с. 569];

«*What **an extraordinary man** you are! **I wonder at you!***» [8, с. 351];

«*old Princess Belokonski, who had given her most comforting news about "that **queer** young prince"*» [8, с. 173]

Значение ‘смешной, жалкий человек’ фиксируемое входящее в состав ядерных смыслов высказывания *идиот* по мере семантического развертывания текста оригинала, в тексте перевода поддерживается только голосом Аглаи: «***had laughed at the prince***» [8, с. 459], «***For whole hours at a time she reticulated and chaffed the wretched man, and made him almost a laughing-stock***» [8, с. 506];

Старуха Белокопская в переводе назовет князя ‘глупым’: «*What are you making such a fuss about? <...> You are good fellow, but **very silly. One gives you a halfpenny, and you are as grateful as thought one had saved your life.** You think this is praiseworthy on your part, but it is not - it is not, indeed*» [8, с. 537], а Ипполит ‘чудным’ «*<...>he is a good-hearted fellow, if **a little queer***» [8, с. 466].

В тексте перевода значение ‘лишний, чужой’ покрываемое высказыванием *идиот* передается с оттенком ‘изгой’. Князь трижды опишет себя как «***"outcast."***» [8, с. 412], «***a stranger to all this, that he was outside this glorious festival***» [8, с. 413], «***a stranger and an outcast***» [8, с. 413].

Значение ‘человек без гордости’ отрабатываемое голосом Аглаи останется при переводе неизменным «***Why have you no pride?***» [8, с. 327].

Заключение

При переводе основными значениями ключевого высказывания *idiot* становятся: ‘больной, страдающий человек’, ‘глупый человек’, ‘успешный человек’, ‘мудрый, благоразумный (человек)’, ‘способный, дальновидный человек’, ‘умный’, ‘невинный’, ‘наивный’, ‘простодушный’, ‘искренний’, ‘неопытный’, ‘ребенок, дитя’, ‘смешной, глупый, странный, чудной человек’, ‘изгой’, ‘человек без гордости’.

В оригинале ни одно из возникающих значений высказывания *идиот* не теряется в процессе развертывания текста. В тексте перевода формируемая парадигма ключевого знака будет существенно сужена под действием переводческой интерпретации. Значения ключевого высказывания актуализируются в значительно меньшей степени, что приводит не только к ослаблению парадигмы, но и исчезновению из текста перевода таких значений как ‘доверчивый - добрый’ и ‘человек, которому присуще отсутствие чувства меры’. Место исчезнувших значений занимают значения ‘человек действующий их злого умысла’ и ‘изгой’. Основным актуализируемым знаком в тексте перевода становится знак **simple**. Причиной этого может быть, на наш взгляд, различие в общеупотребительных значениях ключевых знаков. Трансформация парадигмы ключевого знака в сторону общеупотребительного значения неизбежно влияет на содержательную структуру образа

главного героя и должна быть учтена при его интерпретации.

Библиография

1. Валентинова О.И. Семиотика полифонии / Отв. ред. Е.А.Красина. М.: Российский университет дружбы народов, 2005.
2. Валентинова О.И. Универсальные принципы анализа вербального искусства. Учебное пособие. М.: Российский университет дружбы народов, 2012.
3. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН "Общая и частная методология филологической науки" 2019 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 3. С. 918-933.
4. Достоевский Ф.М. Идиот. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах / Гл. ред. В.Г. Базанов. Т.8. Л.: Наука, 1973.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000.
6. Хидекель С.С. Русско-английский объяснительный словарь: словарь русско-английских соответствий. М.: АСТ, 2006.
7. Collins, S. (2018). *Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary: The Source of Authentic English*. London, England: HarperCollins UK.
8. Dostoevsky, F.M. (1916). *The Idiot, Newly revised version by Eva M. Martin*. London, England: Dent.
9. Harris, W.T. (Ed.). (1925). *Webster's New International Dictionary of the English Language: Based on the International Dictionary of 1890 and 1900, Now Completely Revised in All Departments, Including Also a Dictionary of Geography and of Biography, Being the Latest Authentic Quarto Edition of the Merriam Series*. Springfield: G & C. Merriam company.
10. McIntosh, C. (Ed.). (2013). *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Summers, D., Gadsby, A. (Ed.). (1995). *Longman dictionary of contemporary English: The complete guide to written and spoken English. New edition*. Harlow: Pearson Education Limited.
12. Rundell, M. (Ed.). (2007). *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Oxford: Macmillan ELT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи касается перевода художественного текста на иностранный язык. Следует отметить, что данный вектор исследований в научной среде разработан достаточно объемно, однако спорные и сложные моменты все же требуют дальнейшей конкретизации. Автор в начале работы отмечает, что «для того чтобы понять, как трансформируется семантическая структура текста при ее переводе на иностранный язык необходимо установить особенности семантической структуры оригинала, а затем рассмотреть, как она изменяется при переводе». Бесспорно, с этим можно и нужно согласиться. В качестве точечного текста выбран роман Ф.М.

Достоевского «Идиот», который не так просто поддается объективной процедуре перевода на иностранный язык, ибо «роман Ф.М. Достоевского «Идиот» является полифоническим текстом, семантическая структура которого «представляет собой предельно концентрированную проекцию структуры концептуально значимого смысла». Заданность проблемы конкретизирована, она сводится к мысли, что «когда устанавливалась семантическая структура полифонического текста и высказывания, отражающего в концентрированном виде семантическую структуру текста, идиот исследователь прослеживал возникновение контекстуальных значений и их соотносительность со словарными значениями», «мы тоже начнем с рассмотрения вопроса о том, какие словарные значения обнаруживает знак idiot в толковых английских словарях и сравним их с теми значениями, которые фиксируются в толковых словарях русского языка и с которыми работала Валентинова О.И.». Методология исследования относительно выровнена, семантическая прерогатива остается ведущей на протяжении всего сочинения. Вполне удачно вводится в работу принцип сопоставительного типа, автор сначала «соотносит значение знака idiot в словарях современных созданий оригинального текста и современных словарях». Табличный вид при этом наиболее продуктивен и показателен. Стиль работы ориентирован на научный тип изложения мыслей: например, это проявляется в следующих фрагментах: «семантическая структура ключевого слова идиот, содержит закодированную семантическую структуру всего текста и отражает содержательную структуру образа главного героя», или «актуализация общеупотребительного значения в тексте оригинала не мешает возникновению других значений. Тезис переходит в антитезис и «высказывание идиот покрывает собой не только значение 'слабоумный человек', но и прямо противоположное значение 'умный человек'» и т.д. Привлекает в данном труде достаточно объемный практический ряд примеров, который и манифестирует важность рассмотрения проблемы. Наиболее важные моменты по ходу статьи маркируются; курсив, разрядка, использование полужирного шрифта акцентно выделяют смысловые обертоны, которые важны в режиме перевода романа Ф.М. Достоевского на иностранный язык. Ссылки / цитаты формальны верны: «разделение в переводе речи Аглая ума на 'значимый' и 'не имеющий значения' не передает разделения на философский и практический ум, а повторяет семантическую оппозицию 'настоящий ум' и 'ум поверхностный'. Высказывание «больны иногда умом» [4, с. 356] переводится с акцентуацией не периодичности, а глубины слабоумия поверхностный ум 'поражен немного'». Материал обладает должной научной новизной, его продуктивно использовать в русле изучения курсов лингвистического порядка. Структура работы тяготеет к научному изысканию, на мой взгляд, текст можно было бы дифференцировать на смысловые блоки, параграфы, части, это также действительно воспринимается потенциально заинтересованным читателем. Фрагменты, в которых производится частный анализ, информативны: «провоцируемое общеупотребительным значением высказывания идиот значение 'наивный, невинный, простодушный', предстающие изначально табуированными заместителями слабости ума, передается в тексте перевода с повторением знака simple: «... he was such a simple-minded man, and because he, in the simplicity of his soul, believed that he could be happy with a woman of your character. <...>You could not love so simple a soul as his<...>I never in my life met a man anything like him for noble simplicity of mind and for boundless trustfulness», или «в тексте оригинала все члены формируемой парадигмы объединяются значением высшей степени таких качеств как 'невинный – наивный-простодушный-доверчивый-искренний-благородный-добрый-честный-хороший'. Новое значение входит во взаимодействие с концептуально значимым смыслом 'ребенок, дитя', получающим полиситуационную и полисубъектную поддержку репликами Шнейдера...» и т.д. Думаю, что работа могла бы

имеет расширенное заключение, выводы по тексту несколько формализованы: «в оригинале ни одно из возникающих значений высказывания идиот не теряется в процессе развертывания текста. В тексте перевода формируемая парадигма ключевого знака будет существенно сужена под действием переводческой интерпретации».

Библиография к данной работе включает исследования разных типов, но оформление нуждается в доработке (требования издания). В целом, после незначительной правки текста, рецензируемая статья «Изменение парадигмы значений ключевого знака в семантическом пространстве художественного текста при его переводе на иностранный язык» может быть рекомендован к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Изменение парадигмы значений ключевого знака в семантическом пространстве художественного текста при его переводе на иностранный язык», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению особенностей реализации переводческих трансформаций.

В статье автор рассматривает реализацию лексического значения в разных контекстах на материале русского и английского языков. Исследование является сопоставительным, в котором рассматриваются особенности двух языков.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Не совсем ясен объем фактического языкового корпуса исследования.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные из словарей.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Однако считаем, что заявленная тема в заглавии статьи шире, чем представленное содержание.

Отметим, что введение не содержит постановку проблемной задачи и историографию вопроса. Заключение по итогам исследования требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом,

следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Изменение парадигмы значений ключевого знака в семантическом пространстве художественного текста при его переводе на иностранный язык» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Люй С. — Концептуальная пара «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира: экспланация значений прецедентных текстов для представителей русской лингвокультуры // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.48476 EDN: ZNTHWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=48476

Концептуальная пара «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира: экспланация значений прецедентных текстов для представителей русской лингвокультуры

Люй Сыци

ORCID: 0009-0006-1082-745X

Аспирант, Кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ lvsiqi@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.48476

EDN:

ZNTHWY

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2023

Дата публикации:

08-10-2023

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу концептуальной пары «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира. Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей потребностью успешной межкультурной кооперации между представителями китайской и русской культур. В силу объективных экстралингвистических факторов между Китаем и Россией происходит интенсивный взаимообмен знаниями. Усиливается поток китайских студентов в Россию; в процессе обучения они заинтересованы не столько в том, чтобы усвоить функционирование русской языковой системы, сколько в том, чтобы понять «русский мир». Этот процесс может быть затруднен в силу несовпадения исходной и постигаемой культур. Цель настоящей работы – исследование концептуального комплекса «Жизнь – Смерть», реализованного в китайской языковой картине мира, на базе прецедентных текстов,

широко известных реципиентам. Предмет исследования – дифференциальные признаки концептуальной диады, выявляемые в процессе анализа. Материалом работы послужили прецедентные тексты, в частности, поэтические и паремиологические единицы, содержащие лексический компонент «Жизнь» и «Смерть» в китайском языке. Методы исследования: дескриптивный метод, концептуальный анализ, метод лингвокультурологического комментирования, контекстуальный анализ, анкетирование. Результаты. Анализ показал, что в системе социальных отношений роль каждого человека определена ему с рождения. Жизнь должна быть прожита достойно; в этом случае память о благородных деяниях человека позволит ему избежать «социальной смерти». Смерть в китайской ЯКМ – обратная сторона жизни; горем и утратой она становится только в том случае, если индивиду не удалось воплотить в жизнь своих лучших качеств. В определенном смысле жизнь для носителей китайского языкового сознания – это нравственный подвиг. Рассмотренные нами параметры китайской ЯКМ составляют тот фонд знаний, который позволит нам приступить к осмыслению русской ЯКМ либо путем «сличения» ментальных пространств, либо путем элиминирования лакун.

Ключевые слова:

лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, концептуальная пара, китайская лингвокультура, прецедентный текст, ассоциативный эксперимент, ценности, эталон, экспланация

Введение

Базовой единицей лингвокультурологии является культурный концепт – «ячейка ментальности», «квант смысла», составляющий основу нашего внутреннего тезауруса. Концепт – одновременно индивидуальный и надиндивидуальный феномен. В отличие от понятия, он чувственно «маркирован», эмотивен, архетипичен. Анализ тех или иных концептов – это реконструкция сущностных смыслов, необходимых для приобщения к определенной культуре. Таким образом, концепты – это своего рода ключи к культуре.

Языковое сознание в совокупности всех своих специфических признаков – феномен «неизмеримый». В отличие от языкового сознания, когнитивная база – тот обязательный фонд знаний, который формируется в процессе инкультурации личности (то есть вхождения индивида в родную культуру), а потому является для носителей лингвокультуры общим. Прецедентные тексты различного уровня – обязательные форманты когнитивной базы. Это элементы «редуцированной» природы, общее значение которых, согласно Ю.Н. Караулову^[1], разворачивается в определенном контексте. К прецедентным текстам относятся те языковые единицы, которые языковая личность воспринимает как уже известные (это и отдельные тексты, и имена, и ситуации). В настоящем исследовании мы сосредоточились на поэтических текстах и паремиях. Для обоих типов ПТ характерна афористичность, емкость, концентрация смысла и потенциал к ретрансляции, что позволяет нам дифференцировать на их базе устойчивые признаки изучаемых концептов.

Некоторые из выбранных нами единиц прецедентного уровня нельзя отнести к широко ретранслируемым; их иллюстративный потенциал и исследовательская ценность заключаются для нас в концептуализации изучаемых феноменов в индивидуальном языковом сознании. Таким образом, мы приходим к двум уровням анализа концепта: индивидуальному и коллективному. Каждый из этих уровней способен предоставить нам

дополнительный набор дифференциальных признаков, участвующих в формировании конструкта «Жизнь-Смерть». Отметим также, что на уровне описания концепта – той ментальной сущности, которая составляет базовый элемент сознания – мы склонны употреблять термин «конструкт» как вербализованное концептуальное знание, модель описания, апеллируя к теории концепта, разработанной А.А. Залевской [2].

Наша базовая установка в выборе анализируемого материала сводится к широкому подходу к пониманию феномена прецедентности. Если по мысли Ю.Н. Караулова прецедентный текст – это высказывание, которое активно присутствует в конституции самой ЯЛ, то мы хотели бы уточнить, что прецедентен любой феномен, наличествующий в метатексте самой лингвокультуры. Такой текст может обладать сниженным потенциалом к ретранслируемости, однако в контексте определенных речевых ситуаций он может быть извлечен из корпуса текстов и приспособлен к определенным нуждам говорящего. Таким образом, ПТ уже включен в некий глобальный интертекст как парадигму, и его актуализация интенционально обусловлена. С точки зрения данного подхода к ПТ правомерно отнести поэтические тексты, зафиксированные в корпусе языка, и паремиологические единицы. Первые мы можем рассматривать как индивидуальные репрезентации исследуемых концептов, вторые – как базу для экспликации узуальных значений.

Результаты и обсуждение

XXI век ознаменовался в науке сменой научных парадигм (Т. Кун): «тектонический сдвиг» затронул все области научного знания, в том числе филологию. Имманентный подход к языку, в рамках которого он изучался как «*causa sui*», сменился на антропоцентрический вектор, где точкой отсчета стал Человек как сложный феномен со своими биологическими, когнитивными, поведенческими, социальными, культурными настройками. Как отмечает Е.С. Кубрякова [3] для филологии нового времени (заметим, что «смерть чистой лингвистики» была провозглашена еще в конце XX века) характерны такие тенденции, как междисциплинарность, экспланаторность и неофункционализм.

Междисциплинарность мы выделяем особо. Синергетическое слияние концептуальных полей нескольких дисциплин, исследующих общий объект, дало импульс к возникновению и развитию целого ряда наук «смежного типа»: психолингвистики, лингвокультурологии, политической лингвистики, транслингвального литературоведения и многих других.

В диахроническом аспекте такие науки, как лингвокультурология, еще только в начале пути своего становления. Активно разрабатывается их концептуальное поле; формируется терминологический тезаурус, способный обслуживать новую область знания; апробируются различные методы исследования.

Становление лингвокультурологии (как и других наук, «произрастающих» из нескольких концептуальных полей) обусловлено установкой антропоцентрической парадигмы на холизм – принцип единства, способствующий констелляции различных (зачастую гетерогенных) областей научного знания. Под действием этой тенденции (которая обозначилась во второй половине XX века) многие исследователи преодолевают монодисциплинарный подход к изучаемому объекту.

Следует признать, что замкнутость каждой гуманитарной дисциплины в пределах «самой себя» не дает нам тех результатов, которые были бы релевантны потребностям современного общества. По мнению У.М. Бахтиревой [4:11] у субъекта, вписанного в

«новую архитектуру мира», появились принципиально иные гносеологические основания, требующие продуцирования новых знаний. Примечательно, что холистический принцип распространяется не только на «гомогенные» науки (например, гуманитарного цикла), но и на объединение гуманитарного и естественнонаучного знания.

Среди дефиниций, предложенных исследователями для выявления языковых феноменов, обладающих ярко выраженным культурным компонентом («лингвокультурема», «логоэпистема», «культурный концепт») мы остановимся на культурном концепте. О предпосылках наших методологических установок мы расскажем подробнее по ходу работы. Сейчас нам важно очертить то концептуальное поле, внутри которого проводится настоящее исследование, с учетом его эпистемологической сложности. Откуда эта сложность?

В первую очередь, она обусловлена тем, что язык и культура – два базовых феномена, находящиеся в центре гносеологического поиска лингвокультурологии – неизменно требуют привлечения иных подходов и дополнительного фонда знаний. Это данные когнитивной лингвистики, так как мы имеем дело с пропозициями языкового сознания, овнешняемыми средствами языка; это философия и герменевтика, потому что каждый концепт нуждается в экспликации заложенных в нем импликатур, а также в создании адекватного «поля смысла», вертикального контекста, благодаря которому дешифровка смыслов становится возможной; это теория межкультурной коммуникации, принципы которой способны содействовать кооперации между представителями различных лингвокультурных сообществ.

В рамках лингвокультурологического подхода лингвисты, как правило, анализируют явления языка, имеющие национально-культурную специфику. По такому принципу построены труды А. Вежбицкой [\[5\]](#), А.С. Герда [\[6\]](#), Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной [\[7\]](#), С.Г. Тер-Минасовой [\[8\]](#).

Каждый этнос на протяжении своей истории формирует систему фундаментальных образов мира, которые зависят от особенностей существования, специфики культуры и этнопсихологии. Эти образы амбивалентны: они являются достоянием как индивида, так и всего коллектива, они, с одной стороны, осознаваемы, с другой – бессознательны.

Концепты, существующие в культуре на протяжении «большого» исторического времени, называют константами – это фундаментальные единицы языкового и культурного поля этноса, базисные феномены ЯКМ. Закономерно, что к константам относится и концепт-антиномия «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ». Это закономерно: концепты «жизнь» и «смерть», их анализ и изучение, были и остаются предметом интереса для человечества на протяжении всего его существования, а в последнее время интерпретация этих концептов приобрела очевидную актуальность. Темы рождения и смерти всегда требовали особого внимания: испокон веков люди стремились проникнуть в тайну этих явлений, осознать их смысл, понять их значимость для человека и общества, определить их место на оценочной шкале культуры. Знание того, кто мы по своей сути и что будет с нами после смерти, тесно связано с такими важными понятиями, как смысл жизни, конец или вечность существования. Традиционная китайская культура не разработала каких-либо идей бессмертия души, сопоставимых с христианскими. В то же время и жизнь, и её долголетие, даже бессмертие всегда являлись одними из самых важных ценностей китайской культуры.

Сейчас мы попытаемся погрузиться в уникальное мироощущение китайского народа, который осмысляет категории жизни и смерти особым образом, отличным от

европейского модуса восприятия. Китайская культура антропоцентрична. В ее центре находится человек – но не как обособленный индивид, изолированный от общества, а как элемент гармонизированного миропорядка, имеющий непосредственную связь со всем сущим.

Жизнь человека – это постепенное «собрание», обживание и освоение пространства. Китайцы в определенном смысле руководствуются наивной картиной мира. Они полагают, что небытие есть название начала неба и земли, а бытие – название матери «десяти тысяч вещей». Среди этих «десяти тысяч вещей» особое место принадлежит человеку – буквально «человековещи», обладающей Разумом и потому стоящей над прочим объектным миром. Пространство, согласно мифологическим воззрениям китайцев, было «собрано воедино»: об этом рассказывает миф о Паньгу и Нюйве.

Жизнь есть бытие во времени. В китайской культуре время неразделимо с категорией пространства; оно подобно тропинке в прошлое, которая протоптана всем человеческим родом, и в этом отношении ретроспективно и релятивизируется движением человека на пути жизни. Идущие впереди уходят в прошлое, наблюдающий в моменте тут-бытия обращен к прошлому лицом. Одно поколение сменяет другое, следующее за ним. Этот процесс объективирован выражением «волна позади подталкивает волну впереди». «Историческая модель времени у китайцев повернута в другом направлении. Спереди находится пройденный путь предков, на который обращен взор китайца. Будущее, следовательно, лежит вне поля его зрения. Китайцы рациональны в своем мышлении, благодаря аморфности и дискретности знаковой системы в отношении как формы, так и звучания. Поэтому их семантическая система отличается высокой степенью прагматизма, выражающегося в избирательности маркировки [\[9\]](#).

Человек в китайской культуре – единственное существо, обладающее активным началом: он может занимать любое положение в пространстве по своему усмотрению. Все остальное бытийствует «само по себе» либо так, как определено человеком.

Жизнь человека неизменно регулируется системой этических норм: «Да сюэ», «Чжунъюн», «Лунъюй», «Мэнцзы». Это принципы жизни, восходящие к Четверокнижию. Они определяют поведение людей, их обязанности, и детерминированы двумя признаками: возраста и субординации. Жизнь, согласно Четверокнижию, есть бесконечный путь самосовершенствования. Любой член общества должен пройти все стадии становления «благородного мужа», включающие

- ge wu (понимание архитектоники мироздания и умение классифицировать объекты действительности);
- zhi zhi (стремление к познанию и самопознанию);
- cheng xin (воспитание в себе высших нравственных качеств, «искренности сердца»);
- xiu shen (самосовершенствование, ведущее к единству в семье, порядку в государстве и умиротворению).

Junzi – благородный муж – является этическим героем в китайской национальной картине мира. Его прямой антипод – xiao ren (буквально «мелкая душа»), человек, нарушающий принципы морали и этики.

Благородный муж наделен добродетелями, он идет «путем золотой середины», обеспечивая гармонию в обществе и природе. «Мелкая душа» следует по пути «выгоды».

Junzi не злоупотребляет своим положением: он полагает, что должен ценить дары жизни, которую следует воспринимать путем «середины и гармонии». Xiao ren по натуре дерзок, не довольствуется малым, не воспринимает запретов и нарушает порядок вещей. Модель этического идеала китайцев – sheng ren, «совершенного мудреца» – воплощена в личности Конфуция. Материалом для анализа послужил корпус прецедентных текстов. Для выявления узусуальных значений концепта целесообразно использовать паремиологический фонд языка. Однако не менее значимые результаты способны предоставить индивидуально-авторские дефиниции ядерных лексем, в частности, поэтические тексты. Экспликация концептуальной семантики на базе корпуса текстов – актуальное поле междисциплинарных исследований; они маркируют тот уровень актуального прагматикона языковой личности, который участвует в формировании целостной ЯКМ этноса [\[10; 11; 12\]](#).

Элементы прецедентных текстов в силу устойчивого вхождения в когнитивную базу носителей языкового сознания и «твердой формы» наиболее близки паремиологическим единицам.

Автором исследования проведен ассоциативный эксперимент с референтной группой Хайнаньского университета. Словами-стимулами послужили лексемы «жизнь» и «смерть», на которые студентам было предложено дать соответствующий прецедентный текст в качестве реакции. Наиболее частотными текстами выступили следующие:

- 生死有命, 富贵在天。— «Жизнь и смерть предопределены, а богатство даруется небесами».
- 宁愿站着死, 不愿跪着生。— «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».
- 死者倘不埋在活人的心中, 那就真真死掉了。——【近代】鲁迅《华盖集》— «Мёртвые действительно мёртвы, если они погребены в сердцах живых».
- 如果人能快乐的归去, 死亡就不能杀人, 反而是人杀掉了死亡。——【现代】林清玄《境明, 千里皆明》- «Если человек может умереть счастливо, человек преодолевает смерть».
- 死亡不是失去生命, 而是走出时间。-【现代】余华《活着》- «Смерть - это не потеря жизни, а выход из царства времени».
- 死亡是一枚沉重而干净的果实, 我们吃下去, 医治太多活着的病症。-【现代】余秀华《我们爱过又忘记》- «Смерть – тяжелый и чистый плод, который мы едим, чтобы исцелить слишком много недугов жизни».
- 生者为过客, 死者为归人。-【唐】李白《拟古十二首》- «Живые подобны прохожим, которые приходят и уходят в спешке, а мертвые подобны тем, кто идет к месту назначения и никогда не возвращается».

生命如流水, 只有在他的急流与奔向前去的时候, 才美丽, 才有意义。【近代】张闻天 – «Жизнь подобна текущей воде, она прекрасна и имеет смысл только тогда, когда течет и бежит вперед».

Как мы отмечали выше, язык – не оболочка мысли, но деятельность духа. По мысли Язык необходимо изучать и как силу «в действии», трансформирующую реальность, и как знаковую систему, хранящую в себе архетипические рудименты в современной картине мира. Язык интерпретирует мысль, но вместе с тем генерирует ее чувственные и ассоциативные первосмыслы, обогащая ценностное пространство самой культуры.

Отметим, что концепт «жизнь» в китайской ЯКМ есть следование срединному пути,

которая основана на следующих скриптах (предписания):

- гармония Поднебесной не должна быть нарушена, поэтому следует сдерживать проявления сильных эмоций;
- необходимо знать свое место, чтобы не нарушить установленного порядка вещей;
- нужно избегать навязывания другим того, что не нравится тебе самому;
- занимая низкую позицию в социальной иерархии, не стоит искать расположения тех, кто «наверху»;
- относиться к жизни нужно как к постоянному самосовершенствованию, не жалуясь на судьбу и не виня других в собственных неудачах;
- жизнь следует рассматривать как процесс познания, повторяя при этом пройденное (эмпирически и гносеологически);
- своего часа надлежит ожидать со спокойствием и достоинством, не «ввязываясь в авантюры»;
- свои идеи можно высказывать лишь в спокойные для государства времена; в смутные времена следует хранить молчание;
- не стоит открыто демонстрировать собственных достоинств: все скрытое становится явным;
- надеяние стоит воспринимать как «высшее действие».

«Жизнь» в китайской ЯКМ есть следование срединному пути, которая основана на следующих скриптах (предписаниях): избегай сильных эмоций, так как они нарушают гармонию миропорядка; знай свое место в сложившейся социальной иерархии; избегай навязывать другим то, что неприемлемо для тебя; самосовершенствуйся, не жалуясь на судьбу; находишься в постоянном познании этого мира; не демонстрируй достоинств; смиренно жди своего часа.

Жизнь в китайской лингвокультуре тесно связана с идеей судьбы. Анализ прецедентных единиц китайского языка позволил нам дифференцировать ряд семантических компонентов указанного концепта. Это опорные элементы концепта «небо», «путь», «жизнь», «человек», «справедливость», «событие», «следовать», «подчиняться», «жить», «умирать», «добро», «зло», «воздаяние», «справедливость». С одной стороны, семантика концепта «судьба» апеллирует к идее предопределенности, с другой – движения и перемен.

Семантические компоненты концептуального поля судьбы позволяют нам реконструировать трехчленную схему, в которую входит каузатор – небо, объект каузации – человек (в совокупности сем «тело» и «дела»), состояние – судьба. Судьба понимается как совокупность составляющих, среди которых протяженность человеческой жизни; социальный статус человека; происходящие с индивидуумом события; состояние дел в результате воздействия дао – пути высших сил.

Выводы

Концепт-диада «Жизнь-Смерть» занимает в китайской языковой картине мира особое место. Это концепт-аксиологема, расположенный на высшем уровне ценностной шкалы. Семантическое поле концепта многообразно; в его ядре расположен человек в системе

взаимоотношений с Высшим («Небо») и интрасоциальным («Общество»). Жизнь человека представляет собой великий срединный путь (дао), подчиненный закону гармоничного продвижения вперед. Отклоняться от этого пути нецелесообразно; его назначение – воспитание в себе черт и характеристик «благородного мужа», который руководствуется принципами гуманности, почтительности, готовности к бесконечному познанию. «Благородный муж» – эталон аксиологической системы китайской ЯКМ, как и «совершенный мудрец».

Жизнь человека – это движение (заметим, что движение, как мы установили в процессе анализа идиоматических выражений, должно быть поступательным). Однако и оно подчинено законам высшего порядка – законам судьбы. Человек в аспекте провиденциальности достаточно пассивен: в отличие от русской ЯКМ, он не должен выступать «кузнецом своего счастья», идя наперекор предначертанному. В системе социальных отношений роль каждого человека определена ему с рождения. Жизнь должна быть прожита достойно; в этом случае память о благородных деяниях человека позволит ему избежать «социальной смерти». Смерть в китайской ЯКМ – обратная сторона жизни; горем и утратой она становится только в том случае, если индивиду не удалось воплотить в жизнь своих лучших качеств. На уровне соматической кодификации жизнь человека коррелирует с концептом «сердце», который выступает локализатором человеческой души.

В определенном смысле жизнь для носителей китайского языкового сознания – это нравственный подвиг, требующий самовоспитания.

Рассмотренные нами параметры китайской ЯКМ составил тот фонд знаний, который позволил нам приступить к осмыслению русской ЯКМ либо путем «сличения» ментальных пространств, либо путем элиминирования лакун.

Библиография

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
2. Залевская А.А. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 546 с.
3. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 46 – 59.
4. Бахтикиреева У.М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева // Национальные образы мира в художественной культуре. Материалы международной конференции. Нальчик, 2015. С.10–15.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.
6. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Санкт-Петербург, 1995.
7. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 5–18.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 264 с.
9. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
10. Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А. «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социокультурном и «игровом поле» современных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022.

- Т. 13. №1. С. 45-67. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. М.: Гнозис, 2002. 284с.
12. Уфимцева Н.В., Балясникова О.В. Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. №2. С. 238-254. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-25

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи является концептуальная пара «ЖИЗНЬ» и «СМЕРТЬ» в китайской языке. Как отмечает автор, «Базовой единицей лингвокультурологии является культурный концепт – «ячейка ментальности», «квант смысла», составляющий основу нашего внутреннего тезауруса. Концепт – одновременно индивидуальный и надиндивидуальный феномен. В отличие от понятия, он чувственно «маркирован», эмотивен, архетипичен. Анализ тех или иных концептов – это реконструкция сущностных смыслов, необходимых для приобщения к определенной культуре. Таким образом, концепты – это своего рода ключи к культуре». Действительно, это так, следовательно, исследование в рамках данной методологии может быть достаточно продуктивным и интересным. Работа грамотно выстроена, текст информативен, точка зрения автора объективна. Удачно совмещаются в статье практический и теоретический уровни: «некоторые из выбранных нами единиц прецедентного уровня нельзя отнести к широко ретранслируемым; их иллюстративный потенциал и исследовательская ценность заключаются для нас в концептуализации изучаемых феноменов в индивидуальном языковом сознании. Таким образом, мы приходим к двум уровням анализа концепта: индивидуальному и коллективному. Каждый из этих уровней способен предоставить нам дополнительный набор дифференциальных признаков, участвующих в формировании конструкта «Жизнь-Смерть». Некоторые из выбранных нами единиц прецедентного уровня нельзя отнести к широко ретранслируемым; их иллюстративный потенциал и исследовательская ценность заключаются для нас в концептуализации изучаемых феноменов в индивидуальном языковом сознании. Таким образом, мы приходим к двум уровням анализа концепта: индивидуальному и коллективному. Каждый из этих уровней способен предоставить нам дополнительный набор дифференциальных признаков, участвующих в формировании конструкта «Жизнь-Смерть». Ссылки на авторитетны имена исследователей говорят о качественной обработке информации: «наша базовая установка в выборе анализируемого материала сводится к широкому подходу к пониманию феномена прецедентности. Если по мысли Ю.Н. Караулова прецедентный текст – это высказывание, которое активно присутствует в конституции самой ЯЛ, то мы хотели бы уточнить, что прецедентен любой феномен, наличествующий в метатексте самой лингвокультуры». Удачно дробиться текст на т.н. смысловые части, это упрощает воспринимать информацию, следить за логикой развития мыслей. Основные требования издания учтены, тема соотносится с одной из магистралей журнала, таким образом, параметры выдержаны в рамках допустимого. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, это проявляется в следующих фрагментах: «XXI век ознаменовался в науке сменой научных парадигм (Т. Кун): «тектонический сдвиг»

затронул все области научного знания, в том числе филологию. Имманентный подход к языку, в рамках которого он изучался как «*causa sui*», сменился на антропоцентрический вектор, где точкой отсчета стал Человек как сложный феномен со своими биологическими, когнитивными, поведенческими, социальными, культурными настройками. Как отмечает Е.С. Кубрякова для филологии нового времени (заметим, что «смерть чистой лингвистики» была провозглашена еще в конце XX века) характерны такие тенденции, как междисциплинарность, экспланаторность и неофункционализм», или «в диахроническом аспекте такие науки, как лингвокультурология, еще только в начале пути своего становления. Активно разрабатывается их концептуальное поле; формируется терминологический тезаурус, способный обслуживать новую область знания; апробируются различные методы исследования. Становление лингвокультурологии (как и других наук, «произрастающих» из нескольких концептуальных полей) обусловлено установкой антропоцентрической парадигмы на холизм – принцип единства, способствующий констелляции различных (зачастую гетерогенных) областей научного знания. Под действием этой тенденции (которая обозначилась во второй половине XX века) многие исследователи преодолевают монодисциплинарный подход к изучаемому объекту» и т.д. Анализ вопроса сделан достаточно подобно, серьезных разночтений не выявлено, фактические неточности нивелированы. Оценочные рассуждения по ходу работы не вызывают нареканий: «жизнь человека – это постепенное «собрание», обживание и освоение пространства. Китайцы в определенном смысле руководствуются наивной картиной мира. Они полагают, что небытие есть название начала неба и земли, а бытие – название матери «десяти тысяч вещей». Среди этих «десяти тысяч вещей» особое место принадлежит человеку – буквально «человековещи», обладающей Разумом и потому стоящей над прочим объектным миром. Пространство, согласно мифологическим воззрениям китайцев, было «собрано воедино»: об этом рассказывает миф о Паньгу и Нюйве». Сопоставительный принцип анализа распространен на всю работу: «жизнь человека неизменно регулируется системой этических норм: «Да сюэ», «Чжунъюн», «Лунъюй», «Мэнцзы». Это принципы жизни, восходящие к Четверокнижию. Они определяют поведение людей, их обязанности, и детерминированы двумя признаками: возраста и субординации. Жизнь, согласно Четверокнижию, есть бесконечный путь самосовершенствования. Любой член общества должен пройти все стадии становления «благородного мужа», включающие: - *ge wu* (понимание архитектоники мироздания и умение классифицировать объекты действительности); - *zhi zhi* (стремление к познанию и самопознанию); - *cheng xin* (воспитание в себе высших нравственных качеств, «искренности сердца»); - *xiu shen* (самосовершенствование, ведущее к единству в семье, порядку в государстве и умиротворению). *Junzi* – благородный муж – является этическим героем в китайской национальной картине мира. Его прямой антипод – *xiao ren* (буквально «мелкая душа»), человек, нарушающий принципы морали и этики...» и т.д. Иллюстративный фон объемов: «автором исследования проведен ассоциативный эксперимент с референтной группой Хайнаньского университета. Словами-стимулами послужили лексемы «жизнь» и «смерть», на которые студентам было предложено дать соответствующий прецедентный текст в качестве реакции. Наиболее частотными текстами выступили следующие: - 生死有命,富贵在天。— «Жизнь и смерть предопределены, а богатство даруется небесами». - 宁愿站着死,不愿跪着生。— «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». - 死者倘不埋在活人的心中,那就真真死掉了。——【近代】鲁迅《华盖集》— «Мёртвые действительно мёртвы, если они погребены в сердцах живых». - 如果能快乐的归去,死亡就不能杀人,反而是人杀掉了死亡。——【现代】林清玄《境明,千里皆明》- «Если человек может умереть счастливо, человек преодолевает смерть». - 死亡不是失去生命,而是走出时间。——【现代】余华《活着》- «Смерть - это не потеря жизни, а выход из царства времени». - 死

亡是一枚沉重而干净的果实,我们吃下去,医治太多活着的病症。-【现代】余秀华《我们爱过又忘记》- «Смерть – тяжелый и чистый плод, который мы едим, чтобы исцелить слишком много недугов жизни» и т.д. Целевая составляющая по факту достигнута; в заключительном блоке отмечено, что «концепт-диада «Жизнь-Смерть» занимает в китайской языковой картине мира особое место. Это концепт-аксиологема, расположенный на высшем уровне ценностной шкалы. Семантическое поле концепта многообразно; в его ядре расположен человек в системе взаимоотношений с Высшим («Небо») и интрасоциальным («Общество»). Жизнь человека представляет собой великий срединный путь (дао), подчиненный закону гармоничного продвижения вперед. Отклоняться от этого пути нецелесообразно; его назначение – воспитание в себе черт и характеристик «благородного мужа», который руководствуется принципами гуманности, почтительности, готовности к бесконечному познанию. «Благородный муж» - эталон аксиологической системы китайской ЯКМ, как и «совершенный мудрец». Считаю, что работа может быть интересна широкой аудитории, даже неподготовленный, но заинтересованный читатель сможет получить информативный импульс. Рекомендую статью «Концептуальная пара «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира: экспланация значений прецедентных текстов для представителей русской лингвокультуры» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Колосова Е.И. — Эволюция представлений о вегетарианстве в литературе Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. (на материале «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Дж. Ритсона, философской поэме «Королева Маб» и эссе «Оправдание естественной диеты» П.Б. Шелли) // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.54686 EDN: WLNEMD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=54686

Эволюция представлений о вегетарианстве в литературе Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. (на материале «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Дж. Ритсона, философской поэме «Королева Маб» и эссе «Оправдание естественной диеты» П.Б. Шелли)

Колосова Екатерина Игоревна

ORCID: 0000-0003-1333-9129

младший научный сотрудник, отдел литературоведения, ИНИОН РАН

117418, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский Проспект, 51/21

✉ kolosova@inion.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.10.54686

EDN:

WLNEMD

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2023

Дата публикации:

13-10-2023

Аннотация: В статье исследуется литературное воплощение темы вегетарианства в произведениях британских писателей рубежа XVIII–XIX вв. Одним из первых, кто предложил новую для современников концепцию вегетарианства, был английский писатель Томас Трайон (1634–1703). Его труды (как и работы его последователей) вдохновили английского писателя, антиквария Джозефа Ритсона (1752–1803) и поэта-романтика Перси Биш Шелли (1792–1822). В «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» (1802) Ритсона суммируется опыт предшественников и предлагается

оригинальная концепция вегетарианства, близкая романтическому мироощущению. Идеи Ритсона были использованы П.Б. Шелли при работе над философской поэмой «Королева Маб» (1813), а также в эссе «Оправдание естественной диеты» (1813). Продуктивный «диалог» интеллектуалов эпохи Просвещения и писателя рубежа XVIII–XIX вв. Ритсона повлиял на дальнейшее развитие философии вегетарианства в европейской культуре. Ритсон был одним из первых, кто рассматривал вегетарианство вне религиозного контекста, подчеркивая положительное влияние растительной пищи на организм человека, а также на социальную значимость такого типа питания. Главный моральный тезис Ритсона против мясоедения заключался в том, что употребление животной пищи влияет на поведение человека и подталкивает к жестоким поступкам. Поэт-романтик П.Б. Шелли, вдохновившись трудом своего предшественника, по-своему переосмыслил изложенные в «Эссе» идеи, а затем представил в «Королеве Маб» и «Оправдании естественной диеты» свои воззрения по поводу политически и философски значимой практики воздержания от животной пищи. По мнению поэта, проявление жестокости, порабощение другого существа нарушают природную гармонию, и, как следствие, уничтожают моральную цельность человека. Соответственно, для Шелли вегетарианство было необходимым шагом на пути к освобождению человечества от пороков.

Ключевые слова:

вегетарианство, Джозеф Ритсон, Перси Биш Шелли, Просвещение, романтизм, Томас Трайон, Джордж Чейни, британская литература, XVIII век, Королева Маб

Введение

Тема вегетарианства в западной культуре актуализируется на рубеже XVII–XVIII вв., хотя пользу растительной диеты отмечали еще античные мыслители и итальянские гуманисты. Древнегреческий философ Пифагор и его последователи призывали к отказу от жертвоприношений и мясоедения, считая необходимым употреблять в пищу только термически необработанные продукты. Затем к опыту Пифагора обратился Порфирий в трактате «О воздержании от животной пищи» (лат. *De Abstinencia ab Esu Animalium*) – в нем финикийский философ призвал к строгому аскетизму и гуманности по отношению ко всем живым существам. Однако, вслед за исследователем М. Жаннере отметим, что отказ от животной пищи, который практиковали Порфирий или Плутарх, не был полностью воспринят их современниками [\[10, с. 214\]](#). Исследователь также замечает, что и позднее, среди итальянских гуманистов особая ценность растительной пищи не всегда влекла за собой радикальный отказ от мяса. На примере сатирических диалогов из книги «Разговоры запросто» (*Colloquia familiaria*, 1518) голландского философа, мыслителя Эразма Роттердамского (1466–1536), нравственных убеждений французского теолога и пастора времён протестантской Реформации Ж. Кальвина (1509–1564) и пр. исследователь доказывает, что вегетарианство в эпоху Возрождения учило умеренности и почитанию дарованных Природой плодов, но при этом не рассматривалось вне религиозного контекста.

Ситуация меняется на рубеже XVII–XVIII вв., когда тема вегетарианства вновь актуализируется и перестает быть исключительно религиозной практикой. Благодаря трудам шотландского медика Джорджа Чейни (*George Cheyne*, 1672–1743) положительное влияние растительной диеты на организм человека стало всерьёз обсуждаться в научном сообществе. Результаты его исследования отражены в таких работах, как «Очерк о здоровье и долголетию» (*An Essay of Health and Long Life*, 1724), «Очерк о

режиме» (*An Essay on Regimen*, 1740) и «Естественный метод лечения болезней человеческого тела и психических расстройств, связанных с телом» (*The Natural Method of Curing the Diseases of the human Body, and the Disorders of the Mind attending on the Body*, 1742). Наибольшую известность получил «Очерк о здоровье и долголетию» [\[8\]](#), в котором Чейни, с опорой на случаи из своей медицинской практики, сформулировал принципы рациона (предполагающий вегетарианский тип питания), обещающего человеку долголетие. Так, к 1730–1740 гг. британское медицинское сообщество высоко оценило результаты новаторской системы питания Чейни.

К теме вегетарианства также обращался религиозный активист-вегетарианец XVII в. Роджер Крэб (*Roger Crab*, 1621–1680), английский предприниматель, писатель Т. Трайон (*Thomas Tryon*, 1634–1703), английский писатель А. Поуп (*Alexander Pope*, 1688–1744) и другие просветители. Позднее, на рубеже XVIII–XIX вв. данный феномен начинает по-новому осмысливаться писателями, поэтами и учеными. Целью данной статьи является обнаружение причин, по которым тема вегетарианства интересует британских писателей XVIII–XIX вв. (прежде всего, Дж. Ритсона и П.Б. Шелли), а также анализ их философских концепций, в которых вегетарианство занимает особое место. Для того, чтобы раскрыть данный феномен, необходимо обратиться к трактату английского писателя, антиквара Джозефа Ритсона (*Joseph Ritson*, 1752–1803) «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» (*An Essay on Abstinence from Animal Food, as a Moral Duty*, 1802). Как будет далее показано в статье, этот труд во многом повлиял на творчество поэта-романтика Перси Биш Шелли (*Percy Bysshe Shelley*, 1792–1822). Известно, что экземпляр «Эссе» хранился в личной библиотеке поэта [\[11, с. 54\]](#), и он опирался на высказанные Ритсоном тезисы, когда работал над своей первой поэмой «Королева Маб» (*Queen Mab: A Philosophical Poem*, 1813) и эссе «Оправдание естественной диеты» (*A Vindication of Natural Diet*, 1813).

Продуктивный «диалог» Дж. Ритсона и П.Б. Шелли, который во многом определил дальнейшее развитие философии вегетарианства в европейской культуре, на наш взгляд, следует проанализировать на материале «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Ритсона, философской поэме «Королева Маб» Шелли и его эссе «Оправдание естественной диеты», используя культурно-исторический и описательный методы. Ранее в отечественном литературоведении не предпринималось попыток рассмотрения темы вегетарианства в литературе Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв., и эта лакуна создает необходимость в более пристальном изучении данной темы.

«Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Дж. Ритсона

Одним из первых активистов-вегетарианцев, широко популяризирующих данную идею, стал английский писатель и антикварий Джозеф Ритсон. К идее вегетарианства его он пришел после знакомства в «Басней о пчелах» (*The Fable of The Bees: or, Private Vices, Publick Benefits*, 1714) английского философа и сатирического писателя Бернарда де Мандевиля (*Bernard de Mandeville*, 1670–1733), которую писатель прочитал в 1772 г., в возрасте 19 лет. В 1802 г. английский издатель сэр Ричард Филлипс (*Sir Richard Phillips*, 1767–1840) – который также выступал в защиту вегетарианства – опубликовал «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» (*An Essay on Abstinence from Animal Food, as a Moral Duty*, 1802) [\[13\]](#), которое относится к зрелому творчеству Ритсона. В данной работе писателем суммируются многочисленные примеры и аргументы против употребления в пищу мяса животных, рассматривающие данную проблему с этической, моральной, психологической, культурной и практической точек зрения. В первой главе своего труда Ритсон исследует природу человека сквозь призму

достижений классической философии. Опираясь на философские теории античных мыслителей и поэтов (Гомера, Гесиода, Лукреция, Пифагора, Овидия, Еврипида, Платона, Аристотеля и др.), он определяет ключевое отличие человека от животного. Так, в античных поэмах Гомера (прежде всего, в «Илиаде») и трагедии Еврипида «Меланиппа-узница» его привлекла идея о том, что душа дает человеку жизнь и определяет его поступки в физическом мире [\[13, с. 5-11\]](#), но этим писатель не ограничился – его внимание также привлекли и более последовательные концепции личности, которые разрабатывались в послегомеровской Греции. Подвергнув корпус античных текстов тщательному анализу, Ритсон заключил, что основным достижением античной философии стала идея о том, что тело и душа человека не могут существовать изолированно друг от друга [\[13, с. 12\]](#). Именно это стало отправной точкой в построении его собственной концепции вегетарианства.

Другим значимым элементом в теории Ритсона стало отличие первобытного человека от индивида, живущего в гражданском обществе, которое было предложено франко-швейцарским философом и мыслителем эпохи Просвещения Ж.-Ж. Руссо (Jean-Jacques Rousseau, 1712–1778) в трактате «Рассуждения о происхождении неравенства» (*Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*, 1755). Однако если Руссо в способности человека к самосовершенствованию видел корень пороков и социальной несправедливости, то Ритсон смотрит на данный феномен иначе. По его мнению, только самосовершенствование способно искоренить жестокость и зло, которое по определению наличествует в человеческой природе [\[13, с. 20-21\]](#). Завершая рассуждения о человеке, Ритсон соглашается с шотландским историком и энциклопедистом Уильямом Смелли (William Smellie, 1740–1795) и приводит обширную цитату из его «Философии естествознания» (*Philosophy of Natural History*, 1779): «Из всех хищных животных человек – самый универсальный разрушитель. Уничтожение плотоядных четвероногих, птиц и насекомых, как правило, ограничивается отдельными видами. Но алчность человека почти не имеет пределов. Его власть над другими животными, населяющими земной шар, практически безгранична. Некоторых животных, таких как лошадь, собака, кошка, он делает домашними рабами; и, хотя в этой стране ни один из этих видов не употребляется в пищу, человек либо заставляет их работать на себя, либо использует в качестве источников удовольствия и развлечений. От других четвероногих, таких как быки, овцы, козы и олени, он извлекает бесчисленные преимущества...» [\[13, с. 15\]](#).

Вторую и девятую главы своего «Эссе» Ритсон отводит для более подробного рассмотрения преимуществ вегетарианской диеты. В них писатель опирается на труды Джорджа Чейни [\[8\]](#) и Томаса Трайона [\[16\]](#) – мыслителей, которые считали отказ от животной пищи, помимо прочего, еще и религиозной практикой. Однако Ритсон, будучи атеистом, подчеркивает положительное влияние вегетарианской диеты на физическое здоровье человека, которое ранее отмечали эти мыслители. Например, он объясняет высокий уровень младенческой смертности в 1800 г., который был зафиксирован в статистике смертности, «несвоевременным и неестественным употреблением животной пищи» [\[13, с. 147\]](#). В этом же отношении Ритсон вспоминает и о «золотом веке долгожителей», первобытных христианах, а также таитянах, которые питались исключительно растительной пищей и даже не помышляли о потреблении мяса [\[2, с. 165-167\]](#). Обобщив результаты своего исследования, Ритсон пришел к выводу, что золотой век был не конкретным историческим временем и не зависел от какого-либо вероисповедания, но характеризовался особым, гармоничным состоянием души [\[13, с. 170-171\]](#).

Переходя к социальному аспекту вегетарианской диеты, вслед за Чейни, Ритсон доказывает, что питание йоменов положительно сказывалось на их физическом здоровье, обеспечивая выносливость и силу, хотя их рацион не был разнообразным: «их основная диета состояла из картофеля, молока и овсяной каши...» [\[13, с. 194\]](#). Обсуждая актуальное положение сельского хозяйства, Ритсон утверждает, что невзирая на улучшения в данной области английской экономики, Англия, тем не менее, не готова обеспечивать продовольствием большее количество людей, чем раньше, потому что производство мяса требует более масштабных территорий [\[13, с. 84-85\]](#).

Наиболее значимый аргумент против употребления мяса для самого Ритсона заключается в том, что «употребление животной пищи настраивает человека на жестокость и свирепые поступки» [\[13, с. 86\]](#). Иллюстрируя пороки мясоедения, он приводит многочисленные примеры из жизни первобытных народов и племён, однако писателя не интересовало сухое сравнение первобытного человека с цивилизованным. Антропологические экскурсы подводят автора «Эссе» к ряду любопытных выводов: например, если современники писали о том, что жертвоприношения животных когда-то заменили человеческое жертвоприношение, то Ритсон пошёл дальше, предположив, что священнослужители якобы случайно попробовали мясо животных в ходе ритуального действия и, полюбив вкус животной плоти, не смогли противиться собственной кровожадности [\[13, с. 124\]](#). В этом умозаключении обнаруживается антиклерикализм Ритсона, который распространяется не только на христианство, но и на любую существующую религию в целом.

Несмотря на то, что «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» представляет собой собрание самых разных философских концепций и воззрений, включая описания религиозных практик или попытки через мясоедение обнаружить сущность классового неравенства, самого Ритсона больше всего беспокоила проблема жестокости человеческой природы. Отказ от мяса, в его представлении, в первую очередь должен стать интеллектуальным усилием, победой разума над телом, которая впоследствии приведёт человечество в состояние гармонии.

Тема вегетарианства в творчестве П.Б. Шелли: философская поэма «Королева Маб» и эссе «Оправдание естественной диеты»

Спустя одиннадцать лет эти идеи Ритсона были использованы поэтом-романтиком Перси Биш Шелли при работе над философской поэмой «Королева Маб» (1813) [\[15\]](#), а также в эссе «Оправдание естественной диеты» (1813) [\[14\]](#). Изначально предполагалось, что данное эссе станет частью примечаний к поэме, но в процессе публикации поэтом было принято решение издать эссе отдельно.

Сюжет поэмы «Королева Маб» построен на описании путешествия души Ианты и Королевы Маб в небесный дворец на краю Вселенной, где волшебные сущности показывают Душе прошлое, настоящее и будущее. Королева, феи, фантомы и другие волшебные персонажи предлагают различные варианты решения социальных проблем и искоренения зла из природы человека, которое неизменно заставляет его вступать в противоречие с природой. Одним из способов выхода из порочного круга становится прекращение употребления в пищу мяса. В седьмой части поэмы Фея призывает призрак Ахашвероша, еврея, поплатившегося жизнью за своё вероисповедание. Душе интересно, существует ли Бог на самом деле, и Ахашверош поведал ей свою историю. Он начинает рассказ с истории титанов и говорит, о «мстительном и всемогущем боге, от голоса которого однажды содрогнулась Земля»:

Abhorrence, and the grave of Nature yawned

To swallow all the dauntless and the good

That dared to hurl defiance at his throne [\[15, с. 241\]](#)

Образ античного божества сливается с образом Природы, поглощающей тех, кто осмелился восстать против неё, что подкрепляется описанием человеческих жертвоприношений, которые совершали «оставшиеся в живых рабы» [\[15, с. 241\]](#). Затем Ахашверош сближает языческие жертвоприношения с религиозными воинами и готовностью христиан бороться за своё вероисповедание до последней капли крови. В сущности, еврей не верит в то, что Бог мог требовать от человека совершения насилия над своими собратьями ради доказательства своей верности – это человек начал скрывать свои преступления за маской религиозности.

Восьмая часть поэмы открывается образом «полусъеденных младенцев», которых должно возродить Время:

Now, Spirit, learn, The secrets of the future.

-Time! Unfold the brooding pinion of thy gloom,

Render thou up thy half-devoured babes [\[15, с. 248\]](#)

В этой части обращает на себя внимание то, что будущее, кроме любви и свободы, обещает ещё и здоровье (*Love, freedom, health*). Это оказывается созвучным древнегреческому (например, пифагорейскому) взгляду на роль питания. Основная функция диеты в греческой культуре заключалась в укреплении физического тела как для совершенствования разума, так и для поддержания гармоничных отношений с живой природой.

Идея гармонии Земли и человечества также звучит в «Королеве Маб». Так, в процессе моральной трансформации животные забывают о своей животной природе, а люди становятся еще более гуманными по отношению к ним и друг другу. Природа сама словно переосмысливается в преобразовании человечества, однако этот процесс возможен лишь в том случае, если человек волевым усилием преодолевает в себе пороки и жестокость:

The lion now forgets to thirst for blood;

There might you see him sporting in the sun

Beside the dreadless kid; his claws are sheathed,

His teeth are harmless, custom's force has made

His nature as the nature of a lamb. [\[15, с. 251-252\]](#)

В финале восьмой части поэмы Шелли поднимает проблему социального неравенства. Ее истоки он по-прежнему видит только в неукротимой людской жестокости, которая стала следствием нарушения закона Природы:

Immortal upon earth; no longer now

He slays the lamb that looks him in the face,

And horribly devours his mangled flesh,

Which, still avenging Nature's broken law [\[15, с. 254\]](#)

Но Шелли верит в исправление человека. Восьмая часть завершается упованием на всемогущество разума («Вся сила во всемогуществе разума, которая извлекает из тьмы жемчужину истины»). Именно интеллектуальное усилие и осознание своей испорченности способно ограничить человека в его пагубных привычках. Это Шелли еще более подробно рассматривает в «Оправдании естественной диеты» [\[14\]](#).

Свое эссе Шелли начинает следующим утверждением: «Я считаю, что порочность физической и моральной природы человека проистекает из его неестественных жизненных привычек» [\[14, с. 9\]](#). Опираясь на Ньютоновскую (John Frank Newton, 1767–1837) интерпретацию мифа, Шелли приводит в пример защитника людей от произвола богов Прометея, который (представляя собой человеческий род) применил огонь к приготовлению пищи и, тем самым, показал, как можно скрыть «вкус разлагающейся плоти» [\[14, с. 11\]](#). С того момента его органы начал пожирать «стервятник болезни». Вместе с мясоедением в жизнь человека пришли тирания, суеверия и социальное неравенство.

Болезни, которые преследуют человечество, также распространяются, по мысли Шелли, и на домашних животных: «Бизон и волк совершенно свободны от болезней и неизменно умирают либо от внешнего насилия, либо от естественной старости. Но домашняя свинья, овца, корова и собака подвержены невероятному разнообразию болезней; и, как и для растений их природы, есть врачи, которые преуспевают в этих невзгодах» [\[14, с. 9\]](#). Обобщив все негативные последствия мясоедения и жестокости в целом, поэт призывает к восстанию против системы угнетения, которая переплетается «со всеми волокнами человеческого существования» [\[14, с. 12\]](#). В первую очередь, по мысли Шелли, бунт должен выразиться в отказе от животной пищи и алкоголя. Как и Ритсон, поэт призывает сделать над собой интеллектуальное усилие, «решительный эксперимент» [\[14, с. 13\]](#) над своей волей. Однако Шелли считал невозможным нанесение вреда живым существам, а поедание плоти рассматривал как воплощение морального вырождения человечества – этих этических оснований обращения к вегетарианству у Ритсона не было. Вслед за своим предшественником, Шелли уделяет внимание и аспекту социального неравенства, хотя рассматривает эту проблемы под другим углом: «Никому нельзя доверять власть (а деньги – это наиболее сильный вид власти), кто не берет на себя обязательства использовать ее исключительно для общей выгоды. Но употребление мяса животных и спиртных напитков прямо противоречит этому равенству прав человека. Крестьянин не может удовлетворить эти модные пристрастия, не оставив свою семью голодать ... Крестьянство работает не только на себя, но и на аристократию» [\[14, с. 12\]](#).

В финале эссе Шелли предупреждает, что не стоит ожидать быстрых результатов от перехода на растительное питание, поскольку моментальное возвращение к природе неспособно в одночасье искоренить те вредоносные привычки, которые беспрепятственно укреплялись на протяжении веков. Тем не менее, поэт убежден, что с момента отказа от всего неестественного не возникнет никаких новых болезней, а предрасположенность к наследственным заболеваниям постепенно исчезнет из человеческой природы.

Заключение

Проанализировав «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Дж. Ритсона, философскую поэму «Королева Маб» П.Б. Шелли и его эссе «Оправдание естественной диеты», мы видим, что продуктивный «диалог» интеллектуалов эпохи Просвещения (таких как Т. Трайон и Дж. Чейни) и писателя рубежа XVIII–XIX вв. Ритсона повлиял на дальнейшее развитие философии вегетарианства в европейской культуре. Ритсон был одним из первых, кто начал рассматривать вегетарианство вне религиозного контекста, делая акцент на оздоровительном влиянии растительной пищи на организм человека, а также на социальную значимость такого типа питания. Главный моральный тезис Ритсона против мясоедения заключался в том, что употребление животной пищи влияет на поведение человека и подталкивает к жестоким поступкам. Поэт-романтик П.Б. Шелли, вдохновившись «Эссе» своего предшественника, по-своему переосмыслил изложенные в труде идеи, а затем представил в «Королеве Маб», а также в эссе «Оправдание естественной диеты» свои воззрения по поводу политически и философски значимой практики воздержания от животной пищи. Вегетарианство в философской концепции Шелли становится «инструментом», оружием в борьбе против социальной несправедливости, а также способом достижения морального совершенства и гармонии.

В заключение отметим, что тема вегетарианства в британской литературе рубежа XVIII–XIX вв. малоизучена отечественными исследователями, однако в статье предпринята попытка дать общую характеристику данного феномена на конкретных литературных примерах, а также наметить перспективы дальнейшего исследования. Кроме того, труды упомянутых в статье литераторов (Р. Крэб, Т. Трайон, А. Поуп и т.д.), касающиеся темы вегетарианства, также могут учитываться исследователями британской литературы XVII–XIX вв. и найти отражение в отечественном литературоведении.

Библиография

1. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М: Искусство, 1966. – 397 с.
2. Вершинин И.В. Труды по изучению предромантизма и романтизма. М.: Социум, 2011. – 671 с.
3. Дьяконова Н.Я. Английский романтизм: Проблемы эстетики. М.: Наука, 1978. – 208 с.
4. Ковалёва О.В. Зарубежная литература XIX века. Романтизм. Учебное пособие. М.: Оникс, 2005. – 268 с.
5. Колосова Е. И. Тема вегетарианства в литературе Великобритании XVII–XVIII вв., ее основания и культурные контексты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2021. № 4. С. 53–65.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. – 1596 с.
7. Соловьёва Н.А. У истоков английского романтизма. М.: МГУ, 1983. – 230 с.
8. Cheyne G. The Essay of Health and Long Life. London: George Strahan, 1724. – 232 p.
9. Guerrini A. A. Diet for a sensitive soul: vegetarianism in eighteenth-century Britain // Eighteenth-century life. 1999. Vol. 23 (2). P. 34–42.
10. Jeanneret M. «Ma salade et ma muse»: on Renaissance vegetarianism // At the table. Turnhout: Brepols, 2007. P. 211–222.
11. Morton T. Joseph Ritson, Percy Shelley and the making of romantic vegetarianism // Romanticism. 2006. Vol. 12 (1). P. 52–61.
12. Morton T. Shelley and the Revolution in Taste: The Body and the Natural World.

Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 298 p.

13. Ritson J. An Essay on Abstinence from Animal Food: As a Moral Duty. London: R. Phillips, 1802. – 236 p.

14. Shelley P. B. A Vindication of Natural Diet. London: F. Pitman, 1886. – 27 p.

15. Shelley P. B. Queen Mab: a Philosophical Poem. London: John Ascham, 1834. – 232 p.

16. Tryon T. Wisdom's Dictates, or, Aphorisms and Rules, Physical, Moral, and Divine, for Preserving the Health of the Body, and the Peace of the Mind. London: Tho. Salisbury, 1691. – 153 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Представление о вегетарианстве на рубеже XVIII–XIX вв. (на примере творчества Дж. Ритсона и П.Б. Шелли)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к особенностям популяризации вегетарианства в художественных произведениях рассматриваемого периода.

Автор обращается к диалогу интеллектуалов эпохи Просвещения (таких как Т. Трайон и Дж. Чейни) и писателя рубежа XVIII–XIX вв. Дж. Ритсона, который повлиял на дальнейшее развитие философии вегетарианства в европейской культуре.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Из текста статьи совсем не ясен объем фактического языкового корпуса исследования. Каков объем языкового корпуса и какими методами автор его обрабатывал?

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также не представлены убедительные данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов.

Однако, как и в любой крупной работе, выявлены ряд недостатков, а именно: считаем, что заявленная тема в заглавии статьи шире, чем представленное содержание. Кроме того, не совсем понятно сочетание «на примере», вероятно, более уместно «на материале» произведений.

Отметим, что введение не содержит постановку проблемной задачи и историографию вопроса.

В работе отсутствует описание исследования, самого хода исследования.

Заключение по итогам исследования требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 9 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно

несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Представление о вегетарианстве на рубеже XVIII–XIX вв. (на примере творчества Дж. Ритсона и П.Б. Шелли)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения ряд правок, а именно: 1) усиление библиографии, 2) уточнения названия статьи, 3) постановку целей и задач, 4) обращение к историографии вопроса.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи нетривиален, достаточно нов, концептуально выверен – это «эволюция вегетарианства в литературе Великобритании рубежа XVIII – XIX веков». Как отмечает автор данного труда, «тема вегетарианства в британской литературе рубежа XVIII–XIX вв. малоизучена отечественными исследователями, однако в статье предпринята попытка дать общую характеристику данного феномена на конкретных литературных примерах, а также наметить перспективы дальнейшего исследования. Кроме того, труды упомянутых в статье литераторов (Р. Крэб, Т. Трайон, А. Поуп и т.д.), касающиеся темы вегетарианства, также могут учитываться исследователями британской литературы XVII–XIX вв. и найти отражение в отечественном литературоведении». Достаточно интересна композиция статьи, принцип хронологии удачен в данном случае, фактор эволюции именно такой вариацией и можно оценить объективно. Стилистая составляющая работы соотносится с научным типом: например, «древнегреческий философ Пифагор и его последователи призывали к отказу от жертвоприношений и мясоедения, считая необходимым употреблять в пищу только термически необработанные продукты. Затем к опыту Пифагора обратился Порфирий в трактате «О воздержании от животной пищи» (лат. *De Abstinentia ab Esu Animalium*) – в нем финикийский философ призвал к строгому аскетизму и гуманности по отношению ко всем живым существам. Однако, вслед за исследователем М. Жаннере отметим, что отказ от животной пищи, который практиковали Порфирий или Плутарх, не был полностью воспринят их современниками...», или «ситуация меняется на рубеже XVII–XVIII вв., когда тема вегетарианства вновь актуализируется и перестает быть исключительно религиозной практикой. Благодаря трудам шотландского медика Джоржа Чейни (George Cheyne, 1672–1743) положительное влияние растительной диеты на организм человека стало всерьёз обсуждаться в научном сообществе. Результаты его исследования отражены в таких работах, как «Очерк о здоровье и долголетию» (*An Essay of Health and Long Life*, 1724), «Очерк о режиме» (*An Essay on Regimen*, 1740) и «Естественный метод лечения болезней человеческого тела и психических расстройств, связанных с телом» (*The Natural Method of Curing the Diseases of the human Body, and the Disorders of the Mind attending on the Body*, 1742)» и т.д. Структура работы продумана, дробность на т.н. смысловые части оправдана, заинтересованный читатель

сможет двигаться по ходу развития авторской мысли. Считаю, что работа предполагает конструктивный диалог с реципиентом, ибо автор часто дублирует, и это неплохо, тематическую направленность: «продуктивный «диалог» Дж. Ритсона и П.Б. Шелли, который во многом определил дальнейшее развитие философии вегетарианства в европейской культуре, на наш взгляд, следует проанализировать на материале «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Ритсона, философской поэме «Королева Маб» Шелли и его эссе «Оправдание естественной диеты», используя культурно-исторический и описательный методы. Ранее в отечественном литературоведении не предпринималось попыток рассмотрения темы вегетарианства в литературе Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв., и эта лакуна создает необходимость в более пристальном изучении данной темы». Выбранная литературная база соответствует предметной магистрали, работа с фактическими источниками осуществляется в рамках актуальной методологии. Серьезных критических ошибок по ходу текста не выявлено; термины и понятия, используемые в сочинение «читаются» объективно, унифицировано. Считаю, что синкретический тон исследования придает явную новизну труду, актуализирует проблемный вектор. Отсылки к Античности, Средним векам, межпредметная связь, ориентир на культурное наследие – все компилируется в хороший, качественный корпус. Часть «тезисов» допускает дальнейшую разверстку вопроса, и это тоже можно оценить положительно: «в данной работе писателем суммируются многочисленные примеры и аргументы против употребления в пищу мяса животных, рассматривающие данную проблему с этической, моральной, психологической, культурной и практической точек зрения. В первой главе своего труда Ритсон исследует природу человека сквозь призму достижений классической философии. Опираясь на философские теории античных мыслителей и поэтов (Гомера, Гесиода, Лукреция, Пифагора, Овидия, Еврипида, Платона, Аристотеля и др.), он определяет ключевое отличие человека от животного. Так, в античных поэмах Гомера (прежде всего, в «Илиаде») и трагедии Еврипида «Меланиппа-узница» его привлекла идея о том, что душа дает человеку жизнь и определяет его поступки в физическом мире, но этим писатель не ограничился – его внимание также привлекли и более последовательные концепции личности, которые разрабатывались в послегомеровской Греции». Материал удобно будет использовать в рамках освоения ряда гуманитарных курсов, работа может стать подспорьем для написания новых статей смежно-тематической направленности. Положительно воспринимается и критический разбор текстов Дж. Ритсона и П.Б. Шелли: «переходя к социальному аспекту вегетарианской диеты, вслед за Чейни, Ритсон доказывает, что питание йоменов положительно сказывалось на их физическом здоровье, обеспечивая выносливость и силу, хотя их рацион не был разнообразным: «их основная диета состояла из картофеля, молока и овсяной каши...». Обсуждая актуальное положение сельского хозяйства, Ритсон утверждает, что невзирая на улучшения в данной области английской экономики, Англия, тем не менее, не готова обеспечивать продовольствием большее количество людей, чем раньше, потому что производство мяса требует более масштабных территорий» и т.д. Основные требования издания учтены, серьезной правки не требуется. Выводы полновесно соотносятся с основным блоком: «проанализировав «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Дж. Ритсона, философскую поэму «Королева Маб» П.Б. Шелли и его эссе «Оправдание естественной диеты», мы видим, что продуктивный «диалог» интеллектуалов эпохи Просвещения (таких как Т. Трайон и Дж. Чейни) и писателя рубежа XVIII–XIX вв. Ритсона повлиял на дальнейшее развитие философии вегетарианства в европейской культуре. Ритсон был одним из первых, кто начал рассматривать вегетарианство вне религиозного контекста, делая акцент на оздоровительном влиянии растительной пищи на организм человека, а

также на социальную значимость такого типа питания. Главный моральный тезис Ритсона против мясоедения заключался в том, что употребление животной пищи влияет на поведение человека и подталкивает к жестоким поступкам. Поэт-романтик П.Б. Шелли, вдохновившись «Эссе» своего предшественника, по-своему переосмыслил изложенные в труде идеи, а затем представил в «Королеве Маб», а также в эссе «Оправдание естественной диеты» свои воззрения по поводу политически и философски значимой практики воздержания от животной пищи. Вегетарианство в философской концепции Шелли становится «инструментом», оружием в борьбе против социальной несправедливости, а также способом достижения морального совершенства и гармонии». Основная цель исследования достигнута, задачи поставленные в начале решены. Рекомендую статью «Эволюция представлений о вегетарианстве в литературе Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. (на материале «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» Дж. Ритсона, философской поэме «Королева Маб» и эссе «Оправдание естественной диеты» П.Б. Шелли)» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гуркова А.В. — Употребление прилагательных как средства изменения временного континуума в рамках художественного текста // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68684 EDN: XCSWGP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68684

Употребление прилагательных как средства изменения временного континуума в рамках художественного текста

Гуркова Анастасия Владимировна

преподаватель кафедры английского языка, ГОУ ВО МО Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево

142600, Россия, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зелёная, 22

✉ avgurkova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.68684

EDN:

XCSW GP

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2023

Дата публикации:

14-10-2023

Аннотация: Предметом исследования является преувеличение и преуменьшение времени в современном английском художественном тексте посредством употребления прилагательных. Объектом исследования выступают прилагательные, которые представлены в качестве средства изображения гиперболизированного и преуменьшенного временного континуума. Автор подробно рассматривает семантику таких лексем, как *brief*, *quick*, *fleeting*, *ancient* и *slow*. Особое внимание уделяется их изменению в рамках сочетаний с другими лексическими единицами, в ходе которых временные отрезки растягиваются или же сужаются. В данной работе автор использовал следующие методы: метод компонентного анализа, метод контекстного анализа, метод лингвостилистического анализа. Основным выводом проведенного исследования является определение лексем *brief*, *quick*, *fleeting*, *ancient* и *slow* индикаторами

преувеличения и преуменьшения времени в рамках английского художественного текста фантастического жанра. Отмечено использование анализируемых лексем в разных формах степени сравнения прилагательных, а также в составе сравнительных оборотов. Вышеуказанные лексемы могут выражать скорость выполняемых действий, а время, которое затрачивается героями, как нарочито растянуто, так и проходит мгновенно. Также гиперболизированное время может являться способом отражения достоверности существования народов и мира в целом. Стоит отметить, что были выявлены некоторые авторские неологизмы.

Ключевые слова:

преувеличение времени, преуменьшение времени, имя прилагательное, диктема, континуум, контекст, гиперболизация, авторский неологизм, не словарные словосочетания, категория времени

Время представляет собой многоаспектную и универсальную категорию. Изучение времени продолжается на протяжении многих веков философами, лингвистами и учёными различных отраслей наук, таких как культурология, психология, физика, естествознание и др. [\[20\]](#). Время – комплексная и весьма сложная категория. Время является неотъемлемой частью научной и языковой картины мира [1-8, 11-14, 16-21]. «Слово способно хранить культурную память о прошлом, представляя, прежде всего, специфику этого прошлого» [\[17, с. 143\]](#).

Обратимся к семантике времени. Толковый словарь Даля В.И. предлагает следующее значение: длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками; последовательное течение суток за сутками. [\[16\]](#)

В словаре Ожегова С.И. зафиксированы следующие значения:

- одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи -последовательная смена ее явлений и состояний. Вне времени и пространствен движения материи,
- продолжительность, длительность чего-н., измеряемая секундами, минутами, часами. [\[16\]](#)

Тем временем в англоязычных словарях представлены следующие значения данной категории:

1. *the part of existence that is measured in minutes, days, years, etc., or this process considered as a whole* (часть существования, измеряемая минутами, днями, годами и т. д., или этот процесс, рассматриваемый в целом – Здесь и далее перевод автора.);
2. *the system of recording hours used in different parts of the world* (система учета рабочего времени, используемая в разных частях мира);
3. *a particular point of the day, year, etc. that is suitable for a particular activity, or at which something is expected to happen* (определенное время дня, года и т. д., подходящее для определенной деятельности или в которое ожидается что-то произойдет.);

4. *a period in history* (период в истории) [\[22, 23, 25\]](#).

Таким образом, можно сделать вывод, что время и пространство неделимы и взаимозависимы. Время является формой существования материи, однако может быть измерено конкретными величинами. «Лексемы, обозначающие временной континуум, являясь частью словарных и авторских словосочетаний, могут как преувеличивать, так и преуменьшать временные промежутки». [\[9, с. 108\]](#)

Целью данного исследования является выявление перечня прилагательных, который может быть использован в качестве преувеличения и преуменьшения времени на примере произведений Дж. Мартина *"Fire and Blood"* и Дж. Роулинг *"Harry Potter and the Deathly Hallows"*.

В данной работе мы осуществили следующих **методы**:

- метод компонентного анализа,
- метод контекстного анализа,
- метод лингвостилистического анализа.

Актуальность данного исследования обусловлена выявлением словарных словосочетаний, новых лексических сочетаний, а также авторских неологизмов, способствующих развитию языка посредством их систематического употребления.

Прилагательное *fleeting* может выступать в качестве лексического индикатора преуменьшения времени с целью выражения скорости выполняемых героем действий. Обратимся к примеру:

*But James merely laughed, permitted his mother to kiss him, gave his father a **fleeting** hug, then leapt on to the rapidly filling train. They saw him wave, then sprint away up the corridor to find his friends.* [\[26\]](#) (Но Джеймс просто рассмеялся, позволил матери поцеловать себя, мимолетно обнял отца, а затем прыгнул в быстро заполняющийся поезд. Они видели, как он помахал рукой, а затем побежал по коридору в поисках своих друзей.)

В рамках вышеуказанной диктемы [\[3\]](#) мы видим преуменьшение времени, за которое персонаж прощается с родителями, а именно обнимает отца мимолётно. Это выражено словосочетанием *gave his father a fleeting hug*, в котором употребление лексемы *fleeting* в сочетании с существительным *hug* выражает торопливость как значительную характеристику действия. Стоит отметить, что перед словосочетанием употреблён неопределённый артикль. Подобное использование словосочетания *a fleeting hug* не отмечено в словаре коллокаций английского языка [\[24\]](#), что делает его авторским неологизмом.

Прилагательное *fleeting* так же может выступать в качестве определения к существительным, которые обозначают «взгляд», например лексема *glance*. В таком случае, время, которое требуется для реализации предложенного действия, значительно сокращается, что делает подобное словосочетание способом изображения отношения героя к чему-либо или кому-либо. Рассмотрим пример:

*There are only three, Arya thought. Polliver gave her a **fleeting glance** and the boy beside him never looked at her at all, but the third one gazed long and hard. He was a man of*

middling height and build, with a face so ordinary that it was hard to say how old he was [24]. («Их всего трое», — подумала Арья. Полливер глянул на нее мимолетным взглядом, и мальчик рядом с ним вообще не взглянул на нее, а третий смотрел долго и пристально. Это был человек среднего роста и телосложения, с лицом настолько обычным, что трудно было сказать, сколько ему лет.)

Вышеуказанный пример демонстрирует нарочитое преуменьшение времени посредством употребления словосочетания *a fleeting glance*. Такое изображение мимолетного взгляда показывает ярка выраженную разницу между уровнем заинтересованности трёх персонажей. Более того мы можем предположить, что словосочетание *a fleeting glance* указывает читателю на различие в отношении к Арие, так как именно противопоставление трёх действий, выраженных разными временными промежутками, эксплицирует индивидуальность каждого из трех персонажей. Отметим, что словосочетание *a fleeting glance* является словарным случаем употребления указанного прилагательного.

Помимо прилагательного *fleeting* мы можем выделить иную лексему, которая достаточно часто употребляется в качестве способа намеренного преуменьшения времени, а именно *quick*. Например:

'I told you at The Burrow, I've had the essentials packed for days, you know, in case we needed to make a quick get a way [26]. (Я же говорил тебе в «Норе», что у меня уже несколько дней собраны все необходимые вещи на случай, если нам понадобится быстро сбежать.)

Скоротечность неотвратимого отхода передана через прилагательное *quick*, которое усиливает явную необходимость героев за достаточно короткий период времени оказаться в ином месте. Таким образом, мы видим преуменьшение времени для перемещения в пространстве, на которое указывает лексема *quick*, использованная в качестве определения к существительному *get a way*. Отметим, что в состав словосочетания так же входит неопределённый артикль *a*. Данное выражение *a quick get a way* не зафиксировано в словаре сочетаемости, следовательно мы можем отметить его в качестве авторского неологизма.

Прилагательное *quick* может демонстрировать скорость передвижения фантастических существ в рамках художественного текста фантастического жанра с целью не только описать этим самых вымышленных существ, но и наделить их уникальными способностями для подтверждения существования волшебства на страницах художественного произведения. Рассмотрим пример:

Drogon moved quicker than a striking cobra. Flame roared from his mouth, orange and scarlet and black, searing the meat before it began to fall [24]. (Дрогогон двигался быстрее атакующей кобры. Пламя вырвалось из его рта, оранжевое, алое и черное, обжигая мясо прежде, чем оно начало падать.)

В данной диктеме лексема *quicker* стоит в сравнительной степени прилагательных, так как дракон сопоставляется с коброй, а именно анализируется время, за которое они производят одно и то же действие. Демонстрация нарочито преуменьшенного времени посредством прилагательного *quick* в данном контексте осуществляется так же при помощи глагола *moved*, которое указывает на конкретное действие. Такое изображение времени можно отметить как способ наделения существ произведений фантастического жанра особенными характеристиками, которые являются принципиально важными в

рамках заданного контекста. Таким образом, словосочетание *moved quicker than* выступает способом преуменьшения времени, которое демонстрирует быстрое перемещение в пространстве.

Рассмотрим другое прилагательное, которые может выражать нарочито преуменьшенный отрезок времени при демонстрации чувств, сменяющих друг друга, а именно *brief*.

*Harry had given a cry of pain: his scar had burned again as something flashed across his mind like a bright light on water. He saw a large shadow and felt a fury that was not his own pound through his body, violent and **brief** as an electric shock* [26]. (Гарри вскрикнул от боли: его шрам снова загорелся, когда что-то пронеслось в его сознании, как яркий свет на воде. Он увидел большую тень и почувствовал ярость, которая не была его собственной, пронзившую его тело, сильную и краткую, как удар электрическим током.)

Данный контекст содержит словосочетание *brief as an electric shock*, которое показывает, что прилагательное *brief* выступает в качестве средства преуменьшения временного континуума, а именно временного отрезка, в рамках которого происходит резкая смена чувств, которые испытывает главный герой. Данная лексема является частью сравнительной конструкции, на что нам указывает лексема *as* и последующее сравнение. Мы видим, прилагательное употреблено в положительной степени сравнения прилагательных. Внезапные боль и гнев, которые испытывает герой, когда с ним случаются ведения, становится возможным передать при помощи *brief* в составе сравнительной конструкции. Таким образом, лексема *brief* выступает в качестве индикатора нарочитого преуменьшения времени.

Рассмотрим употребление этой же лексемы в художественном тексте другого автора, который использовал её с целью выражения как срока, так и качества пребывания на службе члена королевской гвардии.

*My duty, now Once he learned to write with his left hand, that is. The White Book was well behind. The deaths of Ser Mandon Moore and Ser Preston Greenfield needed to be entered, and the **brief** bloody Kingsguard service of Sandor Clegane as well. New pages must be started for Ser Balon Swann, Ser Osmund Kettleblack, and the Knight of Flowers. I will need to summon a septon to draw their shields* [24]. (Мой долг теперь. Когда-то он научился писать левой рукой, то есть. Белая книга сильно отстала. Необходимо было упомянуть о смерти сира Мэндона Мура и сира Престона Гринфилда, а также о недолгой кровавой службе Сандора Клигана в Королевской гвардии. Необходимо открыть новые страницы для сира Бейлона Свана, сира Осмунда Кеттлблэка и Рыцаря Цветов. Мне нужно будет вызвать септона, чтобы он обнажил их щиты.)

Предложенная диктема демонстрирует, что лексема *brief* может выступать в качестве одного из определяющих прилагательных, которое характеризует персонажа. *Brief* выражает весьма короткую службу героя. Стоит отметить, что с другой стороны именно употребление прилагательного *brief* является очевидным способом усиления прилагательного *bloody*. Стоит отметить, что перед словосочетанием *the brief bloody Kings guard service of Sandor Clegane* стоит определённый артикль *the*, что указывает на конкретное действие. Такое сочетание прилагательного *brief* как определения существительного *servicene* является зафиксированным случаем в словаре.

Прилагательные, образуя сочетания с другими частями речи, могут выступать в качестве способа преувеличения временных отрезков, которые указывают, например, на древность существующих в рамках фантастического мира предметов с целью

подтверждения их реальности нахождения в выдуманной автором вселенной. Рассмотрим пример:

*Scrimgeour now pulled out of the bag a small book that looked as **ancient** as the copy of Secrets of the Darkest Art upstairs. Its binding was stained and peeling in places* [26]. (Скримджер вытащил из сумки небольшую книгу, которая выглядела такой же древней, как экземпляр «Секретов темнейшего искусства» наверху. Переплет был в пятнах и местами отслоился.)

В вышеуказанном примере лексема *ancient* использована в сравнительной конструкции *as ancient as the copy of Secrets of the Darkest Art*, что демонстрирует нарочитую гиперболизацию временного континуума, направленное на описание древних предметов. Отметим, что такой способ преувеличения времени посредством сравнительных конструкция является одним из часто встречающихся. Однако прилагательное *ancient*, не смотря на свою семантику, нечасто используется авторами в качестве индикатора преувеличенного временного континуума. Словосочетание *as ancient as the copy of Secrets of the Darkest Art* является подтверждением не только давнего существования магии в мире волшебства, но и доказательством существования фантастической вселенной автора в целом. Такой эффект достигается при помощи намеренного преувеличения временного континуума.

Попытки обоснования давнего существования миров происходит не только через описание предметов, но и народов. Обратимся к примеру:

*And some had skins of the same amber hue as Kraznysmo Nakloz, and the bristly red-black hair that marked the **ancient** folk of Ghis, who named themselves the harpy's sons. They sell even their own kind. It should not have surprised her. The Dothraki did the same, when khalasar met khalasar in the sea of grass* [24]. (А у некоторых была кожа того же янтарного оттенка, что и у Кразнисмо Наклоза, и щетинистые красно-черные волосы, которыми отличался древний народ Гиса, называвший себя сыновьями гарпии. Продаю даже себе подобных. Это не должно было ее удивлять. Дотракийцы сделали то же самое, когда кхаласар встретил кхаласара в травяном море.)

В данной диктеме лексема *ancient* употреблена в качестве определения к существительному *folk*. Более того в состав данного словосочетания входит определённый артикль *the* – он указывает на конкретную группу людей. В данном отрывке прилагательное *ancient* является способом преувеличения временного континуума для придания целому народу конкретных характеристик с одной стороны, и для доказательства существования фантастического мира через народ с другой. Лексический указатель гиперболизированного времени *ancient* в сочетании с существительным *folk* не зафиксирован в словаре коллокаций, а значит, представляет собой авторский неологизм.

Гиперболизированное время посредством употребления лексемы *ancient* также может выражать перерождение когда-то существующих мест в легенды. Обратимся к примеру:

*"The Horn of Winter is an **ancient** legend. Does the King-beyond-theWall truly believe that such a thing exists?"* [24] («Зимний Рог — это древняя легенда. Неужели Король за Стеной действительно верит, что такое существует?») [24]

Словосочетание *an ancient legend* демонстрирует отсутствие физического существования места за счет его перехода в понятие легенды. Фраза *an ancient legend* указывает также на долгую жизнь мира, в котором происходит действие, так как прилагательное *ancient*

значительно растягивает временные границы.

Прилагательные, обозначающие замедление каких-либо процессов так же, могут являться способом демонстрации нарочитого преувеличения времени. К таким прилагательным можно отнести *slow*. Рассмотрим пример:

*He felt as though he were sitting in an examination with a question he ought to have been able to answer in front of him, his brain **slow** and unresponsive* [26]. (Ему казалось, что он сидит на экзамене, а перед ним стоит вопрос, на который он должен был ответить, его мозг медлил и не отвечал.)

В рамках данного контекста мы видим, что скорость мыслительного процесса намеренно замедляется при помощи лексики *slow*, которая выражает взволнованное состояние героя.

Такой эффект достигается посредством употребления словосочетания *brain slow*, которое не является словарным случаем употребления.

Однако прилагательное *slow* может быть способом изображения не фактического течения времени, а внутреннего ощущения протекания временного промежутка героем. Например:

*The rest of the day seemed to creep by as **slow** as a worm in molasses. Tyrion climbed to the castle library and tried to distract himself with Beldecar's History of the Rhoynish Wars, but he could hardly see the elephants for imagining Shae's smile. Come the afternoon, he put the book aside and called for a bath* [24]. (Остаток дня, казалось, пролетел медленно, как червь в патоке. Тирион забрался в библиотеку замка и попытался отвлечься «Историей Ройнских войн» Бельдекара, но едва мог видеть слонов, потому что представлял себе улыбку Шай. Придянем, он отложил книгу и позвал принять ванну.)

Лексема *slow* выражает замедленное течение времени, которое демонстрирует словосочетание *as slow as a worm*. Прилагательное *slow* входит в состав сравнительного оборота, который усиливает медленный ход времени. Стоит отметить, что грамматическая конструкция *as...as* является одной из часто употребляемых форм выражения гиперболизированного времени. Таким образом, лексема *slow* растягивает временной континуум, в рамках которого протекает день героя.

Таким образом, прилагательные *brief, quick, fleeting* являются индикаторами преуменьшения времени в художественном тексте и могут выражать скорость выполнения действий, мгновенный взгляд, степень заинтересованности, скоротечность неотвратимых событий, скорость перемещений фантастических существ в пространстве, а также являться определяющей характеристикой героя.

Прилагательные *ancient* и *slow* демонстрируют гиперболизированный временной континуум, направленный на изображение древних предметов, народов или мест в рамках фантастического мира, существования фантастического мира в целом.

С грамматической точки зрения прилагательные используются как в положительной степени сравнения, так и являются частью сравнительных оборотов. Отмечено употребление словарных словосочетаний. Авторские неологизмы так же нашли свое применение в тексте фантастического жанра с целью изображения преувеличенного и преуменьшенного времени.

Библиография

1. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 160 с.
2. Блох М.Я. Вопросы изучения грамматического строя языка. – М., 1976.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. – №4. С. 56–67.
4. Бруннер К. История английского языка. М.: Изд. ЛКИ, 2010. 720 с.
5. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литер. на иностр. яз., 1960. 399 с.
6. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
7. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 122–130.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Ч. I. М.: Искусство, 1972. 318 с.
9. Гуркова А.В. Лексические показатели преувеличения и преуменьшения времени английского языка (на материале художественных текстов) // Litera. – 2023. – № 6. – С. 108-116. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.43433 EDN: HIVJSP [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43433 (дата обращения: 09.10.2023)
10. Гуркова А.В. Категория художественного времени // Казанская наука. – 2021. – № 5. – С. 63–65. – EDN ZEJFV.
11. Жигadlo В. Н. Современный английский язык: теоретический курс грамматики. М.: Литература на иностр. яз., 1956. 349 с.
12. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961. 199 с.
13. Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1958. 418 с.
14. Кошeвая И. Г. Проблемы языкознания и теории английского языка. Грамматический строй современного английского языка: теоретический курс. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 178 с.
15. Кошeвая И. Г., Свиридова Л. К. Грамматические структуры и категории английского языка: теоретический курс. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 192 с.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь Online [Электронный ресурс]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=3998> (дата обращения: 06.10.2023).
17. Попова, Л. Г. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект) / Л. Г. Попова, В. О. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9-1(51). – С. 143–145. – EDN UCNFLX.
18. Расторгуева Т. А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 168 с.
19. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: МГУ им. Ломоносова, 1959. 350 с.
20. Туманова А.Б., Павлова Т.В., Зуева Н.Ю. Категория времени в современной науке: анализ и интерпретация // Неофилология. 2019. №18. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-vremeni-v-sovremennoy-nauke-analiz-i-interpretatsiya> (дата обращения: 23.08.2023).
21. Ярцева В. Н. История морфологии английского языка. М.: Изд-во академии наук СССР, 1960. 250 с.

22. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 06.09.2023).
23. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 06.09.2023).
24. Martin G., Fire and Blood [Электронный ресурс]. Bantam Books, New York, 703 p. URL: https://vk.com/doc466073463_491658818?hash=idx9RY1uwHpt7QUdmwuoSvJPgPxpGASA46jkyeGDE44H&dl=JcMcB6Ve5IZJneeSPUFJI0FA Bb3L1OizEEAJI910Sek (дата обращения: 12.09.2023).
25. Oxford Dictionary [Электронный ресурс] // Lexico / powered by Oxford. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 23.09.2023).
26. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows [Электронный ресурс]. 2007, 781 p. URL: <http://fcerosario.pbworks.com/w/file/fetch/103717697/J.K.%20Rowling%20-%20HP%207%20-%20Harry%20Potter%20and%20the%20Deathly%20Hallows.pdf> (дата обращения: 16.09.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Употребление прилагательных как средства изменения временного континуума в рамках художественного текста», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к реализации феномена «время» в художественной литературе.

Актуальность данного исследования обусловлена выявлением словарных словосочетаний, новых лексических сочетаний, а также авторских неологизмов, способствующих развитию языка посредством их систематического употребления.

Целью данного исследования является выявление перечня прилагательных, который может быть использован в качестве преувеличения и преуменьшения времени на материале произведений Дж. Мартина «Fire and Blood» и Дж. Роулинг «Harry Potter and the Deathly Hallows».

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Основной методологией явились: метод компонентного анализа, метод контекстного анализа, метод лингвостилистического анализа.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 26 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по стилистике английского языка, теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Употребление прилагательных как средства изменения временного континуума в рамках художественного текста» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Соловьева А.А. — Методика применения мини-корпусов для анализа языкового варьирования этикетных выражений двуязычных языковых ситуаций в социолингвистическом аспекте // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.39183 EDN: WGLTKE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39183

Методика применения мини-корпусов для анализа языкового варьирования этикетных выражений двуязычных языковых ситуаций в социолингвистическом аспекте

Соловьева Анна Андреевна

ORCID: 0000-0001-9472-5966

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин,
Российский государственный аграрный университет - Московская сельскохозяйственная академия
имени К. А. Тимирязева

127247, Россия, г. Москва, пр-д Бескудниковский, 4-2-84

✉ yarlee@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.39183

EDN:

WGLTKE

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2022

Дата публикации:

16-10-2023

Аннотация: Предметом рассмотрения является процесс создания и методика применения мини-корпуса для решения задач в области изучения выбора языка в сфере речевого этикета. Рассматриваются различные этапы составления мини-корпуса от особенностей сбора материала до построения теоретических моделей использования языков речевого этикета. Вводится терминологический аппарат исследования. Сравниваются особенности различных методов и обосновывается необходимость применения комплексного подхода к составлению мини-корпуса. Констатируется

нехватка корпусов для изучения языкового выбора в двуязычной ситуации. Описываются преимущества и недостатки выбранной методики. В частности, указывается на необходимость отбора аутентичных примеров спонтанной речи, взятой из видеоматериалов, на основе метода невключенного наблюдения. Показано место методики мини-корпусов в совокупности методов, применяемых в данном исследовании. Новым является применение методики мини-корпусов на материале единиц билингвальных языковых ситуаций. Результатом становится описание на основе корпуса алгоритмов использования говорящими этикетных выражений на том или ином языке под влиянием различных конфигураций факторов и параметров социального контекста. Делается вывод о том, что данный метод позволяет, с одной стороны, получить необходимый и достаточный материал для анализа, с другой стороны, не предполагает использования и обработки большого массива данных. Перспективой исследования методики является применение ее в других ситуациях двуязычия для дополнения и корректировки полученных в ходе исследования теоретических моделей. Таким образом, метод составления двуязычных мини-корпусов позволяет выходить на уровень обобщения языковых фактов, достаточный для построения универсальных моделей для интерпретации закономерностей выбора языка этикетных выражений при двуязычии.

Ключевые слова:

социолингвистика, корпусная лингвистика, двуязычие, этикетные выражения, методы, языковой выбор, контент-анализ, каталанский язык, язык хинди, мини-корпус

Введение

Лингвистические исследования предполагают работу с лингвистическими фактами, языковыми единицами разных уровней. Сбор и обработка языковых единиц должна соответствовать целям и задачам исследования. Кроме того, методы должны обладать логикой научного анализа собственно лингвистических задач. Проблематика выбора методологии лингвистического исследования является предметом активного изучения современной отечественной лингвистики [\[1\], \[6\], \[7\], \[9\]](#).

В настоящем исследовании рассматривается особая категория единиц языка – речевой этикет.

Под речевым этикетом в данном случае подразумеваются «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [\[8, 11\]](#). Для исследования речевого этикета необходимым оказывается работа на лексическом уровне языка. При этом важным оказывается понятие контекста, что в двуязычной языковой ситуации осложняется сосуществованием двух языков внутри одного социокультурного сообщества, и, соответственно, двуязычным контекстом.

В парадигматике билингвальная языковая ситуация ставит говорящего перед выбором из единиц на двух языках. В данной ситуации говорящий делает выбор, опираясь на социолингвистический контекст, на характеристики типа адресата и самой языковой ситуации [\[4, 10\]](#).

С точки зрения синтагматики в некоторых случаях необходимо учитывать также языковой

контекст. При этом немаловажно учитывать особенности самих этикетных выражений.

Такие исходные данные требуют от исследователя разработать методику фиксации единиц речевого этикета с сохранением характеристик речевой ситуации и социального контекста.

Разработка методики подобного рода исследований является актуальной, так как при большом числе одноязычных автоматизированных корпусов существует проблема составления корпусов, включающих в себя тексты одновременно на двух и более языках для одной языковой ситуации. Данное исследование методики предполагает создание таких корпусов как инструмента исследования полиязыковой среды.

Целью данного исследования является построение поэтапной методики создания мини-корпуса, необходимого для проведения исследования этикетных выражений в ситуациях двуязычия.

В задачи исследования входит: 1) продемонстрировать принцип работы методики составления мини-корпуса; 2) доказать эффективность данной методики на примере анализа данных языковых ситуаций в Каталонии и Северной Индии; 3) очертить сферу применения и перспективу использования данного метода в лингвистических исследованиях.

Методы

Этикетные выражения являются особыми единицами языка, так как они выполняют ряд функций, отличающих их от других единиц в языке. Р. О. Якобсон считал одной из главных функций этикета в языке фатическую, отмечая, что «фатическая функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации» [\[10, 67\]](#). Основное назначение сообщений, обладающих этой функцией, состоит в том, чтобы «установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи, привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно» [\[10, 67\]](#).

Для исследования были выбраны две ситуации двуязычия – Северная Индия и Каталония (Испания).

Параметры данных языковых ситуаций соответствуют требуемым в исследовании. Так, в обеих ситуациях существует языковое варьирование. На них также влияют схожие параметры [\[4, 10\]](#) и факторы социального контекста, что позволяет провести их сопоставление.

Для анализа языкового варьирования применяется ряд социолингвистических методов, в том числе наблюдение, анкетирование, количественных и качественный контент-анализ [\[3\]](#).

Методологическим ядром при исследовании языковых единиц в ситуации двуязычия выступает контент-анализ, а именно его качественная разновидность. «Качественный контент-анализ направлен на понимание изучаемых явлений; на анализ взаимосвязей и процессов между этими явлениями; он ориентирован на охват всей совокупности и сложности изучаемых явлений и направлен на изучение единичных случаев» [\[2, 70\]](#).

В данном исследовании метод контент-анализа и разработанная на его основе методика логически продолжают перечисленные У. Лабовым методы социолингвистических

исследований, так как основывается на языковых фактах, полученных в ходе невключенного наблюдения.

Существенным преимуществом применения в социолингвистике качественного контент-анализа на основе корпуса является то, что исследование позволяет рассматривать единицы как в языковом, так и в социальном контексте одновременно, что необходимо для более точного понимания закономерностей выбора языка.

Материалом для контент-анализа послужили единицы речевого этикета на двух языках, собранные в мини-корпусы.

Под мини-корпусом понимается корпус с числом вхождений исследуемых единиц в количестве 100. Необходимость составления собственного мини-корпуса была вызвана отсутствием специализированных двуязычных корпусов этикетных выражений исследуемых регионов на материале спонтанной речи говорящих. Кроме того, данный вид корпуса был выбран, так как он статистически соответствует критериям для проведения качественного контент-анализа, направленного на изучение единичных явлений языка.

Составление мини-корпуса состояло из нескольких этапов.

На первом этапе необходимо было обнаружить, отобрать и зафиксировать видеоматериал. В основу корпуса легли текстовые версии видеоматериалов. Видеоматериалы должны были содержать элементы спонтанной речи, в связи с чем преимущество отдавалось видеороликам следующих жанров: розыгрыши, социальные эксперименты, разговорные видеоблоги, документальные съемки о жизни простых людей и съемки скрытой камерой. Тип видеоролика фиксировался в таблице мини-корпуса.

Отобранные видеоматериалы прослушивались с целью выявления в них исследуемых речевых ситуаций и единиц речевого этикета. Далее, при выявлении интересующей единицы она заносилась в специальную таблицу, пример которой представлен ниже. Также в таблице отражался языковой контекст, описывалась ситуация, указывались ссылки на источник, таймкод, место, группа этикетных выражений и перевод на русский язык.

Необходимо отметить, что особую сложность представляет перевод, так как для понимания и анализа языковых ситуаций необходимо осуществить наиболее точный перевод с обоих языков в рамках каждого из исследуемых билингвальных регионов. Кроме того, необходимо также произвести разметку по языковой принадлежности языковых единиц этикета и контекста, чтобы исключить влияние языкового контекста на выбор языка и отделить его влияние от влияния собственно социальных факторов и параметров. Все вышеуказанные этапы трудоемки, необходимы для получения качественных результатов анализа и построения на их основе теоретических моделей использования языков речевого этикета при двуязычии.

Таким образом, были созданы мини-корпусы единиц речевого этикета на базе видеоматериалов.

С точки зрения корпусной лингвистики корпусы можно охарактеризовать следующим образом: – устные, специфические, синхронические. Корпусы включают около 1000 слов и 100 вхождений этикетных выражений в каждой их стран.

После фиксации единиц и сопутствующего контекста необходимо было разделить контексты на языковой и социальный. В данном случае задачей было доказать, что язык

этикета и язык контекста не связаны напрямую, что языковой контекст не полностью определяет язык этикетных выражений. Это требовало обнаружения ситуаций, где язык единиц речевого этикета и язык контекста не совпадают. Для этого каталанский и хинди были условно обозначены как L1, а испанский и английский как L2.

Таблица 1. Соотношение языка контекста и языка этикетных выражений (ЭВ) в примерах из видеоматериалов.

	Языки ЭВ и контекста совпадают		Язык ЭВ и контекста не совпадают
	L1	L2	L1+L2
Индия (кол-во примеров)	26	27	47
Каталония (кол-во примеров)	48	7	45

Данная таблица демонстрирует, что в Индии почти половина наблюдаемых примеров содержали смешанный языковой контекст. Такая же ситуация отмечается и в Каталонии. Ситуации отличаются тем, какая роль отводится в них контекстам L2. Так, в Индии роль контекстов L2 выше, чем в Каталонии.

Однако оба случая подтверждают предположение о непрямой зависимости языка этикетных от языка контекста. Так, для всех исследуемых групп этикетных выражений в Каталонии и для большинства таких групп в Индии смешанный языковой контекст – это нормальная среда использования этикетных выражений, такая же, как и монолингвальный контекст.

Таким образом, исходя из данных таблицы можно предположить, что несовпадение языкового контекста и языка этикетных выражений в большинстве групп – свидетельство того, что выбор языка ЭВ определяется не только языком контекста. Логично предположить, что на такой выбор также могут влиять факторы и параметры социального контекста. И данный вывод справедлив как для Индии, так и для Каталонии, что говорит о похожих общих принципах выбора языка этикетных выражений.

При этом необходимо было также доказать, что язык ЭВ не определяется в полной мере также группой этикетных выражений. Для этого нужно было установить, что в каждой из групп этикетных есть единицы двух языков.

Таблица 2. Соотношение групп этикетных выражений и языков контекста.

	L1		L2		L1+L2	
	Индия	Каталония	Индия	Каталония	Индия	Каталония
Приветствие	5	15	4	1	10	5
Прощание	0	6	4	3	0	7
Извинение	0	7	4	1	7	1
Благодарность	2	6	5	0	8	9
Обращение	20	13	9	2	22	23

В Таблице 2 можно обнаружить разное соотношение количества единиц на первом и втором языке, однако, не удастся проследить последовательной связи между конкретным языком и группой этикетных выражений.

Следующим закономерным этапом стал поиск факторов и параметров внутри социального контекста, влияющих на выбор языка этикетных выражений.

Анализ социального контекста включал последовательное рассмотрение каждого из четырех параметров («Свой» / «Чужой», социальный статус, пол и количество) в их влиянии на выбор ЭВ к релевантным типам адресата в каждом из регионов.

Для этого было подсчитано количество ситуаций использования L1 и L2 для типов адресата по каждому из параметров.

Анализ также учитывал степень влияния социальных факторов престижа и языковой лояльности в зависимости от языковой ситуации и типа адресата.

Далее были детально рассмотрены примеры использования этикетных выражений с непосредственным применением метода качественного контент-анализа. Было проанализировано соотношение социального и языкового контекстов, а также высказано предположение о причинах языкового выбора в каждом случае.

Итогом анализа видеоматериалов стало сравнение роли компонентов контекста при выборе языка в исследуемых регионах.

Результаты

Результатом применения данных, полученных в результате применения данной методики, является построение теоретических моделей [\[5, 98-103\]](#), объясняющих закономерности выбора одного из двух языков в анализируемых речевых ситуациях.

Модель 1 показала, что параметр «Свой» / «Чужой» связан с уровнем языковой лояльности региона. При высоком уровне языковой лояльности в общении со «своими» адресатами говорящие с большой вероятностью выберут этикетное выражение на L1. Если уровень языковой лояльности низкий, и L2 относится к престижным языкам, то вероятнее всего ожидать использования этикетных выражений как на L1, так и на L2.

Модель 2 демонстрирует выбор языка этикетных выражений с типами адресата, обладающими разным социальным статусом. При равном социальном статусе собеседников языковая принадлежность этикетных выражений не является значимой. Однако при неравном статусе на выбор языка влияет уровень языковой лояльности. Так, при высоком уровне языковой лояльности этикетные единицы как правило соответствуют языку контекста, а говорящие стараются избегать смешения языков. При невысоком уровне языковой лояльности и одновременно престижном L2 для адресата с неравным статусом используются единицы этикета на L2.

Модель 3 отражает закономерности выбора языка для типа адресата «Друзья» и показывает, что разница в предпочтении какого-либо языка в данном случае отсутствует. Подобное языковое поведение характерно и в случае, если общение происходит с незнакомцем-мужчиной. При разговоре с незнакомой женщиной L1 выбирается, если в билингвальной системе уже существуют собственные этикетные единицы на этом языке. В противном случае их заменяют этикетные выражения на L2.

В модели 4 о последовательном выборе языка, зависящем от количества адресатов, можно говорить только по отношению к типу адресата «Незнакомец»: при высоком уровне языковой лояльности чаще используется L1, но если L2 в данном регионе престижен, то более вероятно обнаружить выражения на L2. Однако в целом можно заключить, что язык этикетных выражений для нескольких адресатов равен языку,

используемому в данной ситуации по отношению к одному адресату.

Сфера применения данной методики может включать в себя языковые ситуации, где говорящими используется речевой этикет на более чем одном языке.

Перспективой исследования методики является применение ее в других ситуациях двуязычия для дополнения и корректировки полученных в ходе исследования теоретических моделей.

Таким образом, метод составления двуязычных мини-корпусов позволяет выходить на уровень обобщения языковых фактов, достаточный для построения универсальных моделей для интерпретации закономерностей выбора языка этикетных выражений при двуязычии.

Обсуждение

Описываемая методика обладает преимуществом перед другими методами исследования языкового выбора, в частности, перед количественным методом контент-анализа, тем, что позволяет получать объективные данные на ограниченном количестве языковых фактов. В сравнении с методом анкетирования, часто используемого в социолингвистике, методика с применением данных мини-корпуса предполагает устранение саморефлексии говорящего и, следовательно, влияние его самовосприятия на результаты анализа, а также существенно снизить влияние наблюдателя на говорящего.

Рассматриваемая методика продолжает традиции метода невключенного наблюдения и позволяет вывести данный метод на новый уровень, используя в качестве базы данных видеоматериалы спонтанной речи, что существенно облегчает и ускоряет работу исследователя.

Кроме того, предложенная методологическая разработка позволила выявить перспективное направление для исследований языкового выбора – неполное соответствие данных анкетирования и анализа видеоматериалов.

Недостатком является трудоемкость сбора и составления базы данных корпуса, что на данном этапе сопряжено с проблемами его автоматизации, так как каждая единица должна быть рассмотрена и описана по нескольким параметрам (время упоминания, место, характеристика говорящего и т. д.).

Библиография

1. Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход, М.: Издательский дом ЯСК, 2015, с. 39-80.
2. Кирпиков А. Р. Качественный контент-анализ как метод исследования / А. Р. Кирпиков // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22-23 марта 2018 г., Екатеринбург: УрФУ, 2018, с. 67-74., с. 70.
3. Лабов У. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике, Выпуск VII, М.: «Прогресс», 1975, 486 с.
4. Соловьева, А. А. Степень влияния параметра социального статуса на выбор речевого этикета при двуязычии / А. А. Соловьева // Мир науки. Социология,

- филология, культурология, 2019, Т. 10, № 1, с. 10. <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK119.pdf> Дата обращения: 30.10.2022.
5. Соловьева, А. А. Этикетные выражения при двуязычии: социолингвистический анализ / А. А. Соловьева, М.: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2022, 174 с., с. 98-103.
 6. Сулейманова, О. А. Принципы и методы лингвистических исследований / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева. – 2-е издание, переработанное и дополненное, М.: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2020, 352 с.
 7. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: Необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики, 2018, № 2, с. 31-37.
 8. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистические и методические аспекты, М.: «URSS», 2008, 160 с.
 9. Фрумкина Р. М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике) // Гипотеза в современной лингвистике, М.: Наука, 1980, с. 183-216.
 10. Jakobson R. Closing Statement: Linguistics and Poetics. Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. – Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc., 1960, 470 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Языковые единицы разных уровней предусматривают и разность из анализа, как отмечает автор рецензируемого труда, «сбор и обработка языковых единиц должна соответствовать целям и задачам исследования. Кроме того, методы должны обладать логикой научного анализа собственно лингвистических задач». В работе точно рассматривается особая категория единиц языка – речевой этикет, на мой взгляд, выбор вполне оправдан, при этом «целью данного исследования является построение поэтапной методики создания мини-корпуса, необходимого для проведения исследования этикетных выражений в ситуациях двуязычия». Материал обладает выверенной структурой, определив устойчивый и объективный сформулированный комплекс задач – автор приступает к точечному анализу проблемы. Все этапы исследования комментируются, в первую очередь вводный блок ориентирует на полновесное объяснение сути оценки: «для исследования были выбраны две ситуации двуязычия – Северная Индия и Каталония (Испания). Параметры данных языковых ситуаций соответствуют требуемым. Так, в обеих ситуациях существует языковое варьирование. На них также влияют схожие параметры и факторы социального контекста, что позволяет провести их сопоставление». На мой взгляд, выбранная методология – контент-анализ – вполне подходит для возможной верификации проблемы, «в данном исследовании метод контент-анализа и разработанная на его основе методика логически продолжают перечисленные У. Лабовым методы социолингвистических исследований, так как основывается на языковых фактах, полученных в ходе невключенного наблюдения». Рецензируемый материал имеет ярко выраженный практический характер, его удобно использовать при формировании /

проведении тематически смежных исследований. Фактически на протяжении всего сочинения номинированный стиль соотносится с научным типом, серьезных сбивов и нарушений не выявлено. Основной блок статьи являет собой аналитический срез оценки мини-корпусов единиц речевого этикета на базе видеоматериалов. Думаю, что вполне удачно систематизации данных представлена в виде таблиц, графическое / визуальное обобщение наиболее продуктивно для языковых исследований. Автор аргументировано вводит в работу т.н. промежуточные выводы, ибо это позволяет потенциально заинтересованному читателю следить за ходом развития мыслей: например, «таким образом, исходя из данных таблицы можно предположить, что несовпадение языкового контекста и языка этикетных выражений в большинстве групп – свидетельство того, что выбор языка ЭВ определяется не только языком контекста. Логично предположить, что на такой выбор также могут влиять факторы и параметры социального контекста. И данный вывод справедлив как для Индии, так и для Каталонии, что говорит о похожих общих принципах выбора языка этикетных выражений», или «таким образом, метод составления двуязычных мини-корпусов позволяет выходить на уровень обобщения языковых фактов, достаточный для построения универсальных моделей для интерпретации закономерностей выбора языка этикетных выражений при двуязычии» и т.д. Считаю, что исследование достигло своей цели, поставленные задачи решены; материал интересен, актуален, нов в рамках выбранной языковой сферы. Рекомендую статью «Методика применения мини-корпусов для анализа языкового варьирования этикетных выражений двуязычных языковых ситуаций в социалингвистическом аспекте» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Zenkov A.V. — Under a False Flag: Literary Hoaxes and the Use of Numerals // Litera. — 2023. — № 10. DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.68743 EDN: TYDRFD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68743

Under a False Flag: Literary Hoaxes and the Use of Numerals / Под чужим флагом: литературные мистификации и использование числительных

Зенков Андрей Вячеславович

ORCID: 0000-0002-1233-9082

кандидат физико-математических наук

доцент кафедры Моделирования управляемых систем, Уральский федеральный университет

620002, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, оф. 434

✉ zenkow@mail.ru

[Статья из рубрики "Авторская маска"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.10.68743

EDN:

TYDRFD

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2023

Дата публикации:

23-10-2023

Аннотация: Настоящее исследование относится к стилометрии. Имеются случаи, когда писатель, добившийся известности, по разным причинам начинает творить под другим именем, пытается писать в другой манере и, порой, снова добивается успеха в новом воплощении. Способен ли автор существенно изменить присущий ему литературный стиль или невозможно уйти от самого себя – изучению этого вопроса посвящена наша работа. Предметом исследования является авторский литературный стиль произведений, подписанных подлинным именем автора и подписанных псевдонимом. Методом исследования является анализ встречаемости числительных в текстах того или иного автора. В настоящей работе продемонстрировано на ряде примеров из англо-, франко- и русскоязычной литературы, что использование числительных является авторской

особенностью, которая проявляется во всех или большинстве достаточно длинных текстов данного автора. Полученные результаты показали, что вопреки попыткам автора писать «по-новому» манера использования числительных консервативна и позволяет распознавать фиктивное авторство. Этот вывод сделан на основании анализа произведений Р. Гари и Б. Акунина (Г. Чхартишвили), известных своими литературными мистификациями. Анализ употребления числительных применён также к проблеме авторства романа «Убить пересмешника» Харпер Ли. Выводы о схожести/различии литературных стилей сделаны на основе иерархического кластерного анализа и подкреплены критерием Пирсона. Научная новизна работы состоит в новом подходе к поиску авторского инварианта и атрибуции текстов.

Ключевые слова:

стилометрия, количественная лингвистика, атрибуция текстов, авторство текстов, числительные в тексте, Ромен Гари, Борис Акунин, Харпер Ли, Трумен Капоте, кластерный анализ

The research was supported by the grant No. 23-28-00750 from the Russian Science Foundation; see <https://rscf.ru/en/project/23-28-00750/>.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00750, <https://rscf.ru/project/23-28-00750/>, проект «Разработка нового метода стилометрии на основе статистики использования числительных в авторских текстах».

1. Introduction

In stylometry, there is an actual, not yet fully resolved problem of finding an author's invariant (fingerprint) – a quantitative feature (or set of features), the value of which is approximately constant and individual for all (or most) of the texts of a given author. The author invariant would be useful, in particular, in problems of determining the authorship of texts: were these texts written by the same author? Are they written by this particular author? Who among the supposed authors is most likely the author of this text? Etc. Of course, the answers to the questions posed are always probabilistic; Type I and II errors are inevitable.

Unfortunately, in stylometry, with all the abundance of quantitative methods proposed, there is still no one that would not give an obviously absurd result on some test example. Traditional practices in stylometry include finding the average length of words and sentences, the frequencies of certain content and/or function words, the frequencies of *n*-grams, etc. [1, 2]. Then the obtained numerical data are processed within the framework of some computational apparatus from probability theory and mathematical statistics to cybernetics and information theory. It would seem that the joint use of several methods should increase the reliability of the results obtained, but, alas, these results often contradict each other.

The use of artificial intelligence inspires great hopes [3, 4], but the problem is the opacity of neural networks and the difficulty of interpreting the results.

We have developed a new approach to stylometry problems, based on the analysis of the use of numerals in the (literary) author's text [5–11]. This approach has many advantages over traditional ones. Firstly, due to the very nature of numerals, they are easily

quantifiable. Secondly, the results obtained allow a transparent philological interpretation. Thirdly, the occurrence of numerals in the text is practically invariant with respect to the translation of the text into another language (see this below, in Section 2).

Like any statistical method of stylometry, the method of taking into account numerals requires a fairly large text length (files ranging in size from tens of kB in UTF-8 encoding).

It turned out that the manner of using numerals is largely individual for each writer, i.e. it is the *author's invariant*. This can be explained by the author's psychology, which influences the creative result regardless of his conscious intention.

In the history of literature, there are examples when the author wrote under different pen names, and sometimes these literary hoaxes turned out to be successful. In the examples that we will consider below, it was not just about changing the name, but about trying to write "differently". The question arises: can the conscious intention of the author to change his literary style affect the use of numerals in the text?

Our work is devoted to considering this issue. It is constructed as follows.

After the description of the research methodology (Section 2), there follows a comparative analysis of literary texts by different authors, demonstrating the constancy of the author's features of the occurrence of numerals in texts. This is shown by the examples of English-, French- and Russian-language texts (Section 3).

In Section 4, our stylometric technique is applied to the analysis of literary texts by Romain Gary and Boris Akunin, known for their literary hoaxes, experiments with style, and publications under several *noms de plume*. We then examine the issue of authorship of Harper Lee's literary texts, which Truman Capote is suspected of having a significant influence on.

The work ends with a discussion of the results and conclusions.

The Appendix contains some computational issues.

2. Subject and Method of Research

We have developed a computer program that searches for cardinal as well as ordinal numerals expressed both in numbers and (considerably more often) verbally (in different word forms) in the English-, French- and Russian-language texts.

Numerals not related to the author's creative idea were deleted from the text beforehand – such as idiomatic expressions and set phrases accidentally containing numerals (for example, *seventh heaven* and *fifty-fifty* in English), page and chapter numbering, itemizations 1), 2), 3), ..., etc. As for itemizations, they are analogous to page numbering. Not to mention the fact that they are not always set just by the author (it may depend on editorial corrections), they are merely the usual system of markings rather than the author's intention. Anyway, the deleted items (owing to their rare occurrence) have a negligible influence on results obtained.

We have taken into account the numerals written in whatever form (e.g., *five men*, *5 men*, *The Fifth Element*, but not *The Fifth republic* – the latter is a set phrase).

Multiplicative (adverbial) numbers (*once*, *twice*, ...), multipliers (*single*, *double*, ...), distributive numbers (*singly*, *doubly*, ...), collective numbers which describe sets, such as *pair* or *dozen* in English have been excluded. As for fractional numerals (*two fifths*, *seven*

tenths, ...), we separately took into account numerators and denominators, as if they were independent numerals.

It would seem that the method of taking into account numerals encounters an insurmountable obstacle in languages in which the numeral *one* is formally indistinguishable from the indefinite article (*ein* in German, *un* in French, etc.). But the set of numerals found in the text is perhaps the only feature that is almost completely preserved when translated into another language (note that the idioms can be translated into other languages without numerals). This allows, if necessary (the text in a language in which such a coincidence takes place, or the unavailability of the text in the original language), to analyze the author's style, resorting to translation into an intermediary language.

In previous works [\[8-11\]](#), we have already demonstrated by numerous examples that the use of numerals in texts is specific to each author, depends on the artistic direction, genre and style. Of course, no empirical verification, no matter how extensive, that a new method really works, can be considered conclusive, and there will always be skeptical voices claiming that the evidence collected is insufficient. Therefore, in this paper we will present new confirmations of the conclusions about the author's use of numerals and apply this methodology to answer the question posed in the Introduction.

The following works in the original language were subjected to comparative analysis from the point of view of the occurrence of numerals (see Section 3; the works are listed in the order in which they lined up on the dendrograms (Figs. 1–4); among the selection criteria were the large size of the works and free access to them on the Internet):

· English-language works

1. Charles Dickens: *Our Mutual Friend*; *Little Dorrit*; *David Copperfield*; *Dombey and Son*;
2. W. M. Thackeray: *The History of Henry Esmond*; *The History of Pendennis*; *The Memoires of Barry Lyndon*; *Vanity Fair*;
3. H. G. Wells: *The War of the Worlds*; *The Island of Doctor Moreau*; *The Invisible Man*; *The Time machine*;
4. V. V. Nabokov (works written in English): *Pale fire*; *Ada, or ardor*; *Look at the Harlequins!*; *The real life of Sebastian Knight*; *Transparent things*; *Bend sinister*;

· French-language works

1. M. Proust: *A la recherche du temps perdu* – the whole heptalogy: *Du côté de chez Swann*; *A l'ombre des jeunes filles en fleurs*; *Le côté de Guermantes*; *Sodome et Gomorrhe*; *La prisonnière*; *Albertine disparue*; *Le Temps retrouvé*;
2. Émile Zola: *Germinal*; *La débâcle*; *Le Ventre de Paris*; *L'assommoir*; *La faute de l'abbé Mouret*; *La fortune des Rougon*; *L'argent*; *Au bonheur des Dames*; *La terre*; *Le rêve*; *Le docteur Pascal*; *La Joie de vivre*; *Une page d'amour*; *La curée*; *Son Excellence Eugène Rougon*; *Nana*;
3. Guy de Maupassant: *Bel ami*; *Pierre et Jean*; *Une vie*; *Fort comme la mort*; *Notre cœur*;
4. F. Mauriac: *Thérèse Desqueyroux*; *Le Nœud de vipères*;
5. A. Daudet: *L'Immortel*; *Le petit chose*;

6. A. Gide: *La porte étroite*; *Les cahiers d'André Walter*; *L'école des femmes*; *Geneviève*; *Les faux-monnayeurs*;

7. J. Verne: *Un capitaine de quinze ans*; *Le tour du monde en quatre-vingts jours*;

· Russian-language works

1. F. M. Dostoevsky: *The Idiot*; *Crime and Punishment*; *The Brothers Karamazov*; *The Adolescent*; *Humiliated and Insulted*; *Demons*; *The House of the Dead*;

2. I. A. Goncharov: *Oblomov*; *The Same Old Story*;

3. A. I. Herzen: *Who is to Blame?*; *My Past and Thoughts*;

4. N. S. Leskov: *A Decayed Family*; *Lady Macbeth of Mtsensk*; *The Enchanted Wanderer*;

5. I. S. Turgenev: *On the Eve*; *Virgin Soil*; *Home of the Gentry*; *Fathers and Sons*.

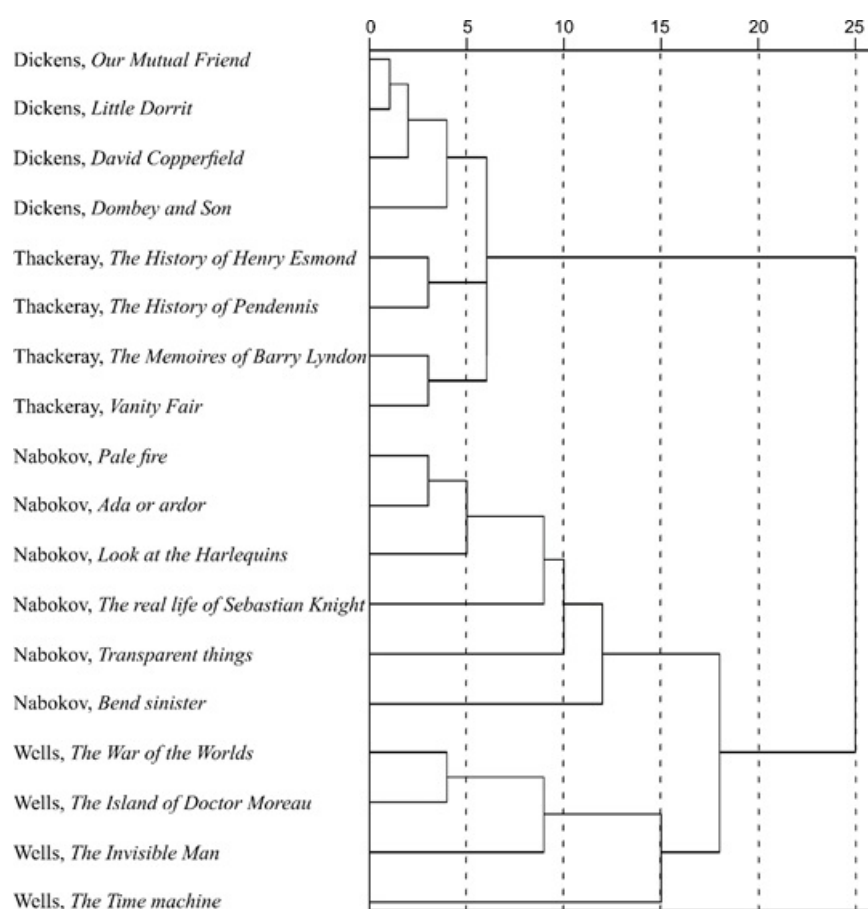

Figure 1. The result of applying hierarchical cluster analysis to literary texts by C. Dickens, W.M. Thackeray, V.V. Nabokov and H.G. Wells. The horizontal axis shows the “distance” between texts in arbitrary units

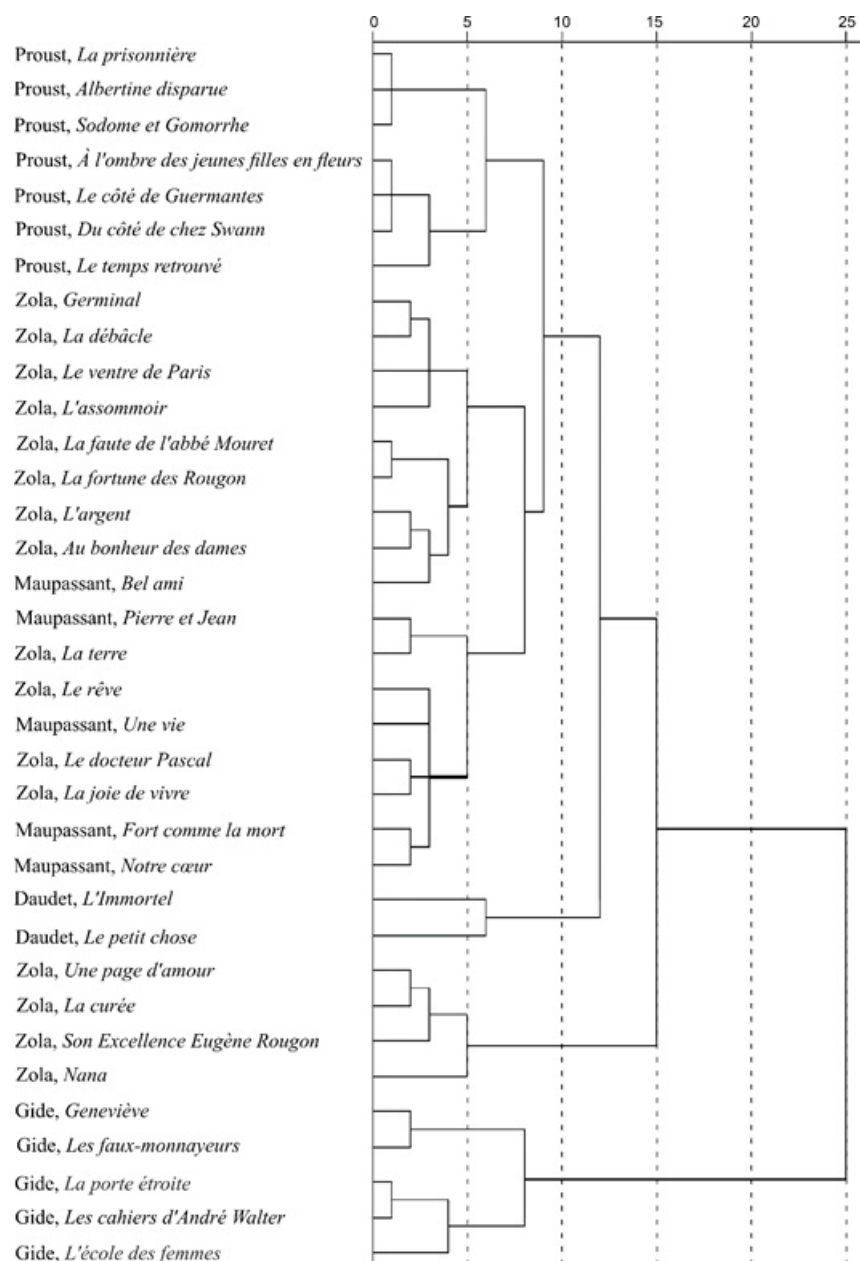

Figure 2. The result of applying hierarchical cluster analysis to French-language literary texts. The horizontal axis shows the "distance" between texts in arbitrary units

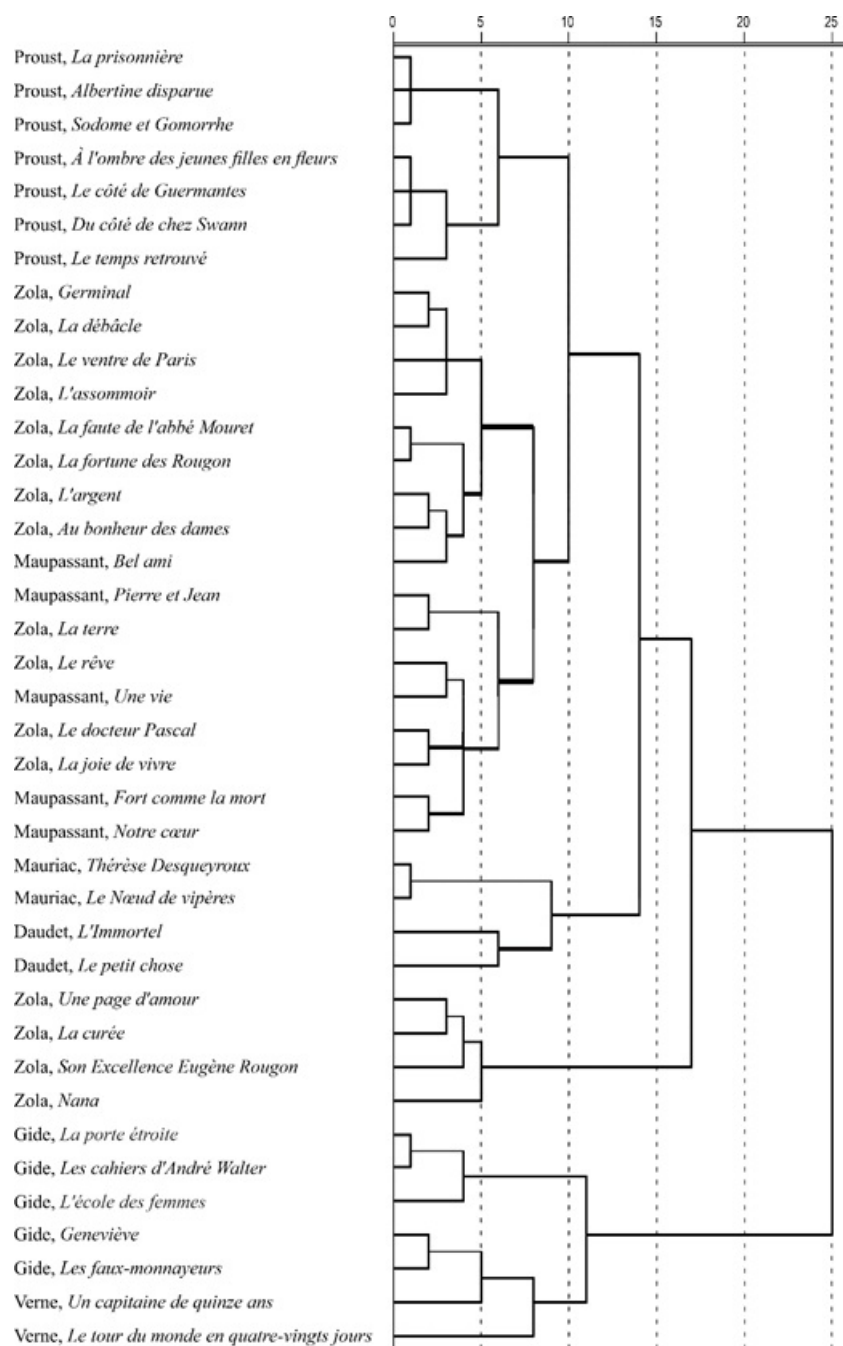

Figure 3. The result of applying hierarchical cluster analysis to French-language texts, with the addition of texts by other authors (*impostors*) – F. Mauriac and J. Verne

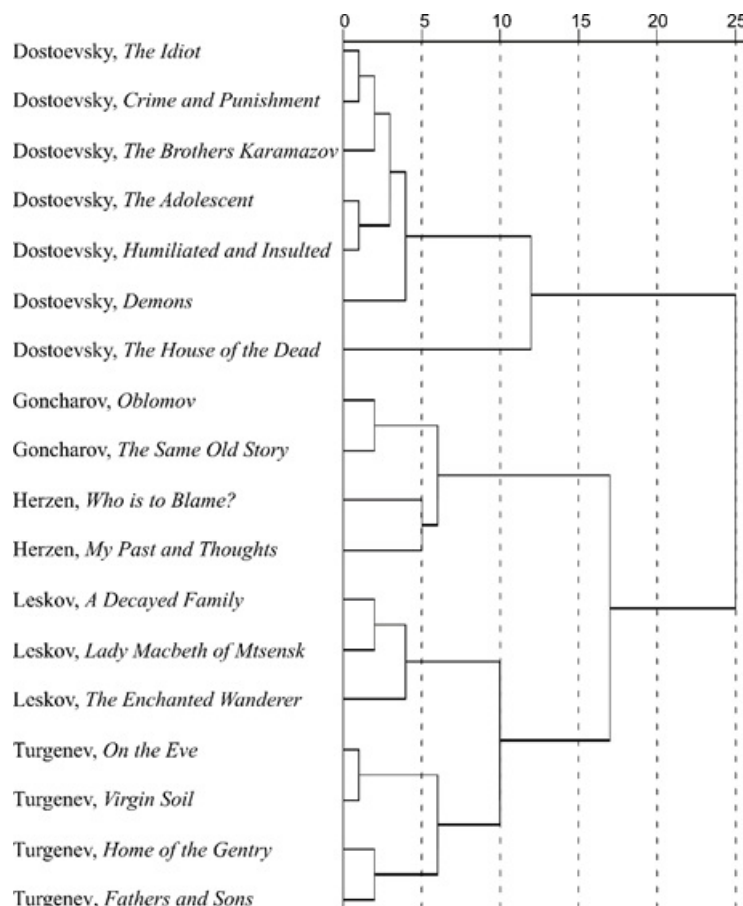

Figure 4. Results of hierarchical clustering of the works by Dostoevsky, Goncharov, Herzen, Leskov, and Turgenev

The analysis of the texts was carried out as follows. Using a computer program, numerals were extracted from the texts, and for each text a summary of the detected numerals and their absolute frequencies was generated. Since the texts differ in volume, for the comparability of absolute frequencies in different texts, the volume of one of them was chosen as a reference, and the corrected absolute frequencies were obtained by multiplying the absolute frequencies by a correction factor. To identify the internal structure in the array of corrected absolute frequencies, hierarchical cluster analysis was used, combining objects into clusters based on their similarity. Its measure is the metric ρ ("distance"): the smaller the "distance" between objects, the greater the similarity between them.

Depending on the nature of the data, different metrics are used in cluster analysis, such as Euclidean

$$\rho(\mathbf{x}, \mathbf{y}) = \sqrt{\sum_i^n (x_i - y_i)^2}, \quad (1)$$

and the Manhattan metric (*aka* City Block distance)

$$\rho(\mathbf{x}, \mathbf{y}) = \sum_i^n |x_i - y_i|, \quad (2)$$

where in our case $\mathbf{x}$ and $\mathbf{y}$ are n -dimensional vectors, the components of which are the corrected absolute frequencies of the first n natural numbers in the two analyzed texts.

Each subsequent numeral occurs in texts, generally speaking, with ever decreasing frequency (see Section 4 and Appendix), therefore the presence of a square in formula (1) means that the "distance" between texts is, in fact, determined by differences in

frequencies of only the numeral *one* – they make an overwhelming contribution to the sum. We applied the Manhattan metric (2), which more evenly takes into account differences between texts in the frequencies of not only the numeral *one*, but also 2, 3, ..., *n*.

In the clustering process, the Average Linkage method was used. It is the golden mean between the Single Linkage and Complete Linkage methods, which, respectively, exaggerate and underestimate the similarity between objects [\[12\]](#).

In quantitative linguistics, it is generally accepted that even when comparing the texts of two authors, only an analysis in which extraneous texts of other authors (so-called *impostors*) are added to the texts being studied will have evidentiary force about their similarity [\[13\]](#). We took this requirement into account in our analysis.

3. The Manner of Using Numerals is the Author's Style Feature

We will confirm this thesis on the examples of English-, French- and Russian-language texts.

A. English-language texts

Figure 1 shows the results of clustering data on the occurrence of numerals in the texts of the English-language authors listed above. The approaches formulated at the end of Section 1 were applied; $n = 7$ was taken in formula (2), since in all the studied texts there were numerals from *one* to *seven*.

The works were distributed on the dendrogram in full accordance with the authorship. Dickens's literary style is characterized by the most uniform use of numerals (the height of the amalgamation is low). The greatest differences are between Wells's works. It is interesting to note that the two superclusters (Dickens–Thackeray and Nabokov–Wells) generally correspond to the chronological division into literature of the 19th and 20th centuries.

B. French-language texts

Figure 2 shows a dendrogram for French-language texts within the framework of the above approaches; $n = 8$ was taken in formula (2), since in all the studied texts there were numerals from *one* to *eight*.

Again, we can state the distribution of works on the dendrogram in accordance with authorship. The only two authors whose works are not completely localized on the dendrogram are Zola and Maupassant. In the critical literature, comments have been made repeatedly about the similarity of their styles [\[14–16\]](#).

But isn't a successful dendrogram just an accident? Let's try to add more authors (*impostors*) – F. Mauriac and J. Verne (Fig. 3). The structure of the dendrogram has remained almost unchanged, only new branches have been added, which indicates the reasonableness of our idea of numerals in texts as a stable feature of the author's style. Note that adding the works by Verne increases the height of the merger of two of Gide's texts (*Geneviève*, *Les faux-monnayeurs*) with his other three texts – this is a feature of the calculations in the average linkage method.

C. Russian-language texts

Figure 4 shows the dendrogram for works by Russian-language authors.

We again state that the works were distributed on the dendrogram in accordance with authorship. Dostoevsky's literary style is characterized by a very uniform use of numerals (the height of the amalgamation is low). The natural exception is *The House of the Dead*, which is semi-documentary in nature ("fictionalized memoir").

The examples given show that the manner of using numerals in texts is an author's invariant and can be used in stylometry problems. Of course, cluster analysis in itself does not have evidentiary value, but rather is a means of data visualization. But if necessary, it is possible to demonstrate the similarity/difference of data on numerals for different authors using mathematical statistics (see Appendix), which confirms the results obtained.

4. Does the Manner of Using Numerals Change When the Author Writes under a Pen Name?

We now proceed to the main task of this work.

A. Literary heritage of R. Gary

French novelist Romain Gary (1914–1980) was prone to literary hoaxes. In addition to works published under the name "Romain Gary" (which is itself a nom de plume), he also published under the names "Émile Ajar", "Fosco Sinibaldi" and "Shatan Bogat". Merely his first novel, *Le vin des morts* (1937), was published under his real name, "Roman Kacew". The only writer to twice receive the Prix Goncourt (first as Gary and again as Ajar), R. Gary, in his own words, left many hints in the texts of Ajar's works that made it possible to identify the true author, but critics, for the most part, turned out to be blind and did not recognize hints [17–19].

How much do the literary styles of Romain Gary and fictional authors differ from the point of view of our methodology?

To answer this question, we have analyzed

· Works released under the name "Romain Gary":

Education européenne, 1945,

Tulipe, 1946,

Le grand vestiaire, 1949,

Les racines du ciel, 1956, Prix Goncourt,

La promesse de l'aube, 1960,

Gloire à nos illustres pionniers (Les oiseaux vont mourir au Pérou), 1962,

Lady L., 1963,

Les mangeurs d'étoiles, 1966,

La danse de Gengis Cohn, 1967,

La tête coupable, 1968,

Adieu Gary Cooper, 1969,

Chien blanc, 1970,

Europa, 1972,

Les enchanteurs, 1973,

Au-delà de cette limite votre ticket n'est plus valable, 1975,

Clair de femme, 1977,

Charge d'âme, 1977,

Les clowns lyriques, 1979,

Les cerfs-volants, 1980,

· Works released under the name "Émile Ajar":

Gros calin, 1974,

La vie devant soi, 1975, second Prix Goncourt,

Pseudo, 1976,

L'Angoisse du roi Salomon, 1979,

· A work released under the name "Fosco Sinibaldi":

L'homme à la colombe, 1958,

· A work released under the name "Shatan Bogat":

Les têtes de Stéphanie, 1974,

· A work released under the real name "Roman Kacew":

Le vin des morts, 1937.

Figure 5 (left panel) shows the dendrogram of data concerning the occurrence of numerals (clustering principles are described in the Introduction; $n = 8$ is taken in formula (2)).

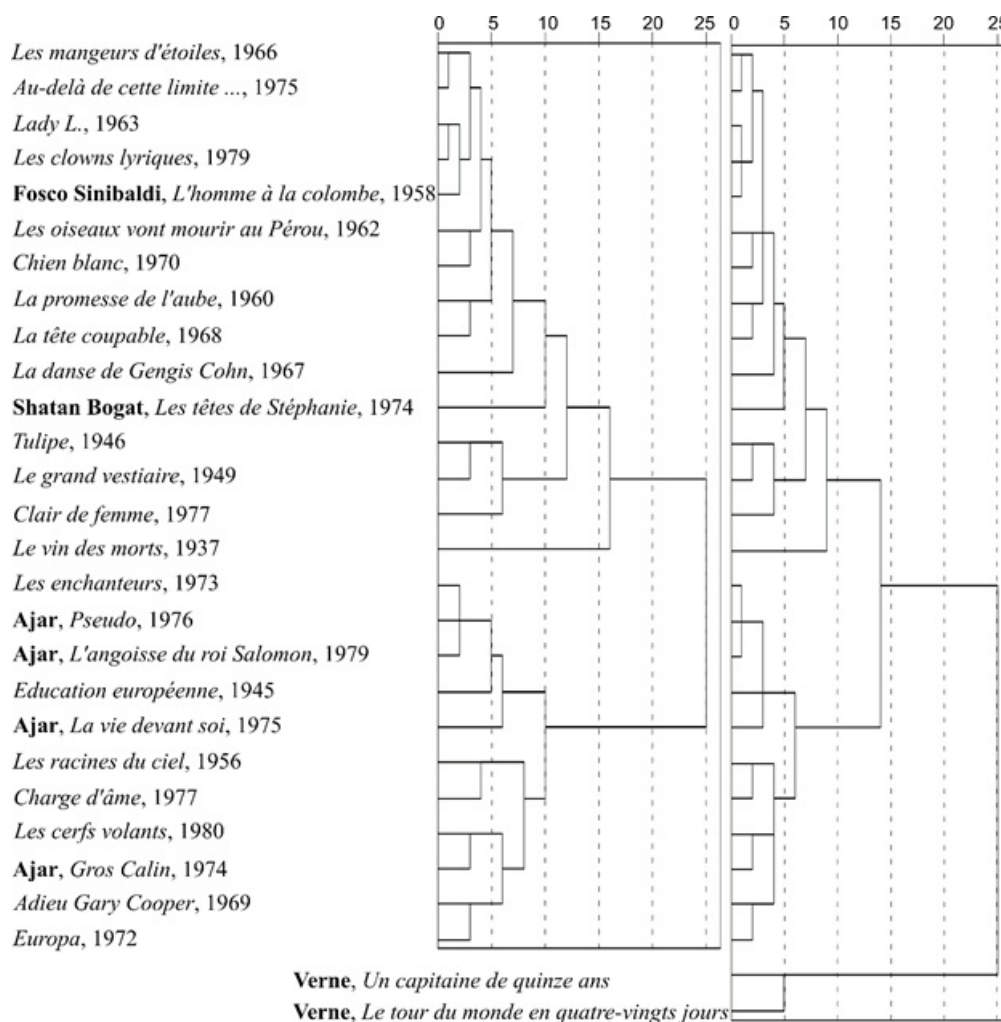

Figure 5. Left panel: results of hierarchical clustering of works by R. Gary, published under his own name and under pen names (in the latter case, the name is explicitly indicated). Right panel: the same, but with the addition of *impostors*: the works of J. Verne *Un capitaine de quinze ans* and *Le tour du monde en quatre-vingts jours*

It would seem that the graph does not confirm our idea about the specificity of the use of numerals by authors. But when adding two works by J. Verne to the analysis (right panel of Fig. 5), it becomes clear that it's all a matter of scale (on the horizontal axis): the height of the amalgamation of impostors and Gary's texts is almost twice the height of the internal amalgamation of Gary's texts. Note that the maximum height is always normalized to 25.

Any chronological sequence in the distribution of works in the dendrogram is not visible, however, note that in one of the two superclusters the early novel *Le vin des morts* (1937) stands out clearly – it is obvious that R. Gary was just developing his style in literature.

Works signed with R. Gary's own name are interspersed without any system with works published under pen names. So, there were no substantial changes in the manner of using numerals when R. Gary tried to change his literary style.

B. Literary hoaxes of Boris Akunin

Russian-language writer, literary critic, translator, liberal public figure Grigory Chkhartishvili (born 1956) publishes non-fiction texts under his real name, but as an author of novels since 1998 he is incomparably better known under the pen name "B. Akunin". Since 2007, works have been published under the pseudonyms "Anatoly Brusnikin" (*The Ninth Savior*, *A Hero of a Different Time*, *Bellona*) and "Anna Borisova" (*There...*, *The Idea-Man*, *Vremena*

goda). Subsequently, G. Chkhartishvili recognized the authorship of these works.

Did his literary style (as far as numerals are concerned) change when writing under a *nom de plume*?

Figure 6 shows the results of clustering data on the use of numerals in the works by "B. Akunin", "Anatoly Brusnikin" and "Anna Borisova" (clustering principles are described in the Introduction; $n = 10$ is taken in formula (2)).

The patterns in the distribution of names along the dendrogram are not clear enough to state with certainty that G. Chkhartishvili uses numerals substantially differently in works written under different names.

So, the examples of R. Gary and G. Chkhartishvili lead us to the (preliminary) conclusion that the manner of using numerals is invariant for each writer, and it is almost impossible to change it. Of course, this conclusion, to be fully justified, needs to be supported by other examples.

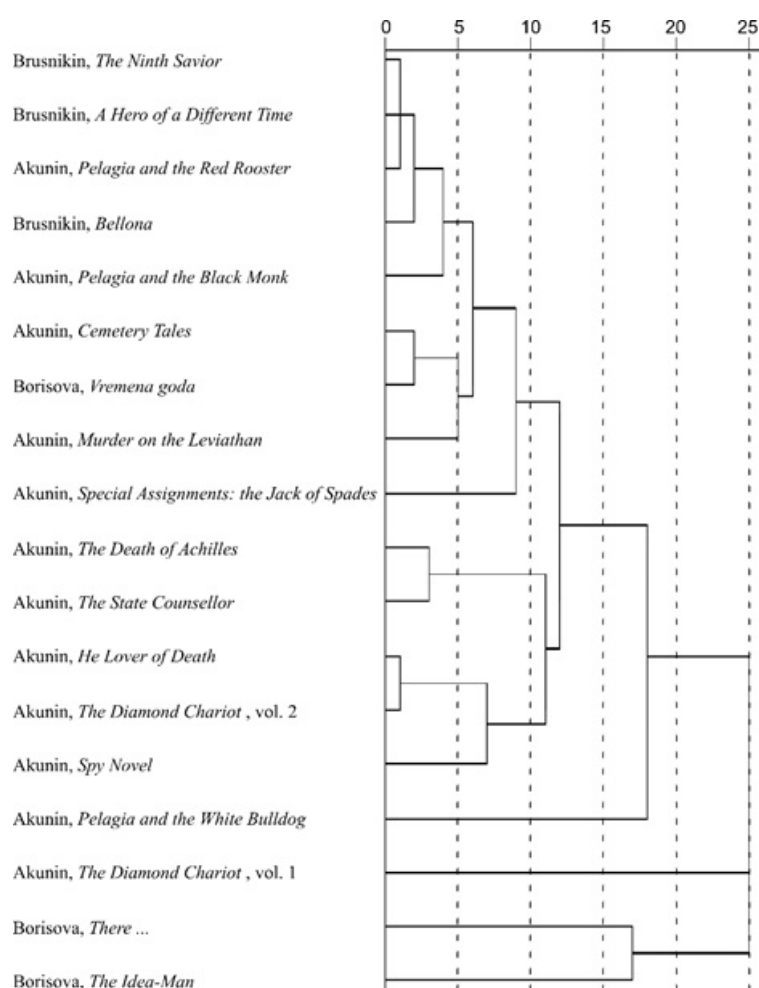

Figure 6. The results of hierarchical clustering of G. Chkhartishvili's works published under the most famous pseudonym "B. Akunin" and under the lesser-known pen names of "Anatoly Brusnikin" and "Anna Borisova"

C. The problem of authorship of Harper Lee's work

In previous examples (R. Gary and G. Chkhartishvili), our method of taking into account numerals served the purpose of ascertaining, and now we are starting on a problem that has not yet been definitively solved.

Harper Lee (1926–2016) – American writer, author of the famous novel *To Kill a Mockingbird* (1960), which is her only major literary work. In 2015, H. Lee's book *Go Set a Watchman* was published, which was written earlier than *To Kill a Mockingbird*, but was not published at the time. According to critics, this is not a separate novel, but merely the original version of *To Kill a Mockingbird*, which has now been tried, based on commercial interest, to be presented as an independent work [20].

Lee was a lifelong friend of Truman Capote (1924–1984) until his death. One of the characters in *To Kill a Mockingbird* was based on him. His numerous literary and documentary works are considered literary classics. In light of the above, it is understandable that suspicions have been repeatedly expressed that the novel *To Kill a Mockingbird* was also written by Capote.

Figure 7 presents the results of clustering data on the use of numerals in two novels by Lee, as well as in Capote's main works *The Grass Harp*, *A Christmas Memory*, *Breakfast at Tiffany's*, *Answered Prayers*, *Summer Crossing*, *Other Voices*, *Other Rooms* (clustering principles are described in the Introduction; in formula (2) $n = 10$ is taken).

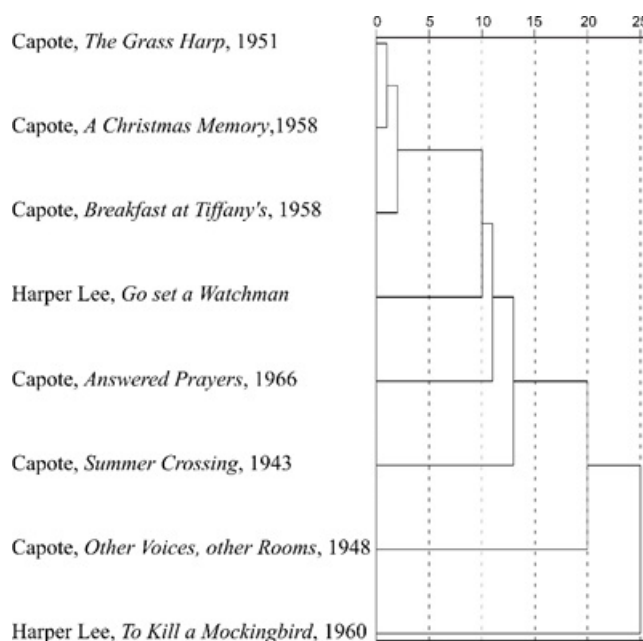

Figure 7. Results of hierarchical clustering of works by Harper Lee and Truman Capote

The dendrogram shows that the primary version of H. Lee's novel is close in terms of the use of numerals to Capote's novels, and, therefore, he could influence H. Lee's text. In the final version, *To Kill a Mockingbird*, Capote's influence, if any, is less pronounced.

Note that an early version of our stylometric method, based on taking into account the first significant digits of numerals in the text [7], led to a similar conclusion about the authorship of the novel by H. Lee.

In this analysis, the introduction of additional authors (*impostors*) is inappropriate, since the range of possible authors is initially limited to Lee and Capote. In [21], the authors come to a similar conclusion regarding Capote's influence on H. Lee's novel. However, they also consider the texts of Therese von Hohoff Torrey, "Tay Hohoff", 1898–1974, a literary editor who devoted much effort to improving H. Lee's original manuscript. But among Hohoff's four own works, two are not fiction, but documentary (*A Ministry to Man: The life of John Lovejoy Elliott, a biography*; *The Author and his Audience: With a Chronology of Major*

Events in the Publishing History of J. B. Lippincott Company), one work is intended for a children's audience (*The Cat Who Wanted Out*) and one more work is a memoir (*Cats and Other People*). These are very special texts, hardly suitable for analysis for the use of numerals; unfortunately, these books were not available to us.

Figure 8 presents the frequency dependence of numerals found in the above-mentioned works by Harper Lee and T. Capote. Absolute frequencies are recalculated taking into account different text sizes. For ease of perception, numerals are limited to the range (1; 40).

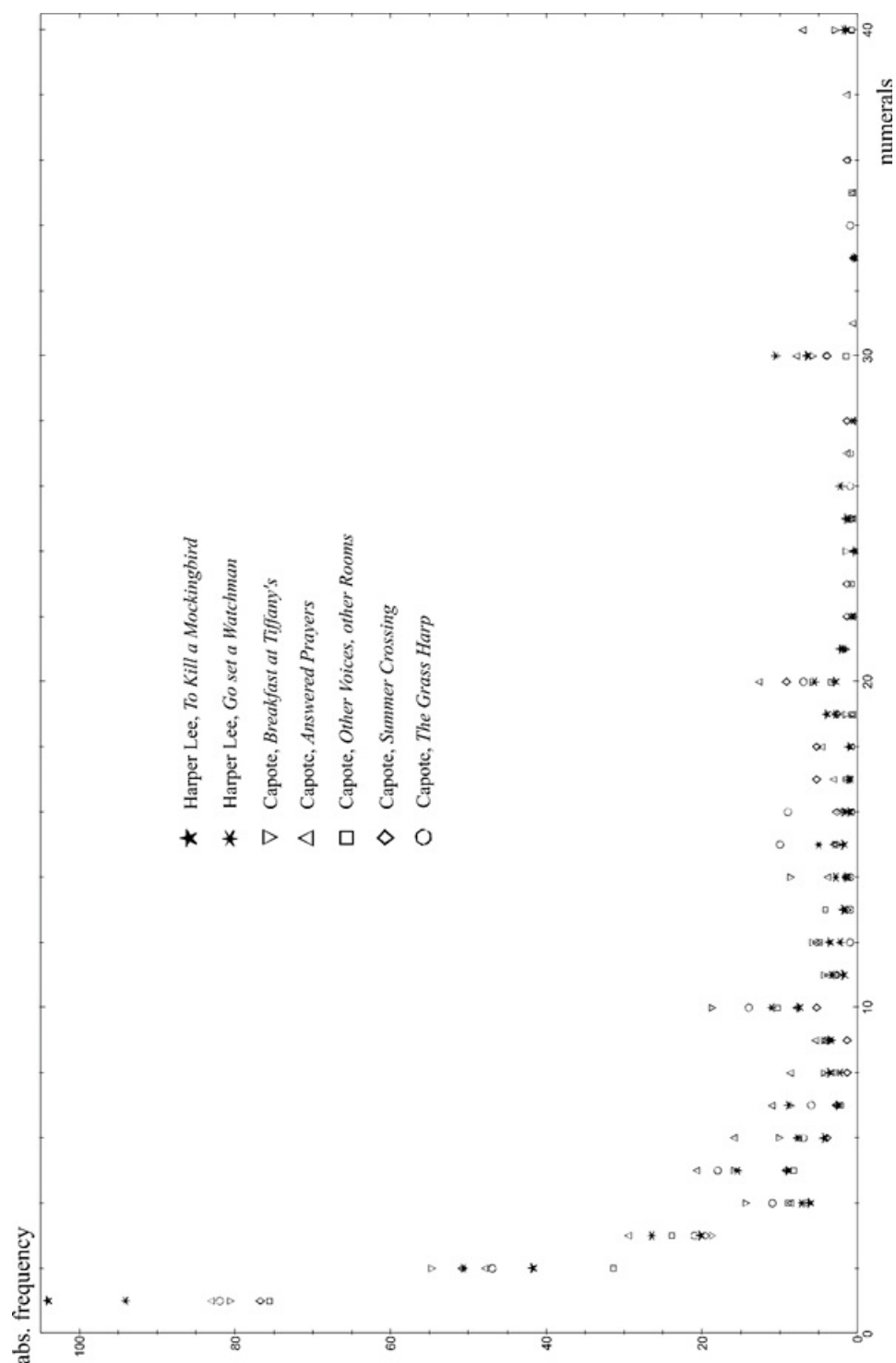

Figure 8. Frequency dependence of numerals occurring in the works by H. Lee and T. Capote

The following can be seen directly from the graph:

1) Common properties for all texts are a decrease in frequency with an increase in the numeral (i.e., the number denoted by it); the presence of local maxima on round numbers (10, 20, 30, ...), the height of which also gradually decreases; gradual rarefaction of the numbers series (the appearance of gaps on the axis of numerals). These conclusions are universal and valid for all texts we have analyzed.

2) In the texts by H. Lee, in contrast with the texts of T. Capote, the frequency of the numeral *one* is especially high, but the numeral *two* (and subsequent ones) has a relatively lower frequency, i.e. Lee resorts to numerals less often.

3) There is a greater variety of numerals in Capote's texts.

4) The frequency dependence of numerals in the text *Go set a Watchman* is closer to that for Capote's texts than in *To Kill a Mockingbird*. This is consistent with the conclusion obtained above from the dendrogram that the early version of H. Lee's novel is more close to the works of T. Capote.

5. Discussion of the Results and Conclusions

We have studied the use of numerals in literary texts of a large number of authors in English, French, and Russian. It was found that the manner of using numerals among different authors can vary substantially, and for each author it is consistently reproduced in different texts. Author's differences in the use of numerals are not only observed visually by means of cluster analysis on dendrograms, but are also confirmed by the Pearson's chi-squared test (see Appendix).

It turned out that in the series of numerals *one, two, three, ...* each subsequent element is found in texts, generally speaking, less and less often (with understandable maxima on the round numbers *ten, twenty, ..., one hundred, ...*). The reasons for the decrease in frequency are not entirely clear; some explanation is given by the experimentally discovered phenomenon of "Benford bias" [22] in human psychology: when people generate numbers, the frequency distribution of the first significant digits of numerals is distorted towards Benford's Law [9]: smaller digits are more common.

The study of the peculiarities of the use of numerals in author's literary texts published under different pen names has shown that the authors' attempts to change their creative style and write "differently" practically do not affect the occurrence of numerals in texts.

Thus, the manner of using numerals is an author's invariant (fingerprint), and this can be used when solving problems about the authorship of texts. The conclusion we have made regarding the attribution of two novels by the American writer Harper Lee is consistent with the conclusions obtained by other researchers using other methods.

So, the method we suggested, based on the analysis of the occurrence of numerals in texts, is another effective method of stylometry, which, of course, does not cancel the existing ones, but complements them.

6. Appendix

We will present here in more detail some computational aspects of our work.

According to Fig. 7, the final version of Lee's *To Kill a Mockingbird*, in terms of the use of numerals, is far from Capote's *Breakfast at Tiffany's*, and the original version of Lee's *Go Set a Watchman*, on the contrary, is close to this novel. Visual similarity/difference can be

supported by the Pearson's chi-squared test.

The comparison of empirical distributions (in our case, the distributions of absolute frequencies of numerals in the texts of various authors) is related to testing the statistical hypotheses about the significance/insignificance of differences between distributions [23].

We now formulate the hypotheses. The null hypothesis H_0 asserts that the tested populations are distributed identically. The alternative hypothesis H_1 : The distributions differ from each other.

The parametric Pearson's chi-squared test, among other things, is also used as a test of homogeneity – it compares the distribution of counts for two or more groups using the same categorical variable. In the form we need, the corresponding procedure is not available in standard statistical packages, so we will describe it in detail.

Our initial statistical data concerning the occurrence of numerals *one, two, ..., ten* in three texts are given in the following table 1. Of course, larger numerals also appear in texts, but with ever less frequency.

Table 1. Empirical absolute frequencies of numerals in the analyzed texts.

Numeral	Absolute frequencies of numerals		
	Harper Lee, <i>To Kill a Mockingbird</i>	Harper Lee, <i>Go set a Watchman</i>	Capote, <i>Breakfast at Tiffany's</i>
1	289	171	56
2	116	92	38
3	56	48	13
4	17	13	10
5	25	28	11
6	12	14	7
7	7	16	6
8	10	4	3
9	10	6	3
10	21	20	13

For applicability of Pearson's test, the frequency in each cell should be not less than 5, so rows 8 and 9 will have to be merged:

Table 2. Empirical absolute frequencies of numerals after cell merging.

Numeral	Absolute frequencies of numerals		
	Harper Lee, <i>To Kill a Mockingbird</i>	Harper Lee, <i>Go set a Watchman</i>	Capote, <i>Breakfast at Tiffany's</i>
1	289	171	56
2	116	92	38
3	56	48	13
4	17	13	10
5	25	28	11
6	12	14	7
7	7	16	6

8 and 9	20	10	6
10	21	20	13

We will compare each of H. Lee's texts separately with the text by T. Capote.

Table 3. Empirical absolute frequencies of numerals in *To Kill a Mockingbird* and *Breakfast at Tiffany's* after cell merging.

Numeral	Harper Lee, <i>To Kill a Mockingbird</i>		Capote, <i>Breakfast at Tiffany's</i>		Sum of frequencies over the row
	Empirical absolute frequency	Cell label	Empirical absolute frequency	Cell label	
1	289	I	56	II	289 + 56 = 345
2	116	III	38	IV	116 + 38 = 154
3	56	V	13	VI	56 + 13 = 69
4	17	VII	10	VIII	17 + 10 = 27
5	25	IX	11	X	25 + 11 = 36
6	12	XI	7	XII	12 + 7 = 19
7	7	XIII	6	XIV	7 + 6 = 13
8 and 9	20	XV	6	XVI	20 + 6 = 26
10	21	XVII	13	XVIII	21 + 13 = 34
	$\Sigma = 563$		$\Sigma = 160$		$\Sigma\Sigma = 723$

We will juxtapose empirical and theoretical frequencies, the latter obtained by taking into account that the numbers of the numerals (not exceeding ten) in the texts are different: 563 in Lee's text and 160 – in that by Capote. Thus, out of the total quantity $563 + 160 = 723$ numerals in two texts, the first one accounts for the share $563/723 = 0.78$, and the second for $160/723 = 0.22$. In all the rows, the theoretical frequencies related to the first and second texts should thus be, respectively, 0.78 and 0.22 out of the total frequency of the corresponding row. If the empirical distributions to be compared do not differ from one another, the empirical frequencies should not significantly deviate from the theoretical ones, obtained from the proportion.

Now, we recompose the data of Table 3, placing the relative frequencies for both texts in the order indicated by the labels in one column (these will be the empirical frequencies f_{emp}); in the other column, we will place the theoretical frequencies f_{theor} , calculated according to the previous as

$$f_{theor} = \frac{(\Sigma \text{ frequencies over the row}) \cdot (\Sigma \text{ frequencies over the column})}{\Sigma\Sigma}.$$

Here, $\Sigma\Sigma = 723$.

Table 4. Calculations for Pearson's chi-squared test.

Cell	empirical frequency f_{emp}	theoretical frequency f_{theor}	$(f_{\text{emp}} - f_{\text{theor}})^2 / f_{\text{theor}}$
I	289	$345 \cdot 563 / 723 = 268.65$	1.54
II	56	$345 \cdot 160 / 723 = 76.35$	5.42
III	116	$154 \cdot 563 / 723 = 119.92$	0.13
IV	38	$154 \cdot 160 / 723 = 34.08$	0.45
V	56	$69 \cdot 563 / 723 = 53.73$	0.10
VI	13	$69 \cdot 160 / 723 = 15.27$	0.34
VII	17	$27 \cdot 563 / 723 = 21.02$	0.77
VIII	10	$27 \cdot 160 / 723 = 5.98$	2.70
IX	25	$36 \cdot 563 / 723 = 28.03$	0.33
X	11	$36 \cdot 160 / 723 = 7.97$	1.15
XI	12	$19 \cdot 563 / 723 = 14.80$	0.53
XII	7	$19 \cdot 160 / 723 = 4.20$	1.87
XIII	7	$13 \cdot 563 / 723 = 10.12$	0.96
XIV	6	$13 \cdot 160 / 723 = 2.88$	3.38
XV	20	$26 \cdot 563 / 723 = 20.25$	0.00
XVI	6	$26 \cdot 160 / 723 = 5.75$	0.01
XVII	21	$34 \cdot 563 / 723 = 26.48$	1.13
XVIII	13	$34 \cdot 160 / 723 = 7.52$	3.99
	$\Sigma = 723$	$\Sigma = 723$	$\Sigma = 24.81 = \chi^2_{\text{emp}}$

Now, we determine the number of degrees of freedom, df . For the test of homogeneity, $df = (r-1)(c-1)$, where r corresponds to the number of categories (i.e. rows in the table of empirical frequencies; $r = 9$ – see Table 2), and c corresponds the number of independent groups (here, $c = 2$). Therefore, $df = 8$.

With such df , the tabulated critical values of the χ^2 distribution for two significance levels α are:

$$\chi^2_{\alpha} = \begin{cases} 15.5 & (\alpha = 0.05), \\ 20.1 & (\alpha = 0.01). \end{cases} \quad (3)$$

Since the empirical $\chi^2_{\text{emp}} = 24.81$ exceeds each of these critical values, hypothesis H_0 (asserting that both the tested populations are distributed identically) is rejected; in other words, the distribution of numerals in *To Kill a Mockingbird* by Harper Lee and *Breakfast at Tiffany's* by Truman Capote differ significantly.

Now we compare the primary version of the novel, *Go Set a Watchman*, by H. Lee with the same novel by T. Capote.

Table 5. Empirical absolute frequencies of numerals in *Go Set a Watchman* and *Breakfast at Tiffany's* after cell merging.

Numeral	Harper Lee, <i>Go set a Watchman</i>		Capote, <i>Breakfast at Tiffany's</i>		Sum of frequencies over the row
	Empirical absolute frequency	Cell label	Empirical absolute frequency	Cell label	
1	171	I	56	II	$171 + 56 = 227$
2	92	III	38	IV	$92 + 38 = 130$
3	48	V	13	VI	$48 + 13 = 61$
4	13	VII	10	VIII	$13 + 10 = 23$
5	28	IX	11	X	$28 + 11 = 39$
6	14	XI	7	XII	$14 + 7 = 21$
7	16	XIII	6	XIV	$16 + 6 = 22$
8 and 9	10	XV	6	XVI	$10 + 6 = 16$
10	20	XVII	13	XVIII	$20 + 13 = 33$
	$\Sigma = 412$		$\Sigma = 160$		$\Sigma\Sigma = 572$

Out of the total quantity $412 + 160 = 572$ numerals in two texts, the first one accounts for the share $412/572 = 0.72$, and the second for $160/572 = 0.28$. In all the rows, the theoretical frequencies related to the first and second texts should thus be, respectively 0.72 and 0.28 out of the total frequency of the row.

Performing calculations similar to those done above, we get

Table 6. Calculations for Pearson's chi-squared test.

Cell	empirical frequency f_{emp}	theoretical frequency f_{theor}	$(f_{\text{emp}} - f_{\text{theor}})^2 / f_{\text{theor}}$
I	171	$227 \cdot 412/572 = 163.50$	0.34
		$227 \cdot 160/572 = 63.50$	0.00

II	56	$227 \cdot 160 / 572 = 63.50$	0.89
III	92	$130 \cdot 412 / 572 = 93.64$	0.03
IV	38	$130 \cdot 160 / 572 = 36.36$	0.07
V	48	$61 \cdot 412 / 572 = 43.94$	0.38
VI	13	$61 \cdot 160 / 572 = 17.06$	0.97
VII	13	$23 \cdot 412 / 572 = 16.57$	0.77
VIII	10	$23 \cdot 160 / 572 = 6.43$	1.98
IX	28	$39 \cdot 412 / 572 = 28.09$	0.00
X	11	$39 \cdot 160 / 572 = 10.91$	0.00
XI	14	$21 \cdot 412 / 572 = 15.13$	0.08
XII	7	$21 \cdot 160 / 572 = 5.87$	0.22
XIII	16	$22 \cdot 412 / 572 = 15.85$	0.00
XIV	6	$22 \cdot 160 / 572 = 6.15$	0.00
XV	10	$16 \cdot 412 / 572 = 11.52$	0.20
XVI	6	$16 \cdot 160 / 572 = 4.48$	0.52
XVII	20	$33 \cdot 412 / 572 = 23.77$	0.60
XVIII	13	$33 \cdot 160 / 572 = 9.23$	1.54
	$\Sigma = 572$	$\Sigma = 572$	$\Sigma = 8.59 = \chi^2_{\text{emp}}$

The critical values of the χ^2 distribution remain the same (3) as above. Since the empirical $\chi^2_{\text{emp}} = 8.59$ is less than these critical values at both significance levels, we fail to reject the hypothesis H_0 : the patterns of numerals usage in *Go Set a Watchman* by Harper Lee and *Breakfast at Tiffany's* by Truman Capote are indistinguishable (at given significance levels).

We performed similar (very cumbersome!) calculations for all the above dendrograms, and it turned out that the visual similarities/differences in the use of numerals by the authors can be trusted.

Библиография

1. Stamatatos E. A survey of modern authorship attribution methods // J. of the American Society for information Science and Technology. 2009. No. 60(3), Pp. 538–556.
2. Tempestt N., Kalaivani S., Aneez F., Yiming Y., Yingfei X., Damon W. Surveying Stylometry Techniques and Applications // ACM Comput. Surv. 2017, 50(6), Article 86, 36 pages.
3. Brocardo M. L., Traore I., Woungang I., Obaidat M. S. Authorship verification using deep belief network systems // Int. J. Commun. Syst., 2017. DOI:10.1002/dac.3259.
4. La Inteligencia Artificial ayuda a descubrir una obra desconocida de Lope de Vega en

- los fondos de la BNE, Biblioteca Nacional de España, <https://www.bne.es/es/noticias/inteligencia-artificial-ayuda-descubrir-obra-desconocida-lope-vega-fondos-bne> (Accessed: October 18, 2023).
5. Зенков А. В. Отклонения от закона Бенфорда и распознавание авторских особенностей в текстах // Компьютерные исследования и моделирование. 2015. № 7(1). С. 197–201.
 6. Зенков А. В. Новый метод стилеметрии на основе статистики числительных // Компьютерные исследования и моделирование. 2017. № 9(5). С. 837–850.
 7. Zenkov A. V. A Method of Text Attribution Based on the Statistics of Numerals // J. of Quantitative Linguistics. 2018. No. 25(3). Pp. 256–270.
 8. Zenkov A. V., Místecký M. The Romantic Clash: Influence of Karel Sabina over Macha's Cikani from the Perspective of the Numerals Usage Statistics // Glottometrics. 2019 No. 46, Pp. 12–28.
 9. Zenkov A. V. Stylometry and Numerals Usage: Benford's Law and Beyond // Stats 2021. No. 4, Pp. 1051–1068.
 10. Zenkov A. and Místecký, M. Young Vladimír Vašek? – A Numerals Analysis Contribution to the Bezruč–Hrzánský Identity Issue // Naše řeč. 2022 No. 105(3). Pp. 151–161.
 11. Зенков А. В., Ермаков Н. Е. Числительные в текстах как характерная особенность авторского стиля // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9(45). 6 с.
 12. Moisl H. Cluster Analysis for Corpus Linguistics. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 2015.
 13. Koppel M., Winter Y. Determining if Two Documents are Written by the Same Author // J. of the Association for Information Science and Technology. 2014. No. 65(1). Pp. 178–187.
 14. Artinian A. Maupassant criticism in France, 1880 – 1940, with an inquiry into his present fame and a bibliography. N. Y.: Kings Crown Press, 1941.
 15. Dugan J. R. Illusion and Reality, A Study of Descriptive Techniques in the Works of Guy de Maupassant. The Hague, Paris: Mouton, 1973.
 16. Lloyd C. Guy de Maupassant. Reaktion Books, 2020.
 17. Boisen J. Un Picaro métaphysique: Romain Gary et l'art du roman. Odense University Press, 1996.
 18. Hocus Bogus. Romain Gary writing as Émile Ajar, Transl. by D. Bellos, New Haven, London: Yale University Press, 2010.
 19. Poier-Bernhard A. Romain Gary – das brennende Ich: literaturtheoretische Implikationen eines Pseudonymenspiels. Tübingen: Niemeyer, 1996.
 20. Shields C. J. Mockingbird: A Portrait of Harper Lee: From Scout to Go Set a Watchman. Henry Holt and Company, 2016.
 21. Michał Choiński, Maciej Eder, Jan Rybicki, Harper Lee and Other People: A Stylometric Diagnosis // Mississippi Quarterly. 2017/2018. No. 70/71(3). Pp. 355–374.
 22. Burns B. D. Do People Fit to Benford's Law, or Do They Have a Benford Bias? Available online: <https://cognitivesciencesociety.org/cogsci20/papers/0379/index.html> (Accessed: October 18, 2023).
 23. Clarke G. M., Cooke D. A basic Course in Statistics. London: Hodder Arnold, 2004.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Под чужим флагом: литературные мистификации и использование числительных», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», представленная на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению языка художественной прозы.

Автор обращается к методам стилометрии. Автор предлагает новый подход к проблемам стилометрии, основанный на анализе использования числительных в (литературном) авторском тексте. В работе демонстрируются преимущества предлагаемой методики.

В работе рассматриваются литературные мистификации, под которыми понимается публикация произведений одним автором под разными псевдонимами, а также анализируются числительные.

Автором предложена компьютерная программа, которая ищет как кардинальные, так и порядковые числа, выраженные как числами, так и (что значительно чаще) устно (в разных словоформах) в англоязычных, франкоязычных и русскоязычных текстах.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

К сожалению, автор не указывает на объем корпуса, отобранного для практической части исследования, принципы и методы отбора.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Автор иллюстрирует теоретические положения языковым материалом, а также графиками и диаграммами, часть материала представлена в табличных формах, что облегчает восприятие читателем.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены научные труды на русском и английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников, смешение работ на иностранном и русском языках. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по стилистике, литературоведению, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Под чужим флагом: литературные мистификации и использование числительных» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Октябрьская О.С. — Тема семьи и дома в дилогии Марии Якуниной «Восьмерка» и «Дорогая Рита» // Litera. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68779 EDN: TPBNJB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68779

Тема семьи и дома в дилогии Марии Якуниной «Восьмерка» и «Дорогая Рита»

Октябрьская Ольга Святославовна

доктор филологических наук

профессор, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, оф. 967

✉ svyatolga@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.68779

EDN:

TPBNJB

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2023

Дата публикации:

24-10-2023

Аннотация: В статье поднимается вопрос о принципах взаимоотношений взрослых и детей в современной детской повести. Кроме того, актуализированы темы дома, семьи, семейного воспитания в жизни подростков. Значимость данной статьи обусловлена важностью поставленных проблем, а также современным и практически неизученным материалом исследования, коим являются повести «Восьмерка» и «Дорогая Рита» современного подросткового автора М. Якуниной. Для осмысления данных аспектов в статье применяются следующие методы исследования: сопоставительный, герменевтический и сравнительно-типологический методы. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование путей социализации и самосовершенствования ребёнка в подростковой повести. Основным результатом данной работы стало исследование разных типов характеров детей и взрослых, путей их

взаимодействия и способов самореализации. При этом решались следующие задачи: выявление ключевых аспектов взросления и социализации ребёнка; анализ взаимоотношений взрослых и детей в повестях Марии Якуниной «Восьмерка» и «Дорогая Рита»; определение особенностей развития основных сюжетных линий и образной системы анализируемых повестей. Ключевыми аспектами статьи стали вопросы о роли семьи в жизни подростка, о возможности выбора семьи ребёнком и ответственности как детей, так и взрослых за семью в целом и каждого её члена.

Ключевые слова:

подростковая литература, семья и дома, взросление ребенка, современная детская повесть, школьная повесть, самореализация ребенка, возрастная психология, детская литература, рождение ребенка, воспитание подростка

Фигура подростка в последнее время привлекает все большее внимание писателей, а размышления о поведении и поступках молодых людей отроческого возраста разных исторических периодов становится предметом дискуссий литературоведов, педагогов, критиков и психологов. Важной проблемой современной литературы о подростках стала тема семьи и родного дома, которая всегда была **актуальна** особенно для детской литературы.

Актуализация этого вопроса в данной статье обусловлена необходимостью выявления тех аспектов жизни современного подростка, которые особенно важны при формировании нравственных ценностей, путей к дальнейшему взрослению и социализации молодого человека. Изучение проблем взаимоотношений подростков и взрослых в семье и обществе на современном материале имеет большую теоретическую и практическую значимость. **Теоретическая значимость** данной работы обусловлена вкладом в общую методологическую и прикладную основу исследования проблем взаимодействия взрослого и ребенка/подростка, **практическая значимость** заключается в возможности использования полученных результатов в учебном процессе в школах, организациях профтехобразования и вузах. **Теоретической базой** исследования стали работы современных литературоведов, которые обращаются к данной проблематике. Так, об одиночестве подростков размышляют И.Б. Ничипоров^[1], Е.В. Борода^[2], А.П. Мингалина^[3] и др., о способах отроческо-юношеской реализации пишут Н.В. Чекашева, О.Ю. Осьмухина^[4], Г.И. Власова^[5] и др., которые выявляют проблемные аспекты подросткового характера, воплощённого в произведениях русских и зарубежных писателей.

Тема взаимоотношений детей и родителей выходит на первый план в повестях современной писательницы для подростков Марии Якуниной «Восьмерка» и «Дорогая Рита». Первая повесть данной дилогии посвящена проблемам поиска семьи ребенком, Появления (с большой буквы) и Рождения нового человека. Этот процесс традиционно вызывает жгучий интерес у подрастающего поколения на самых разных уровнях – почему родился у этих конкретных родителей, как это произошло и т.д. Примечательно, что этому явлению писательница посвящает практически целую повесть, но переводит любопытствующий взгляд ребенка из физиологической в философскую, психологическую и социальную плоскости и выводит как на экзистенциальные, так и весьма непростые локальные проблемы.

Вопреки очевидному утверждению, что главным событием в жизни человека является

его Появление и Рождение, Якунина, не снимая сакральности с этого процесса, делает главным и основным вопрос о выборе ребёнком, при этом относительно взрослым, как раз примерно подросткового возраста, своих родителей, семьи, будущего родного дома. Конечно, этот самый выбор совершается не в нашем мире, а где-то в некоем параллельном мире, куда уходят после смерти и где оказываются те, кто ждёт Появления, Рождения и прихода в наш реальный мир. Безусловно, такое смещение акцентов в сторону доминирования ребёнка не совсем верно, но авторская позиция в этом плане глубже – акцент с эгоцентризма ребенка направлен на абсолютную ценность семьи, которую формирует, прежде всего, именно ребёнок, так как за ним остаётся главный выбор – выбор тех, кого он сможет назвать родителями, и тех, кто собственно ими станет, но только после рождения малыша. Действительно, супруги становятся родителями сразу после понимания того, что у них должен родиться ребёнок. Интересно, что до появления ребенка будущие родители могут расставаться, ссориться, уходить-приходить друг к другу, но все меняется, когда они осознают тот груз ответственности, который им преподносится Свыше – подготовка к рождению ребенка. При этом писательница знакомит своих читателей с разными вариантами семей – это может обычная традиционная семья (мама-папа-ребенок/дети), но вполне может быть и другой вариант – ребенка может воспитывать одна мама. При этом уже не сам ребенок выбирает семью, а это делается за него, так как он попадает на Распределение после двух неудачных попыток Появления.

Таким образом, повесть «Восьмерка» практически полностью посвящена такого рода проблемам. Главными героями этой части диалогии становятся дети, готовящиеся к самому главному в их жизни выбору. Повесть «Восьмерка» при внешнем сохранении жанровых черт школьной повести (показан процесс обучения выбору родителей и дальнейшей социализации в ином мире, то есть в нашей реальности, сам выбор как экзамен на зрелость, взаимоотношения детей разных групп – распределенцев и тех, кто сам выбирает семью и т.д. – отношения детей и наставников и т.д.) актуализирует черты социальной повести, повести воспитания и т.д.

Величайшее таинство природы – рождение человека – остаётся неким сакральным процессом – ребёнок может Появиться, то есть быть зачатым, может не случиться самого Появления, но может исчезнуть и в том Небесном мире, где происходит действие первой повести, и в другом, нашем мире, если мать решается на избавление от ребёнка до его рождения. Якуниной важно показать, что процесс Появления малыша – таинство, дарованное Свыше, а вот вмешательство человека может привести к трагедии. Кроме того, Якуниной близка мысль о взаимопроницаемости двух миров, так как человек, находящийся в мире Небесном, может наблюдать за реальным миром с помощью особого прибора. Таким образом, экранчики, которые связывают два мира, приоткрывают перед героями-детьми их будущий мир, их семью. При этом разных персонажей интересуют разные аспекты. Так, умной и интеллектуальной Лизе важен творческий потенциал будущей семьи, меркантильной и недалёкой Насте её материальные возможности, а главной героине, противоречивой и искренней, распахнутой для всего нового и неизвестного, важна сама атмосфера любви между родителями. Мечтательная и чувствительная ко всему Восьмёрка, которая и имя-то себе нормальное выбрать не может, пропускает время вторичной подачи заявления на Появление именно у этих родителей, тем не менее, определяет семью Крайновых именно как собственную, а Алексея и Инну как собственных родителей. При этом Восьмёрка с самого начала называет Инну и Алексея Мамой и Папой, сближение с которыми и становится целью жизни героини в ином мире, в так называемом Управлении.

Таким образом, в центре повествования оказывается достаточно противоречивый характер, героиня во многом не просто ищет свой дальнейший путь, но и отчаянно борется за право быть в этой семье. Весьма неорганизованная и безалаберная, Восьмёрка тем не менее, сразу интуитивно выбирает семью, пристально следит за тем, что там происходит со своих «высот», переживает о ссорах и скандалах в семье. При этом героиня готова к любым рискам и испытаниям, лишь бы родиться в этой семье.

Восьмёрка – не сторонний наблюдатель происходящего между Инной и Алексеем, но и активный член этой семьи – она умеет сострадать, пытается дать советы людям, которых воспринимает как родных, а также именно она и борется за семью. Все мысли и мечты героини о счастливой жизни в этой семье. Она с теплотой и трепетом воспринимает их дом как свой. Выделен главный локус Дома – кухня, где встречаются герои, где они мирятся и выясняют отношения, но главное – наслаждаются общением друг с другом. Важной предметной деталью становится имбирный чай, который пьют герои в самые счастливые моменты жизни. Однако в повести «Восьмёрка» такой мир во многом для героини иллюзорен – она может лишь созерцать его через экранчик прибора, а ее мысли и советы недостижимы для будущих родителей.

Реальный мир дома, представленный в повести «Дорогая Рита», тоже во многом иллюзорен, так как действие происходит после драматических событий. Сестра главной героини (здесь она уже обретает имя, ее зовут Саша) – Рита Крайнова впадает в коматозное состояние и долгое время пребывает в нем. Именно поэтому счастливая жизнь семьи Крайновых остаётся в прошлом, а каждый из членов семьи – папа, мама, бабушка и сама Саша вынуждены переосмыслить своё дальнейшее существование и подстроить его под новые обстоятельства. Однако болезнь Риты неожиданным образом обнажает все проблемы семьи Крайновых, которые существовали и ранее, но были не замечаемы или не желаемы для акцентирования.

Отношения между родителями давно дали трещину – именно поэтому недолюбливает зятя бабушка Саши и Риты, а Саша в самые тяжелые для себя моменты вспоминает счастливые мгновения, но связывает их только с мамой и Ритой – папы как будто и нет рядом. Да и болезнь Риты – старшей и единственной родной дочери Крайновых – отдаляет отца от семьи. Он все реже бывает дома, все чаще раздражается по пустякам, все больше уходит в себя и из семьи. Конфликт между сестрами тоже становится критичным. Саша пытается отбить возлюбленного у старшей сестры, а Рита в последний момент перед несчастьем успевает сказать Саше о страшной находке в родительских документах – свидетельстве об усыновлении / удочерении сестры.

Акцент выставлен на переживания главной героини. Но именно зависть и злость на Риту впервые проявились у Саши, тогда еще Восьмерки в том, Небесном мире – именно Рита, невзрачная нелепая девчонка с рыжими косичками, опережает Восьмерку на несколько часов и получает разрешение на Появление в семье Крайновых. Автор не просто сопоставляет две сходные ситуации – героиню охватывают чувства ревности, злости, ощущение несправедливости происходящего, но и показывает, как отработанная ситуация в Том мире смягчает обиду в Этом. Тогда для преодоления эмоций Восьмерке понадобилось вмешательство и подруги Лизы, и Смотрителя, и рассудительного Олега. Идея личной памяти срывается уже в этом мире, поэтому злость и раздражение на дурного вестника (Риту) сменяется глубокой депрессией. Героиня направляет отрицательные эмоции не вовне, а внутрь себя. Так писательница приходит ко второму главному вопросу жизни подростка – самоидентификация, самовоспитание и осознание своей роли в семье. Автор намеренно сгущает краски и делает не Риту, а именно Сашу центром притяжения всех бед. Её в болезни Риты обвиняет сплетница Настя, но строже

всех себя судит она сама. Она уверена, что по ее недосмотру из дома убегает пес Рич, заболела Рита, страдают мама и папа, самые близкие ей люди в семье, а она сама не может сидеть рядом с сестрой, пребывающей в коме. Причину героиня видит одну – она чужак в семье, приносящий всем страдания и разочарования.

Исподволь и очень осторожно выходит Якунина на важные аспекты жизни современного подростка – охлаждение родителей друг к другу, ссоры между сестрами, зависть по отношению к другому и т.д. Но главное – трудное принятие непростой реальности как драму приемного ребенка, который узнает об этом в самый сложный период жизни – подростковом возрасте. Однако писательница подводит своих героев к взрослению и мудрости. Из любой ситуации есть выход, необходимо только взглянуть на происходящее чуть шире. Не все дети могут самостоятельно выбрать родителей. Две неудачные попытки Появления приводят к тому, что дети рождаются не только в неполных, но и в неблагополучных семьях. Так, биологической матерью Саши становится проститутка-наркоманка, умершая в родах. При этом важно само пребывание в семье, чувство Дома и рода, которое расставляет акценты. При этом главным человеком в жизни любого ребенка становится мама – неважно, биологическая ли, приемная ли. И не только мать заботится о своем ребенке, но и ребенок должен давать ответные чувства тем, кто его любит и заботится о нем. Так, Олег готов не только не видеть отца, но и защищать и оберегать свою маму еще до Появления, а после Рождения он верно и преданно дежурит у больницы, где его маму лечат от онкологии. Автор актуализирует проблему оптимистичного взгляда на мир прежде всего в связи с образами Олега и его мамы, которая несмотря на выпавшие волосы и слабость сразу же после выписки из больницы включается в деловой ритм, работает над статьями, помогает детям в поисках сбежавшей собаки, вселяет уверенность в Сашу в выздоровлении Риты, но главное – в нужность Саши для ее семьи, прежде всего для мамы. Не скрывает Якунина и более драматических детских судеб. К примеру, мама Эли – бомж, она живет на улице в любую погоду, питается из мусорных баков. Это не мешает и матери заботиться о дочери, и самой Эле оставаться доброй и ласковой и мечтать о доме, который она выстроит для мамы. Эля обретает тоже оригинальную семью – не только мама становится для нее важной, но и то зверье, которым она себя окружает. Не случайно сбежавший из семьи Крайновых пёс Рич находит убежище именно у Эли.

Сама главная героиня постепенно понимает и свою миссию, и свой долг перед мамой, которая любит ее как родную, не разделяет двоих дочерей на родную и приемную, заботится о ней.

Таким образом, Мария Якунина в своей диалогии подходит к весьма важным и актуальным для ребенка, вступившего в подростковый возраст, проблемам. Это и отношение к другим, не таким, как я сам, отношения в детском коллективе – школьном или дружеском, но самое главное – отношение к Дому и семье. В этом плане актуализированы два вопроса – выбор семьи и самоидентификация в ней, ответственность детей и родителей за обстановку и общую атмосферу в семье, а также идеи связи разных миров и утверждения жизни как главной ценности человека.

Библиография

1. Ничипоров И. Б. Детство как травма в современной русской литературе (повесть Павла Санаева "Похороните меня за плинтусом") // Art Logos. 2019. №1 (6). С. 47-52.
2. Борода Е.В. "Честное бегство" современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века // Неофилология. 2020.Т.6. № 23. С. 599-607.

<https://cyberleninka.ru/article/n/chestnoe-begstvo-sovremennogo-geroya-problema-eskapizma-v-podrostkovoy-literature-xxi-veka>

3. Мингалина А.П. Образ ребенка-интроверта в современной подростковой прозе.-В сб.: Передовое развитие современной науки: опыт, проблемы, прогнозы. Сб. статей III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 219-226.
4. Чекашева Н.В., Осьмухина О.Ю. Взрослый мир глазами ребенка в прозе Г. Щербаковой ("Дядя Хлор и Корякин", "Отчаянная осень").-В сб.: Актуальные проблемы филологии и журналистики. Сборник научных трудов. Саранск, 2022. С. 121-126.
5. Власова Г.И. Современная детская литература в Казахстане: писательские стратегии и литературные репутации.-В сб.: Дети и книга в поликультурном мире: материалы 2 Международного конгресса. Алматы: Академия детской книги "ALTAIR", 2021. С. 15-20.
6. Ничипоров И.Б. Семья в эпоху перемен: романы Юрия Полякова рубежа XX-XXI вв. («Замыслил я побег...», «Грибной царь») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 3. С. 174-181.
7. Ничипоров И.Б. Современность глазами подростка: повесть Р. Сенчина «Чего вы хотите?» // Stephanos. 2022. № 2 (52). С. 20-27.
8. Осьмухина О.Ю. Образ дома в творчестве Дм. Липскерова конца 1980-1990-х гг. // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 2 (10). С. 28-36.
9. Bal M. Narratology: introduction to the theory of narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 205 p.
10. Tempert S. Translating Young Adult Literature. The High Circulation Rate of Youth Language and Other Related Translation. Problems in The Catcher in the Rye and The Outsiders. – Utrecht, 2013 – 134 p.
11. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культурыЮ 2003. С. 69-263.
12. Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
13. Юхнова И. С. Ценностные ориентиры героев А. П. Гайдара ("Тимур и его команда") // Филологический класс. 2019. №2 (56). С. 126-131.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Тема семьи и дома в дилогии Марии Якуниной «Восьмерка» и «Дорогая Рита», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению темы семьи и подростка в современной художественной русскоязычной литературе. Актуализация

этого вопроса в данной статье обусловлена необходимостью выявления тех аспектов жизни современного подростка, которые особенно важны при формировании нравственных ценностей, путей к дальнейшему взрослению и социализации молодого человека. Изучение проблем взаимоотношений подростков и взрослых в семье и обществе на современном материале имеет большую теоретическую и практическую значимость.

Кроме того, автор обращается к творчеству современной писательницы, лауреата Всероссийского конкурса произведений для детей и юношества «Книгуру», которое требует изучения.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

В качестве источника материала исследования были взяты художественные произведения «Восьмерка» и «Дорогая Рита». Отметим, что теоретические измышления не были проиллюстрированы языковыми примерами, а также не были представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Тема семьи и дома в диалогии Марии Якуниной «Восьмерка» и «Дорогая Рита» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бай Я., Пинаев С.М. — Эстетика дзэн-буддизма в творчестве М. А. Волошина (на примере стихотворных миниатюр – надписей на акварелях) // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68787 EDN: KZVVBJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68787

Эстетика дзэн-буддизма в творчестве М. А. Волошина (на примере стихотворных миниатюр – надписей на акварелях)

Бай Ян

ORCID: 0000-0003-0530-5471

аспирант, кафедра Кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1074948330@qq.com

Пинаев Сергей Михайлович

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 6, 10, оф. 2

✉ serpinaev@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.68787

EDN:

KZVVBJ

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2023

Дата публикации:

26-10-2023

Аннотация: В этой статье рассматривается воплощение идей и эстетики дзэн-буддизма в творчестве М. Волошина. Цель статьи состоит в выявлении того, как представлена мысль и эстетика дзэн-буддизма в творчестве М. Волошина. Материалом для работы послужили

стихотворные миниатюры М. Волошина – надписи на акварелях, автобиографии и воспоминания. Сам М. Волошин назвал буддизм «первой религиозной ступенью» в своей автобиографии. Дзэн-буддизм не принимает двойственность и непримиримость западной философии, например противопоставления «Бог-человек», «мгновение – вечность», «покой – борьба» и т. д. Приняв идеи дзэн-буддизма Востока, М. Волошин пытался выразить одно через его противоположность. Одна типичная черта творчества М. Волошина – философская гармоничность, и многие его стихотворения резонируют со стихами мастеров дзэн (чань). Категории, воплощенные в дзэнских стихах, такие как бренность земного, вечность и гармония природы, также можно найти в стихотворениях М. Волошина. Новизна заключается в том, что в настоящее время мало внимания уделяется проявлениям философии дзэн-буддизма в произведениях поэта. Проведённый анализ надписей на акварелях Максимилиана Волошина позволяет утверждать, что дзэн-буддизм занимает важное место среди его эстетических и мировоззренческих ориентиров. Изучение рецепции дзэн-буддизма в творчестве М. Волошина имеет огромное значение для понимания его поэзии, концепции творчества и мировоззрения. Под влиянием идей и эстетики дзэн-буддизма в стихотворениях Волошина отражаются три его основополагающие категории эстетики: принцип простоты; гармония; принцип пустоты и тишины.

Ключевые слова:

Волошин, мировоззрение, дзэн-буддизм, эстетика, принцип простоты, гармония, противопоставления, Чань, природа, тишина

Максимилиан Волошин – один из крупнейших поэтов серебряного века. С детства у него проявился необычный интерес к искусству и религии. Под влиянием своего учителя Н. В. Гуркина М. Волошин соприкоснулся с буддизмом и восточной философией и читал книгу о буддийском учении «Свет Азии». В сентябре 1902 года в Париже М. Волошин познакомился с буддийским учёным Агваном Доржиевым. От него М. Волошин много узнал о нирване и других категориях буддизма, что сильно «перевернуло многие мысли» поэта. Об этом Волошин так пишет в своей «Автобиографии»: «Мне довелось близко познакомиться с хамбо-ламой Тибета, приезжавшим в Париж инкогнито, и прикоснуться, таким образом, к буддизму в его первоисточках. Это было моей первой религиозной ступенью» [\[1, С. 37\]](#). В письме М. В. Сабашниковой Волошин утверждает: «Христианство мне из всех религий дальше всего. Мне буддизм и Олимп ближе» [\[2, С. 30\]](#).

Хотя Волошин не побывал на Востоке, он проявлял большой интерес к восточной философии. Поэт прочитал книгу французского писателя Поля Клоделя «Познание Востока». Под впечатлением от этой книги Волошин написал свою статью «Клодель в Китае», которая начинается с посещения храма Чань. В своей статье Волошин попытался передать дух Китая и его мудрость, включая практику и эстетику китайского буддизма – чань-буддизма [\[3\]](#).

Чань-буддизм сформировался в Китае на рубеже V–VI веков н. э. Согласно философскому учению, чань-буддизм не рассматривает дискурс и логическое мышление как способ постичь высшую истину, а пытается понять её спонтанно путём интуитивного прозрения. И чань-буддизм стремится снять все противоположности «субъект и объект», «истину и ложь», «время и вечность», «жизнь и смерть», «добро и зло» и другие [\[4, С. 15\]](#). Китайские учёные (Гэ Чжаогуан, Йи Чжунтянь) отмечают, что чань-буддизм даже

шире, чем даосизм. По их мнению, в чань сливаются китайская традиция, включая даосизм и конфуцианство, индийская йога, и много других специфических черт. Они даже полагают, что чань-буддизм – это не столько религия, сколько мировоззрение, жизненная философия, призванная направить человека по пути самопознания и развития [\[5\]](#).

С IX века чань-буддизм распространился в Японии, потом японцы назовут его «дзэн-буддизм». Дзэн-буддизм, в качестве неотъемлемой части восточной культуры, оказал влияние на различные виды искусства, в частности, поэзию и живопись. Во время увлечения буддизмом поэт писал: «Я решил оставить пока Париж и осенью поеду сперва на Байкал, где у меня будут письма в некоторые буддийские монастыри, а потом в Японию – учиться рисовать» [\[6, С. 42\]](#).

«Надписи на акварелях» являются стихотворными пояснениями М. Волошина к своим пейзажам на тему Коктебеля. В восточной культуре надписи стихотворения делались на картинах. Этот жанр М. Волошин взял у китайских художников. Китайский поэт Су Ши ещё в 11 веке писал в стихах о знаменитом поэте и художнике Ван Вэе, творчество которого считается «квинтэссенцией чаньских норм»: «В стихах – картина, а в картине – стих». Волошин много перенял у художников и поэтов Востока в изображении растений, воды, облаков и в стихах, и в акварелях. Не случайно, что отличительной чертой творчества М. Волошина является синтез поэзии и живописи. Синтезируя особенности каждого из двух видов искусства, он создавал надписи на акварелях. Изображая живописные пейзажи Коктебеля, эти стихи также носят оттенок дзэн. Поэт перечисляет образы и раскрывает гармонию и тишину природы.

В дзэн-буддизме пробуждение собственной природы Будды осуществлялось посредством пребывания в состоянии Нерожденного (кит. бу шэн; яп. фусё), в переживании его прямооты, простоты и действительности. Эстетика дзэн очень прямолинейна, и любое творчество искусства безусловно должно заключать в себе два качества – естественность и простоту [\[7\]](#). Можно сказать, что эстетика дзэн состоит в минимизации выразительных средств и творческих усилий, в стремлении к прозрачности формы, изяществу действий и сведению многообразия к единству. «Дух учения дзэн, – писал Д. Судзуки, породил предельную простоту искусства, минимум изобразительных средств, максимально сжатую форму. Ничто не должно препятствовать естественному движению, спонтанности, самовыявлению вещей» [\[8\]](#). Как отмечает он сам, в методе подхода к природе, изучения и передачи ее Волошин стоял на точке зрения классических японцев (Хокусаи, Утамаро) [\[9\]](#). Действительно, главные требования к искусству Волошин выражает как простоту и изящество, то есть изъятие всего лишнего [\[10, С. 39\]](#). Под влиянием эстетики дзэн-буддизма Волошин просто перечисляет образы, для того чтобы выражать гармонию и величие, простоту и тишину природы. Вот характерный пример из надписей к акварелям:

Багряные своды вечерних деревьев

И озера синее око.

И прозелень травы, и поросли кустов

Лилово-розовых и розово-пунцовых. [\[11\]](#)

Лунный свет... Сухие русла

И молчанье древних вод.

22 июня 1928 [\[12\]](#)

Дзэн-буддизм не принимает двойственность и непримиримость сущностных категорий западной философии, например противостояние «Бог – человек», «субъект – объект», «мгновение – вечность» и т. д. В известных буддийских текстах говорится о «бессловесных» словах Будды, о его «громоподобном молчании» [\[4, С. 79\]](#). Русские поэты начала XX века акцентируют внимание на противоположностях: «вечность – мгновение», «покой – борьба», «земное – небесное». А М. Волошин выразил одно в другом, например, передал вечное через мимолетное, тишину через динамику, так что одни и те же предметы воспринимались через их противоположные проявления, которые, собственно, и составляли сущность их неразрывного единства, таким образом, снимали все противоположности типа «время-вечность», «жизнь-смерть», «субъект-объект», «истина-ложь», «добро-зло». Эстетика дзэн-буддизма позволяет увидеть большое в малом, возвышенное в обыденном и изысканное в грубой простоте, уловить вселенскую красоту и первозданную гармонию, интуитивно ощутить и выразить глубокое содержание в простых экспрессивных штрихах и лаконичных узорах. Вот характерные примеры в его стихотворениях:

Безгрустна грусть сквозь утренний хрусталь.

(«Жар-цвет» 1928)

...И молчанье звонкое земли

Поля из мрамора и горы из стекла

И к небу взвившийся

обледенелый пламень

(«Надписи на акварелях», М. Волошин) [\[12\]](#)

Это прямое отражение буддийского взгляда на реальность, предполагающего постоянную одновременную актуализацию противоположной экзистенциальности вроде бы тождественных объектов, являющихся и самими собой, и их противоположностями.

Стихотворения на акварелях – «... вовсе не заглавия акварелей. Их сочетание не параллельно, а иррационально. <...> Надо искать симфонического, а не унисонного сочетания», – пишет М. Волошин Ю. Оболенской 20 октября 1917 года [\[13\]](#). Отвергая голый рационализм и поворачиваясь лицом к природе, М. Волошин передает её безмолвие в своих стихотворениях, включающих элементы дзэн.

Волна шуршит о коктебельский берег.

(30 октября 1925) [\[12\]](#)

«Волна шуршит», это действие; однако в поэзии М. Волошин не просто констатирует тишину Коктебеля, но выражает тишину через динамику.

В туманах потонувшие

Озёра и холмы. [\[12\]](#)

Озёра и холмы вводятся в стихотворение, чтобы показать величие природы, а облака и туманы – чтобы выявить молчание и торжественность гор.

В поэзии и живописи древних китайских мастеров природа выступает символом гармонии и покоя, дарит чувство безмятежности. Многие произведения М. Волошина ассоциируются со стихами китайских поэтов чань. Категории, воплощенные в чаньских стихах, такие как бренность земного и вечность природы, можно найти и в стихотворениях М. Волошина. Согласно философскому учению, дзэн, человек, пребывающий в дзэн, открывает для себя не только собственную суть, но и удивительную гармонию мира и величие окружающего. Эти стихотворения пронизаны глубинными токами «дзэн»:

И волны гор, и зеркало залива,

И тишина небес в безмолвии земли.

(«Надписи на акварелях», 1917) [\[12\]](#)

Горы и залив вводятся в поэзию, чтобы образовать гармоничную и величественную картину, и показать безмолвие небес и земли и вечность природы.

Китайские поэты, находящиеся под влиянием буддийских идей, часто используют традиционный приём китайской поэзии – сравнение человеческого существования с явлениями природы, чтобы выразить мысль о скоротечности жизни, непрочности земного бытия. В стихотворениях Волошина можно найти такие образы:

Как быстро осенью трава холмов провяла

Под влажную стопой.

Как желтый лист, лилово-серый,

Неслышно умирает день.

«Жар-цвет 1928» [\[12\]](#)

Японский поэт Басё, полагает, что «сияние увиденной вещи – ты должен удержать его в слове, покуда оно не исчезло из твоего сердца» [\[14\]](#). Хайку Басё является квинтэссенцией воплощения мысли дзэн. Вот пример:

На голой ветке

Ворон сидит одиноко.

Осенний вечер. [\[14, с. 27\]](#)

Поэт говорит не об одиночестве ворона, а о своем. В стихотворении Волошина есть подобный пример:

В зелено-палевых туманах

Грустят осенние холмы... [\[12\]](#)

Поэт воссоздает реальный пейзаж Коктебеля и через него передает свое душевное состояние. Не о грусти холмов говорит он, а выражает свои собственные переживания.

Сатори (кэнсё) – состояние просветления, пробуждения, наступающее внезапно. Согласно философии дзэн-буддизма, просветление считается состоянием абсолютной умиротворенности. Это состояние является мгновенным, как «вспышка сознания». И состояние сатори невозможно описать словами, а можно лишь ощущать через его косвенные признаки – «чувство единения, спокойствия, потери ощущения времени и пространства, внезапном постижения истины» [\[15\]](#).

Это требует полной сосредоточенности, духовной и физической, что позволяет собственному «я» слиться с Единым, как капля воды падает в океан. Когда «я» станет «всем», в этом состоянии будет реализовано спокойствие, естественное равновесие с миром и природой. Это состояние сходно с поэтическим озарением, способствующим созданию таких образов:

... И низко над холмом дрожащий серп Венеры,

Как пламя воздухом колеблемой свечи...

Туманные сиянья и лучи,

Кипенье вод, и ртутный блеск парчи,

И гулкий ропот рушащейся пены.

Дождливые горы и серая даль

На зелени нежной приморской поляны.

Дремлют под розовой полной луной

Нагроможденья холмов и заливов. [\[12\]](#)

«Гулкий ропот рушащейся пены», «дремлющие назелени», все это погружало читателя в тишину, покой сродни моменту сатори, полный высшего смысла.

Под влиянием идей и эстетики дзэн-буддизма в стихотворениях Волошина отражаются три его основополагающие категории эстетики: 1. Принцип простоты, то есть поэт улавливает важный момент состояния природы, просто перечисляя образы, и таким образом выражая гармонию природы; 2. Гармония – некое целое, когда поэт пытается выразить одно через другое, при этом связывает различные антиномии воедино; 3. Принцип пустоты и тишины, то есть поэт выражает спокойствие природы, что резонирует с тишиной чань. Проведённый анализ надписей к акварелям Максимилиана Волошина позволяет утверждать, что дзэн-буддизм занимает важное место среди его эстетических и мировоззренческих ориентиров; заметно следы этого философского учения, которые переработаны в творчестве Волошина, в частности, в надписях к акварелям). Изучение рецепции дзэн-буддизма в творчестве М. Волошина имеет огромное значение для восприятия мировоззрения поэта и художественной концепции его творчества.

Библиография

1. Воспоминания о Максимилиане Волошине. – М., 1990.
2. Купченко В. П. «В вечных поисках истоков...»: Максимилиан Волошин – поэт-окультист // Наука и религия. – 1990. – № 2. – С. 29–31.
3. Волошин М. Клодель в Китае. // Волошин М. А. Собрание сочинений. М.: Эллис Лак, 2000.

4. Васильева, Н. А. Человек и «очеловеченный» мир в философии и искусстве дзен-буддизма // Восточно-Европейский научный журнал. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 15–18.
5. Гэ Чжаогуан. Чань-буддизм и китайская культура. Шанхай, Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1986.
6. Волошин М. А. О самом себе // Максимилиан Волошин – художник. М., 1976.
7. Томпсон М. Восточная философия / Пер. с англ. Ю. Бондарева. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 384 с.
8. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция: Автореф. Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1979.
9. Автобиография Волошина / Волошин Максимилиан. Стихотворения и поэмы в двух томах. YMCA-PRESS. Paris. 1984.
10. Пинаев С. М. Ориентализм в творчестве М. А. Волошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2012. – № 4. – С. 36–43.
11. Волошин М. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. А. В. Лаврова; сост., подгот. текста В. П. Купченко и А. В. Лаврова; примеч. В. П. Купченко. СПб.: Пб. писатель, 1995. 704 с
12. Максимилиан Волошин. НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rusilverage.blogspot.com/2016/02/blog-post_46.html (дата обращения: 29.09.2023).
13. Волошин М. А. Собрание сочинений. – Т. 12. — М.: Эллис Лак, 2013; — Т. 13, Кн. 1. — М.: Эллис Лак, 2015.
14. Басё. По тропинкам Севера (лирический дневник XVIII века): пер. с яп., вступит. статья и прим. Н. И. Фельдман // Восток. – Сб.1. – «Литература Китая и Японии». – М.: «Academia», 1935. – 301–342 с.
15. Дюмулен, Г. История дзен-буддизма / Г. Дюмулен; Генрих Дюмулен; [Пер. с англ. Ю. В. Бондарева]. – Москва: Центрполиграф, 2003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Эстетика дзен-буддизм в творчестве М. А. Волошина На примере стихотворных миниатюр – надписей на акварелях», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению одного из аспектов творчества Максимилиана Волошина, являющегося одним из крупнейших поэтов серебряного века.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Практическим материалом исследования явились «Надписи на акварелях» являются стихотворными пояснениями М. Волошина к своим пейзажам на тему Коктебеля.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а

также представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В вводной части автор не приводит историографии вопроса, что не позволяет в полной мере выделить новизну работы.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке или переведенные на русский язык работы?

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Эстетика дзэн-буддизм в творчестве М. А. Волошина На примере стихотворных миниатюр – надписей на акварелях» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Т., Митрофанова И.И. — Основные новации периода пандемии в русском языке // Litera. – 2023. – № 10.

DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68770 EDN: QXFUJE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68770

Основные новации периода пандемии в русском языке

Ван Тинянь

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, ул. Ул. миклухо-Маклая, 6, 6

✉ 1042218032@rudn.ru

Митрофанова Ирина Игоревна

ORCID: 0000-0003-0532-8841

кандидат социологических наук

доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 6, 1, оф. 526

✉ mitrofanova-ii@rudn.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.10.68770

EDN:

QXFUJE

Дата направления статьи в редакцию:

21-10-2023

Дата публикации:

01-11-2023

Аннотация: Предметом научной статьи являются основные новации в русском языке, появившиеся в период пандемии Covid-19. Цель статьи заключается в выявлении и анализе новаций в русском языке в период пандемии, а также их классификации. В работе применялись следующие методы: анализ текстов, сравнительный анализ,

частотный анализ, категоризация, метод дедукции. Результаты работы показали, что в русском языке в период пандемии сформировалось множество новаций: новые слова, переведенные с другого языка или прошедшие лексическое освоение; омонимия; распространение жаргонной лексики; выход за пределы профильных кругов узкоспециализированной лексики; неузальные изменения объема семантики; превалирование одного дискурса в речи и языке. Статья позволяет понять, как общественные трансформации влияют на язык и языковую картину мира. В связи с этим результаты работы могут быть использованы для создания эффективных коммуникационных стратегий и понимания различных процессов, разворачивающихся в обществе. Также исследование может помочь усовершенствовать процедуру перевода различных текстов, а также улучшить межкультурное взаимодействие в условиях пандемии и аналогичных ситуаций. Новизна проведенного исследования прослеживается как на теоретическом, так и на практическом уровнях. На теоретическом уровне были собраны, проанализированы и структурированы подходы различных авторов к фиксации изменений в области русского языка в период Covid-19. На практическом - эти изменения подкреплены конкретными примерами, которые могут быть полезны филологам, лингвистам, журналистам и другим заинтересованным лицам, оперирующим терминологией периода пандемии и использующим ее в работе. Пандемия значительно повлияла на русский язык и привела к множеству изменений в нем. Данные новации были отражены в трудах современных российских лингвистов и филологов, а также в различных публицистических материалах в интернет-пространстве, что и стало эмпирической базой исследования.

Ключевые слова:

русский язык, неологизмы, омонимия, изменение смысла, формирование главенствующего дискурса, интеллектуализация языка, неузальные изменения, пандемия Covid-19, жаргонные слова, лексическое освоение

Введение

Пандемия Covid-19, которая началась еще в 2019 году, как кажется, в связи с глобальными международными трансформациями и множественными трагическими событиями, давно ушла в прошлое. Но несмотря на то, что она исчезла с первых полос новостных изданий, Covid-19 стал частью нашей жизни, проявляющейся в работе, обучении, бизнесе, а также в сфере языка.

Актуальность выбранной темы исследования заключается в том, что главные тенденции в культурной, экономической и социальной сферах любого государства получают свое отражение в группах неологизмов, которые появляются в его языке. В русском нашли свое отражение изменения, связанные с пандемией Covid-19. Спустя три года после начала этой трагедии важно определить, действительно ли они стали его частью или были временным явлением в период кульминации разворачивающихся событий [\[20, с. 5-12\]](#).

Однозначно можно утверждать, что пандемия на пике была основной темой заголовков самых известных мировых газет и журналов. Так, в русскоязычном сегменте поисковой системы Google по результатам запроса «Пандемия Covid-19» по релевантности представлены следующие новости:

1. «ВОЗ объявила пандемию нового коронавируса» (Заголовок). «Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила, что распространение нового коронавируса достигло стадии пандемии, так как затронуты...» (Подзаголовок). Дата публикации: 11 марта 2020 года. Источник: BBC [\[5\]](#).

2. «ВОЗ отменила статус пандемии Covid-19 – 5 мая 2023 года» (Заголовок). «11 марта 2020 года ВОЗ объявила, что вспышка Covid-19 приобрела характер пандемии. По данным ВОЗ, с того момента от последствий коронавируса...» (Подзаголовок). Дата публикации: 5 мая 2023 года. Источник: Фонтанка.ру [\[7\]](#).

По результатам запроса «Covid-19» представлены следующие новости:

1. «ВОЗ: Covid-19 больше не является чрезвычайной ...» (Заголовок). «В соответствии с решением Комитета по коронавирусной инфекции глава ВОЗ д-р Тедрос Гебрейесус объявил в пятницу о том, что Covid-19 более не...» (Подзаголовок). Дата публикации: 5 мая 2023 года. Источник: UN News [\[8\]](#).

2. «ВОЗ отменила режим чрезвычайной ситуации в мире из-за ...» (Заголовок). «Covid-19 каждую неделю. Материал по теме. Куда пропал коронавирус: как свиной грипп победил Covid-19» (Подзаголовок). Дата публикации: 5 мая 2023 года. Источник: Forbes.ru [\[6\]](#).

Примерно такая же картина в российском поисковом сервисе Яндекс. Можно также проанализировать новостные тренды с помощью специального сервиса Google Trends. Аналитика показывает, что Covid-19 сегодня по-прежнему присутствует в поисковых запросах. За неделю с 17 по 24 октября 2023 года на русском языке по теме коронавируса в Google было 4 272 запроса по блокам тем:

1. мытье рук (2 169 запросов);
2. антисептик для рук (1 741 запрос);
3. медицинская маска (362 запроса) [\[15\]](#).

Самая часто упоминаемая тема из трех – мытье рук, самая редкая – медицинская маска.

Все это подтверждает высокую и долгосрочную актуальность тематики пандемии и сегодня, которая повлияла на словотворчество [\[9, с. 28-34\]](#). Образовалась целая группа новых слов, которые были отнесены к группе слов эпохи коронавируса. При этом ее нововведения представляются филологами и лингвистами по-разному. Поэтому крайне важно проанализировать их и подкрепить результатами своего собственного исследования, выделив в итоге основные группы лексических единиц коронавирусной эпохи в русском языке.

Группы лексических единиц в русском языке периода пандемии Covid-19

В кульминационный период пандемии Covid-19 во всех странах тема заболевания была на первом месте, а частота ее упоминания в СМИ доходила до высочайших процентов. Введение режима самоизоляции оставило людей дома с цифровыми средствами связи и единственной темой на повестке дня. Все это сказалось на появлении различных новаций в русском языке данного периода, которые можно поделить на следующие группы:

- (1) новые слова и новые выражения, связанные с пандемией, такие как **«карантин»**, **«самоизоляция»**, **«масочный режим»**, **«дистанционное обучение»** и т.д.;

(2) изменения в употреблении ранее известных слов: к примеру, слово **«маска»** стало употребляться практически только в значении *«медицинской макси»*, а не какой-либо другой;

(3) изменения в смысле некоторых слов: к примеру, слово **«контакт»** в это время чаще имело негативную коннотацию и использовалось со смыслом *«взаимодействие, в результате которого индивид приобретает высокий риск заражения заболеванием»*, а слово **«вирус»** стало использоваться исключительно во взаимосвязи с заболеванием Covid-19;

(4) изменения в области главенствующего дискурса в области языка в сторону медицинского и экономического;

(5) неузואльные изменения объема семантики, которые проявляются в использовании слов, имеющих множество значений, только в одном из них;

(6) интеллектуализация языка, проявляющаяся в увеличении частоты использования в обывденной жизни узкоспециализированных и профессиональных терминов;

(7) появление большого числа жаргонных слов, связанных с выражением негативных эмоций.

Проанализируем данные группы новаций. И начать следует с (1) **появления новых слов, которых ранее не было в русском языке**. Как правило, это слова, которые посредством обычного перевода или полноценного лексического освоения пришли в русский из других иностранных языков.

Что касается слов, пришедших в русский язык в результате простого перевода, то к ним можно отнести:

а. слово **«ковид»** – прямой перевод слова **«covid»** с иностранного языка. Сюда же можно отнести и слово **«коронавирус»**, переведенное **«coronavirus»**.

б. слова и выражения **«зумиться»** – перевод английского слова **«zoom»**; **«зум-встреча»** – перевода выражения **«zoommeeting»**; **«зум-конференция»** – перевод выражения **«zoomconference»**;

с. слово **«ковидиот»** – от английского **«covidiot»** и т.д.

д. **«омикрон»** [греч. όμικρον] – 15-я буква греческого алфавита. Также может иметь значение «малое, т.е. краткое» [\[25\]](#). А в период пандемии слово **«омикрон»** стало использоваться в русском языке для обозначения штамма коронавируса.

Е.И. Голованова приводит в качестве примеров слова, которые отражали особенности быта людей, жизнедеятельности в период пандемии, работы, ограничения Covid-19, правила поведения в общественных местах: **«дистанционный формат»**, **«социальная дистанция»**, **«удаленка»**, **«вывозные рейсы»** и т.д. [\[12, с. 48-55\]](#).

Есть также и ряд слов, которые, переходя в русский язык, прошли лексическое освоение. Например, лексически освоено было уже упоминаемое слово **«ковид»**, и подтверждением этого является то, что используется оно в русском языке в том числе в метафорической форме, например, в выражении **«у ковида женское лицо»**.

Исследователи Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская и И.В. Палоши отмечают серьезные

изменения в связи с периодом коронавируса на примере (2) **лексико-семантических единиц русского языка**. Эти перемены по большей части связаны с приобретением новых смыслов старыми словами, данные процессы именуются ими «**новой полисемией**» [21, с. 63–79].

В качестве примера авторы приводят слово «**самоизоляция**». Ранее это слово имело исключительно негативную коннотацию, как утверждают лингвисты [21, с. 63–79]. Обращая внимание на его словообразование – «само» и «изоляция», ученые отмечают, что ранее самоизоляция представляла собой «действие, направленное на себя» [24, с. 865–886]. Более того, они также говорят о том, что самоизоляция в прежнем значении не представляла собой целерациональное действие, а имела по большей части принудительный характер.

С периодом пандемии слово «**самоизоляция**» приобрело положительную коннотацию. Исследователи отмечают, что она стала добровольным действием, направленным на предотвращение пандемии. Нельзя, конечно, сказать, что действие это полностью добровольное, но подобные тенденции наблюдать все же можно. Рациональность, напротив, могла присутствовать в данном термине и ранее в прежнем значении. Поэтому принимать тезисы авторов можно, но с некоторыми оговорками. Итак, описанное на примере «**самоизоляции**» явление они именуют «новой полисемией» [21, с. 63–79].

В качестве еще одного примера, подкрепляющего слова упомянутых выше исследователей, можно привести слово «**респиратор**». В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова значение слова «**респиратор**» раскрывается следующим образом – это «[от лат. *respirare* – дышать] *Прибор (маска или полумаска с фильтром) для защиты органов дыхания от вредных газов и пыли. Надеть р. Марлевый р. Работать в респираторе. Респираторный, -ая, -ое. Р. шлем. Р-ая трубка. Р-ая маска*» [4]. В период пандемии слово «**респиратор**» стало употребляться в подавляющем большинстве в значении прибора для защиты от коронавируса.

Существует еще одно явление, о котором говорят Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская и И.В. Палоши в рамках изменений лексико-семантических единиц русского языка. Исследователи считают, что употребление ранее известных слов в новом значении можно называть «**омонимией**». Омонимия – это разные значения слов, которые звучат одинаково. Они считают, что подобных явлений также стало очень много и в качестве примера приводят слово «**корона**». Если ранее корона означала головной убор, символ власти и статуса, то сегодня это название заболевания, используемое по большей части в быту [21, с. 63–79].

Российский лингвист В.С. Арутюнян подмечает в рамках группы смысловых новаций (3) **сдвиги «негативно-положительной коннотации в русской лексике**. В качестве примеров он приводит такие выражения, как «**вирус-виновник**», «**заболевание – кризис**», в основе которых стоит лексема «**Covid-19**», либо ее синонимы – «**заболевание**», «**вирус**» и т.д. С появлением вакцины от коронавируса В.С. Арутюнян фиксирует сдвиги в сторону положительной коннотации и подтверждает это благоприятной динамикой не только в сфере снижения заболеваний, но и в области языка, где появляются выражения, подобные следующим: «**программа вакцинации**»; «**защита от заболевания**»; «**предупреждение болезни**»; «**защита себя и своих близких**» и т.д. [2, с. 71–86].

Е.И. Голованова также отмечает, что под влиянием медицинских специалистов в русском

языке некоторые литературные слова стали употребляться в новом значении. К примеру, слово **«разобщение»** потеряло свою негативную коннотацию и приобрело положительный смысл, связанный с действиями людей, направленными на ограничение распространения вируса [\[11, с. 33-39\]](#).

Также лингвист считает, что в русском языке (4) **изменился и языковой дискурс**, который сдвинулся в сторону медицины и экономики. В.С. Арутюнян отмечает, что именно в экономике возникли новые культурные смыслы в языковой картине мира [\[2, с. 71-86\]](#). Дискурс в области медицины, в целом, понятен – он связан с инфекционным заболеванием, его лечением, выявлением новых случаев, профилактикой и т.д. А что касается экономического дискурса, то здесь уже ситуация иная и она связана с последствиями распространения инфекции по всему миру, эти последствия выражены в таких словах и выражениях, как: **«экономический спад»**; **«стагнация»**; **«снижение ВВП»**; **«угрозы для бизнеса»**; **«удаленная работа»**; **«разрешение на очную работу»**; **«экономические связи»**; **«разрыв экономических связей»** и т.д.

Е.Н. Геккина также считает, что новообразования периода пандемии можно выделить в группу отдельных слов. Автор отмечает, что наиболее активные изменения произошли в словарном составе, который в новом виде стал отражать новую реальность, ее оценки и интерпретацию. Основным фактором изменений, как она пишет, был медико-биологический, соответственно, именно на основании группы данных понятий и строилась основная масса неологизмов в русском языке [\[10, с. 95-108\]](#).

О (5) **неузуальных изменениях объема семантики** пишет Н.С. Данкова [\[13, с. 69-83\]](#). Она раскрывает это явление следующим образом: конкретное слово, которое ранее обозначало ряд схожих друг с другом предметов или явлений, теперь используется только для обозначения одного конкретного предмета или явления. Так ранее было со словом **«партия»** в СССР, а сегодня это наблюдается со словом **«вирус»** [\[13, с. 69-83\]](#). Если ранее со словом **«вирус»** связывали любое инфекционное заболевание, то в период пандемии Covid-19 в условиях превалирования в СМИ и в целом в жизни одного единственного коронавирусного дискурса его стали употреблять практически только лишь в значении **«коронавируса»**.

Действительно, неузуальные изменения объема семантики стали характерны для русского языка. К уже приведенным выше примерам можно также добавить слово **«штамм»** [нем. Stamm] – *«Биол. Чистая культура микроорганизмов одного вида, выделенная из какого-л. источника и обладающая особыми свойствами (используется в медицине, биологии, пищевой промышленности и т.п.)»* [\[4\]](#), а в период пандемии – это разновидность коронавирусной инфекции, полученной в результате мутаций.

(6) Что касается явления **«интеллектуализации языка»**, то оно обусловлено возведением пандемии Covid-19 в период ее кульминации в разряд жизненно важных проблем. Е.И. Голованова и С.И. Маджаева считают, что новые слова пришли в русский язык потому, что они часто употреблялись медицинскими специалистами, которых постоянно показывали в различных средствах массовой информации. И именно поэтому частью языка каждого человека стали *профильные и непрофильные медицинские термины*. Более того, все эти термины активно распространились в интернете и социальных сетях, поэтому и вошли в обиход каждого человека [\[12, с. 48-55.\]](#).

В качестве примеров таких слов она приводит следующие лексические единицы: **«пандемия»**; **«мутация вируса»**; **«вирусная нагрузка»**; **«искусственная вентиляция**

легких (ИВЛ)»; «вакцинация»; «антитела»; «иммунолог»; «вирусолог»; «сатурация»; «телемедицина»; «красная зона»; «контакты»; «хозяин» и т.д. [11, с. 33–39]. Е.И. Голованова считает, что все эти слова пришли в бытовую речь из медицины, тем самым, повлияв на «интеллектуализацию языка» посредством распространения в нем сложных медицинских и научных терминов [11, с. 33–39].

В.В. Катермина и С.Х. Липириди также пишут о появлении в русском языке большого числа профессионализмов из медицины: **«режим»; «карантин»; «инфицированные»**. В отдельную группу они выделяют аббревиатуры: **«ВОЗ»; «КТ»; «ИВЛ»**. В еще отдельную группу лингвисты относят профессионализмы с суффиксами «-ци(я)»: **«изоляция» («самоизоляция»); «сатурация»; «вакцинация»; «обсервация»; «госпитализация»; «реанимация»**. Также В.В. Катермина и С.Х. Липириди дополняют эти группы синонимичными рядами и вариантами наименований: **«новая коронавирусная инфекция»; «коронавирус»; «корона»; «удаленка»; «дистанционка»** и т.д.; а также образными наименованиями: **«красная зона»; «нулевой пациент»; «выход на плато»** и пр. [17, с. 170–175].

(7) Е.И. Голованова и С.И. Маджаева считают, что в период пандемии **появилось множество слов, которые отражали эмоции людей и их отношение к сложившейся ситуации**. По большей части эти слова являются жаргонными. В качестве примера подобных слов они приводят следующие: **«коронапсихоз»; «коронапаника»; «коронафобия»; «коронабесие»** и т.д. [12, с. 48–55].

К примеру, на информационном ресурсе «Дзен» в 2020 году было опубликовано сразу несколько статей с заголовками «Коронапаника»:

1. **«"Коронапаника": идеи, которые могут помочь перестать бояться болезни»** [18].
2. **«Коронапаника: как не сойти с ума из-за карантина»** [19].

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Пандемия Covid-19 сильнее всего повлияла на русский язык. Она повлекла за собой появление новых слов, переведенных с иностранного языка и прошедших лексическое освоение; расширение экономического и медицинского дискурсов в сфере языка; изменения в лексико-семантических единицах (полисемия и омонимия); «неузловые изменения объема семантики»; лексическое освоение многих иностранных терминов; использование большого числа жаргонной лексики. Многие авторы эти изменения зафиксировали в виде подгрупп в одной широкой группе словообразований периода пандемии.

В качестве отдельной подгруппы новообразований в русском языке можно выделить узкоспециализированные термины, которые стали использоваться не только в профессиональной среде, но и в обыденной жизни в качестве неофициальных названий реалий распространения вируса и реакции людей на это. Наряду с проникновением профильной лексики русского языка в обыденную жизнь, также произошло ее освоение с английского языка. Обусловлено это было всемирным характером события.

Другой, большой по объему группой слов, стали слова, которые можно отнести к обыденной непрофессиональной медицинской лексике. Данные процессы в научных кругах называются медиализацией, то есть процессом распространения влияния медицинского дискурса на сферы жизни, не относящиеся к области медицины. В области

языка данные процессы носят характер детерминологизации, то есть превращения научного термина в общеупотребимый. Еще одной важной группой стали семантические неологизмы – существовавшие ранее в языке слова, которые сегодня приобрели новый смысл. Ярчайшим примером семантического неологизма может быть слово «**самоизоляция**», которое ранее употреблялось только в негативной коннотации. В пандемию же самоизоляция не только стала распространенным явлением, но и явлением, поощряемым со стороны общества, к которому призывало всех не только государство, но и широкая общественность.

Наконец, можно отметить, что пандемия стала большим испытанием для всех людей, которые смогли объединиться не только физически, но и лексически в борьбе с ней, говоря на одном языке. Особенно это проявилось в появлении выражений и слов на тему коронавируса в игровой форме.

Как пишет В. И. Карасик, «юмор – это органическая защитная характеристика человеческой психики, достаточно тонкий и сложный эмоциональный феномен, связанный с выживаемостью человека как вида, т. е. юмор связан с витальными ценностями человека» [16, С. 156]. Анализируя «ковидный» юмор, ученые единодушно соглашаются: «Шутки про пандемию становятся инструментом общения, ослабления стресса, управления эмоциями, коллективным механизмом психической защиты» [14, С. 259-295]. Еще М. М. Бахтин отметил: «Со страшным играют и над ним смеются: страшное становится “веселым страшилищем”» [3, С. 752]. Неслучайно механизмы словотворчества оказались сопоставимы в целом ряде языковых культур, что позволяет говорить о некоторых типологических универсалиях в восприятии страшных и опасных для жизни индивида событий, о параллелизме ассоциативных механизмов и образов [22].

Итак, лексические единицы эпохи коронавируса представляют материал для исследования процесса адаптации лексических заимствований, семантических трансформаций и механизмов неологизации в уже существующих лексемах до пандемии Covid-19. Новации наблюдаются во всех аспектах русского языка.

Библиография

1. Аксенова Н.В. Особенности английских неологизмов понятийно-тематической области Covid-19 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. № 9. С. 172–176.
2. Арутюнян В.С. Культурные смыслы экономического дискурса в контексте пандемии 2020 // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. С. 71–86.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература. 1990. 544 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
5. ВОЗ объявила пандемию нового коронавируса // BBC / URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51842591> (Дата обращения: 24.10.2023)
6. ВОЗ отменила режим чрезвычайной ситуации в мире из-за COVID-19 // Forbes.ru / URL: <https://www.forbes.ru/society/488928-voz-otmenila-rezim-crezvycajnoj-situacii-v-mire-iz-za-covid-19> (Дата обращения: 24.10.2023)
7. ВОЗ: Пандемии Covid-19 больше нет // Фонтанка.ру / URL: <https://www.fontanka.ru/2023/05/05/72281282/> (Дата обращения: 24.10.2023)

8. ВОЗ: Covid-19 больше не является чрезвычайной ситуацией международного значения // UN News / URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/05/1440702> (Дата обращения: 24.10.2023)
9. Геккина Е.Н. Новое в словаре пассажиров общественного транспорта // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): сборник научных статей / под редакцией Т.Н. Буцевой. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 28–34.
10. Геккина Е.Н., Кожевников А.Ю. Тенденции лексического обновления в отражении «коронавирусных» слов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 3 (102). С. 95–108.
11. Голованова Е.И. Динамические процессы в русском языке эпохи коронавируса // Вестник САФУ. Лингвистика. 2021. Т. 21. № 5. С. 33–39.
12. Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник ЧелГУ. 2020. №7 (441). С. 48–55.
13. Данкова Н.С. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) / Н.С. Данкова, Е.В. Крехтунова // Научный диалог. 2020. № 1 (8). С. 69–83.
14. Завьялова Е.Е. Российские анекдоты на «Коронную» тему: проблематика и поэтика // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 3. С. 259–295.
15. Запросы в поиске на прошлой неделе // Google Trends / URL: https://trends.google.ru/trends/story/RU_cu_ZPFTN3EBAABGRM_en?hl=ru (Дата обращения: 24.10.2023)
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
17. Катермина В.В., Липириди С.Х. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 170–175.
18. «Коронапаника»: идеи, которые могут помочь перестать бояться болезни // Дзен / URL: <https://dzen.ru/a/Xm3Gyp6T2qa8kLt> (Дата обращения: 27.10.2023)
19. Коронапаника: как не сойти с ума из-за карантина // Дзен / URL: <https://dzen.ru/a/Xqgg7LFPkQq5Czdh> (Дата обращения: 27.10.2023)
20. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1 (18). С. 5–12.
21. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокультурный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79.
22. Русский язык коронавирусной эпохи: монография. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. 610 с.
23. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллективная монография / под редакцией Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
24. Савченко А. В. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) / А.В. Савченко, Лай Янь Цзюнь // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. №4. С. 865–886.
25. Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений] / Н.Г. Комлев. М.: Эксмо, 2006. 669 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Историческая ситуация порой диктует воплощение ряд расширительных магистралей языковой системы. Запросы времени не могут не отразиться в естественной знаковой системе, не могут не зафиксироваться в ее основном корпусе. Собственно этому и посвящена рецензируемая статья, на это и ориентирован автор данного исследования. «Пандемия Covid-19, которая началась еще в 2019 году, как кажется, в связи с глобальными международными трансформациями и множественными трагическими событиями, давно ушла в прошлое. Но в прошлое она не ушла, несмотря на то что исчезла с первых полос новостных изданий, Covid-19 стал частью нашей жизни, проявляющейся в работе, обучении, сфере продаж, услуг, а также в сфере языка», «актуальность выбранной темы исследования заключается в связи с вышесказанным в том, что главные тенденции в культурной, экономической и социальной сферах любого государства получают свое отражение в группах неологизмов, которые появляются в том или ином языке. В русском языке активно нашли свое отражение изменения, связанные с пандемией Covid-19, и спустя три года после начала этой трагедии, важно будет определить, действительно ли они стали частью языка или были временным явлением в период кульминации разворачивающихся событий». Структура исследования выверена, основной блок соразмерен и оправдан. Считаю, что методология оценки лексики относящейся к «пандемии Covid-19» объективирована, набор примеров / иллюстраций верифицирован: например, ««ВОЗ объявила пандемию нового коронавируса» (Заголовок). «Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила, что распространение нового коронавируса достигло стадии пандемии, так как затронуты...» (Подзаголовок). Дата публикации: 11 марта 2020 года. Источник: BBC», или «ВОЗ отменила статус пандемии Covid-19 – 5 мая 2023 года» (Заголовок). «11 марта 2020 года ВОЗ объявила, что вспышка Covid-19 приобрела характер пандемии. По данным ВОЗ, с того момента от последствий коронавируса...» (Подзаголовок). Дата публикации: 5 мая 2023 года. Источник: Фонтанка.ру» и т.д. Помимо номинаций содержательного уровня автор пытается еще и дать типологию лексем: «в кульминационный период пандемии Covid-19 во всех странах тема заболевания была на первом месте, а частота ее упоминания в СМИ доходила до высочайших процентов. Введение режима самоизоляции оставило людей дома с цифровыми средствами связи и единственной темой на повестке дня. Все это сказалось на появлении различных новаций в русском языке данного периода, которые можно поделить на следующие группы: (1) новые слова и новые выражения, связанные с пандемией, такие как «карантин», «самоизоляция», «масочный режим», «дистанционное обучение» и т.д.; (2) изменения в употреблении ранее известных слов: к примеру, слово «маска» стало употребляться практически только в значении «медицинской макси», а не какой-либо другой; (3) изменения в смысле некоторых слов: к примеру, слово «контакт» в это время чаще имело негативную коннотацию и использовалось со смыслом «взаимодействие, в результате которого индивид приобретает высокий риск заражения заболеванием», а слово «вирус» стало использоваться исключительно во взаимосвязи с заболеванием Covid-19; (4) изменения в области главенствующего дискурса в области языка в сторону медицинского и экономического; (5) неузальные изменения объема семантики, которые проявляются в использовании слов, имеющих множество значений, только в одном из них; (6) интеллектуализация языка, проявляющаяся в увеличении частоты

использования в обыденной жизни узкоспециализированных и профессиональных терминов; (7) появление большого числа жаргонных слов, связанных с выражением негативных эмоций». Оценка критических источников дается в нужном аналитическом ключе: «Е.И. Голованова приводит в качестве примера слова, которые отражали особенности быта людей, жизнедеятельности в период пандемии, особенности работы, ограничения периода Covid-19, правила поведения в общественных местах: «дистанционный формат», «социальная дистанция», «удаленка», «вывозные рейсы» и т.д.». Работа имеет явную новизну оценки, актуальность вопроса не вызывает сомнений. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, термины / понятия вводятся в текст соразмерно коннотации: «в качестве еще одного примера, подкрепляющего слова упомянутых выше исследователей, можно привести слово «респиратор». В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова значение слова «респиратор» раскрывается следующим образом – это «[от лат. *respirare* – дышать] Прибор (маска или полумаска с фильтром) для защиты органов дыхания от вредных газов и пыли. Надеть р. Марлевый р. Работать в респираторе. Респираторный, -ая, -ое. Р. шлем. Р-ая трубка. Р-ая маска». В период пандемии слово «респиратор» стало употребляться в подавляющем большинстве в значении прибора для защиты от коронавируса», или «Е.Н. Геккина также считает, что слова новообразования периода пандемии можно выделить в группу отдельных слов. Автор отмечает, что наиболее активные изменения в период пандемии произошли в словарном составе. Этот новый лексический состав отражает новую реальность, ее оценки и интерпретацию. Основным фактором изменений, как она пишет, был медико-биологический, соответственно, именно на основании группы данных понятий и строилась основная масса неологизмов в русском языке» и т.д. Финальный блок содержит мысль, что «пандемия Covid-19 сильнейшим образом повлияла на русский язык. Она повлекла за собой появление новых слов, переведенных с иностранного языка и прошедших лексическое освоение; расширение экономического и медицинского дискурсов в сфере языка; изменения в лексико-семантических единицах (полисемия и омонимия); «неузуральные изменения объема семантики»; лексическое освоение многих иностранных терминов; использование большого числа жаргонной лексики. Многие авторы эти изменения зафиксировали в виде подгрупп в одной широкой группе словообразований периода пандемии...». Основная тема исследования раскрыта, цель достигнута, поставленный ряд задач решен; материал можно использовать при изучении дисциплин филологического толка. Основные требования издания учтены, формальной правки не требуется. Рекомендую статью «Основные новации периода пандемии в русском языке» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гальцов П.И., Батурина Э.Р. — Проявление и эволюция иронии в англоязычной стендап комедии // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.39125 EDN: MBFJGK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39125

Проявление и эволюция иронии в англоязычной стендап комедии

Гальцов Пётр Ильич

ORCID: 4707-7554

ассистент, кафедра начального и дошкольного образования, Московский государственный
областной университет

141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

✉ newseygo@gmail.com

Батурина Эльвира Рифатовна

ORCID: 9120-9109

доцент, кафедра дошкольного образования, Московский Государственный Областной Университет

141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

✉ Baturina.elvi@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.39125

EDN:

MBFJGK

Дата направления статьи в редакцию:

08-11-2022

Аннотация: Предметом данного исследования является ирония и её проявление в юмористических монологах зарубежных стендап комиков. Объектом данного исследования являются тексты выступлений американских стендап комиков. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как компоненты создания иронии, к которым относятся имплицитное выражение авторского превосходства, авторская пресуппозиция, а также стилистические средства создания иронии, такие как контраст, эпитеты, гипербола. Особое внимание уделяется таким видам иронии как словесная,

драматическая и ситуационная ирония. Также были рассмотрены следующие формы эволюции иронии: постирония и метаирония, а также специфика их образования в шутках комиков. Новизна исследования заключается в ранее не проводившемся анализе стендап выступлений на предмет наличия и образования иронии, а также средств её создания. Стендап-комедия довольно редко становится объектом научных исследований, особенно как языковое явление, несмотря на то что оно изобилует многими лингвистическими особенностями, которые стоит изучать в будущем. Особым вкладом автора в исследование темы является открытие корпусов текстов выступлений стендап комиков для дальнейшего анализа представляемого материала на выявление других языковых феноменов. Тема иронии и её следующих форм (постирония, метаирония) была представлена впервые в данном контексте и доступна для дальнейшего исследования. Основными выводами проведенного исследования являются следующие. Помимо кажущейся на первый взгляд цели выражения насмешки и превосходства автора над зрителем ирония также приоткрывает позитивные стороны объекта шуток. Новые признаки иронии такие как игра с реальностью, интертекстуальность, пастиш, концепция смерти автора., провозглашение критики традиционных и модернистских метанарративов представили новые формы иронии – постиронию и метаиронию.

Ключевые слова:

ирония, самоирония, авторская пресуппозиция, постирония, игра с реальностью, интерконтекстуальность, концепция смерти автора, критика ценностей, метаирония, трансгрессия

Как общественное явление стендап развивается уже на протяжении долгого времени. Начиная с городских пабов и забегаловок, где собирались обычные рабочие после тяжелого рабочего дня и делились мыслями о бытовых проблемах, стендап в итоге перешел на огромные сцены, телевидение и интернет, став по-настоящему народным явлением, которое собирает людей абсолютно всех слоёв населения.

Как юмористическое явление стендап наполнен огромным количеством комических монологов, содержащих средства создания комического на различных уровнях языка (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом). Стоит акцентировать внимание на жанре иронии, который эффективно эксплуатируют комики на сцене.

Жанр иронии сконцентрирован на выражении насмешки, лукавства и иносказания, когда слово или выражение обретают в контексте речи значение, которое противопоставляется по смыслу буквальному значению или, даже больше, отрицает его, ставит под сомнение [\[15, с. 206\]](#).

Чернышевский называет иронию «средством невозмутимой и холодной критики» [\[14, с. 406\]](#). Яркими образцами иронии в литературе являются «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского, «Волшебное Горю» Т. Манна.

Ирония в узколингвистическом понимании представляет собой стилистический прием, посредством которого появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости). Ирония основана на контрасте: в ее рамках истинный смысл скрыт или противопоставляется смыслу явному. Отличительным

признаком этого тропа является двойственный смысл, ощущение, что предмет обсуждения не таков, каким он кажется [\[12, с. 79\]](#).

Черкасова называет иронию речевым явлением и подчеркивает, что «вне речевой ситуации говорить об иронии невозможно, поскольку иронические коннотации вне контекстной ситуации практически не встречаются». [\[13, с.150\]](#).

По мнению А.Г. Козинцева, ирония – один из видов проявления агрессии в комическом. В иронии «моделирование чужого поведения, воспринимаемого как несообразное, происходит на сознательном и в основном словесном уровне» [\[7, с. 189\]](#).

Назначение иронии – имплицитное выражение насмешки. Исследователь Т.Г. Бочина отмечает, что в русском паремиологическом фонде ирония чаще всего выражается в форме иронической антитезы, при которой контрастируют нейтральное общепринятое значение языковой единицы и содержание его текстового развертывания [\[3, с. 26\]](#).

Функция высмеивания или насмешки является одной из наиболее характерных для иронии. В основе ее лежит укрепление позиции адресанта за счет порицания или выражения презрения по отношению к адресату [\[13, с.150\]](#).

Ирония передает неявное чувство превосходства. В отличие от юмора, ирония прячет смешное под личиной серьезного; внешне положительное высказывание на деле содержит в себе критическую оценку [\[6, с. 136\]](#).

"That's a load of bollocks, mate. A load of..." It means bullshit. Bullshit, bollocks, very close in the dictionary [Eddie Izzard: Circle (2002)].

Приведенный контекст данного иллюстрирует чувство превосходства комика над своей аудиторией. Более конкретно – превосходства в культурном плане. Так как комик выступает в Америке, а единица *bollocks* используется в британском варианте английского, она противопоставляется единице *bullshit* выражающую большую агрессию, чем *bollocks*.

В качестве носителей иронии могут выступать различные тропы (литота, гипербола, антифраза, метафора). К стилистическим приемам, передающим иронию, относятся аллюзии, повторы и т.д. Ирония имплицитно представляет собой оценочное высказывание; диапазон скрытых эмоций варьируется от страха до презрения, от гнева до легкого осуждения на фоне симпатии. В основе иронии лежит имплицитная негативная оценка, адресатом которой выступает человек; объектом иронии также является сфера человеческой деятельности или неодушевленный предмет, которые косвенно характеризуют человека. Таким образом, прагматика иронии определяется прежде всего ее оценочной функцией, когда, подвергая критике все то, что он считает несовершенным, адресант воздействует на окружающих, на их образ мысли и на линию их поведения [\[7, с. 189\]](#). Языковые средства создания комического эффекта исключительно чутко реагируют на общественно-политические, социальные и культурные преобразования.

Обязательным компонентом иронии являются сигналы иронии (формальные или семантические), так как они позволяют расшифровать высказывание в соответствии с авторской пресуппозицией [\[11, с. 17\]](#).

You know who I pray to? Joe Pesci. Joe Pesci. Two reasons... first of all, I think he's a good

actor okay? To me, that counts. Second... he looks like a guy who can get things done. Joe Pesci doesn't fuck around. In fact, Joe Pesci came through on a couple of things that God was having trouble with. For years, I asked God to do something about my noisy neighbour with the barking dog... Joe Pesci straightened that cocksucker out with one visit! It's amazing what you can accomplish with a simple baseball bat! [George Carlin: *You Are All Diseased* (1999)].

Авторской пресуппозицией в данном отрывке является негативное отношение к религии. Комик переносит ситуацию с молебнами к Богу на молебны к Джо Пэски при помощи иронии. Предложение *Two reasons...* предполагает развёрнутое и серьёзно аргументированное объяснение для предложения *You know who I pray to? Joe Pesci.*, однако единица *he's a good actor* как аргумент без контекста, содержащего отношение комика к религии, выглядит нелепо. Предложение *It's amazing what you can accomplish with a simple baseball bat* также имплицитно указывает на наличие насильственных действий. Использованные ранее глаголы *accomplish* и *straightened* не указывают на насилие. Вульгаризм передает негативное отношение автора к объекту шуток.

Объектом юмора может становиться и сам комик, переходя тем самым в жанр **самоиронии**. Часто в выступлениях самоиронии используется не для намеренного выражения отрицательных качеств, а выявление на контрасте с ними положительных.

Single once more. Ah, yes. [laughs] Single fella, single now. Broke up with my girlfriend. Great way to become single. Highly effective, it turns out [Phil Wang: *Philly Philly Wang Wang* (2021)].

Единица *broke up* передает отрицательную коннотацию, однако противопоставляемые ей единицы *great way to become single* и *highly effective* обладают позитивным значением.

Л.М. Жолос различает разграничивает следующие виды иронии: словесная ирония, драматическая ирония, ситуационная ирония [\[5, с.103\]](#).

Словесная ирония – это контраст между тем, что сказано, и тем, что подразумевается. К этому можно отнести такое явление как сарказм. Сарказм представляет собой жёсткую насмешку, подразумевающую игру на человеческих эмоциях. И хотя внешне сарказм может выглядеть очень агрессивно, но стилистически он лишь отличается большей степенью экспрессивности и эмоциональности. Сарказм подпитывается большей степенью недовольства, от чего при его использовании возникает ощущение использования провокационного материала с целью задеть объект шуток немного больше, чем при других видах иронии.

You know, and whenever I see a motorcycle that's on the highway, I always have the same thought. "You're gonna die." "What are you doing on the highway? You're gonna die." And the only reason I say that is 'cause they're gonna die. I don't even know what the thinking is. "Well, I have to travel a long distance." "Should I take the car or this motorized chair with no seat belt?" [Jim Gaffigan: *Comedy Monster* (2021)].

Единица *you're gonna die* имплицитно связывается со статистикой смертей при вождении мотоцикла. Эта же единица в дальнейшем противопоставляется единице *car* по категории «наличие – отсутствие безопасности».

Драматическая ирония – это контраст между тем, что комик считает правдой, и тем, что зритель понимает и признает, как действительность. Поскольку зритель обладает

меньшим знанием о происходящем, нежели комик, особенно интересным становится то, каким образом комик интерпретирует действительность через призму своего восприятия. В стремлении усилить драматизм выступления, комик обращается к средствам создания экспрессивности таким как эпитеты, гипербола.

Например, выступление Джорджа Карлина содержит эпитеты *major-league bullshit, all-time champion of false promises and exaggerated claims: When it comes to bullshit, big-time, major-league bullshit, you have to stand in awe, in awe of the all-time champion of false promises and exaggerated claims... religion* [George Carlin: You Are All Diseased (1999)].

Примером использования гиперболы служит следующий отрывок: *Nocontest! No contest! Religion easily has the greatest bullshit story ever told* [George Carlin: You Are All Diseased (1999)].

Ситуационная ирония – это контраст между тем, что происходит, и тем, что ожидалось [5, с.103]. Ситуативная ирония продуктивна при создании ситуационной комедии.

Nowhere's another example of overprotection. Did you ever notice on the TV news every time some guy with an AK-47 strolls onto a school yard and kills 3 or 4 kids and a couple of teachers, the next day, the next day, the school is overrun with counsellors and psychiatrists and grief counsellors and trauma therapists trying to help the children cope? Shit! When I was in school, someone came to our school and killed 3 or 4 of us; we went right on with our arithmetic! "35 classmates minus 4 equals 31" [George Carlin: You Are All Diseased (1999)].

В приведенном отрывке из выступления Джорджа Карлина ирония касается временного промежутка. Сравнивается отношение к детям в то время, когда сам комик был ребенком, с современным отношением. Ирония становится возможной, так как и комик, и зрители могут соотнести себя с объектом шутки. Пример подтверждает, что ирония не только демонстрирует превосходство автора над зрителем, но и приравнивает автора к зрителю вследствие общего непонимания нынешних реалий и солидарности в отношении к ним.

Ирония может опираться на общий исторический или социальный контекст, а также на узкий контекст общения группы. Ирония как средство конвенционального общения выполняет функцию группового самоутверждения посредством перенесения негативных качеств на объект иронии и повышения за счет этого своей относительной ценности.

Е.В. Черкасова замечает, что использование иронии никак не связано с намеренной агрессией, оно «сохраняет, если не дружелюбие, то, во всяком случае, не выражает разрушающую, ранящую другую личность агрессию» [13, с.150].

С переходом культурного пласта в постмодернистскую эпоху, начали проявляться заметные изменения в контенте юмористических единиц и отход от стандартного иронического стиля. Всё чаще и чаще в юморе наблюдаются такие черты как деконструкция жанров, слом четвёртой стены, высмеивание не только пороков общества, но и основных его устоев. Всё это даёт повод для появления так называемой «**постиронии**».

Постирония – ирония, находящаяся на стыке "юмор-неюмор", при которой стирается грань между самой шуткой и ее взаимодействием с реальностью [1, с.65-68]. Постирония прослеживается в стендап комедии через следующие явления: игра с реальностью,

интертекстуальность, использование пастиша (несмешной пародии), концепция смерти автора. [4, с. 292–293], провозглашение критики традиционных и модернистских метанарративов. [8, с. 10].

Специфика постмодернистской иронии проявляется в интертекстуальности и пастише. Оба приема основаны на цитировании текстов. Как отмечает Ф. Джеймисон, в мире, где констатируется смерть уникального стиля и смерть субъекта, невозможно изобретать новое, остается лишь цитировать и подражать великим умершим стилям [4, с. 294]. Благодаря интертекстуальности комик накладывает две ситуации и противопоставляет их нарративы, например по степени серьезности.

This is my birth face, man. I'm 41 Jump Street. So... [audience laughs] With this face, came great responsibility. I bought alcohol for our entire dorm. I don't mean three or... Everybody. It wasn't even a challenge. I looked so old, that when I walked into liquor stores, they'd be like, "Hello, sir. How's the stock market today?" Shit like that [Tom Segura: Disgraceful (2018)].

Юмористический эффект обеспечивается аллюзией *With this face, came great responsibility*, напоминающей цитату *With great power comes great responsibility* из фильма «Человек-паук». Черты героя противопоставляются в контексте чертам обычного человека. Комик ставит проблему своего старения выше, чем проблему спасения человечества. Данный пастиш помимо того, что делает отсылку на культовую фразу, также может восприниматься автономно, не обозначая референсов. Противопоставление двух нарративов создаёт комический эффект благодаря сильному несоответствию ситуации и регистра слова *responsibility*. Тем самым постирония в данном контексте нивелирует культурную ценность смысла фразы из фильма, однако это не основная цель комика. Используя этот приём в своём монологе, комик показывает лёгкость и непринуждённость, уничтожая необходимость добавлять глубокие смыслы в свой монолог.

Деконструкция жанра и слом четвертой стены являются самыми популярными проявлениями постироничного стиля в стендапе. Даже несмотря на то, что люди, которые относятся к стендап среде, в большинстве случаев любят и уважают своё ремесло, они в первую очередь как комики настроены критически к действительности, в которой они живут. С пониманием того, что жанр может исчерпать себя, стать хуже, конъюнктурнее, стендаперы не испытывают проблем в том, чтобы шутить на тему настоящего мероприятия или даже целого жанра, в котором они находятся.

Например, на фестивале Just For Laughs Festival 2015 Тревор Ноа в начале своего выступления использует следующую фразу.

Thank you, thank you. Too much applause. This could be shit but thank you! [Trevor Noah - Some Languages Are Scary].

This в данном контексте подразумевает *hyperperformance*, что показывает полное понимание комиком ситуации с жанром. Можно предположить, что это является частью образа комика, но при анализе его выступлений не было выявлено частого использования стилистически сниженной лексики наподобие *shit*. Целью подобной деконструкции является снижение напряжения мероприятия и создание комической ситуации для комика и зрителей для подключения к возможной общей мысли. В условиях огромного количества юмористического контента не всегда можно понять, будет ли успешен материал на какую-то конкретную публику. Исходя из того, что зал тепло

принял шутку Тревога Ноа, деконструкция прошла успешно и комический эффект был достигнут.

Постироничный стиль юмора предполагает «игру с реальностью», которая заключается в преувеличении и доведении до абсурда некоторых её аспектов. Разумеется, это создаётся автором исходя из его восприятия мира, его согласия или несогласия с определенными устоями. Неопределенность отношения автора к объекту шутки создаёт эффект неожиданности и подкрепляет комический эффект. Всё что говорит комик невозможно сразу интерпретировать как «серьёзную» или «шутливую» информацию. В качестве примера рассмотрим монолог Бэна Розенфельда про своего русского отца.

My dad has perfect English, but he is like Russian and aggressive and he doesn't understand American culture. But one day in school I got into a fight, but my dad didn't understand why teachers called him in. He thought it's 'cause I lost the fight. The teachers were like "Your son can't hit anyone". And my dad's like "Oh, he's been missing punches? I'm so sorry, I will train him better". And the teachers are like "No, your son can't fight" "I know he can't fight. That's why I train him. Give us two weeks for a rematch and I will teach him to stick a move". And the teachers are like "No, your son can't fight! Your son Ben can't punch people" "I agree he has a soft jaw, but his uppercut... [изображает поцелуй с восхищением]. They're like "No, in America kids can't fight kids" "Ok, he'll fight the dogs. It's time he becomes a man". They're like "No, if Ben fights again, he will face consequences" "I said he'll fight anyone, I don't care if you suspend. Just give us two weeks and you'll fight this Mr. Consequences [My Russian Dad - Ben Rosenfeld].

Игра с реальностью заключается в использовании гротеска для создания образа отца как агрессивного человека, который всё сводит к драке (he's been missing punches? / give us two weeks for a rematch). Помимо самого образа отца, юмор строится из-за недопонимания между учителем и отцом (No, your son can't fight - I know he can't fight. That's why I train him). Повышение уровня гротеска идёт в тот момент, когда запрет на драку в школе смещается до запрета на драку с людьми, животными и самим учителем (*in America kids can't fight kids - Ok, he'll fight the dogs - I said he'll fight anyone, I don't care if you suspend*).

Концепция смерти автора принадлежит французскому литературоведу, философу и лингвисту Ролану Барту.

Его концепция основана на том, что «в новой литературе (постмодернистской) в XX веке писатель перестал быть мерилом нравственности, утратил функции пророка и судьи». Барт констатирует смерть авторской литературы заявляя, что в нынешних литературных текстах более не существует сокровенных мыслей автора. Также Барт в своём эссе заявляет об автономном существовании текста в его независимости от личности автора, и что текст должен восприниматься именно так – отдельно от автора.

В постмодернистском стендапе идея Барта о смерти автора может иметь несколько разных интерпретаций. С учётом того, что с выходом в интернет стендап превратился в медийный продукт, это определило его дальнейший путь и роль – создание медиа-кадров. Он начал восприниматься как площадка для реализации персоны на телевидении и в интернете. Из-за того, что стендаперов стало слишком много многие темы и даже шутки стали перекликаться. Более того, начала негласно проявляться некая «рейтинговая система». Комикам стали позволять выступать по телевидению по результатам прослушиваний, опыту работы на телевидении или сходству общественных позиций. Примечательно, что данную привилегию стали изымать у комиков, действия

которых не соответствует политике конкретного телевизионного агентства, вне зависимости от качества их юмористических текстов. Так, например продюсеры американской вечерней музыкально-юмористической программы Saturday Night Live прекратили сотрудничество с комиком Шейном Гиллисом в 2019 из-за высказываний гомофобного характера, обнаруженных в видео 2018 года. [«Я комик и люблю выходить за рамки» - Электронный ресурс. URL: <https://russian.rt.com/nopolitics/article/669064-gillis-snl-rasizm-uvolnenie> (дата обращения: 15.09.2022)]

Данный пример ярко иллюстрирует «смерть автора», ведь если сейчас рассматривают юмор отдельно от комика, значит можно рассмотреть и комика, действия комика отдельно от его шуток. Ценность стендап комика как пророка или общественного рупора давно исчезла. Манифестируемая дистанция между автором и созданным им текстом демонстрирует постмодернистское разочарование в культуре и обществе, текст уже не репрезентирует индивидуальный стиль автора, не отражает его самость. Текст есть лишь игра вторичных смыслов с целью припоминания великих стилей и образов прошлого.

Постирония также проявляется в критике современных устоев и ценностей. В постмодернистскую эпоху стало больше примеров затрагивания насилия или темы смерти в кино и литературе. Можно сказать, что данная тема является щепетильной для многих людей и сам факт наличия подобных позиций в выступлении является сигналом к «активации» зрителя, вызывая у него целый спектр эмоций неожиданностью и нетривиальностью нарратива. Рассмотрим пример из выступления Тома Сегуры.

Here's what I wanted to know as a kid. It's terrible to ask a stranger this, but this was my own father. And I'd seen a lot of movies. So, I'm like, "You were in the war. Did you kill anybody?" The first time I asked him, he goes, "No, I didn't." I go, "All right. Okay." A few years later, I asked him again. "Did you ever kill anybody?" He goes, "I was a lieutenant. I was in charge of people. It didn't work like that." I said, "Okay." A few years later, I asked again, "You ever kill anybody?" And he goes, "I threw grenades into bunkers." [audience laughs] I go, "Were there people in there?" He goes, "There were, yeah. [audience laughs] Just little pieces by the time I got in there." [audience laughs] Then last year, I go, "Did you ever kill anybody?" He goes, "There's no better feeling than killing the enemy" [Tom Segura: Disgraceful (2018)].

Данный отрывок иллюстрирует градацию изменения мнения в отношении убийства людей. Начальная точка, в которой чётко видно отрицание об убийстве (*Did you kill anybody? - No, I didn't*) в итоге переходит в полностью противоположное положение, в котором не просто утверждается смерть, но и делается акцент на удовольствии от этого (*Did you ever kill anybody? - There's no better feeling than killing the enemy*). Комик подаёт эту шутку как разговор с отцом. Тот факт, что отец рассказывает своему сыну о том, что он испытывал удовольствие от убийства людей, не должно вписываться в морально-нравственную картину мира, но комический эффект тем не менее был достигнут, что является подтверждением работоспособности постироничного юмора. Следует так же отметить, что подобная жестокость зачастую способствует размытию жанровых границ и формирования амбивалентного восприятия художественной реальности юмора. [2, с. 65-73]

Следом за постиронией образовался ещё один вид иронии – **метаирония**. Для её функционирования важно рассматривать отдельно такие элементы как речь героя произведения и речь автора произведения. Так как в юмористических текстах присутствует доля авторского вымысла, стендап является своего рода художественным произведением, мнение комика как персонажа своего собственного нарратива может

иногда не совпадать с его же мнением как автора своего же юмористического текста. Это может исходить из того, что реальные мысли комика могут быть слишком запутанными для неподготовленного зрителя или же мысли могут в той или иной мере не совпадать морально-этическим кодексом обывателя. В подобных ситуациях комик может присоединиться к конъюнктуре и изменить направление своих мыслей в угоду зрителя. Однако есть куда более интересный вариант. Комик может построить повествование таким образом, что речь героя произведения сама по себе не будет являться иронической, то есть он будет произносить ее серьезно и, по его мнению, его высказывание будет истинно и нормально. Однако при этом высказывания, которые автор вкладывает в его уста, а также ситуация и контекст формируются автором так, что становится очевидна «неистинность», аномальность этого высказывания с точки зрения автора. [\[10, 2020, с. 22\]](#).

С.Н. Оводова называет это трансгрессией, т. е. «переходом границы возможного или дозволенного». Учёный утверждает, что она в отличие от постмодернизма больше не является главной идеей какого-либо произведения. Трансгрессия становится инструментом для социальных манипуляций с помощью произведения способом обратить внимание масс на какую-либо проблему, донести или объяснить что-то важное [\[9, с. 56\]](#)

But it is it's funny, how every accent has its own connotation to it - speak with a French accent "[пародирует французский акцент] You are sexy. How are you ladies?". But some accents have no sex appeal to them at all, like the Russian accent, there's nothing sexy about it. Everything that Russians say sounds dangerous and menacing... doesn't matter what they say, because they've got that thing "[пародирует русский акцент] Yes, I'm Russian, going to kill you, break you, destroy your family". But even if Russians say nice things, it's still sounds dangerous, they still go "[пародирует русский акцент] Yes, fluffy rabbits and teddy bears" [Trevor Noah - Some Languages Are Scary].

Чтобы проанализировать метаиронию в этом отрывке нужно принимать во внимание несколько факторов. Во-первых, в данном контексте присутствует общее стереотипное представление американцами русских как жестоких людей. Данное представление доступно как автору (комику), так и зрителям через многолетнюю пропаганду в кино и новостях. С учетом этого автор в своём монологе отыгрывает персонажа, имеющего определенное представление об акцентах на собственном эмоциональном уровне. Русский акцент в его монологе выставляется опасным и угрожающим (dangerous and menacing) для выражения контраста с французским акцентом. Если момент про французский акцент подаётся без иронии благодаря отыгрышу с пародией французского акцента, которая исходя из реакции зала оказывается успешной, то в описание русского акцента присутствует гротеск, который доводит образ русского человека почти до безумного («Yes, I'm Russian, going to kill you, break you, destroy your family»). Вне контекста это была бы обычная пародия, однако при симметрии сравнения и актёрской подачи, первостепенное ощущение, что это происходит только ради создания комического эффекта, пропадает. Создаётся ощущение, что это реальные мысли комика. Однако, когда происходит вторая пародия (Yes, fluffy rabbits and teddy bears), «обман» раскрывается. Во второй пародии комический эффект достигается формами контраста содержимого речи и способа подачи. Благодаря этому контрасту очерчиваются границы комической единицы и можно считать, что всё что было до этого – сетап шуток, а вторая пародия – её панчлайн.

В заключении, хочется отметить, что ирония в юморе и, в частности, в стендапе является многогранным явлением. Помимо выражения вербальной агрессии имплицитно она также

может выражать и насмешку и даже переходить в поиск позитивных сторон объекта юмора. Эволюция иронии в постиронию и метаиронию приоткрыло новый пласт для юмора с такими признаками как деконструкция жанра, высмеивание ценностей и метаямор с практически неуловимыми признаками намеренного высмеивания объектов. С учетом актуального развития юмора в интернете, неизвестно какую форму ирония приобретет в ближайшем будущем, но этот вопрос подтверждает тематическую ценность иронии для дальнейшего её изучения в поле юмора.

Библиография

1. Барабанов, Н. В. Протоирония как элемент иронии / Н. В. Барабанов // Научный аспект. – 2022. – Т. 1. – № 2. – С. 65-68. – EDN DFEQPN.
2. Батова М.А. — Драматургия образа антигероя: соблазн зла // Философия и культура. – 2020. – № 3. – С. 65 - 73. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.3.32135 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32135 (дата обращения: 14.09.2022)
3. Бочина, Т. Г. Стилистические приемы контраста как система с полевой структурой / Т. Г. Бочина // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 1(19). – С. 25-29.
4. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. С. 288–308.
5. Жолос, Л. М. Юмор, ирония и сатира в английской литературе / Л. М. Жолос, М. А. Чмыхалова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 23–25 апреля 2020 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 101-106.
6. Зеленцова, М. Г. Особенности перевода юмора, иронии и сатиры в художественной литературе / М. Г. Зеленцова, Л. А. Ходаковская // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 года / Главный редактор М.В. Норец. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 134-139.
7. Козинцев, А. Г. Человек и смех / А. Г. Козинцев. – Санкт-Петербург : Издательство Алетейя, 2007. – 236 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
9. Оводова, С. Н. Нарратив науки и ирония в "РИК и Морти": метамодернизм vs постмодернизм / С. Н. Оводова, Д. В. Добротворский // Вестник Омского университета. – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 55. – DOI 10.24147/1812-3996.2020.25(3).54-60. – EDN QTERWO.
10. Спиридонова Е. А., Лексико-стилистические средства создания иронии в романе Э. Штрийтматтера «Чудодей» (на немецком и русском языках). Электронный ресурс. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3107/1/VKR.pdf> (дата обращения: 16.09.2022)
11. Степанова, Н. Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): специальность 10.02.04 "Германские языки": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Степанова Наталья Юрьевна. – Москва, 2009. – 20 с.
12. Чалова Л. В. Стилистическая функция фигур контраста / Л. В. Чалова //

Евразийский союз ученых. – 2015. – № 8-3(17). – С. 78-80.

13. Черкасова, Е. В. Прагматика иронии и юмора: две грани комического / Е. В.

Черкасова, М. Е. Макарова // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. – 2017. – № 1(4). – С. 147-151. – EDN XONLBB.

14. Чернышевский Н. Г. Возвышенное и комическое. Полн. собр. соч. т.2. М., 1949. – 584 с.

15. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова.-4-е изд.-М.: Политиздат, 1981.-445 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проявлению и эволюции иронии в англоязычной стендап комедии. Актуальность данной работы не вызывает сомнений, а её содержание будет интересно широкому кругу читателей, особенно тем, кто занимается стилистикой английского языка. Работа соответствует жанру научной статьи, структура которой традиционна – её основными компонентами являются введение, основная часть и заключение. Во введении автор определяет понятия стендапа и иронии. В узколингвистическом смысле автор понимает под иронией стилистический прием, посредством которого появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости). Совершенно справедливо отмечается, что функция высмеивания или насмешки является одной из наиболее характерных для иронии. В основной части представлено собственное исследование автора, где указывается, что в качестве носителей иронии могут выступать различные тропы (литота, гипербола, антифраза, метафора). В этой части работы рассматривается также и самоирония. Далее автор разграничивает следующие виды иронии: словесная ирония, драматическая ирония, ситуационная ирония. Под словесной иронией понимается контраст между тем, что сказано, и тем, что подразумевается. Драматическая ирония, по мнению автора, это контраст между тем, что комик считает правдой, и тем, что зритель понимает и признает, как действительность. Понятие «ситуационная ирония» трактуется как контраст между тем, что происходит, и тем, что ожидалось. Отмечается, что ситуативная ирония продуктивна при создании ситуационной комедии. В основной части работы автор также пишет о постиронии, появление которой связано с переходом культурного пласта в постмодернистскую эпоху, когда в юморе стали наблюдаются такие черты как деконструкция жанров, слом четвёртой стены, высмеивание не только пороков общества, но и основных его устоев. Автор дефинирует постиронию как иронию, находящуюся на стыке «юмор-неюмор», при которой стирается грань между самой шуткой и её взаимодействием с реальностью. По мнению автора, специфика постмодернистской иронии проявляется в интертекстуальности и пастише. В работе также отмечается, что в постмодернистском стендапе используется и идея Р. Барта о смерти автора. Заканчивается диахрония исследования иронии утверждением об образовании ещё одного её вида – метаиронии. В результате автор приходит к выводу, что ирония в юморе и, в частности, в стендапе является многогранным явлением. Помимо выражения вербальной агрессии имплицитно она также может выражать и насмешку и даже переходить в поиск позитивных сторон объекта юмора. Эволюция иронии в постиронию и метаиронию приоткрыло новый пласт для юмора с такими

признаками как деконструкция жанра, высмеивание ценностей и метаюмор с практически неуловимыми признаками намеренного высмеивания объектов. С учетом актуального развития юмора в интернете, неизвестно какую форму иронии приобретет в ближайшем будущем, но этот вопрос подтверждает тематическую ценность иронии для дальнейшего её изучения в поле юмора. Полученные выводы аргументированы и не вызывают сомнений. Качество представления результатов исследования на высоком уровне. К работе прилагается список литературы (15 источников), который актуальный и релевантен теме, а также соответствует требованиям к его оформлению. В работе прослеживается исследовательская цель, которая, безусловно, достигнута. Результаты работы обладают теоретической и практической значимостью и могут быть использованы при преподавании курса стилистики английского языка. Рассматриваемые примеры показательны и позволяют автору аргументировано представить эволюции иронии в англоязычной стендап комедии. На основании всего вышесказанного рекомендую статью к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Криницын А.Б. — Притча о народной вере и мотив крестового братания в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»
// Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.39061 EDN: MOIUDJ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39061

Притча о народной вере и мотив крестового братания в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»

Криницын Александр Борисович

доктор филологических наук

профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ)

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, ГСП-1, 1, стр. 51, ауд. 958

✉ derselbe@list.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.39061

EDN:

MOIUDJ

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2022

Аннотация: В статье анализируется сцена братания Мышкина и Рогожина в нескольких аспектах: 1) как своеобразная литературная трансформация народных легенд о братании с Христом; 2) как центр сюжетной композиции романа и аллюзивная проекция его финала; 3) в идейном аспекте как духовное единение главных героев между собой и с русским народом; 4) как символическое отражение внутренних коллизий русского национального характера. Данный эпизод составляет единое смысловое целое с предшествующим ему разговором о вере, в ходе которого князь Мышкин, уходя от прямого ответа на вопрос, верует ли он в Бога, рассказывает о своих встречах с «простым народом», из которых делается им вывод о загадочной хаотичности и глубине народного религиозного сознания. Это – единственное рассуждение о вере во всем «пятикнижии» Достоевского до романа «Братья Карамазовы», из которого Мышкиным делается общий притчевый вывод о том, что веру можно обрести у русского народа-«богоносца», невзирая на темные «бездны» в его душе. Выводы из проведенного анализа позволяют переосмыслить и заново воссоздать идейную эволюцию князя Мышкина на протяжении романного целого. В статье прослеживается

опора Достоевского на народные легенды о братании с Христом. Впервые отмечаются важные параллели с финалом романа на уровне символических жестов, парадоксальным образом завершающих обряд крестования из второй главы романа. Мысли князя немедленно получают подтверждение в последующем эпизоде покушения Рогожина на Мышкина, казалось бы, невозможного после сакрального «крестования». Таким образом, намеченная в данном эпизоде неотвратимая катастрофа отношений героев предопределяет безысходность романного финала, не касающуюся, однако, поисков веры и надежды автора на народ.

Ключевые слова:

Достоевский, роман Идиот, христианская символика, русский национальный характер, крестовое братание, народные легенды, фольклорные мотивы, Князь Мышкин, преступление, психологизм

Введение.

Мотив крестного братания, традиционный для эпоса и народных легенд, крайне редко встречается реалистической европейской литературе XIX века. Тем неожиданней и знаменательней встретиться с ним в романе «Идиот», где данный сюжет (братание Мышкина и Рогожина) становится одним из кульминационных, притом что собственно персонажи из народа в нем отсутствуют. Попробуем прокомментировать его философский и символический смысл.

Христианский обычай «крестования» восходит еще к языческим обрядам братания, заключавшемуся в смешении крови (кровное братание) или обмену оберегами.

В христианскую эпоху кровное братание трансформируется в «крестование» – обмен нательными крестами, после чего самих побратимов называли «крестовыми». Оно могло быть как церковным ритуалом «братотворения» («адельфопоэзис»), совершаемым в церкви священником, что имело место до XVII столетия), так и народным. В этом случае также уделялось внимание выбору места, времени (чаще всего на второй день после Пасхи), свидетелей обмена крестами, что усиливало символичность обычая, приближало его к обряду и придавало ему дополнительные коннотации сакральности и «нерушимости» в сознании участников. Крестовое братство ставилось выше кровного и простиралось вплоть до кровной мести друг за друга ^[1].

Эпизод крестового братания в романе "Идиот" не раз становился предметом внимания исследователей. Л. М. Лотман ^[2, с. 285-316] указывает на более чем вероятное знакомство Достоевского с апокрифом «Христов братец» из собрания Афанасьева ^[3] и с «Легендой о братстве» из сборника под редакцией Н. Костомарова ^[4]. В обеих легендах герой братается со Христом, который в одном случае (у Костомарова) называется князем, в другом (у Афанасьева) – нищим. Это становится актуальным с учетом того, что Мышкину придаются очевидные христологические черты. При этом у Достоевского Мышкин – князь, однажды побывавший в роли нищего. У Афанасьева происходит собственно обмен крестами. Интересно, что в этой легенде «как жар горящий» крест висит на груди Христа, явившегося под видом нищего бродяги, а у Достоевского – обладателем дорогого креста является Рогожин. В обеих легендах братство не ставится под сомнение, а от Христа-брата приходит помощь. В любом случае, Достоевский полностью переворачивает смысл легенды: Рогожин тут же покушается на Мышкина и

как на крестного брата, и как на Христа. И раз Мышкин сам идет после встречи с Рогожиным к дому Настасьи Филипповны, провоцируя последнего, то значит, он готов к роли жертвы.

По мысли Флегентовой Т. Н., «крест в данном случае выступает как знак судьбы отдельного человеческого существа (поменяться крестами – поменяться судьбами) [5]. Таким образом, Парфен берет на себя крест солдата. В результате князь становится хозяином рогожинского креста. И действительно, Настасья Филипповна чуть не выходит замуж за Льва Николаевича Мышкина, а Парфен дважды берет в руки нож: покушается на жизнь князя и в конце убивает Настасью Филипповну». Позволим себе не согласиться с подобной интерпретацией. Как показывает наш анализ, речь идет не об «обмене судьбами» (иначе получится, что Рогожин взял на себя будущее преступление Мышкина), а о единстве, мистическом слиянии двух судеб, на которое идут оба, осознавая возможную катастрофичность происходящего.

В. В. Борисова, выдвигая утверждение об эмблематическом строе романа Достоевского «Идиот», указывает на такую черту художественного зрения писателя, «как способность выхватывать из потока действительности идеологически значимые факты и оформлять их в виде некой “картинки”, “указания” в духе эмблематической традиции, то есть способность эмблематизировать визуальные образы» [6, с. 102]. В совместной работе Флегентовой и В. В. Палачевой применяется эмблематический подход к образу креста. Исследовательницы сосредотачиваются на визуальном образе креста «оловянного», «большого размера», «осьмиконечного», «полного византийского рисунка», сопрягая его с крестами купольными и заодно предполагая, что обмен крестами должен был случиться «ближе к Пятидесятнице» [7, с. 161]. Оба эти утверждения нам представляются сомнительными и даже уводящими в сторону от проблематике эпизода: нельзя же всерьез утверждать, что смысл продажи креста пьяным солдатом сводится к отречению его от церкви в целом (против этого предостерегает сам Мышкин). Тем более *примерное* приурочивание действия к церковному празднику не может считаться значащим мотивом, раз сам автор не дает никаких точных датировок.

В работе Б. Харрес проводится параллель между символическим значением нательных крестов в сцене братания и креста на воображаемой князем картине (в ответ Аделаиде Епанчиной на просьбу дать ей сюжет для картины), на которой должен быть изображен приговоренный к смерти, перед казнью целующий крест в руках священника. Таким образом, по наблюдению исследовательницы, символ креста в романе приобретает коннотации не только жертвенной смерти, но и убийства и казни [12, с. 110].

Целью нашего исследования будет заново проанализировать данный эпизод и показать его ключевое значение для понимания религиозно-философского смысла романа в целом. В работе мы будем использовать прежде всего историко поэтологический и системный научные методы.

Дуализм Мышкина и Рогожина в романе «Идиот».

Вся система персонажей «Идиота» строится на контрастном параллелизме главных героев – Мышкина и Рогожина. Их антитетичность может быть осмыслена по-разному: жертва и убийца, «смирный» и «хищный» типы (Н. Н. Страхов в своей статье «Война и мир. Сочинение графа Л. Н. Толстого» [8] во второй части излагает концепцию Ап. Григорьева о том, что русская литература строится на антиномии «хищного» и «смирного» типов. Под прямым влиянием данной концепции Достоевский создавал

важнейшие образы «пятикнижия». Об этом см.: [\[9\]](#). Если князь, со своей всеобъемлющей *любовью-жалостью*, олицетворяет альтруистическое духовное, «небесное» начало, то Рогожин, носитель «земной» *любви-ненависти*, являет собой необузданную страстность, – воплощенное эго, земной закон «я», доходящий в своем всемогущем порыве до преступления и самоуничтожения. (Об этом свидетельствует чахоточный Ипполит, замечаящий Рогожину при встрече, что тот, «живущий самой полной, непосредственной, жизнью», близок к самоубийству не менее чем он сам, «уже сосчитавший дни свои» [\[10, т. 8, с. 337\]](#). Впоследствии в ночном кошмаре, при виде смеющегося призрака Рогожина Ипполит интуитивно осознает, что эгоизм – убийственный закон природы, который укоренен в нем самом, «принимая такие насмешливые, обижающие [его] формы» [\[10, т. 8, с. 341\]](#). Фраза князя «Парфен, не верю!» – в этом контексте также получает символическое истолкование: князь не желает верить, что он тоже подвластен этому закону).

Вместе с тем в сюжете романа постоянно прослеживаются параллелизм и связанность судеб данных двух героев: когда Мышкин и Рогожин случайно встречаются в вагоне в первой главе, то оказывается, что оба они одного возраста, оба только что пережили тяжелую болезнь и беспамятство; оба впервые едут в Петербург, чтобы получить миллион наследства. И тот и другой с первого взгляда влюбляются в Настасью Филипповну и готовы предложить ей руку и богатство, в то время как сама героиня в смятении бежит обоих браков, считая их невозможными и роковыми для себя. Далее, при видимом соперничестве герои общаются так тесно, что переходят на «ты». Наконец, в финале оба заговорщицки сходятся в комнате, где свершилось убийство, выглядят внешне почти соучастниками, и, потрясенные ужасом свершившегося, одновременно сходят с ума. Таким образом, символические встречи двух героев открывают и завершают роман.

Даже внезапные порывы Рогожина к убийству князя и Настасьи Филипповны психологически соответствуют с ожидаемыми, но никогда не предсказуемыми припадками Мышкина. Сцена на гостиничной лестнице, когда нож заносится над Мышкиным в самую секунду начала припадка, демонстрирует эту аналогию особенно отчетливо. По принципу контрастного параллелизма припадок одного и убийственный порыв другого противопоставлены как *рай – ад* (секунда райской гармонии – вечность ада), и как *смерть – убийство*. (кстати, и припадков Мышкина, и попыток убийства у Рогожина в романе по два).

Мистический дуализм Мышкина и Рогожина и контрастный параллелизм двух образов может быть истолкован, с нашей точки зрения, как символическое описание русского национального характера с его синтезом противоположных начал: с одной стороны, необузданной страстности, доводящую до преступления, какое бы форму она ни приняла (безудерж любви, самозабвенное накопительство, или фанатичное сектантство: так, Мышкин говорит о Рогожине: «А мне на мысль пришло, что если бы не было с тобой этой напасти, не приключилась бы эта любовь, так ты, пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал <...> Засел бы молча один в этом доме с женой, послушную и бессловесную <...> и только деньги молча и сумрачно наживая» [\[10, т. 8, с. 178\]](#)), с другой – духовное начало, устремленность к Богу, детская непосредственная любовь к миру и людям. Это примерно соответствует тому, как А. Григорьев описывал дуализм «хищного» и «смирного» типов в русской литературе.

Важным представляется и тот факт, что Мышкину Достоевским приданы автобиографические черты: «священная болезнь» эпилепсия со способностью перед

припадком переживать «райское просветление» ауры, а также впечатления от пяти минут убежденности в неминуемости смертной казни (о них князю якобы рассказывает помилованный преступник), что сам Достоевский переживал на Семеновском плацу. Очевидно, что это самые важные моменты духовного опыта писателя. Психологически сближается с писателем и Рогожин: по собственному признанию писателя из письма А.Н. Майкову: «А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная: везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил» [\[10, т. 28 I, с. 207\]](#). Вследствие чего мы можем рискнуть сделать вывод: в дуализме этих персонажей зашифровано иносказание писателя о своем собственном «широком» характере, способном совмещать высокое духовное измерение и безудерж страстей.

Следует также заметить, что в эпизоде обмена крестами воспроизводится реальный случай из жизни Ф. М. Достоевского. В 1865 году, когда основная творческая его работа была связана с «Преступлением и наказанием», он, по свидетельству А. Г. Достоевской, часто ходил в окрестности Сенной площади в Петербурге, где и состоялась встреча писателя с тем, кто продал ему подлинно существовавший крест [\[11, с.59-60\]](#).

Таким образом, дуализм Мышкина и Рогожина можно прочесть и как иносказательный самоанализ Достоевским своей личности, так и очерк русского национального характера.

Сцена крестования в «Идиоте» и ее символический смысл.

Сюжетным центром второй части «Идиота» (и одной из важнейших кульминаций всего романа) является сцена крестного братания Рогожина с Мышкиным с тут же последовавшим покушением Парфена на князя.

Ситуацию можно, разумеется, привычно прокомментировать «парадоксальным психологизмом» Достоевского – бурей и хаосом чувств в душе необузданного Рогожина, но это не приблизит нас к пониманию ее идейного содержания. Между тем, именно в этой сцене впервые вводится образ-символ «Христа в гробу» Г. Гольбеина и прямо ставится вопрос о вере героев в Бога. В то же время в этой же сцене четко обозначается финальная трагическая развязка – убийство Настасьи Филипповны. Наконец, единственный раз за весь роман в разговоре Мышкина и Рогожина звучит рассуждение о русском народе. Именно народная тема и оказывается ключом к пониманию сцены.

Важно помнить, что князь в начале романа фактически приезжает в Россию как иностранец, так как он всю сознательную жизнь он провел в Швейцарии (в детстве до отъезда в швейцарскую клинику он из-за частых припадков пребывал практически в бессознательном состоянии) и он только-только начинает узнавать Россию и русский народ. Одновременно он – из древнего княжеского рода, то есть отождествляется с корнями русской истории.

Сам Рогожин – из купеческого сословия, сохраняющего традиции допетровской Руси, не затронутого «псевдоморфозом» европейской культуры. Его отец хоть и ходил церковь, но склонялся к старообрядчеству, говоря, «что по старой вере правильнее. Скопцов тоже уважал очень» [\[10, т. 8, с. 173\]](#), то есть был приобщен к глубинным пластам народного мирозерцания. Взгляд у отца Рогожина на портрете – «подозрительный, скрытный и скорбный» [\[10, т. 8, с. 173\]](#). В нем подчеркивается упорство алчности («за десять целковых на тот свет сживывал» [\[10, т. 8, с. 12\]](#)), сила которой у самого Парфена перерождается во

всепоглощающую страсть к Настасье Филипповне. Под взглядом горящих ненавидящих глаз Рогожина Мышкин засматривается на портрет его батюшки – затем на картину Г. Гольбейна, от которой «вера может пропасть» и встречает прямой вопрос Рогожина: «давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в Бога или нет?» [10, т. 8, с. 182]. Оказывается, что Мышкин, в подготовительных материалах несколько раз поименованный «князем-Христом», не может ответить на этот вопрос однозначно, и переводит разговор на народную веру, вспоминая несколько недавних встреч, складывающихся в одну притчу, поскольку из них выводится общее назидательное заключение. Под *притчей* мы здесь понимаем образную демонстрацию и обоснование идеи, как правило философского, этического или психологического характера. По строению притча двучастна и состоит, во-первых, из некоего сюжета из понятной слушателю обыденной жизни и, во-вторых, из его философского осмысления, формулировки выводимой из него идеи, которая доказывается, таким образом, не логически, а переводом в другой план бытия с опорой на личный жизненный опыт слушателей. Последним притча отличается от *басни*, где сюжет не реалистичен. Сюжеты рассказа князя вводятся попарно, контрастно противопоставляясь.

Смысл сопоставления первых двух сюжетов (об ученом-атеисте и о мужике, зарезавшем своего товарища за часы, предварительно перекрестившись и попросив у Бога прощения) поясняется из реплики Рогожина: «Один совсем в Бога не верует, а другой уж до того верует, что даже режет по молитве... Нет, этого, брат князь, не выдумашь! Нет, это лучше всего!» [10, т. 8, с. 182]. То есть в душе народа может скрываться такая тьма, что вера извращается до противоположности и становится хуже любого атеизма.

В следующей паре объединены встречи князя с солдатом, пропивающим свой крест (оловянный, выдаваемый за серебряный), и с «простой бабой», матерью младенца, вера которой столь глубока и органична, что выражается опять-таки в притче, чисто евангельской по типу: «...точно так, как бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку приметит, такая же точно бывает и у Бога радость, когда он с неба завидит, что грешник перед ним от всего сердца на молитву становится». Эти два сюжета связаны воедино высказыванием князя: «Кто знает, может, эта баба женой тому же солдату была» [10, т. 8, с. 183-184].

И только уже после всех историй Мышкин заключает: «Вот мой ответ: сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения... не подходит... но главное то, что скорей всего это на русском сердце заметишь, и вот мое заключение!.. Есть что делать на нашем русском свете, верь мне!» [10, т. 8, с. 184]. Получается, что для Мышкина – русский народ – таинственная величина, наподобие глубокого кладезя, в котором парадоксально скрывается и страшное и божественное, возрастающее несмотря на тьму зла и предательскую слабость. Именно *к народу* Мышкин готов отправиться *за Богом*, не в силах обрести его самостоятельно.

Это – единственное рассуждение о вере во всем «пятикнижии» Достоевского до романа «Братья Карамазовы», и в силу этого заслуживает самого пристального рассмотрения.

Отметим, что кроме парной в притче прослеживается градационная организация: от сюжета к сюжету все сильнее утверждение веры. Если в первых двух вопрос о вере решается отрицательно (не случайно обоим мрачно радуется Рогожин), то в третьем уже появляется надежда: Мышкин не хочет осуждать пьяного солдата, возможного мужа бабы-матери из следующего эпизода. И наконец, последний пример — свидетельство о незамутненной народной вере — заканчивает притчу на радостной ноте: внутри

психологической притчи, в ее средоточии зарождается другая — евангельская (о Боге, радующемся покаянию грешника). Таким образом, из одной только внутренней организации притчи философские взгляды Мышкина, а вместе с ним и самого писателя. Ясна также органическая необходимость изложения сюжетов для объяснения идеи героя: без них его «ответ» расплывается до неопределенности. Рассказав притчу, князь ушел от прямого вопроса Рогожина, верует ли он в Бога, и заговорил о народе. Получается, что он верит не в Бога, а в народ и народную веру. Точно такой же ответ на подобный вопрос дает в «Бесах» Ставрогину Шатов [\[10, т. 7, с. 268\]](#).

Значение этой притчи возрастает еще более от того, что впоследствии Достоевский укрупняет ее образы, вводя их как полноправных героев в другие свои романы, в частности «Бесы»: ученый-атеист там воплощен в образе Степана Верховенского; крестьянин, режущий по молитве, оборачивается Федькой Каторжным, который, прежде чем ограбить церковь и убить сторожа, «сперва помолиться зашел»; верующей бабе аналогичен образ Хромоножки. Что же касается пьяного солдата — «христопродавца», то такой тип уже имел более полное воплощение в предыдущем романе: это — Мармеладов, к нему также применимы слова: «Бог ведь знает, что в этих пьяных и слабых сердцах заключается» [\[10, т. 8, с. 183\]](#).

Притчевые рассказы князя о непостижимости народной веры также проецируются на образы двух главных героев: крестьянин, режущий по молитве, очевидно соотносится с Рогожиным (Вспомним бурную реакцию Рогожина именно на этот рассказ: «Он хохотал так, как будто был в каком-то припадке. <...> – Вот это я люблю! Нет, вот это лучше всего! – выкрикивал он конвульсивно, чуть не задыхаясь...» [\[10, т. 8, с. 183\]](#)), а также его заключительную реплику при прощании с князем: «Небось! Я хоть и взял твой крест, а за часы не зарежу!» [\[10, т. 8, с. 185\]](#)), а солдат с «пьяным и слабым сердцем» – с кротким Мышкиным (мотив «слабого сердца» был очень важен в раннем творчестве и относился к центральным героям с явно автобиографической подоплекой), таким образом, эти два образа представляют «хищный» и «смирный» типы в простом народе. Приятие Мышкиным нательного креста от солдата, а затем обмен крестами с Рогожиным означает аллгорию единения их обоих с русским простым народом, дихотомичность натуры которого, как мы уже писали выше, они сами воплощают.

Надев крест, князь соединяется символически с русским народом в его «богоносности». Одновременно, осознав всю противоречивость русской натуры, князь являет готовность разделить с ним его путь, вопреки всем искушениям и падениям.

Важно, что именно после этого становится возможным и братание с Рогожиным, поскольку до этого на князе вообще не было креста.

Замечательна реакция Рогожина. После слов князя о вере и «русском свете» Парфен, неожиданно задерживает князя на пороге и предлагает обменяться крестами.

Он повернулся и пошел вниз по лестнице.

– Лев Николаевич! – крикнул сверху Парфен, когда князь дошел до первой забежной площадки, – крест-от, что у солдата купил, при тебе?

– Да, на мне. – И князь опять остановился.

– Покажь-ка сюда.

Опять новая странность! Он подумал, поднялся наверх и выставил ему напоказ свой

крест, не снимая его с шеи.

– Отдай мне, – сказал Рогожин.

– Зачем? Разве ты...

– Князю бы не хотелось расставаться с этим крестом.

– Носить буду, а свой тебе сниму, ты носи.

– Поменяться крестами хочешь? Изволь, Парфен, коли так, я рад; побратаемся! (8; 184).

Вместе с тем князь замечает, что «прежняя недоверчивость, прежняя горькая и почти насмешливая улыбка всё еще как бы не оставляла лица его названного брата» (8; 184), что делает само братание странным и неестественным.

При этом Рогожин подходит к нему со всей решимостью и серьезностью и ведет Мышкина к своей старушке матери, впавшей в беспамятство, и просит ее благословить князя как родного сына, что та и проделывает, ласково улыбаясь князю, хотя и «ничего не поняла слов» Рогожина: значит, «сама пожелала благословить» [\[10, т. 8, с. 185\]](#).

Благословение у матери Рогожина придает «братованию» черты народного обряда.

Снова прощаясь, князь предлагает обняться. Рогожин вначале отвертывается и роняет странную фразу: «Небось, я хоть и взял твой крест, а за часы не зарежу!» [\[10, т. 8, с. 185\]](#), (очевидно весь день обдумывал убийство Мышкина, то данная реплика свидетельствует о том, что прямо отождествляет себя и с пьяным солдатом, и с убийцей «по молитве» из притчи.

«Но вдруг всё лицо его преобразилось: он ужасно побледнел, губы его задрожали, глаза загорелись. Он поднял руки, крепко обнял князя и, задыхаясь, проговорил:

– Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!.. Помни Рогожина!

И, бросив князя, не глядя на него, поспешно вошел к себе и захлопнул за собою дверь» (10; 185-186).

Таким образом, братование растягивается во времени и распадается на несколько эпизодов.

Уже через час, того как Мышкин пойдет к дому Настасьи Филипповны, Рогожин кинется на него с ножом, и князя спасет только внезапное падение в припадке.

Таким образом сам Рогожин испытывает столь сложные отношения к Мышкину не только из-за того, что ревнует его к Настасье Филипповне, но и потому что раздирается между верой и неверием. Он выбирает между народной, «почвенной» верой своих предков и столь же стихийным, отчаянным бунтом против Христа. Стсюда связанность эпизода с народными легендами о братании со Христом. По точному замечанию К. Мочульского, «Рогожин потерял веру, и рок ведет его к человекоубийству; он сопротивляется: *хочет верить и не может*. Убийца не только палач, но и жертва: он сгорает на собственном огне. Бог и дьявол борются за его душу; меняясь крестами с князем, он замахивается на него ножом» [\[13, с. 399\]](#).

Впоследствии, при новой встрече с Рогожиным, Мышкин выдвигает похожую версию столь странного братания:

Предчувствие тогда я с утра еще имел, на тебя глядя; ты знаешь ли, каков ты тогда был? **Как крестами менялись, тут, может, и зашевелилась во мне эта мысль.** Для чего ты меня к старушке тогда водил? **Свою руку этим думал сдержать?** Да и не может быть, чтобы подумал, а так только почувствовал, как и я... Мы тогда в одно слово почувствовали. Не подыми ты руку тогда на меня (которую Бог отвел), чем бы я теперь пред тобой оказался? Ведь я ж тебя всё равно в этом подозревал, один наш грех, в одно слово! (Да не морщись! Ну, и чего ты смеешься?). «Не каялся!» Да если б и хотел, то, может быть, не смог бы покаяться, потому что и не любишь меня вдобавок. И будь я как ангел пред тобою невинен, ты все-таки терпеть меня не будешь, пока будешь думать, что она не тебя, а меня любит. [\[10, т. 8, с. 303\]](#).

Ввиду многократно декларируемой автором пронизательности Мышкина, мы можем довериться его анализу. Соответственно, Рогожин братается с тем, кого жаждет убить, мучась любовью-ненавистью. Мышкин, понимая его чувства, все равно считает себя его крестным братом и готов разделить с ним даже грех страшного помысла, раз подозревал и не предотвратил («один наш грех, в одно слово!»). Это служит прямым предуказанием на финал, где оба предстанут соучастниками убийства Настасьи Филипповны. Жест беспамятной матери Рогожина найдет в финале подобие в жесте князя, когда тот успокаивающе поглаживает по голове мятущегося убийцу Парфена, уже ничего не понимая и никого не узнавая.

Выводы.

Таким образом, Рогожин оказывается мотивно связан с героями всех четырех историй: с убийцей и пьяным солдатом он сопоставляет себя сам, при созерцании картины Гольбеина рискует потерять веру, как ученый-атеист, принимает материнское благословение, как младенец из последнего сюжета. Кстати, его имя Парфен означает по-гречески «девственный», что дополнительно указывает на таящуюся в глубине его натуры детскость.

Мысли князя о загадочной хаотичности и глубине народного религиозного сознания немедленно получают подтверждение в последующем эпизоде покушения Рогожина на Мышкина, казалось бы, невозможного после сакрального «крестования». Таким образом, намеченная в данном эпизоде неотвратимая катастрофа отношений героев предопределяет безысходность романного финала, не касающуюся, однако, поисков веры и надежды автора на народ.

Крестное братование оказывается столь же парадоксальным и «невозможным» по психологическому содержанию, как и контрастный параллелизм героев и так же противоречив, как собирательный образ русского народа, вырисовывающийся из рассказываемой князем притчи.

Библиография

1. Русская энциклопедия [электронный ресурс] URL: <https://rus-russian-enc.slovaronline.com/7596-ПОБРАТИМСТВО>
2. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). – Л.: Наука, 1974.
3. Народные русские легенды, собранные Афанасьевым. – Лондон, 1859. С. 30-31.
4. Памятники старинной русской литературы. Изд. гр. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Вып. I. – СПб., 1860. С. 123
5. Флегентова Т. Н. Ситуации обмена крестами как центральный эпизод

- символического плана романов Ф. М. Достоевского // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. ISSN 1991-3087. [электронный ресурс] URL: <http://jurnal.org/articles/2010/fill34.html> (дата обращения: 13.10.2022)
6. Борисова В. В. Эмблематический строй романа Достоевского «Идиот» // Достоевский: материалы и исследования. Т. 17. – СПб., 2005. С. 102-107.
 7. Палачева В. В., Флегентова Т. Н. «Испытание крестом»: крест как «визуальный знак» в романах Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток») // Вестник КемГУ № 2, 2008 Филология. С. 159-163.
 8. Страхов Н. Н. «Война и мир». Сочинение графа Л. Н. Толстого // Страхов Н. Н. Литературная критика. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000. С. 294-358.
 9. Долинин А. С. Последние романы Достоевского. – М.; Л.: Советский писатель, 1963. 344 с.
 10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1971-1990.
 11. Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. Москва; Петроград, 1922.
 12. Harreß, Birgit Das Symbol des Kreuzes in Dostojewskijs Roman „Der Idiot“. In: Deutsche Dostojewskij-Gesellschaft: Jahrbuch 2001, Band 8. Peter Lang Verlag, Frankfurt am Main 2001. P. 108-116.
 13. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // К. В. Мочульский. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – С. 219-562.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Притча о народной вере и мотив крестового братания в романе Ф.М. Достоевского «Идиот», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей реализации народных верований в романах Ф. М. Достоевского. Кроме того, как отмечает автор, мотив крестного братания, традиционный для эпоса и народных легенд, крайне редко встречается реалистической европейской литературе XIX века, что подчеркивает актуальность исследования.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

Однако, к любому научному произведению предъявляются определенные структурные и содержательные требования, а представленный материал должен быть легко верифицирован. Любая научная работа зиждется на имеющемся научном знании и призвана «пролить свет» на вычлененную научную лакуну. Во введении, традиционно представляющем обзор точек зрения и научных теорий, не представлена информация о разработанности вопроса в литературоведении. Из вводной части неясны цели и задачи, которые ставил автор перед собой, что затрудняет сопоставление результатов исследования с первоначальными задачами. В выводах исследования почему то стоит ссылка на источник 1. Выводы не могут быть цитированием других створов, это квинтэссенция работы, новое полученное знание.

Неясна методология исследования, а также отсутствует указание на объем языкового корпуса, отобранного для проведения эксперимента. К сожалению, автор не приводит информации об исследуемом корпусе. Также непонятен объем и принципы выборки языкового материала, на котором зиждется исследование. Конкретных источников

иллюстративного материала также не представлено в библиографическом списке (указано 30 томов собрания Достоевского - автор обрабатывался ко всему текстовому корпусу? Тогда как и какими методами обрабатывался массив данных?). Ход исследования не описан.

Текст статьи походит, скорее на субъективное, повествование, нежели чем на научный труд.

Библиография статьи насчитывает 8 источников, среди которых работы исключительно на русском языке. Отсутствие зарубежных публикаций искусственно ограничивает представленную работу.

Отметим, что часть трудов является справочными источниками, а не фундаментальными научными трудами. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы и русской филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Притча о народной вере и мотив крестового братания в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после доработки, а именно усиления научной составляющей исследования - конкретизации задач, определения методологии исследования и описания корпусного материала, фиксирования хода исследования, достаточного, чтобы можно было верифицировать результаты.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» является, пожалуй, самым часто анализируемым текстом последние два-три года. Вероятно, модель т.н. «положительно-прекрасного человека», которая сформирована писателем-классиком тревожит своей действенной природой, не дает возможности разгадать столь интересный фактор реализации художественного замысла. Следовательно, обращение к роману вполне оправдано, тем более что автор рецензируемой статьи касается рецепции одного из ключевых мест текста – крестного братания Мышкина и Рогожина. Работа достаточно органична, основные части исследования выдержаны в пределах научного изыскания. Язык сочинения соотносится с научным типом: например, это проявляется в следующих фрагментах – «вместе с тем в сюжете романа постоянно прослеживаются параллелизм и связанность судеб данных двух героев: когда Мышкин и Рогожин случайно встречаются в вагоне в первой главе, то оказывается, что оба они одного возраста, оба только что пережили тяжелую болезнь и беспамятство; оба впервые едут в Петербург, чтобы получить миллион наследства. И тот и другой с первого взгляда влюбляются в Настасью Филипповну и готовы предложить ей руку и богатство, в то время как сама героиня в смятении бежит обоих браков, считая их невозможными и роковыми для себя», или «важным представляется и тот факт, что Мышкину Достоевским приданы автобиографические черты: «священная болезнь» эпилепсия со способностью перед припадком переживать «райское просветление» ауры, а также впечатления от пяти минут убежденности в неминувости смертной казни (о них князю якобы рассказывает помилованный преступник), что сам Достоевский переживал на Семеновском плацу.

Очевидно, что это самые важные моменты духовного опыта писателя. Психологически сближается с писателем и Рогожин...», или «отметим, что кроме парной в притче прослеживается градацион-ная организация: от сюжета к сюжету все сильнее утверждение веры. Если в первых двух вопрос о вере решается отрицательно (не случайно обоим мрачно радуется Рогожин), то в третьем уже появляется надежда: Мышкин не хочет осуждать пьяного солдата, возможного мужа бабы-матери из следующего эпизода. И наконец, последний пример — свидетельство о незамутненной народной вере — заканчивает притчу на радостной ноте: внутри психологической притчи, в ее сре-доточии зарождается другая — евангельская (о Боге, радующемся покаянию грешника). Таким образом, из одной только внутренней организации притчи философские взгляды Мышкина, а вместе с ним и самого писателя. Ясна также органическая необходимость изложе-ния сюжетов для объяснения идеи героя: без них его «ответ» расплы-вается до неопределенности» и т.д. Цель работы прописана достаточно конкретно, автор тезисует, что «целью нашего исследования будет заново проанализировать данный эпизод и показать его ключевое значение для понимания религиозно-философского смысла романа в целом. В работе мы будем использовать, прежде всего, историко-поэтологический и системный научные методы». Считаю, что и методологическая база тоже выверена и уточнена. Объективность суждений по ходу анализа романа Ф.М. Достоевского не вызывает серьезных нареканий, так как необходимый ссылочный уровень реализован. Автор приходит в конце статьи к следующим суждениям: «Рогожин оказывается мотивно связан с героями всех четырех историй: с убийцей и пьяным солдатом он сопоставляет себя сам, при созерцании картины Гольбейна рискует потерять веру, как ученый-атеист, принимает материнское благословение, как младенец из последнего сюжета. Кстати, его имя Парфен означает по-гречески «девственный», что дополнительно указывает на таящуюся в глубине его натуры детскость», «намеченная в данном эпизоде неотвратимая катастрофа отношений героев предопределяет безысходность романного финала, не касающуюся, однако, поисков веры и надежды автора на народ. Крестное братование оказывается столь же парадоксальным и «невозможным» по психологическому содержанию, как и контрастный параллелизм героев и так же противоречив, как собирательный образ русского народа, вырисовывающийся из рассказываемой князем притчи». Думаю, что вывод созвучен основному блоку, однако, и иные вариации интерпретаций могут быть сделано в новых исследованиях. Динамика смысловых интенций, так или иначе, задана и прописана. Основные требования издания учтены, серьезной правки не требуется, но есть ряд моментов, которые все же стоит подкорректировать, например, «Стсюда», «Нфстасье», «стольже»... В целом же текст статьи имеет практический характер, цель достигнута, вариант прочтения «притчи» объективирован. Рекомендую статью «Притча о народной вере и мотив крестового братания в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сухих О.С. — Павлик Морозов в постсоветской действительности (по роману В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик») // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68847 EDN: MONDOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68847

Павлик Морозов в постсоветской действительности (по роману В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик»)

Сухих Ольга Станиславовна

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Героя Быкова, 12, кв. 50

✉ ruslitx@list.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.10.68847

EDN:

MONDOG

Дата направления статьи в редакцию:

30-10-2023

Аннотация: Объектом анализа является роман В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик». Предмет изучения – репрезентация образа Павлика Морозова в этом произведении. Цель исследования – выявить авторскую концепцию образа и судьбы Павлика Морозова в романе В. П. Крапивина. Культурно-исторический метод анализа позволяет увидеть, как момент смены политического курса страны отразился в художественном тексте и определил взгляды на героя прошедшей эпохи. Метод целостного анализа помогает определить, как название романа и сюжетные параллели способствуют созданию образа ребёнка – жертвы социально-политической борьбы и жестокости мира. Научная новизна статьи определяется тем, что образ Павлика Морозова в «Бронзовом мальчике» ранее не являлся предметом специального изучения. Исследование приводит к следующим выводам. В. П. Крапивин показывает, что Павлик Морозов является не предателем, а жертвой столкновения социально-политических интересов. В прошлом его образ сделали символом преданности общественным ценностям, а в эпоху 1990-х гг., показанную в романе, ему вновь отводят роль символа, но уже отрицательно

маркированного. Дегероизация образа Павлика Морозова в эпоху 1990-х гг. – свидетельство нравственной несостоятельности общества, с точки зрения В. П. Крапивина. Анализ многоаспектного смысла названия романа позволяет заключить, что для писателя история Павлика Морозова имеет характер общечеловеческий и связано это с тем, что взрослые жертвуют интересами ребёнка. Кроме того, это трагедия человека, совершившего из высоких соображений поступок, который с формальной точки зрения может быть воспринят как одиозный. В этом плане Павлик Морозов в образной системе романа имеет двойников, с которыми связаны сюжетные ответвления, углубляющие трагическое начало. Результаты исследования могут иметь практическое применение в преподавании отечественной литературы конца XX в.

Ключевые слова:

Крапивин, идеология, Павлик Морозов, мифологизация, демифологизация, смысл названия, сюжет, пионер-герой, история, общество

Образ Павлика Морозова уже давно приобрёл в культуре и общественном сознании знаковый смысл, подвергся мифологизации в советские годы, а затем демифологизации в постсоветские.

Павлик Морозов, разумеется, далеко не единственный подросток, который обнародовал какие-либо опасные или нелицеприятные сведения, разоблачающие взрослых. И, конечно, такое возможно в любом обществе, известны факты «детских доносов» в истории не только нашего государства. Например, М. Тендрякова в своих работах [\[14, 15\]](#) приводит в качестве примеров Уорбойское дело конца XVI века, в котором дети обвинили соседскую семью в колдовстве, что привело к казни этих людей, а также ещё несколько судебных процессов в Англии, строившихся по той же схеме. В современном мире такой феномен, как «детский донос» рассматривается в основном в контексте проблем ювенальной юстиции, например, в работах Тендряковой М. [\[14\]](#), Черного К. [\[17\]](#), Медведевой И. и Шишовой Т. [\[9\]](#).

Однако именно образ Павлика Морозова в общественном сознании нашей страны неразрывно связан с политикой и историей советского государства, с той этикой, которая строилась на классовых ценностях, на приоритете марксистско-ленинской идеологии над другими духовными ориентирами. На наш взгляд, неверно было бы видеть в поступке Павлика Морозова злонамеренный донос, как, например, трактует его К. Черный [\[17\]](#), воспринять Павлика Морозова как «мальчика-предателя», как поступает Ю. Дружников в своей книге [\[4\]](#), а в возвеличивании «пионера-героя № 1» увидеть культ доноительства. Если посмотреть на вопрос принципиально, то это, скорее, был культ предпочтения общественных интересов частным, в том числе и семейным, – в этом, на наш взгляд, стоит согласиться, скорее, с позицией М. Горького, трактовавшего поступок Павлика Морозова так: «... поняв вредительскую деятельность родных по крови, он предпочёл родству с ними интересы трудового народа» – об этом он говорил в «Заключительной речи на I Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года» [\[2, с. 354\]](#). Общественное более значимо, чем частное, – в этом смысл героизации поступка Павлика Морозова, совпадающий с советскими идеологическими постулатами. По этой причине его образ был «канонизирован» и подвергся масштабной мифологизации [\[3, 4, 5\]](#).

Закономерно, что восприятие личности пионера-героя и мифологии, окружавшей его, стало меняться, когда произошёл перелом в отношении социума к этой идеологической парадигме. В интересах утверждения новой на тот момент идеологии в обществе усиленно демифологизировались и даже дискредитировались герои прошлого, при этом зачастую игнорировались самые сложные, диалектически противоречивые вопросы, ведь «упрощение мира является важной частью любой идеологии» [6, с. 29]. Трансформация восприятия «пионера героя № 1» отразилась в публицистике, в статьях, где обращается внимание на общественные, педагогические, нравственные вопросы. При этом многие просто упоминают имя Павлика Морозова как символ, есть и такие авторы, которых не интересует собственно фактическая сторона истории. Например, К. Черный декларирует в своей статье, что не намерен «быть биографом данного субъекта» [17], и, видимо, на этом основании подаёт произошедшее в семье Морозовых в искажённом до неузнаваемости виде: «... мальчик очень обиделся на своего отца и, решив отомстить, попросту донес на него в ГПУ» [17], из чего делается вывод: «Подлец? Да ещё какой...» [17]. С другой стороны, существует и исследовательский подход к изучению судьбы Павлика Морозова, и здесь, прежде всего, стоит назвать книгу К. Келли «Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя», в которой собраны свидетельства, дан фактический материал, помогающий представить, «как создавались культы советских героев» [5, с. 2].

В художественной литературе фигура Павлика Морозова нашла отражение в романе В.П. Крапивина «Бронзовый мальчик». Если К. Келли в своей книге руководствовалась стремлением вписать историю Павлика Морозова «в проблему детства как таковую» [5, с. 3], то ранее именно это сделал В.П. Крапивин, но в художественной форме.

Творчеству В. П. Крапивина посвящены многие литературоведческие и критические работы, рецензии, но к роману «Бронзовый мальчик» обращения не так уж часты. Например, в диссертации Ю. Аникиной изучаются особенности конфликта мира детей и мира взрослых в творчестве В. П. Крапивина 1980–2000-х гг., но роман «Бронзовый мальчик» не становится материалом исследования. Н. Г. Северова в своей публикации рассматривает произведения писателя, созданные в 1990-е гг. [13], но анализирует не «Бронзового мальчика». Статья Е. Савина посвящена теме личности и коллектива в произведениях В. П. Крапивина, в том числе в романе «Бронзовый мальчик» [11]. В работе Н. Свитенко [12] рассматриваются типы ценностных приоритетов и их реализация в системе образов романов цикла «Паруса "Эспады"». О незавершённости и эмоциональной насыщенности финалов романов Крапивина, в том числе и «Бронзового мальчика», идёт речь в статье В. Шелестова (Шелестов В. Неподдельный литературный гуманизм (к 80-летию В. Крапивина) // Проза.ру. <https://proza.ru/2018/10/07/387> (дата обращения: 01.10.2023))

В нашей работе объектом анализа тоже станет роман В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик», а предметом исследования – образ Павлика Морозова в этом произведении, который ранее не оказывался в центре внимания литературоведов и критиков, чем и определяется научная новизна данной статьи.

Рассматривая взаимосвязь авторских интенций и закономерностей эпохи, в которую создавался роман, мы будем опираться на культурно-исторический метод исследования, который позволяет выявить значение социального и исторического контекста для формирования основных идей произведения и авторской позиции и в то же время не препятствует изучению авторской индивидуальности, выраженной в художественном

образе [\[18\]](#). Исследуя воплощение авторского замысла через систему сюжетных ответвлений, образы двойников Павлика Морозова, смысловые грани названия произведения, мы будем использовать метод целостного анализа текста, дающий возможность изучать произведение как формально-содержательное единство [\[8\]](#) и через призму поэтики видеть суть авторской концепции, единство текста и смысла [\[16\]](#).

Роман В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик» вышел в 1994 г., а действие в произведении происходит в 1991 г., во время «августовского путча» и сразу после него. Неудивительно, что в сознании героев книги царят недоверие к власти, разочарование в социалистических ориентирах, в тех взглядах, которые раньше были несомненны, но, как оказывается, лишь потому, что люди обладали очень скудной информацией, причём избирательной. Примером тому становится восприятие главным героем Даней Рафаловым фильма «Мы из Кронштадта», в котором он видел романтическую трагедию красных матросов, гибнущих за свои высокие идеалы. Его поражает, когда дедушка Виктор Анатольевич рассказывает ему, что в тех местах, где снималась картина (под Севастополем), погибло множество белых, которые не сумели или не захотели бежать за границу, поверив обещаниям новой власти. Когда Даня вспоминает трубача из фильма «Мы из Кронштадта», то дед соглашается с тем, что это «ничего картина» [\[7, с. 23\]](#), впечатляющая, особенно если «не знаешь всего» [\[7, с. 23\]](#), и тут же обращает внимание внука на то, что есть картины, где история показана с иных позиций, например, «Бег» по Булгакову. Дед руководствуется вовсе не желанием ниспровергать идеалы, он внушает мальчику мысль о том, что подвиг, героизм, патриотизм, высокая трагедия – всё это не прерогатива какой-то одной стороны в политической борьбе. Герои романа приходят к выводу о том, что ставить памятники стоит всем, кто проявил смелость и доблесть, способность на жертву ради идеи, вне зависимости от того, к какому политическому лагерю они принадлежали и победили они или проиграли. Именно в связи с этим и возникает в романе имя Павлика Морозова, которого сначала канонизировали, а потом ниспровергли с пьедестала. В восприятии деда и внука Рафаловых это непорядочно и несправедливо.

Вообще, роман проникнут состраданием и уважением именно к **«аутсайдерам» истории**. Автор даёт свой взгляд на **человека, совершившего такой поступок, который окружающие в большинстве своём могут воспринять как одиозный, рассматривая его с формальной точки зрения**. И подобных личностей в романе несколько, с ними связаны «минисюжеты», каждый из которых по-своему ассоциируется с историей Павлика Морозова и развивает трагическое начало.

Во-первых, героем такого типа является, конечно же, сам **Павлик Морозов**. Официозный взгляд на то, что он обнародовал нелюбимую правду об отце, в 1990-е гг. становится однозначно негативным, его поступок открыто и беспелляционно называют предательством, в частности, так делает учительница в эпизоде классного собрания, и мнение директора школы тоже таково. В. П. Крапивин в своих произведениях часто акцентирует внимание на том, что учитель действует в рамках формальных правил, установленных (а в основном «спущенных сверху») принципов, тогда как ребёнок смотрит на жизнь незашоренным взглядом и видит, что официальная «правда» противоречит реальной. Этот мотив есть и в романе «Бронзовый мальчик», он реализуется в сюжете не единожды, и один из кульминационных эпизодов в развитии этого мотива – эпизод обсуждения Павлика Морозова и отношения к нему.

Учительница внушает детям, что неправильно будет оставлять дружине имя этого пионера-героя, поскольку не стоит отстаивать «неправое дело»: нельзя предавать отцов.

В конфликт с ней вступают главный герой Даня Рафалов и его одноклассник Артём Решетило, который направляет разговор ещё и в другое русло: Павлика Морозова несправедливо обвинять в том, что изменилась государственная идеология и та идея, которую в его времена пропагандировали и в которую он поверил, теперь объявлена «неправым делом». Артём Решетило, по предположению автора и героя, слышал подобные суждения от взрослых в своей семье, и Даня Рафалов вспоминает, что примерно то же самое совсем недавно говорил его дед. Это совпадение взглядов свидетельствует о том, что такие мнения, с точки зрения В.П. Крапивина, рождаются в обществе закономерно и, что называется, витают в воздухе. И дед главного героя Виктор Анатольевич Рафалов, и, по всей вероятности, отец Артёма Решетило выражают приблизительно одно понимание истории пионера-героя Павлика Морозова: взрослые (партийные активисты, учителя) убедили мальчика в прекрасной сути великого и светлого коммунистического будущего, ради которого можно пожертвовать чем угодно, и тем самым они фактически предрешили его участь. Павлик Морозов пожертвовал ради новой правды семейными связями, традиционным принципом «почитай отца и мать» и за это был убит. Впоследствии за то же самое он был прославлен как пионер-герой: те же взрослые (на сей раз работники идеологического фронта на уровне всей страны) создали удобный для государственной идеологии миф. А в итоге, когда эта идеология оказалась исторически проигравшей, вновь взрослые (теперь уже сторонники восторжествовавшей в 1990-е гг. либеральной идеи) используют миф о Павлике Морозове в своих целях: хотят доказать безнравственность коммунистического сознания, развенчать мысль о том, что общие интересы важнее частных. Именно поэтому Павлика Морозова теперь объявляют не героем, а предателем, сбрасывают с пьедестала памятник ему, учителя предлагают ученикам «отменить» память о нём, как будто стереть с классной доски его имя.

Дети же, прежде всего Даня Рафалов, считают, что всё это непорядочно со стороны взрослых. К тому же он не признает за взрослыми права говорить о безнравственности предательства, потому что они сами на каждом шагу предают детей. Для Дани Рафалова, безусловно, на историю опороченного и ставшего ненужным при новой идеологии Павлика Морозова накладывается его собственная история, поскольку он чувствует себя ненужным своему отцу. Именно поэтому он так остро негативно воспринимает и сюжет «Тараса Бульбы», где отец убивает сына. Герою представляется, что Гоголь оправдывает старого казака, который избавился от сына, ставшего «неудобным», – так он на фоне собственных эмоций воспринимает изображённые в повести события. Автор «Бронзового мальчика» выстраивает ход диалога между ребёнком и педагогом таким образом, что фактически оставляет последнее слово за Даней Рафаловым, а не за учительницей, которая не привыкла к дискуссиям, тем более с учениками, потому не способна по-настоящему аргументировать свою точку зрения, а может лишь произносить «штампованные» фразы о патриотизме.

В результате отношение идеологов к Павлику Морозову, равнодушие отца к Дане Рафалову и убийство сына Тарасом Бульбой выстраиваются в романе в один ряд. **Главный герой, чувствующий себя лишним в семье отца, и Андрий, убитый Тарасом Бульбой, могут рассматриваться в качестве двойников Павлика Морозова, которого предали «отцы».** Павлик Морозов в таком контексте воспринимается как жертва. Весь эмоциональный строй текста, система двойников, ход конфликта, диалог, с аргументами и контраргументами, – всё направлено на то, чтобы защитить бывшего героя, ставшего «антигероем», чтобы внушить читателю мысль о неоднозначности истории с Павликом Морозовым и несправедливости категоричных оценок.

Во-вторых, в романе большое внимание уделено ещё одному «антигерою» – **капитану Стройникову**, его судьба становится важным ответвлением сюжета произведения. В истории российского флота XIX в. есть две противостоящие друг другу страницы, славная и бесславная: подвиг брига «Меркурий» и сдача врагу фрегата «Рафаил». Если «Меркурий» под командованием Александра Казарского вступил в неравный бой с двумя турецкими кораблями и сумел выстоять и даже победить, то «Рафаил» под командованием Семёна Стройникова без боя сдался турецкой эскадре. Общепринятой является оценка данного факта как измены принципам чести, как предательства – в этом **общность сложившихся репутаций капитана Стройникова и Павлика Морозова**. В романе В. П. Крапивина дедушка рассказывает внуку, что их предок был матросом на фрегате «Рафаил» и, вернувшись домой, защищал доброе имя капитана Стройникова, ведь тот приказал спустить флаг не из трусости, а из желания спасти жизни матросов, которые, в отличие от офицеров, не готовы были погибнуть в неравном бою. С точки зрения героев романа (а она ничем не опровергается, что даёт основания считать её и авторской тоже), Семён Михайлович Стройников не предатель, а жертва общественного мнения, как и Павлик Морозов. Капитана лишили званий и наград, официально объявили трусом и изменником. Он фактически пожертвовал собственной карьерой, репутацией, сломал собственную жизнь ради спасения подчинённых. В эпилоге к роману Стройников представлен в образе священника, исповедующего гуманизм даже во время военного противостояния и способного простить даже того, кто в него стреляет. Он осуждает поступок солдата, выстрелившего в британского трубача, совсем ещё мальчика, и радуется тому, что юный трубач не убит: считает, что плен – это для него спасение от гибели на войне. В целом В. П. Крапивин смотрит на Стройникова не как на предателя и изменника воинскому долгу, а как на носителя гуманистической и пацифистской идеи, для которого жизнь человека дороже любых других ценностей. Вновь, как и в случае с Павликом Морозовым, перед нами **пересмотр восторжествовавшей в обществе оценки**, стремление за «предательством» увидеть иную подоплёку. Если пионер-герой поверил в «свет», в новую правду и ради этой идеи упорно шёл до конца (не случайно памятник ему – это фигура подростка с упрямо поднятой головой и сжатыми кулаками), то и Стройников верил в свою правду и отстаивал её, несмотря ни на какие обстоятельства и ни на чьи мнения, – так представляет этих людей В. П. Крапивин.

В-третьих, ещё одно ответвление сюжета в романе связано с **судьбой Никиты Таирова**, на сей раз уже вымышленного героя, который во время гражданской войны фактически повторил поступок капитана Стройникова. Главный герой из письма Никиты Таирова к возлюбленной узнаёт о его истории и его трагедии. Никита, молодой белогвардейский офицер, сдаёт без боя свою окружённую войсками противника батарею, так как считает, что красные в этом случае могут пощадить простых солдат. Он не рассчитывает выжить сам, но хочет предотвратить бессмысленную гибель своих бойцов. Сложить оружие, сдаться в плен – это поступок, в котором нет величия и красоты, но письмо героя показывает, что его толкнули на это именно великие и прекрасные чувства.

В-четвёртых, наконец, в тексте романа «Бронзовый мальчик» упоминаются и **литературные персонажи**, которые из высоких побуждений пошли на такие действия, которые сторонники официальных взглядов могли бы счесть предательством. Это герои произведений М. Булгакова («Белой гвардии», «Дней Турбиных», «Бега»), о которых рассказывает Дане Рафалову дедушка: «Там не раз повторяется эпизод, как русский полковник приказывает юнкерам разойтись по домам, не вступать в бой с петлюровцами, чтобы не гибнуть напрасно» [\[7, с. 23\]](#) – и упоминает, что это шло вразрез с официальным пониманием офицерской чести. Для поборников верности присяге любой ценой булгаковский полковник выглядел бы изменником долгу, а для автора «Белой гвардии»

и «Дней Турбиных», как и для автора «Бронзового мальчика», любая цена не подходит, поэтому для них моральный долг командира в том, чтобы спасти людей.

Пристрастие к героям, которых судьба поставила в жестокие условия, которым пришлось принять **«неблагородное» решение ради своих идеалов**, проявляется на протяжении всего романа «Бронзовый мальчик», реализуется в ответвлениях сюжета, в концептуальных диалогах деда и внука, и в этом смысле такие персонажи произведения, как Семён Стройников и Никита Таиров, становятся двойниками Павлика Морозова.

Для понимания концепции В. П. Крапивина, для осмысления авторского взгляда на образ Павлика Морозова исключительно важны не только сюжетные ответвления и система образов, но и разные **границы смысла названия** романа «Бронзовый мальчик»:

1) Бронзовый мальчик – так названа в тексте фигура, стоявшая в одном из городских скверов. Это статуя Павлика Морозова, которого, как сказал дед Рафалов, сначала «поманили светом», а потом погубили и обвинили в предательстве. Памятник был возведён, чтобы увековечить подвиг пионера-героя, а через годы облит мутно-серой краской, затем вообще демонтирован, чтобы теперь уже уничтожить память о нём. Этот памятник стал символом славы, превратившейся в анτισлаву. Стоит упомянуть, что в своё время очень настаивал на создании памятника Павлику Морозову М. Горький ^[2], увидевший в пионере-герое принципиального и смелого борца, бросившего вызов устоявшимся принципам, – эта дерзость была близка самому писателю, который «в мир пришёл, чтобы не соглашаться». А в 1990-е годы памятник Павлику Морозову демонтировали: «В результате созданного антимифа монумент на Красной Пресне в августе 1991 г. скинули» ^[3, с. 147]. Памятники самому М. Горькому стоят на своих местах, но память о писателе в тот период серьёзно девальвировалась, стало модно дискредитировать его, некоторые его произведения исчезли из школьной программы, ему стали противопоставлять других литераторов, которые якобы были более правдивы или более свободны в своём творчестве и т.п. Например, педагогический институт в родном городе писателя с 1932 года носил имя М. Горького, а в начале 1990-х гг. стал Нижегородским педагогическим университетом имени Козьмы Минина. Напоминает историю, представленную В.П. Крапивным, о том, как учительница объясняет детям, что их дружине «имя Павлика Морозова сейчас оставлять неуместно» ^[7, с. 62]... И то, и другое связано с ниспровержением прежних идеологических ориентиров и насаждением новых принципов отношения к жизни. И о несправедливости происходящего пишет в своём романе В. П. Крапивин, считая дегероизацию Павлика Морозова маркером того, что общество утрачивает такие ценности, как порядочность и гуманизм. Не случайно памятник он называет не «бронзовая статуя» или «бронзовая фигура», а «бронзовый мальчик». Выбор слова «мальчик» очеловечивает бронзовое изваяние, тем более в сочетании с описанием памятника: «Прямой, тощенький, со сжатыми кулаками опущенных рук и вскинутой головой» ^[7, с. 64]. Это порождает восприятие Павлика Морозова не как отвлечённо-символической фигуры, а как ребёнка, отстаивавшего свою позицию и ставшего жертвой несправедливости, как человека, заслуживающего понимания, сочувствия и памяти.

2) Бронзовый мальчик – это фигурка Тома Сойера, которую когда-то спрятал юный Никита Таиров, а теперь нашли Даня Рафалов и его друзья. И это, опять же, не «изваяние», не «статуэтка», а «мальчик»: это живой образ, близкий реальным детям.

В то же время бронзовый мальчик – это и сам Никита Таиров, хотя он по возрасту уже не мальчик, но всё равно юноша, почти мальчишка, который прямо ассоциирует себя с

Томом Сойером, а свою возлюбленную Олю – с Бэки, поэтому и прячет бронзовую статуэтку, чтобы она потом нашла и вспомнила о друге. И этот юноша, как и Павлик Морозов, становится жертвой политической борьбы, его судьба трагична.

3) Ассоциируется с бронзовым мальчиком и Даня Рафалов, который с сочувствием думает о Павлике Морозове и конфликтует с отцом, воспринимаемым как отступник. Даня же находит спрятанную много лет назад фигурку другого «бронзового мальчика» – Тома Сойера, остро переживает перипетии судьбы Никиты Таирова. В позе бронзового Павлика Морозова, которого Даня видит в сквере, в выражении его лица, в повороте головы отражаются отчаяние и упрямство, и это объединяет пионера-героя с героем крапивинского романа. Те же отчаяние и упрямство управляют этим мальчиком, когда он отыскивает «клад» Никиты Таирова, бросает вызов учительнице, отстаивает старинный дом, рискуя жизнью, когда новоявленные бизнесмены покупают разрешение на снос памятника культуры. И он тоже страдает не только из-за семейных проблем, но и из-за социально-политической ситуации, из-за противостояния разных сил во взрослом и жестоком мире. Параллели в образной системе как будто становятся невидимыми нитями, которые тянутся от главного героя к другим «бронзовым мальчикам».

4) Бронзовая статуя трубача в сне Дани Рафалова становится символом ребёнка, безвинно страдающего или даже гибнущего. Главному герою снится, как солдаты стреляют в мальчиков-трубачей и те падают с крепостной стены, а потом оказывается, что это статуи, одна из которых, бронзовая, напоминает памятник Павлику Морозову, сброшенный с пьедестала, – его впоследствии видят Даня и его друг Салазкин, причём видят лежащим лицом вниз, в траве, как трубач в сне главного героя. Тринадцатилетний «воспитанник полка» Генри Линдерс, раненый и падающий с валуна в эпилоге к роману, – ещё один образ поверженного трубача, который ассоциируется со сном Дани Рафалова. Этот сон символически объединяет и персонажей романа, «слезинки» которых видит в произведении читатель, и вообще детей, ставших жертвами жестоких обстоятельств и безжалостных решений, жертвами социально-политической борьбы, столкновения разных позиций и интересов. И в этот ряд органично вписывается в романе Павлик Морозов, так что его образ оказывается действительно включённым в контекст «проблемы детства как таковой» [\[5, с. 3\]](#), как впоследствии сформулировала К. Келли.

Итак, концепция судьбы Павлика Морозова в произведении В. П. Крапивина заключается в том, что не ребёнок предал взрослого, а **взрослые предали ребёнка**, причём развитию этого мотива находятся трагические параллели. В этом плане двойниками пионера-героя становятся Даня Рафалов, ставший ненужным, «неудобным» для отца, а также Андрий, которым Тарас Бульба, по мнению главного героя романа, пожертвовал ради более важных для него ценностей. Это приводит нас к выводу, что такая история не порождение советских 1930-х гг., она разрастается до трагедии общечеловеческого характера.

Ответвления сюжета, связанные с судьбами таких героев, как Павлик Морозов, Семён Стройников, Никита Таиров, создают ещё один ряд персонажей-двойников, которых объединяет способность **принять «негероическое», «невозвышенное» решение ради своей правды**, что делает их в глазах сторонников официальной морали предателями, нарушителями законов чести. И снова мы видим, что история пионера-героя не исключительна и не привязана к историческому контексту только 1930-х гг. в СССР, она воспринимается как общечеловеческая.

Смысл названия романа, в свою очередь, концентрирует в себе **пафос сострадания к**

ребёнку-жертве, причём в ряду таких страдающих детей в романе одно из основных мест занимает Павлик Морозов.

Мотив «слезинки ребёнка», в высшей степени характерный для произведений В. П. Крапивина, как и мотив стойкости «бронзовых мальчиков», которые «падают, не меняя позы» [7, с. 100], объединяет фигуры героев романа в коллективный образ «трубача» – смелого и стойкого подростка, противостоящего несправедливости взрослого мира, – и в то же время позволяет увидеть связь времён.

Библиография

1. Аникина Ю. А. Специфика конфликта в художественном мире В. П. Крапивина: дисс. ... канд. филол. н.: 10.01.01. Волгоград, 2014. 167 с.
2. Горький М. Заключительная речь на I Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. С. 337–354.
3. Гребенник Г. П. Миф, антимиф и анекдот в идеологии // История и современность. 2015. № 2. С. 140–159.
4. Дружников Ю. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. Москва–Augsburg: Im werden verlag, 2003. 94 с.
5. Келли К. Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя / Пер. с англ. И. Смиренской. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 310 с. ISBN 978-5-86793-654-9.
6. Коломыц Д. М., Коломыц О. Г. Мифы в духовной и политической культуре и их роль в формировании современного мировоззрения // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4. Ч. 1. С. 28–31.
7. Крапивин В. П. Бронзовый мальчик / Владислав Крапивин. – [Б. м.]: Автор, 1994. 197 с. ISBN 978-5-425-05233-9.
8. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
9. Медведева И., Шишова Т. Троянский конь ювенальной юстиции // К истине: миссионерско-апологетический проект. https://kistine.ru/uvnal_justice/uvnal_justice_medvedeva-01.htm (дата обращения: 03.09.2023).
10. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; Сост. и послесловие И. С. Кона. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. С. 322–362.
11. Савин Е. От «Эспады» до «Тремолино» // Та сторона. 1995. № 12. <https://www.rusf.ru/vk/recen/1995/savin05.htm> (дата обращения: 01.10.2023).
12. Свитенко Н. В. Трилогия «Паруса “Эспады” В. П. Крапивина: конфликт и система персонажей в аксиологическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 4. <https://philology-journal.ru/article/phil20220182/fulltext> (дата обращения: 01.10.2023).
13. Северова Н.Г. Герой детской литературы в условиях социального слома (к восьмидесятилетию уральского писателя Владислава Крапивина) // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Курганский государственный университет. Курган, 2018. С. 213–216.
14. Тендрякова М. Детские доносы и ювенальная юстиция // Образовательная

- политика. 2010. № 9–10 (47–48). С. 106–114.
15. Тендрякова М. Охота на ведьм. Исторический опыт интолерантности. М.: Смысл, 2019. 160 с. <https://iknigi.net/avtor-mariya-tendryakova/189955-ohota-na-vedm-istoricheskij-opyt-intolerantnosti-mariya-tendryakova.html> (дата обращения: 03.09.2023). ISBN: 978-5-89357-392-3
16. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М: Лабиринт, 2001. 189 с.
17. Черный К. Павлик Морозов. Перезагрузка. Версии об одной диверсии // Образование и православие. 28.10.2011. <http://www.orthedu.ru/news/3742-11.html>
18. Щербаков А.Б. Литературоведческие мифы. Культурно-историческая школа и проблема творческой индивидуальности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturovedcheskie-mify-kulturno-istoricheskaya-shkola-i-problema-tvorcheskoy-individualnosti> (дата обращения: 01.10.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Обращение к судьбе пионера-героя Павлика Морозова в постсоветском обществе – это вопрос острый и дискуссионный, потому что связан с политикой, моралью, оценкой прошлого нашей страны. В представленной на рецензирование статье убедительно показано, как в начале 1990-х годов менялось общественное сознание и как отношение к Павлику Морозову и его поступку отразило этот сложный и неоднозначный процесс.

В работе анализируется роман В. П. Крапивина «Бронзовый мальчик», и это само по себе значимо, так как названное произведение нечасто становится объектом изучения литературоведов, даже специалистов по творчеству В. П. Крапивина.

Тщательным и аргументированным является анализ системы двойников в романе, доказывающий, что приём двойничества помогает автору произведения выразить мысль о ребёнке – жертве социально-политических столкновений и что одной из таких жертв, с точки зрения В. П. Крапивина, является Павлик Морозов. Автор исследования доказывает, что писатель изображает пионера-героя не как предателя, а как жертву предательства.

В статье проводится убедительный анализ смысла названия «Бронзовый мальчик». Выделение различных семантических пластов, которые включает в себя этот заголовок, работает на раскрытие не только общей идеи писателя, но и на осмысление роли образа Павлика Морозова в художественной системе романа.

Представленная статья включает в себя краткий анализ предшествующих работ, затрагивающих проблематику романа «Бронзовый мальчик», в том числе рассматриваются труды современных литературоведов. Эта часть статьи доказывает, что обращение к названному произведению остаётся актуальным, в том числе и в аспекте изучения авторского отношения к Павлику Морозову. Научная новизна работы определяется тем, что в этом ракурсе роман «Бронзовый мальчик» ещё не изучался, в то время как эта грань проблематики произведения является одной из наиболее интересных и полемичных.

Аннотация к статье позволяет составить достаточно полное представление об объекте и предмете исследования, о методах, применяемых автором, о сделанных выводах.

В качестве замечания стоит отметить, что заключение к работе могло бы быть более

развёрнутым, но это не влияет на общую положительную оценку представленного исследования.

Статья заслуживает публикации и может вызвать интерес у литературоведов и поклонников творчества В. П. Крапивина, как и у тех, кто неравнодушен к советской истории, её героям. Практическое применение исследования возможно как в сфере вузовского преподавания истории русской литературы XX в., так и в сфере школьного изучения произведений этого периода и, в частности, творчества В. П. Крапивина.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лифанов К.В. — К вопросу о дивергенции словацкого и чешского литературных языков на словообразовательном уровне // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.39311 EDN: MOYLLO
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39311

К вопросу о дивергенции словацкого и чешского литературных языков на словообразовательном уровне

Лифанов Константин Васильевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, филологический факультет

✉ lifanov@hotmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.39311

EDN:

MOYLLO

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2022

Аннотация: Объектом исследования являются такие лексемы словацкого литературного языка, которые первоначально были аналогичны соответствующим чешским, однако в XX веке претерпели изменения, так как изменились их словообразовательные характеристики. При этом соответствующие чешские слова остались без изменений. Данное явление мы называем асимметричной дивергенцией. Асимметричная дивергенция характеризовала многие части речи: имена существительные, имена прилагательные, наречия, глаголы. Источником материала послужила прежде всего газета "Католицке новины" за 1889-1890 гг., а также некоторые издания начала XX века. В данной статье рассматриваются случаи асимметричной дивергенции, реализовавшейся в небольших замкнутых группах лексики или даже на уровне отдельных лексем. Основным выводом автора является то, что асимметричная дивергенция являлась важным фактором формирования лексического состава словацкого литературного языка и приобретения им специфических особенностей, отдалявших его от чешского. В наибольшей степени она затронула имена

существительные, причем наиболее распространенным средством явилась суффиксация, то есть замена первоначального суффикса, совпадавшего с соответствующим чешским, другим суффиксом. Дивергенция словацкого и чешского литературных языков, как правило, находится вне поля зрения исследователей, рассматривающих прежде всего влияние чешского языка на словацкий. Вместе с тем, именно она была ведущей тенденцией развития словацкого литературного языка в XX веке.

Ключевые слова:

словацкий литературный язык, асимметричная дивергенция, словообразовательный уровень, замкнутая группа, имена существительные, суффиксация, префиксация, другие части речи, замена, упрощение

Ранее проведенный анализ показал, что для чешского и словацкого литературных языков в XX в. была характерна ярко выраженная дивергенция практически на всех языковых уровнях [2], но особенно интенсивно на лексическом и словообразовательном [1]. При этом дивергенция была асимметричной, т. е. изменения дивергентного характера, как правило, характеризовали лишь словацкий язык, тогда как чешский в значительной степени сохранял исходное состояние, первоначально свойственное обоим языкам [6]. Суть ее сводилось к тому, что стремительно менялись или исчезали грамматические формы или словообразовательные модели, которые ранее в течение длительного времени находились в стабильном состоянии. К их числу относятся утрата деепричастий прошедшего времени, кратких страдательных причастий и звательной формы, вытеснение отглагольных прилагательных с суффиксом -l(ý) соответствующими прилагательными с иными суффиксами, наречий с суффиксом -e наречиями с суффиксом -o, имен существительных со значением места с суффиксом -ište именами с суффиксом -isko и др. Однако в действительности дивергенция на словообразовательном уровне принимала самые разнообразные формы, причем могла охватывать малочисленные замкнутые группы слов и даже быть уникальной. Именно подобные изменения и являются объектом изучения в данной статье, что представляется весьма актуальным, так как делает возможным более полное рассмотрение истории развития словацкого литературного языка. Таким образом, целью данной статьи является выявление редких или даже уникальных типов дивергентных явлений.

Подобные изменения в наибольшей степени затронули имя существительное. Прежде всего имела место замена суффикса, аналогичного суффиксу в чешском слове. Приведем соответствующие примеры.

(1) Iným zase znak a *merítko* opravdivej vzdelanosti sú školy [8, с.3]

«Для других же признаком и мерилom реального образования являются школы».

Употребленное в данном предложении существительное *merítko* является аналогом чешского слова *měřtko* "мерило, масштаб". В современном словацком литературном языке в этом значении употребляется слово *meradlo*, содержащее иной суффикс.

(2) A j *priateľ/kyňa* alebo *priateľ*. Ktorí deň i noc, slasť i strasť, trápenie i bolesť s nami delia... [8, с. 217]

«И подруга или друг. Которые день и ночь, радость и горе, муки и боль разделяют с

нами...».

Существительное *priateľ/kyňa* «подруга» содержит суффикс, являющийся аналогом чешского суффикса, имеющего лишь фонетическое отличие (чешск. *přítelkyně*). Впоследствии он был вытеснен суффиксом -k(a): *priateľ/ka*.

(3) Teraz Vy máte pravdu, rečie náš *starúšek*, utlumiac v sebe rozjatrenú myseľ, a bolo bez svady [\[4, с. 19\]](#)

«Сейчас Вы правы, – говорит наш старичок, подавляя в себе раздражение, и ссоры не произошло».

В зафиксированном слове *starúšek* «старичок» содержится суффикс -úšek, восходящий к чешскому -oušek (*staroušek*) и позже вытесненный суффиксом -ček (*starček*).

(4) Jak dôverne a milo dívajú sa na teba biele *domky* zo sadov, jak sa ti ľúbi spokojnosť obyvateľov, spev ptáčkov, štebot hravých detí [\[4, с. 81\]](#)

«Как доверительно и мило смотрят на тебя белые домики из садов, как вам нравится удовлетворение жителей, пение птиц, щебетание шаловливых детей».

В слове *domek* «домик» (чешск. *domek*) суффикс -ek также был заменен суффиксом -ček (*domček*).

(5) Z uspokojených zlatiek či na doktora či na *lekárňu* míňala sa jedna za druhou, nemocná by bola potrebovala tiež dačo lepšieho zjesť, nuž tak skoro ostala milá modlitebná knižka čistá, jakoby ju bol vymietol [\[4, с. 87\]](#)

«Из накопленных золотых монет тратились одна за другой либо на доктора, либо на аптеку; больной нужно было лучшее питание, и вскоре дорогая молитвенная книжка осталась пустой, как будто ее очистили».

Отметим также замену суффикса -árňa в слове *lekárňa* «аптека» (чешск. *lekárna*) суффиксом -áreň (*lekáreň*), хотя это явление затрагивает значительную группу существительных. Ранее это явление мы не отмечали.

(6) Jako by si ty, chudobná *pasáčka* (čes. *pasáčka*, súč. slov. *pastierka*), čo si dosiaľ bola, hodnou mohla byť takej milosti! [\[5, с. 30\]](#)

«Как бы ты, бедная пастушка, кем ты была до сих пор, была достойна такой милости!»

Употребленное слово *pasáčka* (чешск. *pasáčka*) «пастушка», образованное от глагола *pásť* «пасти», полностью заменяется словом *pastierka*, образованным от существительного *pastier* «пастух». Заметим, однако, что в чешском языке представлено также слово *pastýřka* при сохранении первого.

Имели место и иные типы изменений существительных на уровне словообразования.

(7) Vedľa nej stojí Božena, *vyhovateľka* ("воспитательница"; чеш. *vyhovatelka*, совр. слов. *vychovateľka*) [\[5, с. 31\]](#)

«Рядом с ней стоит Божена, воспитательница».

Существительное *vyhovateľka* «воспитательница» первоначально, как и в чешском языке (*vyhovatelka*), образовывалось от глагола совершенного вида *vyhovať*

«воспитать», а затем стало образовываться от глагола несовершенного вида *vychovávať* «воспитывать» (*vychovávateľka*).

(8) Žid vidiac, že je tam čosi podobné *štyrkrajciarníku*, vzal flašku a nalial žiadnej „tuhšej“ pálenky [5, c. 84]

«Еврей, видя, что там что-то похожее на монету достоинством в четыре крейцера, взял бутылку, но не налил более крепкого алкоголя».

Сложное существительное с числовым значением *štyrkrajciarník* первоначально образовывалось, как и в чешском языке, от количественного числительного (*čtyřkrejcarník*), которое позже заменило собирательное числительное (*štvorgrajciarník*).

(9) Už sama vari *dvadňová* cesta do Martina bola nám v peknom letnom čase skvostným pôžitkom... [7, c. 46].

«Уже сама двухдневная поездка в Мартин в погожее летнее время, пожалуй, доставила нам огромное удовольствие...»

Аналогичная замена количественного числительного в прилагательном *dvadňový* «двухдневный» основой собирательного числительного (*dvojďňový*) усилило контраст с соответствующим прилагательным в чешском языке (*dvoudenní*).

Фонетически близким, но иным по сути является изменение, представленное в следующем примере:

(10) A nie zriedka dostačí puhá táto kresťanská zmužilosť zmariť *svevoľu* a plány nepriateľov [5, c. 26]

«Нередко достаточно только одного христианского мужества, чтобы противостоять произволу».

Существительное *svevoľa* «произвол», безусловно, восходит к чешскому слову *svévole*, в котором первый компонент *své* представляет собой форму род. падежа ед. числа притяжательного местоимения *svá* «своя». В словацком же языке это местоимение, в отличие от чешского, имеет нестяженные формы (*svoja*, род. ед. *svojej*), в связи с чем первый компонент был заменен основой местоимения в словацкой огласовке (*svojoľa*).

Чрезвычайно интересен случай утраты словацким языком нейтрального существительного и превращение в таковое деминутива.

(11) Žijeme v dobe pohnutej, v ktorej veľké *búre* a prevraty nás očakávajú [5, c. 67]

«Мы живем в неспокойное время, в которое нас ожидают бури и перевороты».

В приведенном примере зафиксировано существительное *búra* «буря, гроза», аналогичное чешскому *bouře*. В современном словацком литературном языке ему соответствует слово *búrka*.

В некоторых словах в словацком языке произошло упрощение группы согласных, приведшее к модификации или полной утрате суффикса.

(12) ...a práve v tejto *nedieľnosti* viery a poslušnosti, ktorá všetko verí a zachováva [5, c. 34]

... и именно в этой неотделимости веры и послушания, которое во все верит и все

сохраняет».

Зафиксированное существительное *nediel'nosť* «неотделимость» коррелирует с чешским существительным *nedílnost*. В современном словацком литературном языке оно отсутствует, так как его заменило существительное *nedeliteľnosť*, образованное по иной словообразовательной модели.

В качестве инструментов дивергенции на уровне словообразования могли использоваться также префиксы.

(13) Z Nemecka prišla zpráva, že knieža Bismarck, tento železný kancellár, ktorý po tri desaťročia v *obore* (čes. *obor*, сущ. слов. *odbor*) politickom bol mužom v Európe opravdu najmocnejším, vzdal sa všetkých svojich úradov a utiahol sa na odpočinok [5, с. 59]

«Из Германии пришло сообщение, что князь Бисмарк, этот железный канцлер, который в течение трех десятилетий был действительно сильнейшим в Европе в области политики, подал в отставку со всех своих областей и ушел на пенсию».

В существительном *obor* «специальность» (чешск. *obor*) произошло изменение префикса (совр. слов. *odbor*). Вероятно, этому способствовала омонимия со словом *obor* «гигант, великан» (чешск. *obr*).

Нами был зафиксирован случай замены суффикса с одновременным появлением второго префикса, первоначально отсутствовавшего. Ср. примеры:

(14) Jakísi bezbožníci napadli nedávno pohrəbný *prôvod*, uchytili kríž s umrlčej truhly a hodili ho do rieky Tiberu [5, с. 154]

«Какие-то безбожники недавно напали на похоронную процессию, забрали крест с гроба покойника и бросили его в реку Тибр».

Rozhovor ten pretrhnuť *sprievodčí* vlaku na krátku chvíľu [9, с. 311]

«Этот разговор на короткое время прервал проводник».

Keď sa Rafael archanjel ponúknul mladému Tobiášovi za *sprievodcu* na cestu do Rages, šedivý otec Tobiáš, prv než by bol pustil syna svojho na cestu s ním, chcel vedieť, čo za človek je ten, čo chce byť *sprievodcom* jeho synovi [10, с. 227]

«Когда архангел Рафаил предложил себя молодому Тобиасу в качестве сопровождающего по дороге в Рэгес, седой отец Тобиас, прежде чем отпустить своего сына в путь с ним, захотел узнать, что за человек тот, кто хочет сопровождать его сына».

Зафиксированное слово *prôvod* «процессия, сопровождение», коррелирующее с чешским словом *průvod* и имеющее префикс *prô-/prů-* предполагает в словацком языке XIX в. существование существительного *prôvodčí* (чешск. *průvodčí*) «сопровождающий, проводник, кондуктор». В последнем, однако, сначала заменяется генетически чешский, хотя и словакизированный префикс и появляется второй префикс (*sprievodčí*), а затем заменяется и суффикс (*sprievodca*).

Уникальная дивергенция реализовалась не только в именах существительных, но и в других частях речи.

(15) Flavius prvý podstúpil smrť *mučednícku* z rozkazu cisára Domitiana, svojho

príbuzného... [4, с. 26].

«Флавий первым принял мученическую смерть по приказу императора Домициана, своего родственника...».

В прилагательном *mučedlnický* (ст. чешск. *mučedlnický*) [3] «мученический» произошло упрощение в обоих языках, но с отличиями: в словацком полностью утратилось сочетание *dl* (*mučenický*), тогда как в чешском – только согласный *l* (*mučednický*) [11].

(16) Deti obojeho pohlavia nižšie 12-ročné majú byť z práce v priemyslových závodoch vylúčené [5, с. 67]

«Детям обоих полов моложе 12 лет должна быть запрещена работа на промышленных предприятиях».

В прилагательном *priemyslový* (чешск. *průmyslový*) «промышленный» был заменен суффикс (совр. слов. *priemyselný*).

(17) Chceš-li, milý kresťane, mať šťastlivý nový rok, maj tie dve nevyhnutelne potrebné krídla, vieru a pokoj svedomia, a šťastne preletíš nad morom roku nastávajúceho [4, с. 2]

«Если ты хочешь, дорогой христианин, быть счастливым в новом году, имей два совершенно необходимых крыла, веру и спокойствие совести, и ты счастливо перелетишь море наступающего года».

Аналогичный процесс зафиксирован и в прилагательном *nevyhnutelne* (чешск. *nevyhnutelně*, совр. слов. *nevyhnutne*) «неизбежно».

(18) Konečne, čo je už síce vo výšuvodených pádoch *obsažené* (čes. *obsažený*, súc. slov. *obsiahnutý*), že totižto za prízvukovou hláskou na konci slova z dvoch neprízvučných slabík posledniumôže za prízvučnú považovať [5, с. 117]

«Наконец, и это уже содержится в вышеуказанных пунктах, из двух безударных слогов, следующих за ударным звуком, последний может считаться ударным».

Изменилась модель образования страдательного причастия у глаголов на -núť (-nuť), так как суффикс -en- был заменен суффиксом -t-; ср.: *obsažený* (чешск. *obsažený*, совр. слов. *obsiahnutý*) «содержащийся»

(19) Jak ďaleko siahala moravo-slovenská država Svatopluka I., tak ďaleko bola tiež cyrillo-metodejská cirkev slovanská *rozprestrená*... [4, с. 91]

«Насколько далеко простиралась моравско-словацкая держава Святополка I, настолько же была распространена кирилло-мефодиевская славянская церковь...»

Подобный же процесс наблюдался и у некоторых других глаголов, например *rozprestrený* (чешск. *rozprostřený*, совр. слов. *rozprestretý*) «распространенный».

(20) ... *uvykli* sme spatrovať ono znamenie význačné, ktorým katolíci od nekatolíkov sa rozoznávajú [5, с. 34]

«...мы привыкли замечать то важное знамение, по которому отличают католиков от некатоликов».

В глаголе *uvyknuť* (чешск. *uvyknuť*) «привыкнуть» был заменен префикс (совр. слов.

privyknúť, navyknúť).

(21) Avšak raz ti to ešte dovoľím, abych tvrdo s tebou *nezachádzala* (čes. *zacházet*, сущ. слов. *zaobchádzať*) [5, с. 30]

«Но я еще раз тебе это разрешу, чтобы она не обходилась с тобой сурово».

В глаголе же *zachádzať* (чешск. *zacházet*) «обходиться» появился второй префикс (совр. слов. *zaobchádzať*).

Таким образом, дивергенция чешского и словацкого литературных языков на словообразовательном уровне путем отдаления словацкого охватывала не только значительные массивы однотипно образованной лексики, но также проявлялась в небольших замкнутых группах или даже отдельных словах. При этом средства дивергенции были самыми разнообразными, хотя в наибольшей степени данные процессы охватили имена существительные. Способы дивергенции были разнообразными, но наиболее частым была замена или модификация суффиксов. Изучение данной проблематики является важным аспектом уяснения путей формирования лексического состава словацкого литературного языка в XX веке. Его результаты также важны для сопоставительного изучения чешского и словацкого языков на синхронном уровне.

Библиография

1. Лифанов К. В. Вытеснение богемизмов из лексического состава словацкого литературного языка с конца XIX в. // Die Welt der Slaven – Halbjahresschrift für Slavistik, Band 50, Heft 1, 2005. С. 71-82.
2. Лифанов К. В. Асимметричная дивергенция словацкого и чешского литературных языков // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20-27 августа 2018 г. Доклады российской делегации, место издания Институт славяноведения РАН Москва. С. 316-334.
3. Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1978 <https://vokabular.ujc.cas.cz/materialy/nlp/Synkova-2017/Synkova-2017-Priloha-A-Formalni-zmeny.pdf> (дата обращения: 14.11.2022)
4. Katolícké noviny. Trnava, 1889.
5. Katolícké noviny. Trnava, 1890.
6. Lifanov K. Asymetrická divergence spisovnej slovenčiny a spisovnej češtiny na slovotvornej rovine // Slovo a Slovesnost, r. 78, č. 4, 2017. S. 305-321.
7. Marothy Šoltésová E. Výbor zo spisov, Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1934.
8. Gierlová E. Kvety s kríža. Slovensky podáva Fr. Rich. Osvald, dekan-farár, censor deices, Trnava: Spolok sv. Adalberta (Vojtecha), 1910.
9. Svätá rodina. Turč. Sv. Martin, 1914.
10. Svätá rodina. Turč. Sv. Martin 1915.
11. Synková P. Popis staročeské apelativní deklinace (se zřetelem k automatické morfologické analýze textů Staročeské textové banky). Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2017. 461 s. <https://vokabular.ujc.cas.cz/informace.aspx?t=synkova-2017-popis-staroceske-apelativni-deklinace&o=aktuality> (дата обращения: 14.11.2022)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Целью рецензируемой статьи является выявление редких / уникальных типов дивергентных явлений в рамках чешского и словацкого литературных языков. Автор останавливается на словообразовательном уровне, ибо он, по мнению исследователя, наиболее полно и точно отражает данный процесс. Работа грамотно выстроена, большая часть информации имеет ярко выраженный практический характер. Заметна заинтересованность исследователя в раскрытии вопроса, так как аналитическая составляющая превалирует над собственно эмпирикой. Автор полно и точно дает оценку явлению дивергенции, объясняет суть этого процесса. Например, в следующем блоке это фактурно выражено: «Подобные изменения в наибольшей степени затронули имя существительное. Прежде всего имела место замена суффикса, аналогичного суффиксу в чешском слове. Приведем соответствующие примеры. (1) Iným zase znak a merítko opravdivej vzdelanosti sú školy. «Для других же признаком и мерилom реального образования являются школы». Употребленное в данном предложении существительное merítko является аналогом чешского слова měřítko «мерило, масштаб». В современном словацком литературном языке в этом значении употребляется слово meradlo, содержащее иной суффикс. (2) Aj priateľkuňa alebo priateľ. Ktorí deň i noc, slasť i strasť, trápenie i bolesť s nami delia. «И подруга или друг. Которые день и ночь, радость и горе, муки и боль разделяют с нами...». Существительное priateľkuňa «подруга» содержит суффикс, являющийся аналогом чешского суффикса, имеющего лишь фонетическое отличие (чешск. přítelkyně). Впоследствии он был вытеснен суффиксом -k(a): priateľka. (3) Teraz Vy máte pravdu, rečie náš starúšek, utlumiac v sebe rozjatrenú myseľ, a bolo bez svady. «Сейчас Вы правы, – говорит наш старичок, подавляя в себе раздражение, и ссоры не произошло». В зафиксированном слове starúšek «старичок» содержится суффикс -úšek, восходящий к чешскому -oušek (staroušek) и позже вытесненный суффиксом -ček (starček)» и т.д. Стиль работы соотносится с научным типом, термины и понятия вводятся в текст правильно, с учетом контекста. Наличного объема достаточно для того, чтобы раскрыть тему, цель исследования как таковая достигнута. В финале автор приходит к следующим выводам: «дивергенция чешского и словацкого литературных языков на словообразовательном уровне путем отдаления словацкого охватывала не только значительные массивы однотипно образованной лексики, но также проявлялась в небольших замкнутых группах или даже отдельных словах. При этом средства дивергенции были самыми разнообразными, хотя в наибольшей степени данные процессы охватили имена существительные. Способы дивергенции были разнообразными, но наиболее частым была замена или модификация суффиксов. Изучение данной проблематики является важным аспектом уяснения путей формирования лексического состава словацкого литературного языка в XX веке. Его результаты также важны для сопоставительного изучения чешского и словацкого языков на синхронном уровне». Материал актуален, самостоятелен, интересен; основные требования издания учтены, правка излишня. Статья «К вопросу о дивергенции словацкого и чешского литературных языков на словообразовательном уровне» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Михайленко А.Ю. — Текстовые перифразы в семантической структуре сентиментальной исторической повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.44178 EDN: MRLFUI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44178

Текстовые перифразы в семантической структуре сентиментальной исторической повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»

Михайленко Арина Юрьевна

ORCID: 0000-0001-9687-1490

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

119334, Россия, г. Москва, ул. Ленинский Проспект, 32 А

✉ arina.mikhaylenko@yandex.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.10.44178

EDN:

MRLFUI

Дата направления статьи в редакцию:

30-09-2023

Аннотация: Работа посвящена проблеме функционирования лексического образного средства художественной выразительности – перифраза в качестве неотъемлемого компонента семантической структуры художественного текста, созданного в русле эстетики сентиментализма в жанре исторической повести на фоне неугасающего процесса становления норм русского литературного языка в контексте языковой полемики рубежа XVIII–XIX вв. Исследование семантической структуры художественного текста предполагает анализ типов приемов номинации и их эстетического наполнения. Однако использование перифрастических выражений имеет определенную специфику, которая связана с их неоднородностью по тематической маркированности, структуре и объекту номинации. Предметом исследования являются перифразы, в работе представлена классификация перифразов повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» как произведения жанра сентиментальной исторической повести. На примере анализа текста повести рассмотрены перифрастические сочетания в тематических группах любовь и время (время/период: жизни, года), описаны модели

перифраз, метонимическая номинация, рассмотрены функции перифраз. Изучение функционирования перифразов ориентировано на определение места и роли, занимаемых данным приемом в семантической структуре текста. Актуальность исследования связана с выбором материала исследования – повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», рассмотрением его с целью выявления особенностей семантической структуры и обусловлена общим интересом современной лингвистики к вопросам интерпретации художественного текста, основанной на системно-функциональном подходе к изучению объекта.

Ключевые слова:

семантическая структура, перифраз, сентиментализм, историческая повесть, Карамзин, русский литературный язык, образность, структура образа, семантика, эстетика сентиментализма

Введение

Семантическая структура текста как система, «чувствительная» к воздействию экстралингвистических обстоятельств различного типа, на рубеже XVIII–XIX вв. имеет ряд уникальных черт. Означенный период характеризуется оживленным развитием жанровой системы русской художественной прозы, который на протяжении нескольких десятилетий сопровождается появлением большого числа новых авторов, расширением аудитории читателей, развитием эстетической чуткости как личности, воспринимающей словесное искусство, так и личности, его порождающей. Особое место в ряду прозаических жанров в заданный период занимает жанр сентиментальной исторической повести – в рамках которого впервые происходит соприкосновение документального и художественного компонентов повествования.

Анализ эстетического потенциала языковых единиц в составе семантической структуры произведения — актуальная проблема современной лингвистики, решение которой происходит в направлении, отмеченном в работах Л.А. Новикова, посвященных эстетической функции художественного текста: «Поэтическая или эстетическая функция характеризуется направленностью на само сообщение...» [\[1, с. 494\]](#). Родовым признаком художественного текста становится возбуждение им творческого восприятия сообщения у читателя, который должен превратить поэтический контур в воспринимаемый образ. «Эстетическая функция языка, его поэтичность, характеризующиеся развитой системой метафоричности, семантической многоплановости, исторически восходят к мифологии...» [\[1, с. 498\]](#). Обобщенный инструментарий средств выразительности текста художественного произведения и комментарии к выражаемой ими интенции автора составляют его семантическую структуру.

Центральные положения эстетической системы сентиментализма:

- вслед за сенсуализмом, фокус внимания переходит на чувственную сферу человека;
- идеализируются чувствительные герои, которые видят мир через свои переживания;
- взгляд на мир передается с усилением личностного начала рассказчика, который ведет доверительную беседу с читателем.

Сентиментализму в искусстве в целом свойственно стремление к созерцательности. В

художественном тексте эта тенденция проявляется в замене глагола оборотом, состоящим из словосочетания или синтагмы, при замене происходит потеря предикативной связи, что приводит впечатление отсутствия действия. Важной особенностью организации повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» становится присутствие перифразов лишь в речи рассказчика, диалоги моделированы другими языковыми средствами. Перифрастические выражения делают текст протяженным и придают ему особую созерцательность; с одной стороны они демонстрируют возможности языка, а с другой стороны – вызывают движение эстетического чувства читателя. Перифразы частотны во вступительной части повести.

Известно, что в XVIII веке русская литература переживает период подъема, который под влиянием французской сентиментальной литературы сопровождается изменением предпочтительных стилистических инструментов, в частности, возрастанием частотности перифразов в художественном тексте: «Развивались отвлеченные, переносные значения, не вытекавшие непосредственно из семантической системы русского языка и находившие полное соответствие только в семантических свойствах французской речи» [2, с. 177]. Французская словестическая традиция рассматриваемого периода характеризуется умением изящной номинации, необычным соединением слов с целью создания красивой формы, соревнованием в иносказательном обозначении. Перифразы французской сентиментальной литературы являются стилеобразующим элементом, создающим эмоциональность повествования [3]. Перифразы представляют собой особый способ номинации объекта, в котором содержится интенция создания образа; перифразы рассматриваются в лингвистической литературе как признак принадлежности литературного произведения к одному из двух литературных направлений: классицизму и сентиментализму [4, с. 69].

Перифраз как предмет лингвистических исследований

Перифраз в лингвистической литературе рассматривается в таких аспектах, как:

- средство создания образности, троп, однако необходимо отметить дискуссионность отнесения перифраза, не содержащего метафорический перенос, к тропам [5];
- способ номинации, под которым понимается словесное выражение, являющееся результатом коммуникативно мотивированной, вторичной, признаковой мотивации [4]; развернутое оформление смыслового отрезка, свободно и спонтанно рождающееся иносказательное выражение мысли, далекое от стереотипности и штампа [6];
- троп, характеризующий определенное литературное направление [2; 4].

Перифраз рассматривался также в аспекте этимологии [7] в функциональном аспекте [8; 9], как реализация языковой личности [10] и др.

В проведенном исследовании перифрастических средств сентиментальной исторической повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» [11] перифразы нами были разделены на типы по следующим основаниям: 1) тематические группы перифразов; 2) модели построения перифразов; 3) функции перифразов.

Тематические группы перифразов

По объекту номинации мы можем классифицировать перифраз как

· называющий **предмет** (*глубин снежных* в значении 'сугробы'):

(1) «Уже лошади начинали утомляться и с трудом вытаскивали ноги свои из **глубин снежных**» [11, с. 643];

· **чувство** / эмоциональное состояние (например, *огромный храм, в который тысячи людей, мужчин и женщин, спешили с радостными лицами, держа друг друга за руку – 'любовь'*):

(2) «Иногда же воспаленным мыслям ее представлялся **огромный храм, в который тысячи людей, мужчин и женщин, спешили с радостными лицами, держа друг друга за руку**» [11, с. 631];

· **признак предмета или явления** (*лучезарный день* в значении 'счастливый'):

(3) «<...> взглянуть на златоглавую Москву, с которой **лучезарный день** снимал туманный покров ночи» [11, с. 626];

· **период** / время жизни человека (*наступление жизненного вечера* в значении 'старость' и др.):

(4) «<...>уже тихое трепетание сердца возвещало **наступление жизненного вечера** и приближение ночи» [11, с. 625];

· **действие** (*сгустился мрак в воздухе* в значении 'стемнело'):

(5) «Луна опустилась – уже часть ее зашла за круг земной – **мрак** в воздухе **сгустился** – петухи запели – месяц исчез, и серебряным кольцом брякнули в боярские ворота» [11, с. 641];

Повесть Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» принадлежит к художественным произведениям сентиментального направления, что объясняет большое внимание автора к описанию чувств и переживаний главных героев произведения (Натальи Андреевой и Алексея Любославского, боярина Матвея Андреева, няни Натальи Андреевой).

Тематическая группалюбовь представлена несколькими типами перифраз. Так, оценивая любовь как наивысшее по эмоциональному проявлению чувство, автор использует ряд перифраз, имеющих в своей основе семантику огня для указания на яркое, сильное, всепоглощающее чувство:

· *вливать огонь в сердце* – 'вызвать сильную любовь':

(6) «Ты же первым взглядом **влила** какой-то **огонь** в мое **сердце** <...>» [11, с. 648];

перифраз *вливать огонь в сердце* имеет значение 'вызвать сильную любовь', в номинации использовано существительное *любовь*, которое является ядерной единицей лексико-семантической группы, реализующей образ огня.

Идею номинации любви с помощью единиц лексико-семантической группы, реализующей образ огня, продолжают эпитеты, например,

· *любить пламенно*:

(7) «И кто, **любив пламенно** в жизни своей, не поступил ни в чем против строгой нравственности, тот — счастлив!» [11, с. 640];

· кипящее сердце:

(8) «<...> и в тех и в других изображались пламенные чувства, любовь **кипящее сердце**» [\[11, с. 638\]](#);

· огненные пламенные глаза:

(9) «При сих словах, произнесенных твердым голосом, он встал и смотрел **огненными, пламенными глазами** на красавицу» [\[11, с. 640\]](#);

эпитет **смотрел огненными пламенными глазами** имеет значение 'смотрел влюбленно', в его образовании употреблены два прилагательных с семой 'огонь'.

Ко второму типу относятся перифразы с использованием метонимического обозначения любви через другие чувства, например:

· новое восхищение – в контексте 'с любовью':

(10) «Алексей обнял ее **с новым восхищением**» [\[11, с. 640\]](#);

перифраз **с новым восхищением** строится с использованием номинации эмоционального чувства высшего удовлетворения, восторга в сочетании с прилагательным, маркирующим возникшее чувство;

· привлечь душу – в контексте повести в значении 'влюбиться с первого взгляда':

(11) «Ты же первым взглядом влила какой-то огонь в мое сердце, первым взглядом привлекла к себе душу мою, которая тотчас полюбила тебя, как родную свою» [\[11, с. 648\]](#);

перифраз **привлечь душу** построен с использованием номинации душа, т.е. указывается на сущность человека, обуславливающую его способность чувствовать;

· истинная чувствительность – 'истинная любовь':

(12) «Тогда молодой человек начал говорить — не языком романов, но языком **истинной чувствительности**» [\[11, с. 638\]](#);

перифраз **истинной чувствительности** построен с использованием лексической единицы чувствительность, которая частотна в сентиментальной литературе, поскольку изображение чувств и переживаний героя является центральным элементом литературного произведения данного стиля. Особенно важная для автора сентиментального произведения обостренная способность понимать чувства у женщин (см. пример 13). В примере 12 использована однокоренная лексическая единица чувствительного, модель – метонимический перенос в номинации любви на другое чувство;

· чувствительность – 'любовь':

(13) «Ты меня спрашиваешь? – сказала она с чувствительностью – в контексте 'с любовью'» [\[11, с. 640\]](#);

· чувствительный – в контексте 'любящий':

(14) «а что всего более — оставить доброго, чувствительного, нежного отца...» [\[11, с. 640\]](#);

[6401](#).

Наибольшее внимание Н.М. Карамзин уделяет (сюжетно и образно) любви главной героини. Приведем примеры перифразов, номинующих любовь главной героини:

· *огромный храм, в который тысячи людей, мужчин и женщин, спешили с радостными лицами, держа друг друга за руку – 'любовь':*

(15) «Иногда же воспаленным мыслям ее представлялся **огромный храм, в который тысячи людей, мужчин и женщин, спешили с радостными лицами, держа друг друга за руку**» [\[11, с. 631\]](#);

· *видеть, что в мерцании отдаленной зари, носится какой-то образ, прелестный, милый призрак, который манит к себе ангельскою улыбкою и потом исчезает в воздухе – 'предчувствовать любовь':*

(16) «<...> часто казалось ей (не только во сне, но даже и наяву), что перед нею, **в мерцании отдаленной зари, носится какой-то образ, прелестный, милый призрак, который манит ее к себе ангельскою улыбкою и потом исчезает в воздухе**» [\[11, с. 631\]](#);

· *любимец души – 'любимый человек':*

(17) «Наталья потревожилась восклицанием няни, схватила Алексея за руку и, смотря ему в глаза с некоторым беспокойством, но с полною доверенностью **к любимцу души** своей, спросила» [\[11, с. 631\]](#);

• *стоять в притворе храма – 'не иметь любимого человека':*

(18) «Наталья хотела также войти в него, но невидимая рука удерживала ее за одежду, и неизвестный голос говорил ей; **«Стой в притворе храма; никто без милого друга не входит в его внутренность»**» [\[11, с. 631\]](#).

Еще одним рядом примеров являются перифразы, номинующие временной отрезок, время года:

· *год перевернулся на оси своей – 'наступил противоположный сезон (лето-зима, весна-осень)'*

(19) «Время и в старину так же скоро летело, как ныне, и, между тем как наша красавица вздыхала и томилась, **год перевернулся на оси своей** <....>» [\[11, с. 632\]](#);

в данном примере употреблен перифраз, маркирующий смену астрономического времени года;

· *грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой и дохнула вьюгами на русское царство – 'наступила зима':*

(20) «<...> зеленые ковры весны и лета покрылись пушистым снегом, грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой и дохнула вьюгами на русское царство, то есть зима наступила <...>» [\[11, с. 632\]](#);

все предложение примера 20 можно отнести к перифразу со значением 'наступила зима'.

Необходимо отметить существующее пересечение перифрастируемых образов на уровне

значений перифраз, так, перифраз *светило* одновременно входит в структуру двух образов (*солнце* и *жизнь*), объединяя их:

· *светило* – ‘солнце’:

(22) «Лишь только первые лучи сего **великолепного светила** показывались из-за утреннего облака, изливая на тихую землю жидкое, неосязаемое золото <...>» [\[11, с. 627\]](#);

здесь перифраз *светило* имеет значение ‘солнце’, конкретное понятие, материальный объект действительности. Лексема *светило* встречается и других контекстах. Однако в сочетании с определением *заходящее* лексема сама становится объектом номинации со значением ‘время конца жизни’:

(23) «Он идет вперед бестрепетно, наслаждается последними лучами **заходящего светила**, обращает покойный взор на прошедшее и с радостным — хотя темным, но не менее того радостным предчувствием заносит ногу в оную неизвестность» [\[11, с. 625\]](#);

· **восход дневного светила** – ‘время начала жизни’:

(24) «Очи твои сияют, как солнцы; уста твои алеют, как заря утренняя, как вершины снежных гор при восходе **дневного светила**, – ты улыбаешься, как юное творение в первый день бытия своего улыбалось, и в восторге слышу я сладко-гремящие слова твои: "Продолжай, любезный мой праправнук!"» [\[11, с. 623\]](#). В последнем контексте *светило* также выступает в роли объекта номинации. Перифрастическое сочетание **восход дневного светила** даёт значение ‘время начала жизни’.

Модели построения перифразов

На материале проанализированных примеров нами были выделены следующие модели построения перифразов:

- прилагательное + существительное, в словосочетании сохраняется значимость каждого члена, например: *кипящее сердце* со значением ‘любящее сердце’;
- прилагательное + существительное с общим значением, например: [лучи] *великолепного светила* со значением ‘солнце’;
- несколько зависимых слов + существительное с общим значением, например: *гостеприимным жителям волжских берегов* ‘татары’;
- глагол (глагольная форма) + управляемое существительное в сочетании с прилагательным с общим значением, например: *заснула вечным сном* ‘умерла’;
- глагол (глагольная форма) + управляемое существительное в сочетании с существительным с сохранением значения каждой частью, например: *примчаться на облаке с того света* – ‘явиться в мир живых’;
- перифраз, имеющий в составе номинации определяемое слово, например: *Москвы белокаменной*;
- перифраз, не имеющий в составе номинации определяемого слова, например: *в страну, где река Свияга вливается в величественную Волгу и где многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету* ‘Казанское ханство’.

Функции перифразов

На материале проанализированных примеров нами были выделены следующие функции перифразов:

– выделение признака, объекта, действия в предложении: *на быстрых крыльях воображения*:

(25) «По крайней мере, я люблю сии времена; люблю **на быстрых крыльях воображения (объект) летать (действие) в их отдаленную мрачность** <....>» [\[11, с. 622\]](#);

В данном примере перифраз *на быстрых крыльях воображения* со значением 'создание новых представлений в уме на основе переработки имеющихся; фантазия' выделяет действие, выраженное также перифразом *летать в их отдаленную мрачность* в значении 'вспоминать прошлое';

– соиспользование перифразов: *юное творение* + *в первый день бытия своего*

(26) «<....>ты улыбаешься, как **юное творение в первый день бытия своего** улыбалось, и в восторге слышу я сладко-гремящие слова твои: "Продолжай, любезный мой праправнук!"» [\[11, с. 623\]](#);

в анализируемом примере перифраз **в первый день бытия своего** в значении 'день, момент рождения' сочетание с перифразом *юное творение* в значении 'новорожденный ребенок' выражают единую идею 'новый, только что появившийся, чистый';

– «размывание» прямого номинируемого признака предмета, объекта, чувства, содержания номинации: *в области теней, в царстве воображения*:

(27) «Чтобы облегчить немного груз моей памяти, намерен я сообщить любезным читателям одну быль или историю, слышанную мною **в области теней, в царстве воображения**, от бабушки моего дедушки, которая в свое время почиталась весьма красноречивою и почти всякий вечер сказывала сказки царице NN» [\[11, с. 623\]](#);

перифразы *в области теней, в царстве воображения* в значении 'очень давно', употребленные как однородные члены предложения, «размывают» указание на время, выраженное фразой *услышанную от бабушки моего дедушки*, что также имеет значение 'очень давно';

– *заносить ногу в оную неизвестность* – 'ожидать смерть':

(28) «Он идет вперед бестрепетно, наслаждается последними лучами заходящего светила, обращает покойный взор на прошедшее и с радостным – хотя темным, но не менее того радостным предчувствием **заносит ногу в оную неизвестность**» [\[11, с. 625\]](#).

Заключение

Исследование показало, что историческая повесть Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» содержит перифразы разной тематической представленности (любовь и время), различающиеся по объекту номинации (предмет, чувство, признак, период, действие); перифразы, отличающиеся по структуре (прилагательное + существительное; прилагательное + существительное с общим значением; несколько зависимых слов + существительное с общим значением; глагол (глагольная форма) + управляемое

существительное в сочетании с прилагательным с общим значением; перифраз, имеющий в составе номинации определяемое слово; перифраз, не имеющий в составе номинации определяемого слова и перифраз, образованный синтагмой). По функциям перифразы классифицируются на выделяющие признак, объект, действие в предложении; сочетающиеся с другими перифразами; размывающие прямой номинируемый признак предмета, объекта, чувства, содержание номинации.

Таким образом, перифразы наряду с номинацией объектов являются центральным средством семантической структуры произведения, его стилеобразующим элементом, инструментом создания поэтической образности, а само произведение характеризуется как историческая сентиментальная повесть.

Библиография

1. Новиков Л. А. Избранные труды. Т.1: Проблемы языкового значения. Т.1. М.: УРСС, 2001. 672 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1934. 287 с.
3. Грехнева Л. В. Особенности перифрастической номинации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6–2. С. 207–210.
4. Грехнева Л. В. Перифрастические обозначение чувств и эмоциональных состояний в русской литературе кнца XVIII–начала XIX вв. // Вестник Новгородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 69–72.
5. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997.
6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.
7. Кожарина Т. В. К портрету французской культуры: исследование степени известности и частотности топонимов во вторичном значении // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2014. № (2). С. 83–88.
8. Чередниченко Ю. Е. К вопросу о функциональном аспекте перифраз // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 96–101.
9. Сидиров И. А. О функциональном подходе к перифразе // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 149–155.
10. Гузи Л. Языковая личность и перифраз // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 36–47.
11. Карамзин Н. М. Наталья, боярская дочь // Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 622–660.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Текстовые перифразы в семантической структуре сентиментальной исторической повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является

актуальной, ввиду обращения автора к изучению стилистических особенностей указанного жанра.

Автор рассматривает типы текстового перифраза и их реализацию в рассматриваемом художественном тексте.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: метод сплошной выборки, методы дефиниционного и лексико-семантического анализа, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

В качестве источника материала исследования была взята историческая повесть «Наталья, боярская дочь» Н. М. Карамзина.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам на иностранных языках по смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Текстовые перифразы в семантической структуре сентиментальной исторической повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лян Ц. — Байронические мотивы в образе Раскольникова // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68858 EDN: MSXMJS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68858

Байронические мотивы в образе Раскольникова

Лян Цзыхэн

ORCID: 0009-0000-4117-8479

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра "История русской литературы", Московский Государственный Университет

101000, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 31к3

✉ 1026723455@qq.com

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.10.68858

EDN:

MSXMJS

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2023

Аннотация: В статье рассматриваются черты байронизма в герое Раскольникова. На основе анализа произведений Байрона и его персонажей сделана попытка обобщить основные черты этого типа характеристики байронического героя. Через сравнение с «байроническими героями» и их внутренним миром анализируется более конкретно и точно характер Раскольникова. При этом сравниваются образы героев разных исторических периодов, разных национальностей и разных литературных направлений, анализируются сходства и различия между ними. На основе сравнения делается попытка выявить и обобщить байронические черты, присутствующие в характере Раскольникова. При проведении исследования применены сравнительно-исторический подход, методы обобщения, интерпретации результатов. Научная новизна исследования заключается в том, что в ходе работы были выявлены особенности образа Раскольникова в аспекте такого литературного направления, как романтизм. Также в статье анализируется рецепция Байронических героев в русской литературе именно в реалистическом произведении. Основными выводами исследования являются в том, что Раскольников, хотя и предстает в творчестве Достоевского как реалистический

персонаж, он вполне может рассматриваться как преемник байронического героя. Результаты исследования вносят вклад в изучение образа Раскольникова во всей его сложности и противоречивости. Кроме того, выводы статьи также можно использовать при изучении литературно-философской позиции Достоевского в целом.

Ключевые слова:

романтическая литература, байронические герои, романтические образы, создание Достоевского, особенные образы персонажей, Раскольников, байронические мотивы, самосознание, бунтарь, рецепция романтической литературы

введение

Роман Достоевского «Преступление и наказание» — одна из вершин русского реализма XIX века и один из шедевров Ф.М. Достоевского. Хотя «Преступление и наказание» является реалистическим произведением, уникальное психологическое описание и полифоническая структура, созданные гениальным Достоевским, делают это произведение в некотором смысле выходящим за рамки традиционного реализма. Однако, помимо отличного продолжения русской реалистической литературы XIX века, в романе можно увидеть и заимствование идей из литературных направлений, предшествовавших реализму. Иными словами, во многих персонажах и сюжетных линиях романа читатель видит проблематику многих философских школ и их авторскую разработку. Именно это Бахтин называет красотой полифонических романов Достоевского.

В «Преступлении и наказании» перед нами предстает молодой и перспективный студент университета, богато одаренный интеллектуально и с добрым сердцем, но из-за нужды он бросает учебу и живет один в простой и тесной мансарде в столице. В результате он начинает бунтовать против общества и мира и совершает ужасное преступление, руководствуясь «теорией сверхчеловека», им самим сочиненной. В Раскольникове присутствуют конкретные и узнаваемые романтические мотивы — а именно черты «байронического героя». Их мы и проанализируем в данной статье.

Основная часть

Джордж Гордон Байрон — великий английский поэт-романтик начала XIX века, который за свою короткую жизнь оставил миру множество стихотворений и поэм. Наиболее известными из последних являются поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Дон Жуан» и др. В этих произведениях, получивших название «лирические эпопеи», Байрон творчески включает в свои произведения личный опыт путешествий по европейским странам, широкомасштабно и глубокими мазками рисует обширную и величественную картину трагической борьбы поэта с обществом, живописуя «титанический» настрой поэта, его гордый и смелый вызов деспотизму.

«Байронические герои» относятся к уникальному типу персонажей. Мысли и характеры этих людей часто противоречивы: с одной стороны, они любят жизнь, стремятся к счастью, обладают пламенными страстями и гениальностью и сильным характером; в то же время они отрицают несправедливый социальный строй, поэтому они бунтари по натуре. Они всегда независимы от общества и толпы, замкнуты и непокорны, в борьбе одиночки, не имеют четкой цели и плана, часто совершают крайние поступки, поэтому их борьба заканчивается неудачей. В «Восточных поэмах» Байрона таких персонажей

много: пираты, офицеры, молодые дворяне и т.д. Через их борьбу Байрон показывает свою бескомпромиссность и бунтарский дух по отношению к обществу. Мировоззрение и черты характера этих персонажей, по сути, являются отражением натуры самого Байрона. Именно поэтому в истории литературы эти персонажи получили наименование «байронических героев».

Социально-политические идеи Просвещения вызвали Французскую революцию, которая сформировала Наполеона. А в смысле культурных изменений Просвещение породило романтическое движение, пик которого пришелся на творчество Байрона. Если в Наполеоне сосредоточились идеалы европейской буржуазной революции и ее итоги, то Байрон стал кульминацией критики старой культуры, начиная с эпохи Просвещения [\[1, с. 21\]](#). Кажется, что между Наполеоном и Байроном нет никакого сходства, но на самом деле, с точки зрения культурных изменений, Байрон—это действительно «Наполеон», сместивший всё в области духовной культуры. Его «байронические герои» утвердили новые, индивидуалистические культурные ценности. Причем эта концепция не ограничивалась литературной сферой, а распространялась и на целый ряд духовных сфер, таких как общество, политика, философия и т.д., как все более целостное идейное единство. Поэтому неудивительно, что влияние байронизма прослеживается в таком произведении, как «Преступление и наказание», главный герой которого является поклонником Наполеона

Рассел указывает на глубокое различие между Байроном и Руссо: «Руссо ценит добродетель, пока она проста, а Байрон одобряет грех, пока он громогласен» [\[3, с. 303\]](#). «Восхваления греха»—это, собственно, не только отличие между Байроном и Руссо, но и отличие между Байроном и всеми писателями, начиная с эпохи Просвещения до его времени. Влиятельность идей Байрона, включая богоборчество и «восхваление греха», берет начало в личном характере английского поэта. Наиболее очевидной характеристикой байронических героев должно быть «бунтарство». их бунт направлен не только против конкретной социальной власти и государства, но и распространяется на область общественной мысли, герои также яростно восстают против социальных норм и обычаев. В конце концов это восстание перерастает в своеобразный бунт против абстрактной судьбы и мира, и этот бунт против судьбы воплощается в произведениях поэтов в виде некоего социального протеста. Например: путешествие Гарольда в горы, прочь от общества, или вызов Манфреда своей смертью человеческой судьбе.

В то же время байронический герой глубоко трагичен. Трагедия байронических героев заключается в крахе их идеалистических устремлений. Эти герои часто полны страсти к осуществлению своих внутренних идеалов, смело восстают против мира, но в итоге не могут избежать неудачи или даже смерти. Важной причиной неудачи байронических героев в их бунтарстве является их индивидуализм: борьба этих персонажей является обособленной и потому обреченной. Индивидуализм означает и ограниченность, поскольку они пытаются самостоятельно исследовать, познать идеальный мир, бороться со перманентным злом реального мира и надеяться на улучшение бедственного положения всего человечества. Это само по себе нереально и не соответствует законам природы: сила отдельного человека никогда не может быть больше масштабов общественного бытия, поэтому трагический конец байронического героя неизбежен. В «Паломничестве Чайльд-Гарольда» написано: «Но часто в блеске, в шуме людных зал/Лицо Гарольда муку выражало. Отвергнутую страсть он вспоминал/ Иль чувствовал вражды смертельной жало — Ничье живое сердце не узнало. Ни с кем не вел он дружеских бесед. Когда смятение душу омрачало, В часы раздумий, в дни сердечных бед/Презреньем он встречал сочувственный совет» [\[6, с. 9\]](#). В этом проявляется и

отношение поэта к идеальному миру: он борется и исследует его с самым пылким энтузиазмом, но, как бы ни старался: «Наперекор грозе и мгле/В дорогу, рулевой! Веди корабль к любой земле/Но только не к родной! Привет, привет, морской простор/И вам— в конце пути—Привет, леса, пустыни гор! Британия, прости!» [\[6, с. 12\]](#). Но в конечном итоге может лишь претерпевать неизбежный крах. Байрон ожидает от человечества полной свободы, но он живет в то время, когда экзистенциальная свобода человека в принципе не может быть реализована. Весь капиталистический мир основан на ликвидации человеческой свободы. Трагедия, показанная в произведениях Байрона, заключается не столько в его негативности, сколько в глубине его осознания. Причина, по которой байронические герои выбирают борьбу с миром с помощью личной силы, заключается в другой глубинной интенции байроновских персонажей: стремление к самосознанию.

В романтической литературе задача «найти самосознание и осуществить самосознание» является одной из центральных, но реальное «самосознание» имеет два проявления, точнее, две разные высоты «самосознания». Первая—это некий жизненный инстинкт, который скрыт в духовном мире человека на неглубоком уровне, это инстинктивное стремление, независимо от национальной культуры, религиозного убеждения, пола и возраста. Это подсознательное инстинктивное стремление к сильным чувствам, желаниям, эмоциям и переживаниям. Вообще говоря, большинство произведений романтической литературы отражает «стремление к себе» именно на этом уровне, они в основном преследуют возвращение чувственного содержания человека в социальную жизнь и прочную позицию, не хотят подавлять и скрывать из-за социальной реальности истинные чувства собственного сердца, желают и празднуют свободу человеческого сердца и положительные эмоции. Однако «самосознание», чаемое байроническим героем, имеет и вторую, более важную сущность. Если первая реализация «самосознания» находится в человеческом подсознании, корнящемся в человеческой физиологии и чувственности, то второе «самосознание»—это бытие мыслящей личности, которая духовна, вторичное обретение воли жизни. Человек не может определить свою врожденную внешность и психологический характер, но он может решить, каким человеком он должен стать впоследствии. В этом смысле «поиск самосознания»—это не поиск уже существующего, но скрытого или нераскрытого бытия, а действие, направленное на придание нового смысла своей жизни. Поэтому второй уровень «поиска самосознания» требует от человека быть выше личной жизни, быть подлинным хозяином жизни, а не «сконструированным человеком» в соответствии с врожденно данными условиями. В некоторых случаях жизнь—это цена, которую необходимо заплатить, чтобы создать новый смысл. Поэтому те, кто стремится к такому «вторичному самосознанию», часто испытывают в жизни сильное одиночество и боль, поскольку борются не только с внешней социальной реальностью, но и с самой жизнью. Муки и страдания, которые приносит человеку эта борьба, гораздо сильнее, чем трудности, возникающие в связи с поиском «первого самосознания». Как сказано в древнекитайской книге «Мэнцзы»: «Если судьба ниспошлет человеку великую задачу, она должна прежде всего страдать его сердцами и умами, трудиться его костями и мышцами, морить голодом их тела и кожи, опустошать их тела и действовать так, чтобы не нарушить того, что они сделали. Поэтому сердце должно быть подвинуто на то, чтобы вытерпеть и обрести то, чего он не может» [\[5, с. 355\]](#).

Отсюда следует, во-первых, что байронические герои, несомненно, несут в себе стремление к первичному виду «самосознания»—как и герои других поэтов-романтиков. Но в то же время в них есть и вторичный, более высокий уровень «самосознания».

Одинокие байронические героине стремятся спастись за счет самоизоляции, не пытаются изменить свое одинокое положение путем борьбы с политикой и обществом. Они просто полны решимости двигаться вперед по пути создания ценности своей жизни, преодолевая все препятствия, которые им встречаются (включая, но не ограничиваясь социальными реалиями и традиционным человеческим мышлением, культурными практиками и т.д.), и до конца жизни постигают смысл жизни через страдание от одиночества и боли: «Возникла жизнь—ей бремя не стряхнуть. Корнями вглубь вонзается страданье/В бесплодную, иссушенную грудь. Но что ж—верблюд несет свой груз в молчанье!» [\[6, с. 311\]](#). Манфред в одноименном произведении, даже когда смерть уже неминуема, все еще не желает попасть в рай, приняв покаяние, или продать душу дьяволу и выжить. Он умирает, не желая ни уступать небесам, ни склоняться перед дьяволом, и остается непоколебимым в своем стремлении до самой смерти. С внешней точки зрения Манфред сопротивляется всему, что есть в этом мире, и подчиняется только тому «самосознанию», которое он преследует—в этой силе воли и заключается очарование этого характера и стремления.

После определенного осмысления самого Байрона и «байронического героя» для рассмотрения произведения «Преступление и наказание» нетрудно заметить, что, хотя Раскольников и является героем реалистического романа, но в его образе присутствуют черты байронического героя, в его адаптации к российской действительности. Главным свидетельством романтической подосновы образа Раскольникова является его увлеченность фигурой Наполеона, который был центральной фигурой для всей эпохи романтизма и кумиром лично Байрона.

С точки зрения романтической идеологии, Байрон—символ индивидуализма, единственный человек в новую эпоху, который стал «сверхчеловеком», возвысился над миром и достиг совершенной свободы, полной самореализации и могущества.

Вся теория Раскольникова строится на чисто романтическом мировоззрении, для которого характерны индивидуализм, самовозвеличивание и презрение к людям, конфликт с обществом и миром.

С точки зрения общественного статуса персонажей, байронические герои делятся на две основные категории: это молодые аристократы, такие как Чайльд Гарольд и Дон Жуан, и различные маргинальные персонажи из «Восточных поэм», среди которых пираты, язычники, изгнанники и т.д. Очевидно, что в Раскольникове сочетаются эти два типа: с одной стороны, это молодой студент, бросивший учебу в большом городе из-за бедности и тяжелой жизни. Но, несмотря на бедную жизнь, он обладал благородством, аристократической внешностью и выдержанным темпераментом: «Он был очень красив, с прекрасными темными глазами и темно-русыми волосами, выше среднего роста, худой и ровный» [\[4, с. 4\]](#). Раскольников обладал качествами и характером молодого и влиятельного аристократа, но в то же время вел жизнь представителя низших слоев общества. Это сочетание двух видов «байронических героев» с точки зрения самобытности образа. Именно такое сочетание различных слоёв является большой удачей Достоевского при создании главного героя. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского» утверждает, что «Герой Достоевского не объектный образ, а полновесное слово, чистый голос; мы его не видим, мы его слышим; все же, что мы видим и знаем, помимо его слова, не существенно и поглощается словом, как его материал, или остается вне его, как стимулирующий и провоцирующий фактор» [\[10, с. 31\]](#). «Преступление и наказание»—произведение, созданное Достоевским, но сочетание двух байронических героев, как в романе, так и в реальной России, можно увидеть только в

таком человеке, как Раскольников. В то же время, такое сочетание не является не случайностью, а ключевым моментом, в котором реальный мир совпадает с созданным миром. Так как Раскольников был бедным и находился в самом социальном низу, у него появились недовольство реальностью и обществом и желание изменить мир. Эти недовольства и желания для человека, находящегося на дне общества, в конечном счете являются лишь личными переживаниями и мотивом совершения преступления. Но Раскольников отличается от обычного человека со дна общества: будучи студентом, он знаком с новейшими европейскими идеями, которые дают ему возможность реализовать свою теорию. В то же время именно из-за того, что он считает себя сверхчеловеком, рождается у него бунтарство, а не смирение. Бунтарство байронического героя исходит от внутренней страсти самого Байрона, но бунтарство Раскольникова не исходит от Достоевского, а рождается естественно в относительно объективном мире. А такую черту мы не увидим в байронических героях.

Во-вторых, у Раскольникова, как и у байронического героя, происходит поиск самосознания. Но разница в том, что сначала жизнь заставляет Раскольникова жить в маленькой, темной каморке, пассивно изолированным от человеческого общества. До этого момента Раскольников не проявлял явных черт романтического героя. Однако, прожив некоторое время в каморке, герой начинает уподобляться байроническому герою. Нужно заметить, что у характера бунтарства Раскольникова прямая причина— бедность и изоляция от людей; а у байронических героев нет такой причины, им присущи бунтарство. «Но вдруг, в расцвете жизненного мая/Заговорило пресыщенье в нем/Болезнь ума и сердца роковая/И показалось мерзким все кругом: Тюрьмою— родина, могилой — отчий дом» [\[6, с. 8\]](#). Из-за собственной бедности Раскольников начинает задумываться и пересматривать отношение к своему окружению и обществу, и одной из важнейших идей, повлиявших на его переосмысление общества, несомненно, является анархизм и философия сильного человека. «С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь» [\[4, с. 64\]](#). Идея, которую он случайно услышал в ресторане, придавала ему еще больше решимости. Под влиянием этих идей у Раскольникова изменился взгляд на все человеческое общество. Суть «теории сверхчеловека» Раскольникова заключается в том, что, сосредоточившись на себе и достигнув идеала самообожествления, он превзойдет и себя прежнего, и всех остальных людей. Однако каждый индивид в человеческом обществе является хозяином воли к жизни, и какой бы сильной ни была его воля, одному человеку невозможно превзойти всех людей. Поэтому теория сверхчеловека обречена на провал, даже такой могущественный человек, как Наполеон, не смог избежать поражения при Ватерлоо. Но чрезмерная индивидуалистическая ограниченность Раскольникова не позволила ему увидеть истинный смысл и итог философии сверхчеловека. В то же время была и другая причина его стремления стать сверхчеловеком—любовь к человечеству. Да, хотя в его теории большинство людей в мире—это необходимые жертвы на пути к сильному. Но, оглядываясь назад, можно сказать, что цель сверхчеловека для Раскольникова— исправить и улучшить все общество после того, как он станет такой же фигурой, как Наполеон, чтобы больше людей не страдали от мук и боли жизни, как он сам: «Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит! Жертву-то, жертву-то обе вы измерили ли вполне? Так ли? Под силу ли? В пользу ли? Разумно ли?» [\[4, с. 44\]](#) К этому ведет вся его теория. Это касается и помощи Раскольникова матери и сестре, и другу Разумихину, и семье Мармеладовых, о которых идет речь в романе, Раскольников несет в своем сердце глубокую любовь к человечеству. Поэтому «сверхчеловек», которым

хочет стать Раскольников, всегда очень редко встречается в обществе, и такие как он неизбежно окажутся противопоставленными большинству, представая в роли властителей и хозяев. Поэтому, хотя у теории Раскольникова о сверхчеловеке в далекой перспективе есть гуманистическое оправдание, она часто воспринимается как неприятие общества и презрение к людям. Но на самом деле такое презрение родилось у Раскольникова именно из-за его огромной любви к человеку (подобный парадокс будет наличествовать и у Великого инквизитора), из-за того, что его не устраивает нынешнее ничтожество и бессмысленность человеческого существования. Он презирает и в то же время любит людей.

В романе Раскольников неоднократно сравнивает себя с Наполеоном, и именно здесь рождается идея разделения людей на две категории—сильных и жертв. Именно на этом этапе в жизни Раскольникова появляется стремление, доминирующее над его самосознанием и над жизнью, и он впервые начинает переход от поиска «первичного самосознания» к поиску «вторичного самосознания». Но здесь Достоевский использует иной, чем у Байрона, подход, чтобы показать читателю процесс этого перехода. Герои Байрона—это «alter ego» самого автора, и поиск себя, в который они вовлечены—это одновременно и поиск самого поэта. Таким образом, в байронических героях мы видим, что бесконечное самостановление становится стержнем характера героя и его внутренним движущим импульсом: «Вверяюсь ветру и волне, Я в мире одинок. Кто может вспомнить обо мне, Кого б я вспомнить мог?» [\[6, с. 12\]](#) и потому его натура все более раскрывается читателям во всей своей глубине и противоречивости. Но Достоевский ни в коей мере не отождествляет себя с Раскольниковым, он не красивый молодой аристократ, и у него нет того болезненного комплекса неполноценности, который был в сердце героя. Раскольников не переходит на тот высший уровень самопознания байронических героев, который означает уже полную самодостаточность и отрыв от мира. Об этом свидетельствует его фраза: «Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть, – прибавил он вдруг задумчиво» [\[4, с. 267\]](#). Раскольников еще не испытывает подобной грусти, означающей полный уход от мира и человеческих чувств. Если поиск себя у байронических героев движется их упрямой волей, как у Манфреда, то самостановление Раскольникова, сформулированное в его «теории сверхчеловечества», обусловлено обществом и средой, зависимость от которых Раскольников так и не может в итоге преодолеть и заканчивает свои духовные поиски воссоединением с людьми (в лице Сони) и приходом к христианству, что Достоевский как автор приветствует.

Хотя сопротивление байронических героев не имеет четкой цели и часто заканчивается неудачей, они никогда не жалеют о содеянном, не сокрушаются о перенесенной боли. Байронический герой идет к своей внутренней цели, не задумываясь ни о последствиях, ни о том, как их воспримет общество. Но, в отличие от Байрона, Достоевский в романе «Преступление и наказание» поднимает важнейшую тему—самоискупления. Искупление—это признание своих прошлых ошибок и отрицание своих прошлых действий, как в социальном и нравственном, так и в духовном мире личности. Именно поэтому Раскольников так страдает из-за убийства, после того как он, казалось бы, осуществил свою теорию, и не может избежать своего внутреннего наказания. Можно сказать, что Достоевский вступает в полемику с идеями Байрона и развенчивает тип байронического героя ("убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, бледным ангелом ходит") [\[4, с. 462\]](#), и именно так завершается переход от романтических к реалистическим чертам характера Раскольникова. С этой точки зрения, Достоевскому удалось взять за основу лучшие достижения романтической литературы Байрона,

воплотить на их основе свои собственные уникальные идеи, благодаря чему характер Раскольникова был показан на новой глубине и в широкой перспективе идей всего XIX века.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: хотя роман «Преступление и наказание» принадлежит эпохе реализма, Раскольников как тип «бунтаря» проецируется на предшествующую литературную традицию и, несомненно, может рассматриваться как преемник байронического героя. Ему присущи уникальные и характерные черты, и идеи, характерные для английского романтизма. Раскольников отстаивает силу и свободу личности, стремится к реализации личностных идеалов и ценностей. Его сознание пронизано духом бунтарства желанием поставить себя выше человечества. Он высокомерен и горд, но сочувствует слабым; он поддерживает «униженных и оскорбленных», но при этом выступает за индивидуализм и анархизм. Но, кроме этого у Раскольникова есть характер, который нельзя не заметить и который принадлежит исключительно русской реалистической литературе. Он не «естественный человек», полностью независимый от мира, он не похож на настоящего байронического героя, который может полностью отрешиться от связей и отношений мира. В его сердце всегда живет глубокая любовь к семье и народу. Если байронический герой одинок в своей борьбе с обществом и цивилизацией, то Раскольников несет на своих плечах страдания и ответственность всего человечества, а затем борется против коррумпированного и реакционного общества. Это захватывающий контраст двух разных культур: Байрон вырос в тени детских несчастий, поэтому он и его герои полны индивидуального напряжения, стоя в одиночестве против всего мира. Достоевский же после ссылки и десяти лет каторги не стал бунтовать и бороться с обществом, как Байрон. Наоборот, он стоически нес тяжелую ответственность и молча вел войну против западной цивилизации. Это именно та тематика, которая присуща только русской литературе, рожденной культурой русского народа. Это та тяжесть и глубина, которая принадлежит только душе русского народа.

Библиография

1. 蒋承勇.“拜伦式英雄”与“超人”原型—拜伦文化价值论. //外国文学研究, 2010(06):01-06. (Цзян Чэньюн. «Байронического героя» и архетип «супермена» – теория культурных ценностей Байрона // Изучение зарубежной литературы.2010.06. с. 01-06).
2. 张岩.英雄·异化·文学——西方文学中的英雄母题及其流变研究 [D].华东师范大学, 2008. (Чжан янь. Герой·расподобление·литература—Исследование героического мотива и его флюидов в западной литературе[D]. Восточно-китайский нормальный университет,2008).
3. 罗素:《西方哲学史》(下卷), 何兆武等译. 北京:商务印书馆, 1997 年(Рассел.Бертран. История западной философии. Том.2. Перевод. Хэ Чжаову и др. Пекин: Коммерческая пресса, 1997. с. 298-305).
4. Достоевский. Ф.М. Преступление и наказание. Перевод. Чжу хайгуань, Ван вэнь. [М]. Пекин: Издательство Народной литературы.1982.
5. 朱熹:《四书章句集注》, 中华书局, 2012年(Чжу Си. «Комментарии к четырём книгам». Zhonghua Book Company, 2012. С. 355)
6. Паломничество Чайльд-Гарольда: [Сборник: Перевод] / Джордж Гордон Байрон; [Худож. А. Амирханов]. – Пермь: Кн. изд-во, 1988.
7. Свет в ночи (о «Преступлении и наказании») опыт медленного чтения. Георгий Мейер. 1967 by Possev-Verlag V. Gorachek KG. Frankfurt/Main Printed in Germany.

8. 曹靖华, 俄国文学史[M]. 北京:北京大学出版社, 2007(Цао цзинхуа. «история русской литературы». Пекин: издательство Пекинского университета. 2007.)
9. 智量, 论 19 世纪俄罗斯文学[M]. 复旦大学出版社, 2009(Чжи лян. «русская литература 19-ого века». Шанхай: издательство Фуданьского университета. 2009.)
10. Бахтин. М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.
11. 郑克鲁, «外国文学史», 北京:高等教育出版社, 1999年.(Чжэн кэлу. «история зарубежной литературы». Пекин: издательство высшего образования. 1999)
12. Мочульский.К.В. Достоевский. Жизнь и творчество.Париж. 1980.
13. Тихомиров.Б.Н. Лазарь,гряди вон! Санкт-Петербург. 2016.
14. 勃兰兑斯:《十九世纪文学主流》刘半九等译。北京:人民文学出版社, 1997 年。(Брандейс, "Основное направление литературы XIX века", перевод Лю Ханьцзю. Пекин: Издательство "Народная литература", 1997.)
15. 徐葆根:《西方文学:心灵的历史》。北京:清华大学出版社, 1988 年。(Сюй Баогэн, Западная литература: история разума. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 1988.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопрос, который поднимается в рецензируемой статье, представляет должную научную новизну, однако рассматривался в кругу серьезных изысканий. На мой взгляд, автор данного труда пытается актуализировать, а м.б. и популяризировать влияние романтических идей, в частности творчества Дж. Г. Байрона на литературные сочинения классика отечественной словесности Ф.М. Достоевского. Бесспорно, «Джордж Гордон Байрон—великий английский поэт-романтик начала XIX века, который за свою короткую жизнь оставил миру множество стихотворений и поэм. Наиболее известными из последних являются поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Дон Жуан» и др. В этих произведениях, получивших название «лирические эпопеи», Байрон творчески включает в свои произведения личный опыт путешествий по европейским странам, широкомасштабно и глубокими мазками рисует обширную и величественную картину трагической борьбы поэта с обществом...». Верно и, что «с точки зрения романтической идеологии, Байрон—символ индивидуализма, единственный человек в новую эпоху, который стал «сверхчеловеком», возвысился над миром и достиг совершенной свободы, полной самореализации и могущества. Вся теория Раскольникова строится на чисто романтическом мировоззрении, для которого характерны индивидуализм, самовозвеличивание и презрение к людям, конфликт с обществом и миром». Герои Байрона и Достоевского в чем-то схожи, но обстоятельства, место, условия бытования все же иные. Не проговаривает, а можно было бы, эту мысль автор данного сочинения. Части статьи внешне соразмерны, вводная и заключительная находятся в логической зависимости. Думаю, стоит поправить некоторые фактические информационные справки: например, «Достоевский же после ссылки и десяти лет каторги не стал бунтовать и бороться с обществом...» и т.д. Введением в заблуждение потенциального читателя заниматься не следует. Литературно-исторический контекст в работе есть: «социально-политические идеи Просвещения вызвали Французскую революцию, которая сформировала Наполеона. А в смысле культурных изменений Просвещение породило романтическое движение, пик которого пришелся на творчество Байрона. Если в Наполеоне сосредоточились идеалы европейской буржуазной революции и ее итоги, то Байрон стал кульминацией критики старой культуры, начиная с эпохи Просвещения.

Кажется, что между Наполеоном и Байроном нет никакого сходства, но на самом деле, с точки зрения культурных изменений, Байрон—это действительно «Наполеон», сместивший всё в области духовной культуры...». Причем автор статьи старается давать его не только в номинации, но и аналитике. Данные фрагменты становятся порой импульсами для написания, создания новых исследований, а это, вероятно, неплохо. Оценка главного героя романа «Преступление и наказание» дается объективно, но и с рядом зависимых линий от наработок М.М. Бахтина, Б. Тихомирова и др. Например, «но Раскольников отличается от обычного человека со дна общества: будучи студентом, он знаком с новейшими европейскими идеями, которые дают ему возможность реализовать свою теорию. В то же время именно из-за того, что он считает себя сверхчеловеком, рождается у него бунтарство, а не смирение. Бунтарство байронического героя исходит от внутренней страсти самого Байрона, но бунтарство Раскольникова не исходит от Достоевского, а рождается естественно в относительно объективном мире. А такую черту мы не увидим в байронических героях...» и т.д. Методология исследования соотносится с выверенными литературоведческими принципами, серьезных разночтений не выявлено. Считаю, что тема работы все раскрыта, анализ текст сделан, нужный цитатный блок в работу введен. Автор в финальной части подводит определенный итог: «можно сделать следующие выводы: хотя роман «Преступление и наказание» принадлежит эпохе реализма, Раскольников как тип «бунтаря» проецируется на предшествующую литературную традицию и, несомненно, может рассматриваться как преемник байронического героя. Ему присущи уникальные и характерные черты, и идеи, характерные для английского романтизма. Раскольников отстаивает силу и свободу личности, стремится к реализации личностных идеалов и ценностей. Его сознание пронизано духом бунтарства желанием поставить себя выше человечества. Он высокомерен и горд, но сочувствует слабым; он поддерживает «униженных и оскорбленных», но при этом выступает за индивидуализм и анархизм. Но, кроме этого у Раскольникова есть характер, который нельзя не заметить и который принадлежит исключительно русской реалистической литературе. Он не «естественный человек», полностью независимый от мира, он не похож на настоящего байронического героя, который может полностью отрешиться от связей и отношений мира. В его сердце всегда живет глубокая любовь к семье и народу. Если байронический герой одинок в своей борьбе с обществом и цивилизацией, то Раскольников несет на своих плечах страдания и ответственность всего человечества...». Сопоставительный тон поддержан, логика перехода имеется. Материал не является буквально новым, но актуализация вопроса регулирует этот показатель. Текст можно использовать при изучении творчества Ф.М. Достоевского, истории русской литературы. Общие требования издания учтены, серьезная правка не требуется, но ряд моментов, которые обозначены в рецензии, поправить целесообразно. Рекомендую рецензируемую статью «Байронические мотивы в образе Раскольникова» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Баканова А.В., Терентьева Е.Д. — Сборники испанских паремий XVI в. и их влияние на развитие фольклористической традиции // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.44018 EDN: HUBLVQ
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44018

Сборники испанских паремий XVI в. и их влияние на развитие фольклористической традиции

Баканова Анна Валентиновна

кандидат филологических наук

доцент кафедры иберо-романского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, оф. 1ГУМ

✉ asia_sim@mail.ru**Терентьева Екатерина Дмитриевна**

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

✉ terentyeva-ed@rudn.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.44018

EDN:

HUBLVQ

Дата направления статьи в редакцию:

13-09-2023

Аннотация: В статье рассматриваются труды ученых-собирателей, заложивших основы испанской фольклористической традиции. Предметом исследования являются сборники пословиц, поговорок, апофегм, сентенций и других малых жанровых форм, изданные в Испании в XVI веке. В фокусе внимания находится знаменитая апофегмата Мельчора де Санта-Крус «*Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles*» (1574), собравшая около тысячи текстов и охватывающая все стороны жизни испанского общества. Наряду с другими известными фольклорными

сборниками XVI в. таких авторов, как Хуан де Тимонеда, Хуан де Маль Лара, Педро Мехия, работа М. де Санта-Крус повлияла на становление научного подхода в испанской фольклористике. В статье проводится сравнительный анализ сборников фольклорных текстов данного периода и подчеркивается их влияние на развитие испанской фольклористики последующих веков. Испанский фольклор неоднократно становился предметом исследования в работах отечественных ученых (Ю. Л. Оболенская, Н. Г. Сулимова, Н. Г. Мед, Н. М. Фирсова, О. С. Чеснокова, М. М. Раевская и другие), однако сравнительное изучение сборников испанских паремий XVI в. ранее не проводилось. Среди испаноязычных публикаций отметим работу по истории испанского фольклора Х. де Наваскуэс, на которую опирается данная статья. XVI век вызвал в Испании подъем национального самосознания, который сопровождался ростом научного интереса к испанскому языку, его лексическому богатству и грамматической системе. Вслед за открытием Нового Света Испания переживает бурное развитие науки о фольклоре и расцвет лингвистической мысли, опирающейся в вопросе экземплификации на малые жанровые формы устного народного творчества. Сочетание краткой формы и емкого содержания делают эту группу жанров привлекательной для лингвистов, фольклористов и писателей Золотого века.

Ключевые слова:

испанский язык, испанский фольклор, паремиология, паремия, апофегма, апофегмата, сентенция, анекдот, пословица, поговорка

Испания XVI в. переживает подъем национального самосознания, который сопровождается помимо политических и экономических результатов, среди которых открытие Нового Света и завершение Реконкисты, ростом научного интереса к испанскому языку, его лексическому богатству и грамматической системе. «Естественно, что многие языковые процессы берут лишь начало, но не завершаются в указанные временные рамки; однако сам факт их фиксации свидетельствует об определенном настроении коллективного лингвистического менталитета, демонстрирующего собственную предпочтительность в выражении мысли на своем родном языке» [\[11, с. 5\]](#). В этот период на первый план выходят вопросы развития кастильского языка, его нормализации и кодификации, а основным иллюстративным материалом в трудах испанских грамматистов, в отсутствие развитой литературной традиции, становятся пословицы и поговорки, что на несколько веков обуславливает сближение интересов зарождающейся науки о фольклоре и лингвистики. И если конец XV в. и первая половина XVI в. характеризуются взлетом испанской лингвистической мысли, опирающейся в вопросе экземплификации на малые жанровые формы устного народного творчества (первая грамматика кастильского языка Антонио де Небрихи (1492), «Диалог о языке» Хуана де Вальдеса (1535-1536)), то во второй половине столетия лингвистический интерес подкрепляется мощным литературным движением, ознаменовавшим начало Золотого века испанской литературы. «Близость к народному творчеству, фольклорные традиции были одной из отличительных черт литературы испанского Ренессанса, и, как можно видеть, эти тенденции находили и теоретическое обоснование» [\[12, с. 42\]](#). Период XVI - XVII вв. в Европе является переходным этапом между средневековой системой знания и новой культурной формацией, в центре которой оказывается человек и национальная традиция, требующая под влиянием ренессансного мировоззрения иных методов и подходов: «вслед за открытием Америки в европейском сознании усиливается борьба со всем, что связывает человека со старой культурой [...]

Тогда же появляется и начинает развиваться этнографическая литература [...] Здесь-то, в этом общем процессе развития познания, и приобретает свой особый характер изучение фольклора, тесно связанное со всеми теми мифами, новыми сведениями и представлениями, в которых находил свое выражение политико-социальный, философский и художественный опыт Европы» [\[1, с. 24\]](#). Как мы видим, и испанская лингвистическая традиция, и испанская фольклористическая наука начинают в XVI в. переживать период бурного развития.

Интерес любителей фольклора и ведущих лингвистов, привлекают в первую очередь такие жанры, как пословицы и поговорки, при этом они не обходят вниманием и другие малые жанровые формы – анекдоты, афоризмы, остроумные ответы, истории из жизни, сказки, суеверия, традиции и детский фольклор. Но именно пословицы и поговорки, апофегмы и другие дидактические жанры выступают в этот период сразу в нескольких ипостасях: как пример правильного языкового узуса, как образец народной мудрости и как связующий элемент между античной традицией и ренессансом. Распространение на территории Испании нового мировоззрения происходит, с одной стороны, под влиянием итальянского гуманизма с его стремлением к совершенствованию народного языка и ориентацией на узус образованных людей, с другой стороны, нельзя не учитывать влияние гуманизма северного, «христианского», и авторитета Эразма Роттердамского, балансирующего в своих трудах между вопросами веры и культуры, нравственности и учености и ищущего в устном народном творчестве источник формирования национального самосознания и языкового богатства. «Широкий отклик нашло у “эразмистов” и представление нидерландского ученого о выражении в пословицах и поговорках философии народа, народного духа, самобытности нации» [\[12, с. 37\]](#). Интерес к произведениям фольклора в Испании с конца XV в. приобретает, таким образом, не только научное, но и философское подтверждение.

XVI век подарил испанской фольклористике сразу несколько важных работ. В первую очередь речь идет о знаменитом сборнике апофегм, коротких историй, сентенций и афоризмов *Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles* (1574) испанского собирателя Мельчора де Санта-Крус (*Melchor de Santa Cruz de Dueñas*). Данный сборник пользуется особым вниманием собирателей и издателей испанского фольклора и на долгое время становится образцом для подражания, классической работой, на которую ориентируются в своих исследованиях фольклористы более позднего периода: «Es ésta una de las más importantes colecciones de la época y quizá la más interesante, no solo como obra folklórica, sino porque en ella hace ver el autor cómo deliberadamente atendió a recoger el material que en ella se ha conservado, y cuánto esmero puso en su trabajo» [\[17, с. 38\]](#) (здесь и далее курсив мой).

Согласно сохранившимся историческим сведениям, Мельчор де Санта-Крус родился в 1500 - 1510 гг. в семье обращенных евреев, так называемых 'новых христиан', прожил всю жизнь в городе Толедо, где умер предположительно в 1577 - 1587 гг. Остается неизвестным, какое именно образование он получил, однако очевидна гуманитарная направленность его деятельности, любовь к чтению, глубокие познания в области истории и права. И хотя о своей работе М. де Санта-Крус отзывается с должной скромностью, а о родном Толедо как центре красноречия – с нескрываемым восхищением («Y aunque *hombre de ningunas letras, y de poco ingenio*, así por intercesión de algunos amigos, que conocieron que *tenía inclinación a esto*, como la naturaleza, que de esta antigua, y noble Ciudad de Toledo tengo, donde todo *primor, y elegancia del buen decir* florece; me he atrevido a tomar esta empresa» [\[17, с. 39\]](#)), это не противоречит тому

факту, что он был хорошо образованным для своего времени человеком, имевшим склонность к изучению текстов устной народной традиции. Предполагается, что он был знаком с университетскими кругами, что находит отражение в нескольких тематических разделах апофегматы. Известно также, что меценатами Мельчора де Санта-Крус в разные периоды были епископ Сеговии Диего де Коваррубиас (*Diego de Covarrubias*) и король Филипп II Испанский (*Felipe II de España*).

Сборник *Floresta española de apotegmas o sentencias* увидел свет в 1574 г. в Толедо и довольно быстро стал весьма популярным среди читателей и ученых во многом благодаря чувству юмора его автора. Представленные в нем тексты можно объединить по двум критериям – краткая форма и юмористическая направленность: «Una característica común a los chistes, sales, agudezas de ingenio, cuentos folclóricos o populares y refranes es su *brevedad*, frente a otras formas literarias de mayor tamaño o extensión: asimismo, une a todas ellas la *veta humorística*» [18]. Как отмечает В. Я. Пропп, смех в народном представлении могут вызвать практически любые человеческие качества, как внешние, так и внутренние. «Смешными могут оказаться наружность человека, его лицо, фигура, движения; комическими могут представляться его суждения, в которых он проявляет недостаток ума; особую область насмешки представляет характер человека, область его нравственной жизни, его стремления, его желания и цели. Смешной может оказаться речь человека как манифестация таких его качеств, которые были незаметны, пока он молчал. Короче говоря, физическая, умственная и моральная жизнь человека может стать объектом смеха в жизни» [10, с. 15]. Испанский народный юмор вырабатывает определенный набор тем, некоторые из которых устаревают со временем, другие же, напротив, продолжают вызывать улыбку до сих пор, например, вечная тема взаимоотношений свекрови и невестки: «Embiaronle a una Señora rezien casada un retrato de su suegra, hecho de açucar. Gustole con la lengua, y dixo: Aun de açucar amarga» [19].

В качестве возможных источников заимствования сюжетов упоминаются не только труды предшественников, но и современная автору фольклорная традиция, например знаменитый сборник устных рассказов валенсийца Хуана де Тимонеды (*Juan de Timoneda*) «Sobremesa y alivio de caminantes» (1563) или близкие по жанру сборники на итальянском языке. Вероятно также знакомство М. де Санта-Крус со сборниками апофегм античных авторов и сборником пословиц Эразма Роттердамского, что позволяет исследователям выделять черты северной гуманистической традиции в его подходе. В названии автор использует термин *apotegma* от греческого «говорить напрямик», под которым подразумевает небольшой рассказ, остроумный ответ или наставление, построенные вокруг неожиданного нарушения логики, преувеличения, игры слов и т. п. В определении Словаря Королевской Академии речь идет о кратком изречении в форме сентенции, авторство которого часто приписывается какому-либо известному лицу: «Del lat. *apopthegma*, y este del gr. $\alpha\pi\omicron\phi\theta\epsilon\gamma\mu\alpha$ *apóphthegma*. 1. m. Dicho breve, sentencioso y feliz, especialmente el que tiene celebridad por haberlo proferido o escrito alguna personalidad o por cualquier otro concepto» [14]. И действительно, во многих представленных в сборнике историях упоминаются известные личности: Изабелла Кастильская, кардинал Сиснерос, генерал Гонсало Фернандес де Кордова по прозвищу *el Gran Capitán*, архиепископ Толедский А. де Каррильо, а также простые жители Толедо и представители разных профессий. По своей жанровой форме тесты *Флоресты* близки к таким жанрам, как анекдот, шутка, краткая история юмористического характера, образец мудрости: *cuento*, *anécdota*, *chiste*, *historieta*, *dicho agudo*, *sentencia*, *cuentecillo*, *burla*. Рассмотрим пример, который по смыслу можно было бы сопоставить с русским

выражением «деньги любят счет»: «Al maestreescuelas de Toledo, fundador del Colegio de Sta. Catalina, vino uno a pedir prestados 50 ducados. Mandó sacar un talegón de reales y dióselos. El q. los pedía en prestados, tomóles de su mano y echólos en un pañuelo sin mas contarlos. Viendo el maestreescuela q no los contaba, pidióle el pañuelo con los dineros y volviólos a donde los había sacado, diciendo: *Quien no los cuenta no los piensa pagar*» [17, с. 39].

Первое издание *Флоресты* 1574 г. состоит из десяти частей, в прологе автор описывает задачи работы и обращается к читателю, который, по его мнению, является истинным патриотом Испании: «[...] para quien es curioso, y aficionado a las cosas de su Patria; y es la recopilación de sentencias, y dichos de los Españoles [17, с. 39]. Интерес и любовь к прошлому своей страны, по мнению автора, движет теми, кто возьмет в руки его книгу, ведь в ней содержатся не менее важные, нужные, талантливые и остроумные мысли, чем те, что можно встретить в старинных книгах: «[...] los cuales, como *no tengan menos agudeza, y donaire, ni menos peso, o gravedad, que los que en los libros antiguos* están escritos, antes en parte creo que *son mejores*» [17, с. 39]. Мельчора де Санта-Крус привлекает сочетание краткости формы и глубины мысли: «son más excelentes dichos, los que en pocas palabras tienen encerradas muchas y notables sentencias» [17, с. 39], а также то, что фольклорные тексты метафорически переосмысливают все стороны жизни человека, будучи одновременно смешными и серьезными, остроумными и добрыми: «Porque unos han de ser *graves, y entendidos*: otros *agudos, y maliciosos*: otros *agradables y apacibles*: otros *donosos para mover a risa*: otros que lo tengan todo; y otros hay metaforizados, y que toda su gracia consiste en semejanza de las cosas que se apropia» [17, с. 40]. Отдельное внимание М. де Санта-Крус обращает на многозначные слова, подчеркивая, что воспринять подобную многозначность способен лишь тот, кто одарен филологическим чутьем и обладает необходимыми знаниями: «Otros tienen su sal en las *diversas significaciones de un mismo vocablo*; para esto es manester, que así el que lo escribe, como el que lo lee, *tenga ingenio para sentirlo, y juicio para considerarlo*» [17, с. 40]. Столь строгие требования предъявляются не только к читателю, но и к самому автору-составителю, который первым должен разглядеть богатство народного языка, ведь фольклорные единицы М. де Санта-Крус сравнивает с монетами из драгоценного металла: «y la dificultad que en escribir estos dichos hay, es la que se tiene en hallar *moneda de buen metal, y subida de quilates*» [17, с. 39]. Собрав материал, автор должен провести его тщательный анализ, что является принципом не столько любительского, сколько научного подхода: «Pero no es solo una simple vocación o afición lo que caracteriza la colección del insigne folklorista toledano, sino *un estudio* del material recogido que le llevó a *distinguirlo y clasificarlo*» [17, с. 39]. Стройность и логичность, с которой автор организует собранный материал, заслуживают отдельного упоминания. Собранные им 939 фольклорных единиц М. де Санта-Крус объединяет в одиннадцать частей, каждая часть, в свою очередь, подразделяется на главы. Первые две части повествуют о церковной и светской иерархии. Первая часть состоит из шести глав, и в ней речь идет об историях из жизни священнослужителей: *de Sumos Pontífices, de Cardenales, de Arzobispos, de Obispos, de Clérigos, de Frailes* («Dezia un Caballero, que el escudero no engorda sino de necio: y el clérigo no enflaquece sino de mal acondicionado» [19]). Вторая часть посвящена королям и придворным – охране, пажам, прислуге: *de Reyes, de Caballeros, de Capitanes y Soldados, de Aposentadores, de Truhanes, de Pajes* (например, «Dezia la Reyna que el que tenía buen gesto, llevaba carta de recomendación» [19]). Третья часть выбивается из установленного порядка и иллюстрирует внимательное

отношение автора к слову и речевым приемам, повествуя, скорее, о народном словотворчестве и риторическом богатстве языка: *de responder con la misma palabra, de responder con la copulativa antigua, de gracia doblada, de dos significaciones, de responder al nombre propio, de enmiendas y declaraciones de letras* («Preguntando a uno que cosa era murmuraciones. Respondio; Mur y mura, y colgaderos de estribos» [19]). Четвертая часть продолжает линию первых двух и рассматривает круг вопросов, связанных с судебной системой: *de Jueces, de Letrados, de Escribanos, de Alguaciles, de Hurtos, de Ajusticiados*, к ним же примыкают главы о врачах и хирургах (*de Médicos y Cirujanos*), а также о студентах («El Doctor Luna salia de leer, y traya consigo siete Estudiantes, todos pequeños. Dixo un colegial: Parece que sale la luna con las siete cabrillas» [19]). В пятой части речь идет о разных народах и национальностях, социальном статусе и различных профессиях: *de Vizcaínos, de Mercaderes, de Oficiales, de Labradores, de Pobres, de Moros* («Un hidalgo pobre, que se había casado con una hija de un labrador rico, porque le dieron gran dote dezia; que aquel casamiento era como morcilla, que el puso la sangre, y el suegro las cebollas» [19]). Шестая часть выглядит наименее гомогенной и посвящена вопросам любви и брака, а также музыке, играм и другим времяпрепровождениям: *de Amores, de Músicos, de Locos, de Casamientos, de Sobrescritos, de Cortesía, de Juegos, de Mesa* («Dezia un Caballero que no avia otra diferencia entre los cuerdos, y los locos, sino que los cuerdos sueñan de noche, y los locos de día y de noche» [19]). Отдельный лингвистический интерес представляет часть седьмая, повествующая о способах высмеивания, выдумывания прозвищ, кличек и т. п.: *de Apodos, de motejar de linaje, de motejar de loco, de motejar de necio, de motejar de bestia, de motejar de escaso, de motejar de narices* («A un hombre miserable, que se quejava, que se le cayan los dientes, dixo un Cavallero, sera de usarlos» [19]). Сатирический тон автора находит продолжение и в восьмой части, где высмеиваются различные физические дефекты человека от слепоты до хромоты, выстроенные в антонимические пары: *de Ciegos, de Chicos, de Largos, de Gordos, de Flacos, de Corcobados, de Cojos* («Un tuerto, que no tenia mas de un ojo, dixo a uno, si le queria jugar un ojo: Respondio, si haria, sino que no teneys para embidar» [19]). Девятая часть, как и шестая, отличается некоторой размытостью и затрагивает не вошедшие в предыдущие главы темы – от юмористических и насмешливых выражений до текстов, содержащих информацию о народах Испании: *de Burlas y dislates, de Fieros, de Camino, de Mar y agua, de Retos y desafíos, de Apodos de algunos Pueblos de España y de otras naciones* («Alabando a uno que tenia grandes fuerças, que alçava mucho peso; respondió, si el mundo tuviesse alas, lo alçaria» [19]). В десятой части собраны так называемые *dichos extravagantes* («Dezia Pedrosa, que tres cosas se pierden fuera de su natural, peces, Latín y frayles» [19]). Последняя часть посвящена женщинам и детям, в том числе речь идет о некрасивых женщинах и вдовах: *de Dichos avisados de mujeres, de Dichos graciosos de mujeres, de Dichos de mujeres, de Mujeres feas, de Viudas* («Preguntando a uno porque dezia mal de mugeres, pues tan buenos autores dezian bien dellas. Respondio: estos dicen quales devian ser, e yo, quales son» [19]).

Как уже было сказано, сборник М. де Санта-Крус *La Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles* стал важной вехой в истории испанской фольклористики, к нему обращались не только современники, но и более поздние исследователи, дополняя новыми примерами, перенимая его структурные особенности и филологический подход. Так, в 1606 г. в Барселоне выходит сборник фольклориста Гаспара Лукаса Идальго (*Gaspar Lucas Hidalgo*) под заголовком «Diálogos de apacible entretenimiento, que contiene unas Carnestolendas de Castilla; dividida en las

tres noches del domingo, lunes, martes de antruejo». Сборник является собранием фольклорных историй и шуток, связанных с традицией празднованием карнавала. При их распределении автор ориентируется на классификацию, предложенную Мельчором де Санта-Крус: «La principal particularidad de los *Diálogos de apacible entretenimiento* estriba en un intento de clasificación de los cuentos, semejante a la que hizo Melchor de Santa Cruz en su *Floresta*» [17, с. 59].

В XVIII веке Франсиско Асенсио (*Francisco Asensio*) переиздает сборник *Floresta* М. де Санта-Крус и добавляет к нему новые истории, пословицы и выражения (*cuentos y dichos*). Расширенная версия сборника впервые увидела свет в 1730 г. и позднее неоднократно переиздавалась. Франсиско Асенсио указывает в предисловии ко второй части, что его цель – включить в это издание все доступные ему фольклорные тексты: «[...] *leyendo, y recogiendo cuanto mi anhelo ha podido descubrir sobre este asunto*» [17, с. 85]. По мнению исследователей, издание, подготовленное Франсиско Асенсио, обладает определенными достоинствами, поскольку, с одной стороны, автор сохраняет исходную классификацию фольклорного материала, лишь слегка меняя ее («Con la adición de las dos partes de Asensio queda fijado el sistema de clasificación de Santa Cruz, ya que éste se limita a llamar a los miembros de la suya *partes primera, segunda...*, y Asensio da por firme la clasificación y llama *clases primera, segunda...* a los miembros de ella» [17, с. 86]), с другой стороны, обогащает сборник новыми яркими примерами. Так, по сравнению с исходной версией *Флоресты*, в работе появились разделы, посвященные представителям разных профессий, занятий и национальностей: «De predicadores», «De opositores», «De portugueses», «De criados», «De préstamos y acreedores», «De poetas», «De tuertos» и другие. Таким образом, дело, начатое Мельчором де Санта-Крус, нашло свое продолжение, а разработанная им классификация фольклорного материала – своих последователей.

Если затрагивать вопрос оригинальности представленных в сборнике Мельчора де Санта-Крус текстов, то следует признать, что в них можно увидеть определенное сходство с текстами из сборников его современников. Например, первый текст из третьей главы первой части, в котором речь идет об архиепископе Алонсо Каррильо («Don Alonso de Aguilar como vio tanta Morisma la noche, que lo mataron, y se tuviesse por perdido, preguntó: Como se llama este lugar Respondieronle: Señor, el Macher: El siguio con dezir; Pues aqui el alma echar» [19]), обладает схожестью с текстом, представленным в книге шуток *Libro de chistes* Луиса де Пинедо (*Luis de Pinedo*). Третий, четвертый («Dezia el Conde de Oñate, que los Biscaynos eran ricos de mançanas, y; pobres de pan y vino» [19]) и пятый пример из пятой главы третьей части появляются, и даже в той же последовательности, в сборнике *Cuentos de Garibay*. Тем не менее исследователи высказывают сомнение в том, что М. де Санта-Крус заимствовал сюжеты у современников, и предполагают, что, возможно, это они опирались на его исследование, а не наоборот: «Nos aventuramos, pues, a suponer que, declarando Melchor de Santa Cruz en el prólogo de su colección, que hasta entonces nadie se había ocupado de este asunto, y ser la primera su colección, las colecciones de Luis de Pinedo y de Garibay, sobre todo esta última, son posteriores y copiadas en parte de la *Floresta*» [17, с. 41]. Данное мнение подтверждается также тем фактом, что сборник М. де Санта-Крус увидел свет при жизни автора в 1574 г., в то время как многие из вышеупомянутых трудов долгое время оставались неизданными. И все же, несмотря на возможные сюжетные пересечения с работами современников и предшественников, сборник *Флореста*, в первую очередь, представляет ценность благодаря авторским комментариям, четким принципам организации материала и истинно фольклористическому подходу, что

выделяет его на фоне работ этого периода.

Среди фольклористов-современников М. де Санта-Крус нельзя не упомянуть имя Хуана де Маль Лара (*Juan de Mal Lara*) из Севильи, который в 1568 г. публикует сборник пословиц и поговорок под названием «*La Philosophia vulgar*», содержащий около тысячи емких примеров народной мудрости, каждый из которых также сопровождается подробным комментарием. Автор стремится раскрыть читателям глубокий смысл и традиционные основы каждого выражения. В качестве примера приведем поговорку под номером 45, где говорится об организации семейного дела и о том, что дети должны стать опорой родителям: *Dios te da ovejas, y hijos para con ellas* [15]. Благодаря внимательному отношению Х. де Маль Лара к собранному материалу, данный сборник можно считать полноценным фольклористическим исследованием, отражающим опыт поколений: «*Es en realidad, a más de colección, un estudio folklórico muy notable y digno de encomio, porque en él se propuso Mal Lara exponer el fundamento filosófico del Pueblo y las observaciones que pudieron llevarle a cristalizar en el refrán la conclusión obtenida de las experiencias proporcionadas por la vida cotidiana*» [17, с. 37].

Еще одним современником Мельчора де Санта-Крус, интересовавшимся устным народным творчеством, был знаменитый фольклорист, драматург и издатель из Валенсии Хуан де Тимонедра (*Juan de Timoneda*, 1518–1583), который занимался изданием преимущественно текстов песенного и сказочного фольклора (*cuentos, anécdotas, relatos breves, canciones, romances*). Так, в сборниках «*Sarao de amor*» (1561), «*Flor de enamorados*» (1562), «*Guisadillo de amor*» (1573) и «*Rosa de romances*» (1573) собраны адаптированные песенные тексты на испанском языке. Тексты сказочного и басенного фольклора представлены в сборнике «*El Patrañuelo*» (1567), составленном в подражание итальянским авторам. В Прологе Тимонедра демонстрирует интерес к фольклорной терминологии и подробно рассуждает о сказочных терминах и таком жанре, как *patraña*: «*Patrañuelo deriva de patraña, y patraña no es otra cosa sino una fengida traza, tan lindamente amplificada y compuesta que parece que trae alguna apariencia de verdad. Y así, semejantes marañas las intitula mi lengua natural valenciana rondalles y la toscana, novelas, que quiere decir: 'Tú, trabajador, pues no velas, yo te desvelaré con algunos graciosos y aseados cuentos, con tal que los sepas contar como aquí van relatados'*» [20]. В сборнике Тимонеды «*El buen aviso y portacuentos*» (1564) представлены краткие истории, анекдотичные ситуации, собранные автором из различных устных и письменных источников. Сборник «*Sobremesa y alivio de caminantes*» (1563) Тимонеды содержит более ста двадцати сказочных текстов, некоторые из них близки в жанровом отношении к так называемому жанру «*cuentos paremiológicos*», когда в сказочном тексте объясняется происхождение или смысл какой-либо пословицы или устойчивого выражения. Отметим, что фольклорная тематика проникла и в литературное творчество Тимонеды, так, целая галерея фольклорных образов предстает в его произведениях в жанре энтремес: «*Entremés de un ciego y un moço y un pobre*», «*Paso de dos ciegos y un moço*», «*Paso de un soldado y un moro y un ermitaño*». Одним из наиболее важных ориентиров для Тимонеды, как и в случае с работой М. де Санта-Крус, становится сборник кратких изречений *Apophthegmata* Эразма Роттердамского, переведенный на испанский язык Франсиско Тамара (*Francisco Támara*) в 1549 г.

Среди фольклорных сборников XVI века следует упомянуть еще несколько названий. Это сборник «*Liber facetiarum et similitudinum Ludovici de Pinedo et amicorum*» Луиса де Пинедо, в котором собраны малые жанровые формы (*cuentecillos, hechos, dichos*): «*Es otra verdadera colección folklórica y no de escasa importancia para hallar el origen o*

transformación de muchos *cuentezuelos* que hoy corren en el Pueblo» [17, с. 42]. Забавные истории (*cuentecillos, hechos, dichos, anécdotas, chascarrillos*) про португальцев с глоссами предположительно авторства Диего Уртадо-де-Мендоса (*Diego Hurtado de Mendoza*) представлены в работе «Sermón de Aljubarrota». Нельзя не упомянуть также сборник историй из жизни королевского двора «Cuentos de Garibay», пользующийся высокой оценкой исследователей («Este autor no identificado todavía, que sepamos, nos llegó una colección de un gran valor folklórico» [17, с. 43]) и имеющий сюжетные пересечения с текстами, собранными Мельчором де Санта-Крус.

Богатая палитра народных представлений о жизни, верований и суеверий представлена в работе Педро Мехии (*Pedro Mejía*) «Silva de varia lección», впервые изданной в 1542 г. и неоднократно в дальнейшем переиздававшейся. В прологе автор объясняет цель работы и выбранную форму подачи материала: «pareciome q si desto yo avia alcançado alguna erudicion, o noticia de cosas (que cierto es todo muy poco tenia obligacion a lo comunicar; y hazer participantes dello a mis naturales, y vezinos, escriviendo yo alguna cosa q fuesse comun, y publica a todos. Y como en esto, y con lo demas los ingenios de los hombres son tan varios, y cada uno va por diversos propositos, sin perseverar, ni guardar orden en ellos, y por ello le puse por nombre, Silva: porque en las Selvas estan las plantas y arboles sin orden ni regla [16]. Испанские исследователи называют автора *foklorista indiscutible*, сам же он отзывается о собранных в работе историях с большой скромностью, отказывая им в правдоподобности: «esto que tengo dicho más lo quise escribir por curiosidad y ejercicio, que porque lo tenga por muy verdadero, ni de tener en mucho» [17, с. 43]. Работа состоит из трех частей, каждая из которых в свою очередь делится на главы. Приведем несколько примеров заголовков, иллюстрирующих сочетание житейской мудрости, мифологических представлений, фольклорных сюжетов, фрагментов оккультных и иных наук: «De los Tritones y Nereidas que llaman hombres marinos», «De las siete edades y partes de la vida del hombre según la doctrina de astrólogos», «En el cual se cuentan muchos ríos y lagos, y fuentes cuyas aguas tienen propiedades maravillosas y singulares», «De la amistad y enemistad que por secreta propiedad hay entre muchas cosas». Важно отметить, что двумя веками позднее исследование суеверий и народной философии продолжит знаменитый ученый и философ XVIII века Бенито Херонимо Фейхоо-и-Монтенегро (*Benito Jerónimo Feijóo y Montenegro*) в своей работе «Teatro crítico universal»: «Así encontramos en Feijóo discursos acerca de los tritones y nereidas, de las edades y días críticos, de la simpatía y de otras muchas cosas tratadas por Mexía, si bien el trabajo de Feijóo es de crítica y el de Mexía de mero colector» [17, с. 45].

Важно подчеркнуть, что, как и в случае со знаменитой *Флорестой* М. де Санта-Крус, выработанные в XVI веке принципы работы с текстами устной народной традиции находят продолжение в трудах исследователей более позднего периода, что позволяет говорить о важной роли преемственности в работах испанских фольклористов. Сам жанр апофегмы, столь популярный в рассматриваемый период, постепенно приобретает черты литературного анекдота, не утрачивая, однако, полностью своих фольклорных корней.

Авторы, заложившие в XVI в. основы испанской фольклористики и паремиологии, продолжили, с одной стороны, традиции, пришедшие из античности и получившие новое признание в рамках ренессансной науки, с другой стороны, восприняли традиции северного гуманизма с его внимательным отношением к устному народному творчеству, а также поддерживали лингвистическую традицию, прославленную Небрихой еще в конце XV в., с ее обращением к фольклорным текстам как основному материалу экземплификации

языкового узуса – подход, который сохранится в испанской науке на протяжении нескольких веков. В заключение отметим, что знакомство с фольклорными текстами XVI века позволяет увидеть особенности организации общественной жизни Испании, специфику восприятия нравственных категорий, сохранившиеся в фольклорном сознании отголоски древних мифологических представлений, отражение национальной картины мира и национального юмора.

Библиография

1. Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М.: Издательство Иностранной литературы, 1960. 694 с.
2. Кутькова А. В. Речевые стереотипы поддержания контакта: семантико-прагматический аспект // Вопросы иберо-романистики. Выпуск 18. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 130–140.
3. Кутькова А. В. *Do you las Mas Fervientes Gracias*: мексиканские ретабло как объект лингвокультурологического исследования // Вопросы иберо-романистики. Выпуск 19. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 51-61.
4. Медведева Е. С. Лингвокультурологический анализ репрезентации флоры и фауны в испаноязычных загадках (на материале пиренейского и мексиканского национальных вариантов) Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022. 187 с.
5. Миронова Н. Д. Сущность понятия «Сравнение» в интерпретации отечественных и зарубежных исследователей и способы его образования // StudNet, 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ponyatiya-sravnenie-v-interpretatsii-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovateley-i-sposoby-ego-obrazovaniya>
6. Оболенская Ю. Л. Влияние русской литературы на духовную жизнь Испании в XX-XXI вв. // Вестник МГУ. Серия № 9: Филология. № 6. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-russkoy-literatury-na-duhovnuyu-zhizn-ispanii-v-hh-hhi-vv?ysclid=lmhwf20cgs568604847>
7. Оболенская Ю. Л. Испанские танцы как объект изучения и переводческой интерпретации А. Н. Островского // Вопросы иберо-романистики. Выпуск 18. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 31-38.
8. Оболенская Ю. Л. *Mitos y leyendas de España*. Легенды и предания Испании: С обширными лингвокультурологическими, историческими, грамматическими комментариями. М.: URSS, 2023. 240 с.
9. Павлова А. Н. 2022 Генезис и трансформация праздничной культуры в Испании. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022. 272 с.
10. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1999. 285 с.
11. Раевская М. М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI-XVII вв.). М.: Комкнига, 2007. 304 с.
12. Сулимова Н. Г. История развития испанской грамматической мысли (XV-XIX вв.). М.: МАКС Пресс, 2005. 331 с.
13. Díaz Viana, L. El folklore dentro de las disciplinas antropológicas: tradición y nuevos enfoques // *Perifèria. Revista de Recerca i Formació en Antropologia*, Vol. 27 Núm. 1, 2022. URL: <https://revistes.uab.cat/periferia/article/view/v27-n1-diaz>
14. Diccionario de la lengua española. 2022. URL: [<https://dle.rae.es/>] (дата обращения: 30.08.2023)
15. Mal Lara J. de La Philosophia vulgar. 1568. URL: [https://www.bibliotecavirtualdeandalucia.es/catalogo/es/catalogo_imagenes/grupo.do?path=86261] (дата обращения: 02.08.2023)

16. Mexía P. Silva de varia lección. 1673. URL: [https://archive.org/details/silvadevarialecc00mex/page/n16/mode/1up] (дата обращения: 15.08.2023).
17. Navascués J. M. Historia del Folklore. Folklore y costumbres de España. Barcelona: Ediciones Merino, 1944. T.1. P. 3-164.
18. Puertas Moya F. E. Chistes, sales y agudezas de ingenio: un subgénero encubiertamente paremiológico. 1999. URL: [https://cvc.cervantes.es/lengua/paremia/pdf/008/067_puertas.pdf] (дата обращения: 15.08.2023)
19. Santa Cruz M. de Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles 1655. URL: [https://bibliotecadigital.jcyl.es/es/catalogo_imagenes/grupo.do?path=10069745] (дата обращения: 15.08.2023).
20. Timoneda J. de El Patrañuelo. 2017. URL: [https://www.biblioteca-antologica.org/es/wp-content/uploads/2017/10/TIMONEDA-Elpatra%C3%B1uelo.pdf] (дата обращения: 20.08.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Сборники испанских паремий XVI в. и их влияние на развитие фольклористической традиции» обладает определенной актуальностью и способна вызвать читательский интерес.

Анализ списка использованных источников и литературы показал его сбалансированность и использование автором научных работ российских и зарубежных авторов при проведении данного лингвистического иберо-романского исследования. Положительно стоит отметить использование научной литературы середины предыдущего, двадцатого века по данной проблематике, что подчеркивает преемственность российской лингвистической исследовательской школы.

Статья определенно обладает научной новизной. Написана хорошим, понятным для читательской аудитории языком, логично изложена.

Между тем, следует отметить, что текст статьи не структурирован и не содержит специального методологического раздела. Авторами не представлены методы исследования, научные подходы и т.д. Тем не менее, из текста следует, что цель исследования - вопросы развития кастильского языка, его нормализации и кодификации, в целом, определена, а также определены и задачи исследования. В частности, определена, важная исследовательская проблема, когда основным иллюстративным материалом в трудах испанских грамматистов, в отсутствие развитой литературной традиции, стали пословицы и поговорки, что на несколько веков обусловило сближение интересов зарождающейся науки о фольклоре и лингвистики.

К сожалению, не представлена практическая значимость полученных научных результатов и возможности их применения.

Авторами справедливо определяется, что именно пословицы и поговорки, апофегмы и другие дидактические жанры выступают в этот период сразу в нескольких ипостасях: как пример правильного языкового узуса, как образец народной мудрости и как связующий элемент между античной традицией и ренессансом.

Положительно следует отметить представленную в научной статье периодизацию

развития испанской лингвистической мысли начиная с конца XIV по конец XVII века и ее характеристики. Подробно представлены важные работы испанской фольклористики, включая, например, знаменитый сборник апофегм, коротких историй, сентенций и афоризмов *Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles* (1574) испанского собирателя Мельчора де Санта-Крус (Melchor de Santa Cruz de Dueñas), пользующийся особым вниманием собирателей и издателей испанского фольклора. Это также сборник устных рассказов валенсийца Хуана де Тимонеды (Juan de Timoneda) «*Sobremesa y alivio de caminantes*», сборник пословиц и поговорок под названием «*La Philosophia vulgar*» Хуана де Маль Лапа (Juan de Mal Lara) и др.

Таким образом, исходя из сказанного, можно сделать вывод о возможности опубликования данной статьи в искомом научном журнале издательства.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Северина Е.М., Ларионова М.Ч. — Проект Chekhov Digital: задачи и проблемы реализации семантической разметки текстов (на примере рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника») // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68862 EDN: IHSMSE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68862

Проект Chekhov Digital: задачи и проблемы реализации семантической разметки текстов (на примере рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника»)

Северина Елена Михайловна

ORCID: 0000-0001-6518-2771

доктор философских наук

профессор, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет

344006, Россия, г. Ростов-На-Дону, пер. Университетский, 93, каб. 5

✉ emkovalenko@sfedu.ru

Ларионова Марина Ченгаровна

ORCID: 0000-0002-2955-2621

доктор филологических наук

зав. отделом гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН

344006, Россия, г. Ростов-На-Дону, ул. Чехова, 41

✉ chengarovna@yandex.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.68862

EDN:

IHSMSE

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2023

Аннотация: В статье рассматривается модель подготовки машиночитаемой (семантической) разметки текстов для проекта Chekhov Digital на примере филологической интерпретации отдельных значимых элементов рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» и представления этих сведений в явном виде с опорой на

стандарты цифровой публикации Text Encoding Initiative (TEI/XML). Выявлены значимые сущности для разметки корпуса текстов писателя, однако вопрос их репрезентации в тексте остается достаточно сложным. Проведена филологическая экспертиза таких аспектов, как «свойства, состояния и события; особенности характера» в отрывке из рассказа А.П. Чехова с точки зрения возможностей разметки TEI по сохранению филологических знаний в машиночитаемом формате. Одна из задач проекта Chekhov Digital – выйти за рамки простого оцифрованного текста и предусмотреть полезные для исследователя цифровые инструменты. Представлены элементы машиночитаемой разметки, позволяющие разметить значимые сущности в чеховских текстах для организации семантического поиска по корпусу текстов писателя, рассмотрены проблемы и исследовательские задачи, возникающие в процессе реализации такого рода междисциплинарных проектов в связи с необходимостью объединения усилий специалистов из разных областей знания. В рамках проекта реализуется принцип открытых исследовательских данных (Open Data), важнейшей задачей которого является создание научных сообществ вокруг данных. Работа над проектом привела к развитию научного сотрудничества между исследователями НИУ ВШЭ, ЮНЦ РАН и ЮФУ.

Ключевые слова:

проект Chekhov Digital, цифровое издание, Чехов, филологическая экспертиза, TEI, машиночитаемая разметка, семантический поиск, экспертная разметка, технологии автора, автоматическая обработка текста

Разработка проекта, разметка TEI подготовлены в рамках реализации проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ, № 6.13.1-02/250821-1, тема «Конвергенция языковых пластов русского языка в зеркале цифровых решений».

Литературоведческий анализ и экспертная разметка подготовлены в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Проект Chekhov Digital представляет собой семантическое издание Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова в 30 томах (далее I ПССиП)^[1], разрабатываемое в формате стандарта цифровой публикации Text Encoding Initiative (TEI/XML)^[2]. Академическое издание текстов произведений и писем писателя^[1], включая ранние редакции и различные варианты текста, состоит из двух серий: тексты произведений писателя I Сочинения (тт. I-XVIII) и Письма (тт. I-XII), для которых разрабатывается семантическая машиночитаемая разметка. Семантическое издание ПССиП позволяет включить тексты писателя в цифровой культурный контекст, открывает новые возможности для проведения академических исследований в цифровом формате и использования литературных текстов в цифровых проектах и приложениях^[3]. Разработка проекта осуществляется Центром цифровых гуманитарных исследований Института филологии журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (ИФЖИМКК ЮФУ) совместно с Международной лабораторией языковой конвергенции НИУ ВШЭ и Отделом гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук ЮНЦ РАН.

В рамках проекта Chekhov Digital разрабатывается цифровой ресурс, который включает в себя не только структурную разметку с опорой на стандарт цифровой публикации TEI/XML, но и разметку значимых сущностей в чеховских текстах, примечаниях и комментариях, что позволяет сделать документы машиночитаемыми и разработать

инструменты достаточно сложного семантического поиска информации в текстах произведений и писем писателя. В системе Text Encoding Initiative существует обширный список тегов для разметки самой разнообразной информации, в том числе внешней по отношению к тексту, – от специфики представления информации в разных типах текста (пьеса, рассказ, повесть или письмо) до имен собственных и таких социальных категорий, как социальный статус, профессиональная принадлежность и т.п. Такого рода информация создает трудности для технологий автоматической обработки текстов, поскольку может быть представлена разными способами, но описанная явно с помощью разметки TEI уменьшает сложность обработки с помощью компьютерных методов. При этом любая разметка – это форма интерпретации текста, поэтому цифровой формат представляет собой некоторый вариант интерпретации чеховских текстов. Размеченные таким образом тексты размещаются в открытом доступе на сайте проекта (<http://chekhov-digital.sfedu.ru/>), на котором дополнительно представлены некоторые цифровые исследовательские инструменты, такие как семантический поиск, инструменты визуализации и т. п..

С опорой на работы исследователей-литературоведов были выявлены значимые сущности для разметки корпуса текстов писателя – это «имена, названия; даты; времена года; цвета; свойства, состояния и события; особенности характера; природные явления; социальный статус; профессия; животные / растения; комментарии; примечания» [4]. При этом вопрос репрезентации этих сущностей в тексте остается достаточно сложным и требует разработки. Какие-то смыслы имеют вполне отчетливые лексические формы репрезентации, однако такие аспекты как «свойства, состояния и события; особенности характера» требуют рассмотрения конкретных текстов как с точки зрения филологического подхода, так и с точки зрения возможностей разметки TEI по сохранению филологических знаний в машиночитаемом формате. В качестве примера такого рода исследования мы рассматриваем отрывок из рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника»:

«В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на "Корневильские колокола". Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и... апчихи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не беспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Брижалова, служащего по ведомству путей сообщения» [5, 164].

Слово «один» в первом предложении использовано в качестве неопределенного местоимения (некий, какой-то), призванного подчеркнуть в контексте рассказа типичность ситуации. Очевидно, что это не первый выход героя в театр, следовательно, местоимение становится маркером свойства, характеристики ситуации. Словосочетание «прекрасный вечер» является маркером, скорее свойства субъективного восприятия, чем объективной характеристикой времени суток; так его воспринимает Червяков. Выражение «не менее прекрасный экзекутор» представляет собой с семантической точки зрения, сложную конструкцию. Это снова самооценка героя, при этом сочетание

«прекрасного вечера» с «прекрасным экзекутором» выражает авторскую иронию: «экзекутор» в сочетании с двумя «прекрасными» образует контраст, поскольку слово «экзекутор», с одной стороны, означает невысокий социальный статус («экзекутор м. лат. I (исполнитель) чиновник при канцелярии или присутственном месте, на котором лежат полицейские и хозяйственные обязанности» [6, 662]), а с другой стороны – родственно «экзекуции», то есть наказанию, казни.

Уже на этом примере видно, что стандартная морфологическая разметка покажет только специфику языковых форм, поэтому для разметки семантики требуется совершенно другой подход, в котором будут учтены соответствующие маркеры I свойства, характеристики ситуации (типичность); свойства субъективного восприятия – времени и профессии/социального статуса; авторской иронии, построенной по принципу контраста: профессия – прекрасная, по самооценке героя, но дающая невысокий социальный статус, и намекающая на возможность наказания.

«Иван Дмитрич Червяков» – не просто имя, 1) «Иван» отражает *национальный стереотип* (В. Г. Короленко вспоминал слова Чехова о герое пьесы «Иванов»: «Иван Иванович Иванов. Понимаете? Ивановых тысячи ... обыкновеннейший человек, совсем не герой...» [7, 143]); 2) «Дмитрич» разговорной формой подчеркивает *незначительность социального статуса*; 3) «Червяков» заранее, еще до совершения основного действия, предсказывает *раболепие и чинопочитание героя*. Имя становится *свойством*, характеризует героя как ничтожного, мелкого человека.

Однако, и это все еще первое предложение рассказа, Червяков сидит во втором ряду кресел, прямо за генералом. Сочетания сущностей (действие, место, состояние) образуют контраст между социальной незначительностью героя и его высокой самооценкой – место приобретает значение *свойства характера*. Он ощущает себя значительным лицом. Вспомним, что он «экзекутор», то есть обладает властью над нижестоящими, но одновременно «Червяков», зависимый от вышестоящих, «одной стороной бытия такое лицо всегда в ряду бессловесно трепещущих, другой – в числе безапелляционно вершащих суд» [8, 27-28]. Экзекутор Червяков – это, таким образом, контекстуальный оксюморон, а прекрасный экзекутор Червяков – оксюморон, возведенный в степень.

Использование специализированных алгоритмов извлечения именованных сущностей (Named Entity Recognition, NER) для русского языка (например, библиотека SlovNet, <https://github.com/natasha/slovnet>) дает возможность автоматически разметить в текстах фамилию, имя, отчество героя, но информация о маркерах *национального стереотипа, социального статуса и характера* героя должна быть внесена дополнительно. Например, с помощью алгоритмов NER из текста извлечены имена персонажа, для разметки которых могут быть использованы следующие теги: `<person xml:id="Червяков" subtype="personage"> <persName full_name="Червяков Иван Дмитриевич"> <forename type="first"> И в а н </forename> <forename type="patronym"> Д м и т р и ч </forename> <surname> Ч е р в я к о в </forename> </person>`.

Разметка имени персонажа позволяет обращаться к его описанию в любом месте текста с использованием атрибута `ref="#Червяков"` или `xml:id="Червяков"`, при этом описание может включать и внешние по отношению к тексту сведения, например, социально-экономический статус персонажа маркируется тегом `<socecStatus>`; статус/состояние I тегом `<state>`; занятость/профессия I `<occupation>`; события I `<event>`; а с помощью тега `<trait>` может быть указано свойство, в котором отмечен как характер героя

(например, «ничтожный»), так и стереотипность его имени. Причем эти теги с соответствующими атрибутами могут быть использованы как в описании героя, помечая его универсальные характеристики (<trait>) на протяжении всего текста, так и в описываемой в тексте конкретной ситуации/событии (<state>), что значительно уменьшает сложность автоматической обработки текста. Контекстуальный оксюморон также может быть некоторым универсальным образом помечен в тексте, например, тегом, который используется для сегментации текста и классификации элементов: <seg type = "оксюморон"> прекрасный экзекутор, <person xml:id="Червяков" > Иван Дмитрич Червяков</person></seg>. Разметка текста – это всегда некоторая форма его интерпретации, поэтому мы полагаем, что в цифровой публикации литературных текстов очень важно опираться на филологическую экспертизу.

Но первое предложение еще не окончено. Червяков «глядел в бинокль на "Корневильские колокола"». Обычно спектакль «смотрят», оперу «слушают», однако использование глагола «глядел» в сочетании с предлогом «на» и названием комической оперы вместо слов «пьеса», «спектакль» и пр., организует пространство по принципу «сверху вниз». То есть Червяков, который находится «на верху блаженства», будто с высоты взирает на «Корневильские колокола», располагается метафорически над ними, что подчеркивает не столько его наслаждение представлением, как может показаться, сколько его амбициозность. Так простое действие – «глядел на» (сущность-действие) в совокупности с названием комической оперы становится характерологическим свойством героя. Амбициозность (сущность-свойство), для разметки которого можно использовать тег <trait type = "character" key = "амбициозный">.

Примечателен здесь и выбор пьесы, на которую «глядел» Червяков. Сюжет комической оперы Р. Планкета связан с темой социального возвышения: героиня оперы в финале оказывается дочерью прежнего владельца замка Корневиль. Ее приемный отец – богат и скряга. Так Чехов намекает на тайные мечты своего героя. А для исследователя это еще один аргумент в пользу того, что в литературном произведении, особенно чеховском, нет ничего случайного, всякая деталь функциональна.

Таким образом, первые предложения могут быть размечены следующим образом с использованием описанных выше тегов: «В один прекрасный вечер не менее <seg type = "оксюморон"> прекрасный экзекутор, <trait type = "character" key = "ничтожный"> <person xml:id="Червяков"> Иван Дмитрич Червяков</person> </trait>, </seg> <trait ref="#Червяков" type = "character" key = "амбициозный"> сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на <name xml:id="Q959242"> "Корневильские колокола" </name>. Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства </trait>».

В данной разметке использован идентификатор (ID) из БД Викиданные, в которой Q959242 является ID записи о комической опере Робера Планкетта «Les cloches de Corneville (Q959242)» (URL: <https://www.wikidata.org/wiki/Q959242>). Такой формализованный подход дает возможность уже в самом начале текста описать основные характеристики героя – его ничтожность и одновременно амбициозность, которые и определяют драматический финал.

Следующее предложение начинается противительным союзом «но». Встает вопрос, отмечать ли при разметке служебные слова. Разбираемый случай свидетельствует, что делать это необходимо. Первый абзац рассказа построен по принципу антитезы: отсутствие события – событие, наслаждение и самолюбование – падение, к чему читателя готовит предшествующий текст. Чем «выше», тем «ниже», от «экзекутора» к «Червякову». Еще один пример, как сущность-место превращается в сущность-свойство.

«В рассказах часто встречается это "но вдруг". Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!» Эти два предложения усиливают антитезу, подчеркивая неожиданность, спонтанность события. Но они имеют и другие художественные функции: 1) маркируют жанр (рассказ – это повествование о событии, как правило, необычном, «внезапном», выходящем за рамки повседневности), 2) апеллируя к многочисленным авторам рассказов, указывают на жанровое клише, 3) вводят в рассказ фигуру автора-повествователя, сигнализируют о смене точки зрения, благодаря чему теперь Червяков из субъекта превращается в объект, неслучайно Чехов избирает в качестве завязки сюжета именно чихание – действие, которое почти невозможно контролировать. Актером становится не сам герой, а его отдельные части: «лицо поморщилось», «глаза подкатились», «дыхание остановилось» (совершенно гоголевский прием, ср. повесть Н. В. Гоголя «Нос»). Глаголы несовершенного вида сменяются глаголами совершенного вида, что демонстрирует быстроту смены состояний. Этот ряд завершается звукоподражанием «апчи!!!», которое вообще не имеет лица, рода и пр.: действие (сущность), оно же событие (сущность), совершается само по себе, без участия деятеля. А герой совершает действия, направленные на разрушение образа, созданного первой частью антитезы: он отводит от глаз бинокль и наклоняется, таким образом осуществляя движение (сущность-действие) сверху вниз, что одновременно является реализацией метафоры «смотреть свысока, сверху вниз» (сущность-особенность характера).

Автоматическая морфосинтаксическая разметка текста позволяет получить токены (словоформы), леммы (исходные формы), теги частей речи и грамматических признаков для каждой леммы, а также дерево синтаксических отношений с вершинами и зависимыми (полный список отношений UD v.2 и их определений см. <https://universaldependencies.org/u/dep/index.html>). Для разметки использована программа автоматического морфологического и синтаксического анализа UDPipe 2 [9]. В нашем исследовании использована модель UDPipe, обученная на данных синтаксического корпуса зависимостей UD-SynTagRus 2.6 для русского языка (SynTagRus, [10]). Этот корпус в настоящее время является стандартным русскоязычным набором данных для обучения современных нейросетевых парсеров (UDpipe, Stanford NLP, Turku NLP, DeepPavlov и др.). При этом некоторые конструкционные особенности синтаксиса можно использовать для семантической разметки. Например, в предложениях «Но вдруг...», «В рассказах часто встречается это но вдруг» конструкция «но вдруг» размечается как «ADV (root/conj) + CCONJ (cc)», выполняя функцию согласования (соединения), причем «но» ставится всегда в зависимое положение от «вдруг» [11], а в предложении «Но вдруг лицо его поморщилось глаза подкатились дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль нагнулся и... апчи» эта конструкция распадается и каждое слово становится зависимым от глагола «поморщилось», образуя предикативные связи: «VERB (root) + CCONJ (cc)» | конструкция согласования (поморщилось + но), и «VERB (root) + ADV (advmod)» | конструкция, меняющая значение глагола (поморщилось + вдруг). Такого рода изменения в использовании конструкций можно рассматривать как маркеры в изменении семантики, однако для использования в алгоритме автоматической разметки это требует дальнейшего изучения. В свою очередь с помощью автоматически полученных тегов частей речи и грамматических признаков для каждой леммы может быть размечена закономерность смены состояний, когда глаголы несовершенного вида сменяются глаголами совершенного вида. Но художественные функции и метафора, о которых речь шла выше, не могут быть размечены автоматически, а следовательно, должны быть размечены экспертно, например: <seg type = "metaphor"> он отвел от глаз бинокль нагнулся и </seg>. Разметка может быть дополнена конкретным значением метафоры, но даже в таком

общем виде облегчит поиск метафор в тексте. Звукоподражание может быть отмечено в тексте следующим образом `<vocal who="#Червяков"> апчихи!!! </vocal>`, что позволит организовать поиск по такого рода элементам.

Далее в повествование опять вступает рассказчик, именно ему принадлежит комментарий о спонтанности, случайности чихания: *«Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают»*. Глагол *«не возбраняется»* с отрицательной частицей в безличном предложении, где под действующим лицом подразумевается некая надличная сила или стихия, как полагал А. А. Потебня^[12], контрастно коррелирует с *«эксекутором»*, который *«бранит»*, *«возбраняет»*. Чихание соотносится исключительно с физиологией, а не с социальным статусом, что Чехов подчеркивает перечислением социальных ролей и усилительной частицей *«даже»*. Однако при внимательном прочтении оказывается, что социальная тема прорывается во фрагменте *«и иногда даже и тайные советники»*, где сочетание *«чихания»* с чином *«тайный (советник)»* дезавуирует мысль об общедоступности чихания, поскольку тайные советники и чихают тайно, что подчеркивается наречием *«иногда»* (сущность-время) и усилительной частицей *«даже»* (сущность-степень действия) – ирония. Такой прием напоминает вышивание стебельчатым швом: новый стежок начинается с середины предыдущего. Так и у Чехова: одна тема начинается *«внутри»* другой и каждый новый *«стежок»* захватывает обе темы.

Это видно и в следующем примере: *«Червяков нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?»* *«Нисколько не сконфузился»* отрицательно коррелирует с глаголом *«утерся»*, поскольку он обозначает не только *«вытерся»*, но и *«получил что-то неприятное, оскорбительное»*, ср. фразеологизм *«утереть нос»*, то есть *«проявить превосходство»*. Условно говоря, физиология проявила превосходство над самоощущением героя, его внутренней *«высотой»*, он вынужден метафорически *«утереться»*. То есть все-таки Червяков сконфузился, потому и проверяет, не обеспокоил ли кого-нибудь чиханием. Характеристика *«вежливый человек»* в таком случае звучит иронически. А следующее предложение: *«Но тут уж пришлось сконфузиться»*, – логически, *«стебельчатым швом»*, вытекает из предыдущих, чему способствует и повтор глагола *«skonфузиться»* (действие-состояние), теперь уже в прямом, не в отрицательном значении, то есть Червяков рухнул с пьедестала, на который сам себя возвел.

С помощью языка разметки TEI мы можем как отметить звукоподражательные элементы, так и социальный статус чихающих, что позволит облегчить поиск такого рода элементов: `<<vocal who="#Червяков"> Чихнул </vocal>, как видите. <vocal> Чихать </vocal> никому и нигде не возбраняется. <vocal> Чихают </vocal> и <socecStatus type="мужик"> мужики </socecStatus>, и <socecStatus type="полицмейстер"> полицеймейстеры </socecStatus>, и иногда даже и <socecStatus type="тайный советник"> тайные советники </socecStatus>. Все <vocal> чихают </vocal>»`.

При этом вопрос о необходимости сохранять в формате разметки все элементы филологического анализа остается открытым, например: метафору *«утерся платочком»* следует разметить для поиска с помощью тега `<seg type="metaphor">`, но стоит ли размечать ироническую характеристику персонажа *«вежливый человек»*, вводя дополнительные теги, тем более, что возникает неоднозначность в определении границ контекста, в котором ирония будет распознаваема при автоматическом поиске.

Глагол *«увидел»* в следующем предложении соотносится с начальным *«глядел на (Корневильские колокола)»*. Но теперь это простое действие растерянного человека.

Точка зрения опять перешла к герою. Он осознает, что впереди, в первом ряду (отсылка ко второму ряду Червякова), сидит «старичок» (не «старик», именно «старичок» в глазах сконфузившегося Червякова), при этом генерал, и он не «утирается», а «вытирает» лысину и шею и бормочет что-то, что Червяков принимает на свой счет, то есть опять метафорически «утирается», еще больше «конфузится». Фамилия генерала тоже говорящая, «ассоциируется с глаголами "брызгать", "брезговать" или "брызжать", "докучать", "надоедать"» [13, 36]. То есть генерал не так безобиден, как может показаться [см. 14]. Можно предположить, что название ведомства, в котором служит генерал, – «путей сообщения» – избрано Чеховым не случайно, в нем, кроме прямого, можно усмотреть переносный смысл: пути сообщения – это пути коммуникации. Именно эта коммуникация в рассказе не состоится.

Такого рода анализ показал, что необходимо обращать внимание на изучение глагольных форм и нестандартные формы существительных («старичок»), характеристики которых могут быть автоматически извлечены из текста с помощью морфосинтаксического парсера (см. выше) и размечены автоматически. Фамилия генерала может быть извлечена из текста с помощью алгоритмов NER и размечено с учетом его социального статуса «статский генерал»: `<person xml:id="Бризжалов" subtype="personage"> <persName> Бризжалов </persName> <socecStatus type="статский генерал"> статский генерал </socecStatus> </person>`. В этом случае к описанию персонажа в тексте можно обращаться с использованием атрибута `ref="#Бризжалов"` или `xml:id="Бризжалов"`.

Таким образом, первый абзац является в полном смысле завязкой рассказа: в нем намечены основная сюжетная линия, характеристики героев и предсказывается драматический финал. Этот фрагмент пронизан внутренними связями, переключками, подобными тем, которые В. Б. Катаев назвал «драматическими рифмами», образующими «единое резонирующее пространство» [15, 3-4]. Чихание в рассказе оказывается не только физиологическим, но и социальным актом. «Пристальное прочтение» даже одного фрагмента выявляет художественную «технология» писателя, в том числе и природу присущего его рассказам лаконизма.

Сложность семантической разметки определяется многими аспектами, в том числе «технологией» автора, к которой можно отнести и наличие переносных значений у слов и конструкций; и невозможность автоматического распознавания иронии, которая не имеет вербальных способов выражения; и «сложносоставность» художественных приемов, когда ирония дополняется метафорой, контекстуальным оксюмороном и пр.; и прием «стебельчатого шва», когда одна тема начинается «внутри» другой и каждый новый «стежок» захватывает обе темы; и т. д.. Кроме того, сама «технология» обработки имеет сложности, связанные с автоматическим выделением сущностей в тексте, ограничением формальных приемов их разметки и самого языка разметки, а также необходимостью привлечения экспертов на разных этапах разметки, что предполагает наличие у исследователей специализированных знаний в области цифровой филологии.

Разметка текста – это всегда некоторая форма его интерпретации, поэтому мы полагаем, что в цифровой публикации литературных текстов очень важно опираться на филологическую экспертизу, с помощью которой могут быть выделены соответствующие категории для разметки. Например, наше исследование показало, что необходимо классифицировать и размечать такие художественные приемы в тексте, как метафора или антитеза и оксюморон, выявлять и размечать чеховские «говорящие» фамилии с их свойствами и характеристиками, переносные смыслы чеховского текста, иронические

характеристики людей и ситуации, и многое другое.

Таким образом, разработка экспертной разметки, т. е. сохранение филологических знаний в машиночитаемом виде, ставит ряд задач перед исследователями. Например, реализация расширенного поиска для семантических изданий предполагает разметку более широкого спектра значимых элементов, таких как цвет/запах/вкус; природные явления; пространство и т. п., которые будут интересны филологам-исследователям. Но вопрос репрезентации этих сущностей в тексте остается достаточно сложным и требует дополнительных исследований. Кроме того, существует опасность предзаданной интерпретации, которая сохранится в текстах в машиночитаемом виде, но в то же время она может стать основой нового типа комментария, объединяющего тексты и смыслы, усложняющего и обогащающего понимание текста, давая возможность его включения в более широкий контекст: исторический, культурный, биографический и т.д.. Использование экспертной разметки для обучения алгоритмов машинного обучения кажется очень перспективной задачей для разметки других текстов, создания приложений в различных областях знания, связанных с текстом. И этот список далеко не исчерпан. Каждый из этих вопросов важно рассматривать с точки зрения проблем, которые требуют своего осмысления и решения.

Наша задача – поставить вопрос о сложности реализации такого рода междисциплинарных проектов и необходимости объединения усилий специалистов из разных областей знаний.

Библиография

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1983.
2. TEI Consortium, eds. TEI P5: Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange. Version 4.6.0. Last updated on 4th April 2023. TEI Consortium. URL: <https://tei-c.org/guidelines/p5/>
3. Северина Е. М., Бонч-Осмоловская А. А., Кудин А. М. Цифровые филологические практики: проект "Chekhov Digital". Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 153-165. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-153-165>.
4. Северина Е.М., Ларионова М.Ч. Новые филологические практики: семантическое издание текстов А. П. Чехова. Филология: научные исследования. 2020, № 10, с. 13-21. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.10.33970.
5. Чехов А. П. Смерть чиновника // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 164–166.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1989.
7. Короленко В. Г. Антон Павлович Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1960. С. 135–148.
8. Бердников Г. П. А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. М.: Художественная литература, 1984.
9. M. Straka, J. Straková, J. Hajič (2019): UDPipe at SIGMORPHON 2019: Contextualized Embeddings, Regularization with Morphological Categories, Corpora Merging. In: Proceedings of the 16th SIGMORPHON Workshop on Computational Research in Phonetics, Phonology, and Morphology, pp. 95-103, Association for Computational Linguistics, Stroudsburg, PA, USA, ISBN 978-1-950737-36-9.

10. Дяченко П. В., Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Л. Г. Митюшин, О. Ю. Подлесская, В. Г. Сизов, Т. И. Фролова, Л. Л. Цинман. Современное состояние глубоко аннотированного корпуса текстов русского языка (СинТагРус) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2015. № 6. С. 272-300.
11. M.-C. de Marneffe, T. Dozat, N. Silveira, K. Haverinen, F. Ginter, J. Nivre, & C. D. Manning. 2014. Universal Stanford dependencies: A cross-linguistic typology. In Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'14), pages 4585–4592, Reykjavik, Iceland. European Language Resources Association (ELRA). URL: https://nlp.stanford.edu/pubs/USD_LREC14_paper_camera_ready.pdf
12. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. Т. 3. М.: Просвещение, 1968.
13. Болотова Е. А. Антропонимическая языковая мозаика «говорящих» имен и фамилий // The Scientific Heritage. 2019. № 4. С. 35–39.
14. Ларионова М.Ч., Шепелева О.А. Отчего умер Червяков? Традиционная культура в рассказе А.П. Чехова «Смерть чиновника» // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2019. № 1. С. 36–41. <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-36-41>.
15. Катаев В.Б. «Степь»: драматургия прозы // Таганрогский вестник. Материалы международной научно-практической конференции «"Степь" А. П. Чехова: 120 лет». Вып. 3. Таганрог: ООО «Изд-во Лукоморье», 2008. С. 3–9.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цифровая обработка текста на данном историческом этапе является продуктивной задачей, ориентирующей исследователей на более пристальное внимание к языку. Следовательно, языковая система оценивается и формально, и содержательно, это дает возможность объемнее представлять механизмы функционирования естественной знаковой парадигмы. Рецензируемая статья сформирована как аналитический обзор проекта «Chekhov Digital», который представляет собой семантическое издание Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова в 30 томах (далее ПССиП), разрабатываемое в формате стандарта цифровой публикации Text Encoding Initiative (TEI/XML). Как отмечается в начале труда, «разработка проекта осуществляется Центром цифровых гуманитарных исследований Института филологии журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (ИФЖИМКК ЮФУ) совместно с Международной лабораторией языковой конвергенции НИУ ВШЭ и Отделом гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук ЮНЦ РАН». Автор дает достаточно подробный алгоритм работы системы, описывает нюансы, комментирует тонкости: «в системе Text Encoding Initiative существует обширный список тегов для разметки самой разнообразной информации, в том числе внешней по отношению к тексту, – от специфики представления информации в разных типах текста (пьеса, рассказ, повесть или письмо) до имен собственных и таких социальных категорий, как социальный статус, профессиональная принадлежность и т.п. Такого рода информация создает трудности для технологий автоматической обработки текстов, поскольку может быть представлена разными способами, но описанная явно с помощью разметки TEI уменьшает сложность обработки с помощью компьютерных методов. При этом любая разметка – это форма интерпретации текста, поэтому цифровой формат

представляет собой некоторый вариант интерпретации чеховских текстов. Размеченные таким образом тексты размещаются в открытом доступе на сайте проекта (<http://chekhov-digital.sfedu.ru/>), на котором дополнительно представлены некоторые цифровые исследовательские инструменты, такие как семантический поиск, инструменты визуализации и т.п.». Далее на материале цифровой обработки рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника» проиллюстрирован основной процесс. Кроме чисто технических звеньев, дана и аналитика механизма. Автор старается полновесно раскрыть суть оценки: например, «уже на этом примере видно, что стандартная морфологическая разметка покажет только специфику языковых форм, поэтому для разметки семантики требуется совершенно другой подход, в котором будут учтены соответствующие маркеры свойства, характеристики ситуации (типичность); свойства субъективного восприятия – времени и профессии/социального статуса; авторской иронии, построенной по принципу контраста: профессия – прекрасная, по самооценке героя, но дающая невысокий социальный статус, и намекающая на возможность наказания», или «использование специализированных алгоритмов извлечения именованных сущностей (Named Entity Recognition, NER) для русского языка (например, библиотека SlovNet, <https://github.com/natasha/slovnet>) дает возможность автоматически разметить в текстах фамилию, имя, отчество героя, но информация о маркерах национального стереотипа, социального статуса и характера героя должна быть внесена дополнительно. Например, с помощью алгоритмов NER из текста извлечены имена персонажа, для разметки которых могут быть использованы следующие теги: Иван Дмитрич Червяков» и т.д. Основная задача по ходу работы решена, цель, таким образом, также достигнута. На мой взгляд, было бы правильно вывести полный анализ рассказа, он не такой уж и большой, было бы интересно и полновесно. Разметка текста, как отмечает автор статьи, это некоторая форма интерпретации; да, отчасти с этим можно согласиться, принять во внимание. Материал можно использовать в качестве образчика аналитической процедуры оценки разметки текста, цифровой обработки высказывания. Стиль данного труда тяготеет к собственно научному типу, термины / понятия используются унифицировано. Работе присуща внутренняя логика, логика открытого движения мыслей. Например, «сложность семантической разметки определяется многими аспектами, в том числе «технологией» автора, к которой можно отнести и наличие переносных значений у слов и конструкций; и невозможность автоматического распознавания иронии, которая не имеет вербальных способов выражения; и «сложносоставность» художественных приемов, когда ирония дополняется метафорой, контекстуальным оксюмороном и пр.; и прием «стебельчатого шва», когда одна тема начинается «внутри» другой и каждый новый «стежок» захватывает обе темы; и т. д.. Кроме того, сама «технология» обработки имеет сложности, связанные с автоматическим выделением сущностей в тексте, ограничением формальных приемов их разметки и самого языка разметки, а также необходимостью привлечения экспертов на разных этапах разметки, что предполагает наличие у исследователей специализированных знаний в области цифровой филологии». Формально итоги подведены, но автор оговаривает, что указанная проблема должна разбираться далее. Это, на мой взгляд, весьма хороший итог: «разработка экспертной разметки, т. е. сохранение филологических знаний в машиночитаемом виде, ставит ряд задач перед исследователями. Например, реализация расширенного поиска для семантических изданий предполагает разметку более широкого спектра значимых элементов, таких как цвет / запах / вкус; природные явления; пространство и т. п., которые будут интересны филологам-исследователям. Но вопрос репрезентации этих сущностей в тексте остается достаточно сложным и требует дополнительных исследований». Список источников достаточен, цитации / ссылки даются с учетом требований издания. С учетом сказанного

нет оснований не допустить текст к публикации, рекомендую статью «Проект Chekhov Digital: задачи и проблемы реализации семантической разметки текстов (на примере рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника»)» к открытой печати в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Ц. — Проблема «народности» в концепции почвенничества Достоевского // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.40840 EDN: IJDALE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40840

Проблема «народности» в концепции почвенничества Достоевского

Ян Цзинхун

ORCID: 0009-0000-7340-7184

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра истории русской литературы, Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Лебедева, Ленинские горы, д. 1, Главное здание МГУ, корпуса Е

✉ yangj@my.msu.ru[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.10.40840

EDN:

IJDALE

Дата направления статьи в редакцию:

26-05-2023

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию проблемы народности в концепции почвенничества Ф. М. Достоевского. Объектом исследования стали взгляды писателя на народ и его роль в формировании культуры, предметом – категория «народность», представленная в публицистическом и художественном творчестве Ф. М. Достоевского. Целью статьи является выявление исторического контекста, в котором формировались и развивались представления писателя о народности, и освещение разных аспектов проблемы народности в произведениях Ф. М. Достоевского. Научная новизна данного исследования заключается в том, что автором впервые рассматривается проблема народности в аспекте отношения Достоевского к утилитаризму и формуле «среда заела». В работе, наряду с общенаучными методами анализа, синтеза и обобщения, используются описательный, биографический и культурно-исторический методы исследования. В результате проведенного научного исследования автор указывает на неизбежность возникновения почвенничества в русской общественной жизни второй

половины XIX в. и анализирует позицию писателя в споре западников и славянофилов, приходя к выводу, что Ф. М. Достоевский не выступал против западной, материальной в своей основе, цивилизации, но решительно отвергал ее неизбежный побочный продукт – духовное вырождение. Писатель утверждал заложенную в русской православной культуре силу противостоять эрозии западной культуры и призывал русский народ взять на себя миссию мессии. Представления Достоевского о народности, как и его почвенничество, доказывают уверенность писателя в русском народе и русской культуре. Результаты научно-исследовательской работы могут быть использованы в дальнейшем изучении творчества Ф.М. Достоевского, а также в преподавании истории русской литературы в школе.

Ключевые слова:

Достоевский, народность, почвенничество, почва, русский народ, православие, западничество, славянофильство, русская идея, духовность

Введение

Термин «почвенничество» впервые появился в публицистике Ф. М. Достоевского, призывавшего прогрессивную общественность вернуться к «своей почве», к народным, национальным началам, к православной культуре, которую исповедует русский народ. Свое официальное рождение как литературно-общественное направление почвенничество ознаменовало созданием ежемесячного журнала «Время» в 1860 г., в частности публикацией «Объявления о подписке на журнал «Время» на 1861 год». Идеологами почвенничества стали Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов. Почвенники пытались исправить недостатки славянофильства, примирить противоречия между славянофильством и западничеством, разрешить спор о большой разнице между европейской цивилизацией и русским национальным началом. Просуществовав более 20 лет, это литературно-общественное направление постепенно угасло после смерти Ф. М. Достоевского.

Будучи одной из главных идеологических основ почвенничества, проблема народности в творчестве Достоевского представляется чрезвычайно злободневной. В последнее время она все чаще оказывается в центре внимания исследователей. Актуальность нашего исследования определяется оформившейся в науке потребностью понять «народную почву» творчества Достоевского как «великого искусства синтеза разноконфессиональных и национально-культурных традиций» [2]. Содержание исследования составляет анализ концепции народности Достоевского, представленной в статьях, заметках, письмах и публицистических очерках «Дневника писателя». В основу исследования положены описательный, биографический и культурно-исторический методы изучения литературы. Применение в работе синтетического подхода позволяет проанализировать контекст становления и развития идей народности Ф. М. Достоевского и разные аспекты освещения писателем этой проблемы. В соответствии с намеченной целью поставлены следующие задачи: показать становление, развитие и эволюцию представлений Ф. М. Достоевского о народности; рассмотреть взгляды писателя на народ и на взаимоотношения интеллигенции и народа, утилитаризм и формулу «среда заела».

Исторический контекст формирования и развития

представлений Ф. М. Достоевского о народности

Акцент Достоевского на проблеме народности тесно связан с его идеями почвенничества, возникновение которых имело историческую неизбежность. С одной стороны, революции 1848–1849 гг. в европейских странах полностью уничтожили старое общественное устройство, славянофилы опасались, что революционные идеи разрушат самобытность русского общества, поэтому стали отстаивать роль Русской православной церкви в просвещении народа. С другой стороны, в середине XIX в. отсталость феодально-крепостнической системы хозяйства в России тормозила развитие капитализма в стране и определяла общее отставание Российского государства от передовых держав. В конце 1850-х–начале 1860-х годов освобождение крестьян уже воспринималось как неизбежное, судьба народа и его бедственное положение стали центром внимания общественной мысли России.

В дискуссии о судьбе народа славянофилы и западники сосредоточили свое внимание на трактовке понятия «народность» и его проявлении в искусстве, науке, культуре, философии, истории. Славянофилы понимали народность как ядро культуры, но они идеализировали русскую старину и народ и в какой-то степени намеренно игнорировали инертность и недостатки русского народа. По мнению западников, ценность понятия «народность» заключается именно в необходимости обнажать собственные пороки России и пробудить самосознание русского национального духа. Они выступали за европеизацию России и считали просвещение народа своей первоочередной задачей. Хотя почвенники продолжили традиции славянофилов, они занимали нейтральную позицию в споре западников и славянофилов. В статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский не украшает «розовую российскую историю в глазах славянофилов», а прагматично смотрит на действительность и осмеливается взглянуть в лицо «русской почве, которой грозит разъедание, особенно духовному разложению и вырождению народа» [7, с. 100]. Писатель утверждает заложенную в русской истории и культуре силу противостоять эрозии западной культуры, не выступая против западной материальной цивилизации, науки и образования, но решительно отвергая ее неизбежный побочный продукт — духовное вырождение, в основном воплощенное в атеизме.

Эволюция представлений Ф. М. Достоевского о народности

Понимание Достоевским национального и социального аспектов проблемы народности не оставалось неизменным: «в ходе развития писателя оно претерпело эволюцию и вместе с тем глубокие внутренние преобразования» [17, с. 390]. Принято считать, что писатель пережил «перерождение убеждений» в период каторги, где он открыл для себя величие и красоту русского народа. Однако в книге «Неоконченное путешествие Достоевского» при анализе биографии и некоторых аспектов публицистики писателя Робин Миллер отмечает, что перемена в Достоевском произошла ещё до того, как он прибыл в Сибирь [13, с. 24]. Действительно, Ф. М. Достоевский всегда придавал большое значение проблеме народности. Начиная с дебютного романа «Бедные люди» писатель стал обращать внимание на жизнь и психологию низших слоев общества, а затем создал целую серию романов, в которых читатель находит галерею образов простых людей из народа. Повесть «Хозяйка», опубликованная в 1847 году, «ознаменовала начало литературного выражения идей почвенничества Достоевского» [6, с. 28]. В ней впервые затрагивается ключевая проблема в концепции писателя о народности – проблема взаимоотношений интеллигенции и народа, создается образ «интеллектуала-мечтателя», вступившего в непосредственное «соприкосновение» с народом, воплощенным в образах Екатерины и Мурина. Однако инсценировка смертной казни Достоевского,

последующие ссылка и каторга серьезно повлияли на его представления о народности. Жизнь в Сибири с людьми из низшего сословия, включая преступников и грабителей, приводит его к более глубокому пониманию сущности русского менталитета. «В остроге Достоевский ощутил себя частью каторжного братства, народа. Это определило его тетрадное увлечение народным красноречием, устной афористической фразеологией» [\[9, с. 215\]](#). Вернувшись в Петербург, писатель по-прежнему поддерживает регулярные контакты с простыми читателями, людьми из разных слоев общества. В рецензии на пьесу А. Н. Островского «Гроза» Ф. М. Достоевский критикует господствующее в литературном кружке мнение, рассматривающее «Грозу» как критику темной реальности, утверждая, что самое ценное в произведении — «народность», воплощенная в героине Катерине, и это «новое слово» в русской литературе [\[11, т. 18, с. 44\]](#).

Таким образом, проблема народа и народности составляет неотъемлемую часть почвенничества Достоевского, она оказала существенное влияние на его духовное обращение и творческую деятельность. Как подчеркивал сам Достоевский в «Дневнике писателя» (1876): «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее» [\[11, т. 22, с. 44\]](#). Уточнение понимания Ф. М. Достоевским проблемы народности поможет полнее понять его идеи почвенничества.

1. Достоевский об идеале и исторической миссии народа

«Почва», о которой говорили почвенники, эквивалентна «народу» в славянофильском понятии «народность», то есть всему народу, кроме господствующего класса и дворянства, особенно тем крестьянам, которые сохранили православную культуру в неприкосновенности до наших дней. Другими словами, народ — это те, кто сохранил свою «народность». Достоевский отмечал, что в русском языке «христианство» и «крестьянство» не только сходны по произношению, но и имеют одно и то же культурное значение. «Русский человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может. Он всю землю свою, всю общность, всю Россию назвал христианством, "крестьянством"» [\[11, т. 26, с. 302\]](#). Учение Православной церкви является общим верованием русского народа и основой общепризнанных моральных норм и представлений о добре и зле. Народ может устранить общественное зло посредством личного духовного очищения и нравственного совершенствования на основе христианского учения и затем построить справедливое общество, в котором все счастливы.

Как подчеркивает С. А. Нижников, «народ в его историческом развитии и современном состоянии, в полноте его реальных сил и духовных запросов для Достоевского есть "почва", вне которой немыслимо продуктивное творчество» [\[14, с. 107\]](#). В «Дневнике писателя» Достоевский много раз упоминает, что русский народ обязательно внесет свой вклад в решение проблем, стоящих перед славянскими и европейскими народами, пошлет голос Православной церкви человечеству. Писатель предугадывает, что «характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» [\[11, т. 18, с. 37\]](#). Историческая миссия русского народа — следовать духу Христа, чтобы решить проблемы человеческой судьбы. Достоевский верил в духовные силы русского народа и считал, что русский

народ обладает мудростью и силой для выполнения своей исторической миссии. Вл. Соловьев считал, что уверенность Достоевского в особой исторической роли русского народа основана на том, что он видел в народе «необыкновенную способность усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций» и «сознание своей греховности» [\[16, с. 304\]](#). Народ в глубине души носит образ Христа и испытывает жажду очищения и подвига.

Следует отметить, что Достоевского часто критиковали и критикуют до сих пор за утопизм и идеализацию народа. Однако, возлагая на народ большие надежды, писатель не игнорировал такие негативные качества русского народа, как пьянство, бесшабашность, жестокость и др. Представление Достоевского о народе формулируется в условиях тесной близости с повседневной жизнью крестьян, на каторге перед ним раскрывается подлинное лицо простонародной массы. «Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали» [\[11, т. 28, с. 169\]](#). Тем не менее Достоевский находит положительные стороны в русском народе, в письме брату Михаилу он замечает: «И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото» [\[11, т. 28, с. 172\]](#). Можно сказать, что вместо того чтобы преувеличивать достоинства народа и умалять его недостатки, писатель объективно различает и разделяет их. Ф. М. Достоевский всегда отличался доброжелательностью и уважением к народу. По его мнению, дефект и испорченность части «почвы» не означает, что вся «почва» испортилась, потому что в целом «почва» осталась нетронутой, народ сохранил в неприкосновенности духовную основу православной культуры.

2. Достоевский о народе и интеллигенции

Проблема взаимоотношения народа и интеллигенции была в русской истории петербургского периода одной из главных, не менее актуальна она была и для Ф. М. Достоевского. Реформа Петра Великого, по мнению писателя, «раздвинула кругозор русской интеллигенции, через нее она осмыслила будущее значение свое в великой семье всех народов». С другой стороны, петровская реформа слишком дорого обошлась, так как «она разъединила интеллигенцию с народом» [\[11, т. 18, с. 36\]](#). Писатель отмечает, что «реформа Петра несомненно оторвала одну часть народа от другой, главной. Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела» [\[11, т. 20, с. 14\]](#). Реформы сверху затронули только русскую аристократию, но не народ, они лишь отделили интеллектуалов-аристократов от народа, не изменив традиционную русскую культуру. Русский народ ощущал только «усиленную эксплуатацию, жестокость» [\[3\]](#) и по-прежнему жил «отдельно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью» [\[10, т. 1, с. 384\]](#). Как указывает А. А. Васильев, «образ почвы сохраняется в нетленном виде в памяти простого народа – крестьянства и купечества, поскольку эти социальные слои в меньшей степени были подвергнуты влиянию западноевропейской образованности» [\[8\]](#). Ф. М. Достоевский призывает интеллигенцию вернуться к народу, к почве, чтобы завершить великое общее дело человечества, потому что только русский народ сохранил великие православные идеалы. Писатель рассматривает европеизированную русскую интеллигенцию как заблудшие души, временно оторванные от народной почвы из-за реформы Петра Великого, но общие национально-культурные гены и духовная основа интеллигенции и народа определяют то, что интеллигенты лишь временно отделены от народа, но им

суждено слиться с народом и стать его проводниками.

Стоит отметить, что в произведениях Достоевского нередко встречаются эпизоды покаяния интеллигенции перед народом и целования земли. Например, в «Преступлении и наказании» Раскольников, по совету Сони, вышел на площадь, покаялся перед народом и поцеловал землю с наслаждением и счастьем. В «Братьях Карамазовых» Алеша Карамазов, по духовному завещанию старца Зосимы, поцеловал землю со слезами на глазах, обнимал ее и иступленно клялся любить ее во веки веков. Слово «земля» часто используется как концептуальная метафора «народ», а «целование земли» показывает возвращение интеллектуалов к «народной правде». «Для Достоевского спасение отъединенной от мира и замкнутой на себе личности осуществимо только через приобщение к народу, осознание себя частью единого в Боге целого, и необходимым символическим моментом этого становится покаяние и искупление вины перед оскверненной им Землей, а также символическое же соединение с ней» [12, с. 138]. В книге «Толпа, массы, политика» М. А. Хевеши отмечает, что в русской интеллигенции преобладало чувство «вины перед своим народом», чувство покаяния, и это порождало определенное народопоклонничество [18, с. 61]. Исповедь перед народом и страдание — необходимый для русской интеллигенции путь к самоспасению и духовному совершенству. Достоевский не желал признавать, что аристократия как основная масса высокообразованной интеллигенции представляла собой отдельный класс, он считал, что вся Россия представляет собой один класс. Предпосылкой примирения классов является перерождение высших классов в народ «за счет потери своей классовости — она должна была "слезть", "исчезнуть", "раствориться", "растаять", по Достоевскому, во всерусской и, более того, всемирной общине» [15, с. 47]. Ф. М. Достоевский принимал идеал за действительность, что отражает «тон теории примирения классов» [14, с. 133]. Это также соответствует утопическому ожиданию писателя, что интеллигенция способна не только интегрироваться с народом, но и привнести ему высшую культуру и науку Запада.

3. Отношение Достоевского к утилитаризму и формуле «среда заела»

Всякое искусство, как показывает Анджей де Лазари [1, с. 135], неизбежно содержит признаки народности, и самая существенная сила произведений искусства заключается в её связи с жизнью, с действительностью. Восприятие Достоевским «крестьянского вопроса» ярко отражается в его отрицательном отношении к художественному утилитаризму.

В отличие от утилитарных эстетических взглядов Добролюбова и Чернышевского, Достоевский в какой-то степени защищал позицию «искусства ради искусства» и призывал вернуться к самому искусству. По его мнению, искусство должно освободиться от оков утилитаризма, поскольку утилитарное выражение определённых социальных или политических идей нанесёт ущерб творческой свободе художника. Критики не должны предъявлять искусству никаких политических требований, искусство выражает вечную потребность человеческого духа в красоте, поэтому невозможно четко определить границы между полезным и бесполезным, прогрессом и отсталостью в искусстве. Самой яркой иллюстрацией взглядов писателя служат его комментарии к картине И. Е. Репина «Бурлаки на Волге». В статье «По поводу выставки» Ф. М. Достоевский признается, что картина ему очень понравилась, так как художник не внёс никаких «предубеждений» в изображение бурлаков: «К радости моей, весь страх мой оказался напрасным: бурлаки, настоящие бурлаки и более ничего. Ни один из них не кричит с картины зрителю: "Посмотри, как я несчастен и до какой степени ты задолжал народу!" И уж это одно

можно поставить в величайшую заслугу художнику» [\[11, т. 21, с. 74\]](#).

В вопросе о народности Достоевский всегда выступал против формулы «среда заела». На его взгляд, существующее социальное зло коренится не в обществе, а в самом человеке, и такого же мнения придерживается русский народ. В народе преступление обычно называют несчастьем, а преступника – несчастным, в этом названии присутствует чувство самообвинения — «если мы считаем, что сами иной раз еще хуже преступника, то тем самым признаемся и в том, что наполовину и виноваты в его преступлении. Если он преступил закон, который земля ему написала, то сами мы виноваты в том, что он стоит теперь перед нами. Ведь если бы мы все были лучше, то и он бы был лучше и не стоял бы теперь перед нами...» [\[11, т. 21, с. 15\]](#). Человеку не должно обвинять среду, окружающая среда всецело зависит от самого человека и его постоянного покаяния и самосовершенствования, «ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучше. Ведь только этим одним и можно ее исправлять» [\[11, т. 21, с. 15\]](#). Наоборот, если потакать распространению учения о «среде», в душе народа будет полное опустошение, моральная беспомощность и психологическое бессилие, люди перестанут верить в Бога, а без сдерживающего действия Бога нравственная основа общества окажется на грани краха. В этом смысле, как показывает Ван Хайсон, «формула "среда заела" намеренно усиливает и даже в известной степени искажает рациональный дух Просвещения, игнорирует и подавляет гуманистическую заботливую сторону Просвещения» [\[5, с. 206\]](#). В природе действительно выживают «наиболее приспособленные», но дарвинизм вообще не применяется к социальным и экономическим отношениям в обществе. Социал-дарвинизм открывает в человеке только животную природу и совершенно игнорирует его духовный мир, что противоречит духу православия. Народ нуждается в гуманитарной заботе и любви, ведь «не хлебом единым жив человек».

Заключение

Таким образом, Ф. М. Достоевский не отрицает величия западной культуры и цивилизации, но подчеркивает «общечеловечность» православия и русского народа, призывает русский народ взять на себя миссию мессии — не только спасти русский народ, но и в дальнейшем найти путь к коллективному счастью человечества. Представление Достоевского о народности, как и его почвенничество, формировалось на основе аргументации и критики западников и славянофилов. Его взгляды, по существу, были ближе к воззрениям славянофилов и основывались на вере писателя в русский народ и русскую культуру. Достоевский рассматривал русский народ как божественный источник, которому интеллектуалы должны поклоняться, чтобы черпать из него веру в Бога. В вопросе о народности Достоевский всегда выступал против художественного утилитаризма и формулы «среда заела». Он опасался, что распространение формулы «среда заела» приведет к пустоте внутреннего мира человека и недостатку веры. А тенденциозность и манипуляция в утилитарном выражении искусства будут препятствовать аутентичности и свободе творчества.

Проведенное исследование помогает расширить представление о том, как категория народности в почвенничестве Ф. М. Достоевского отражается в его творчестве, укорененном в народной «почве». Перспективы исследования мы видим в более подробном изучении проблемы народности в художественном творчестве Достоевского и её отражения в народных образах. Кроме того, было бы интересно ввести в научных оборот новые факты, архивные документы или сформулировать новые подходы и методики исследования.

Библиография

1. Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М.: Интербук, 2004. 205 с.
2. Борисова В. В. Национальное и религиозное в творчестве Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]: диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Борисова Валентина Васильевна. Уфа, 1997. 312 с. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000205022> (дата обращения: 29.10.2023).
3. Бочарова И. М., Волкова Е. А., Фролова Е. В. Монархизм и народность Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» // Ученые записки Курского государственного университета. 2018. №2 (46). С. 37–45.
4. 万海松. 寓于根基主义思想中的“人民性”问题——论陀思妥耶夫斯基的“人民性”概念的本质. 学习与探索, 2016(9): 137–141. (Ван Хайсон. Проблема «народности» в идеях почвенничества — о сущности представления Достоевского о «народности» // Обучение и исследование. 2016. № 9. С. 137–141.)
5. 万海松. 论陀思妥耶夫斯基根基主义思想的反理性主义根源. 江海学刊, 2017(4): 204–209. (Ван Хайсон. Об антирациональных корнях почвенничества Достоевского // Академический журнал Цзян Хай. 2017. № 4. С. 204–209.)
6. 万海松. 论陀思妥耶夫斯基根基主义思想萌芽期与发展期的原创性. 外国文学, 2018(1): 25–33. (Ван Хайсон. Об оригинальности идей почвенничества Достоевского в период зародыша и развития // Иностранная литература. 2018. № 1. С. 25–33.)
7. 万海松. 作为“第三条道路”的俄国根基派刍议 —以费·陀思妥耶夫斯基为中心. 俄罗斯东欧中亚研究, 2018(3): 94–107. (Ван Хайсон. Суждения о русских почвенниках как о «третьем пути», ориентированные на Ф. М. Достоевского // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2018. № 3. С. 94–107.)
8. Васильев А. А. Национальная почва в мировоззрении Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова // Человек и культура. 2013. № 4. С. 16–42.
9. Владимирцев В. П. Достоевский народный. Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура: Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс ист.-лит. исслед. Иркутск: ИГУ, 2007. 459 с.
10. Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 439 с.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1989. Т. 18, 20, 21, 22, 26, 28.
12. Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского. Монография. М.: Макс Пресс, 2017. 456 с.
13. Миллер Р.Ф. Неоконченное путешествие Достоевского. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 359 с.
14. Нижников С.А. Ф. М. Достоевский и «Русская идея» // Вестник КалмГУ, 2016. №1 (29). С. 104–111.
15. Попов В.Д. Проблема народа у Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 41–54.
16. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 290–323.
17. Фридлиндер Г.М. Проблемы народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) // Достоевский: Материалы и исслед. Т. 16. Юбилейный сборник / Отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. СПб.: Наука, 2001. С. 405–408.
18. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика. М.: Издательство Института философии, 2001.

222 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ представленной на рецензирование статьи «Проблема «народности» в концепции почвенничества Достоевского» позволил сделать следующие существенные замечания.

Во-первых, с позиций стилистики текст статьи представляет собой, скорее художественное повествование, нежели научную статью.

Во-вторых, статья не структурирована. В ней отсутствуют важные для научного исследования компоненты: цель и задачи исследования, методология, включая методы, использованные подходы и т.д.

Особым образом следует отметить источниковую базу исследования. Библиографический список оформлен в отдельных позициях без полного библиографического описания. Данное обстоятельство затрудняет верификацию научных работ, представленных в списке. Всего список использованных источников и литературы содержит 15 источников. Нами выборочно проанализированы несколько источников. В частности, указанный источник под номером 3 представляет собой издание 1883 года. Если авторами использовался оригинал издания, то библиографическое описание в списке литературы представлено вполне корректно. Однако, издания 1883 года являются редкими и находятся на хранении в отдельных научных библиотеках страны - в Москве, Омске и т.д. Если речь идет все же о современном переиздании, то оформление библиографического должно быть соответствующим. Например, Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского: с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. - Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1883. -332, 375, [1], 122, V, [1] с., 1 л. портр.; 24 см. (Источник: <https://www.prilib.ru/item/1325208> Президентская библиотека им Б Н Ельцина).

В представленном списке литературы также указано несколько работ Ван Хайсона. К сожалению, в процессе рецензирования данной статьи работу под номером 7 не удалось обнаружить в архиве журнала «Иностранная литература» за 2018 год (1). Не удалось, также и обнаружить работу, указанную под номером 8 данного автора.

В статье, считаем, в целом, недостаточно ссылок на источники. В основном в ссылках представлен источник под номером 10. Не все ссылки соответствуют порядку, представленному в библиографическом списке (12).

Отсутствуют статьи авторов академического уровня, но есть работы аспирантов.

Такой авторский подход к определению источниковой базы при подготовке настоящей статьи не позволил, к сожалению, осуществить научную дискуссию или представить ее элементы.

Считаем, что высказанные замечания являются существенными даже в этом объеме и не позволяют определить представленную на рецензирование статью в качестве научной и соответствующей журналу, рецензируемого ВАК РФ. Для уровня статьи, предлагаемой для опубликования в журнале, рецензируемом ВАК РФ, это является важной рекомендацией.

Между тем, сама тема статьи способна вызвать читательский интерес и перспективна для ее опубликования.

Рекомендуется доработать.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Проблема «народности» в концепции почвенничества Достоевского», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к концепции почвенничества, одним из основоположников которого был Ф. М. Достоевский.

Кроме того, в настоящий момент наблюдается переосмысление идей и работ прешествующей эпохи.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Работа является более теоретическо – философской, нежели чем филологическо-практической.

Теоретические измышления не иллюстрированы примерами из литературных источников. Из текста статьи не ясно каков языковой корпус исследования.

Структурно в вводной части автором не указаны цель и задачи исследования, что не позволяет провести корреляцию между введением и данными, представленными в заключении.

Исследования в понимании филологическом проведено не было, работа является абстрактно- теоретической, компиляционной.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Проблема «народности» в концепции почвенничества Достоевского» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения правок, а именно: 1) усиление выводов, коррелирующих с задачами, 2) описание методологии исследования, 3) приведение языковых примеров как иллюстрации заявленных постулатов, 4) усиление вводной части статьи, постановка целей и задач, 5) применение филологических методов исследования.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Злободневность и актуальность поднимаемого в рецензируемой статье вопроса не вызывает сомнений. Действительно, творчество Ф.М. Достоевского в той или иной степени реализует программу «почвенничества». Об это рассуждали, спорили критики XIX, XX и, конечно же, XXI века. Вполне правомерно, что «писатель [Достоевский] утверждает заложенную в русской истории и культуре силу противостоять эрозии западной культуры, не выступая против западной материальной цивилизации, науки и образования, но решительно отвергая ее неизбежный побочный продукт – духовное вырождение, в основном воплощенное в атеизме». До этого автор статьи тезисует: «будучи одной из главных идеологических основ почвенничества, проблема народности в творчестве Достоевского представляется чрезвычайно злободневной. В последнее время она все чаще оказывается в центре внимания исследователей. Актуальность нашего исследования определяется оформившейся в науке потребностью понять «народную почву» творчества Достоевского как «великого искусства синтеза разноконфессиональных и национально-культурных традиций». Текст статьи содержателен, информативен, он не лишен и должной аналитики вопроса. Ф.М. Достоевский всегда придавал большое значение проблеме народности. «Начиная с дебютного романа «Бедные люди» писатель стал обращать внимание на жизнь и психологию низших слоев общества, а затем создал целую серию романов, в которых читатель находит галерею образов простых людей из народа». Дробность статьи на т.н. смысловые звенья вполне оправдана, именно такая иерархия позволяет целостно рассмотреть тему, достичь поставленной цели. Пояснение относительно методологии исследования также прописано, и это стоит оценить положительно: «в основу исследования положены описательный, биографический и культурно-исторический методы изучения литературы. Применение в работе синтетического подхода позволяет проанализировать контекст становления и развития идей народности Ф. М. Достоевского и разные аспекты освещения писателем этой проблемы. В соответствии с намеченной целью поставлены следующие задачи: показать становление, развитие и эволюцию представлений Ф. М. Достоевского о народности; рассмотреть взгляды писателя на народ и на взаимоотношения интеллигенции и народа, утилитаризм и формулу «среда заела». Тема работы соотносится с одной из рубрик издания, фактические требования журнала выдержаны. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, сбоек на данном уровне нет. На мой взгляд, некоторые суждения целесообразно развить и расширить далее, но уже в новых работах смежной тематической направленности. Например, «почва», о которой говорили почвенники, эквивалентна «народу» в славянофильском понятии «народность», то есть всему народу, кроме господствующего класса и дворянства, особенно тем крестьянам, которые сохранили православную культуру в неприкосновенности до наших дней. Другими словами, народ — это те, кто сохранил свою «народность». Достоевский отмечал, что в русском языке «христианство» и «крестьянство» не только сходны по произношению, но и имеют одно и то же культурное значение». Цитации критических работ, отсылки к первоисточникам имеются, стандарт включений верен. Логика работы поддерживается связками аналитического толка: например, «проблема взаимоотношения народа и интеллигенции была в русской истории петербургского периода одной из главных, не менее актуальна она была и для Ф. М. Достоевского. Реформа Петра Великого, по мнению писателя, «раздвинула кругозор русской интеллигенции, через нее она осмыслила будущее значение свое в великой семье всех народов». С другой стороны, петровская реформа слишком дорого обошлась, так как «она разъединила интеллигенцию с народом». Не лишена работа исторического, культурного контекста, это делает ее, как и отмечено выше, синкретизма.

Материал можно оценить как новаторский, хотя и ощущается в ряде мест зависимость автора от уже высказанных позиций. В финальном блоке отмечено, что «Ф.М. Достоевский не отрицает величия западной культуры и цивилизации, но подчеркивает «общечеловечность» православия и русского народа, призывает русский народ взять на себя миссию мессии — не только спасти русский народ, но и в дальнейшем найти путь к коллективному счастью человечества». Неплохо, что в заключительной части автор расширяет / прорисовывает перспективу изучения вопроса далее: «проведенное исследование помогает расширить представление о том, как категория народности в почвенничестве Ф. М. Достоевского отражается в его творчестве, укорененном в народной «почве». Перспективы исследования мы видим в более подробном изучении проблемы народности в художественном творчестве Достоевского и её отражения в народных образах. Кроме того, было бы интересно ввести в научных оборот новые факты, архивные документы или сформулировать новые подходы и методики исследования». Считаю, что материал может быть полезен при изучении курсов не только филологического, но и в целом гуманитарного цикла. Серьезных разночтений в плане критической оценки вопроса с точкой зрения автора не выявлено, текст построен в режиме продуктивного диалога. Думаю, что можно несколько скорректировать название – дополнить имя Достоевского инициалами (Ф.М.), так будет уважительнее. С учетом сказанного, тезирую: статья «Проблема «народности» в концепции почвенничества Достоевского» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Павленко Е.А., Куралева Т.В., Вьюнова Е.К. — О проблеме передачи игры слов (на материале англоязычных и русскоязычных рекламных текстов) // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.44196 EDN: HXINCG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44196

О проблеме передачи игры слов (на материале англоязычных и русскоязычных рекламных текстов)

Павленко Елена Александровна

ORCID: 0000-0001-7276-1448

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9

✉ eapavlenko@inbox.ru

Куралева Татьяна Владимировна

ORCID: 0000-0003-3738-9198

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 11

✉ t.kuraleva@spbu.ru

Вьюнова Екатерина Кирилловна

ORCID: 0000-0001-9977-7829

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 11

✉ e.vyunova@spbu.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.44196

EDN:

HXINCG

Дата направления статьи в редакцию:

02-10-2023

Аннотация: Объектом исследования послужили примеры использования игры слов в рекламном тексте в переводе с английского языка на русский. Предметом исследования являются применяемые переводчиками приемы перевода, позволяющие сохранить коммуникативную направленность и воздействие на читателя. Выбор объекта исследования обусловлен распространенностью рекламного текста в современном мире, что подразумевает необходимость выработки единых переводческих стандартов и примеров решений возникающих трудностей. Проблема перевода разных видов игры слов мало изучена в современной лингвистике, что определяет необходимость дальнейших исследований. Еще менее изучена проблема перевода игры слов в рекламных слоганах в сопоставительном аспекте. Анализ собранного материала позволил нам выделить три основные стратегии перевода: передача игры слов, при которой сохраняется метод образования игры слов; передача, при которой сохранение метода образования игры слов невозможно или нежелательно; передача, при которой само сохранение игры слов невозможно. В последнем случае переводчикам приходится зачастую жертвовать коммуникативным эффектом, что не является желательным с позиций современного переводоведения. В статье делается вывод о том, что лингвистические особенности слоганов и, в частности, использование в них игры слов необходимо учитывать при переводе, чтобы обеспечить максимальное сохранение коммуникативной интенции и коммуникативного эффекта.

Ключевые слова:

рекламный текст, игра слов, переводоведение, каламбур, теория непереводимости, коммуникативный эффект, коммуникативная интенция, получатель, фразеология, опущение

ВВЕДЕНИЕ

Современная торгово-рыночная экономика строится, главным образом, на конкуренции. Одним из средств, помогающих выделяться среди конкурентов, является реклама. Чем более качественной, цепляющей и запоминающейся будет слоган или рекламный текст, тем выше вероятность, что именно данная компания будет выбрана потребителем. Привлекающим лингвистов методом привлечения внимания потребителя является использование игры слов при составлении рекламного текста [\[10\]](#). Именно нарушение привычных шаблонов и эффект неожиданности в слоганах привлекают внимание читателя [\[19\]](#). В рекламе под игрой слов понимается намеренное нарушение языковых норм и правил общения, искажение клишированных фраз и фразеологизмов, с целью придания тексту эмоциональной окрашенности.

Игра слов особенно характерна для англоязычной рекламы. Объясняется это тем, что, во-первых, грамматические структуры английского предложения менее многокомпонентные, что позволяет создавать довольно компактные и имплицитные слоганы, при этом заключая в них множество значений и смыслов. Второй причиной является обилие заимствований из латинского, немецкого и французского языков, что порождает обилие омофонов в лексике [\[16\]](#).

В настоящее время в лингвистике широко освещается проблема определения и передачи игры слов в разных типах текста. Не вызывает сомнений необходимость систематического анализа разных видов игры слов, в том числе, в рекламном тексте, а также способов их перевода. С развитием переводоведения растут и требования к качеству перевода, меняются критерии оценки качества перевода, что, в свою очередь, что представляет собой сложную задачу ввиду специфики предмета исследования. Кроме того, довольно молодая наука о переводе постоянно совершенствуется, что влечет за собой повышение требований к качеству перевода.

Игра слов как отдельный лингвистический феномен привлекала и продолжает привлекать внимание как зарубежных, так и отечественных ученых. Среди наиболее известных работ по указанной теме нельзя не выделить докторскую диссертацию С.Ж.Нухова «Языковая игра в словообразовании»^[9], в которой подробно описывается явление языковой игры и анализируются ее механизмы; кандидатскую диссертацию А.С.Джанумова «Каламбур и его функционирование в двуязычной ситуации (англо-русские соответствия)»^[3], автор которой классифицирует отдельные виды языковой игры и выявляет особенности их перевода; кандидатскую диссертацию Н.В.Якименко «Каламбур как лингвостилистический приём в английском языке и пути его воссоздания в переводе»^[13], которая ставит своей целью изучить лингвистические и стилистические особенности игры слов в английском языке и стратегии перевода; кандидатскую диссертацию С.А.Колесниченко «Условия реализации стилистического приёма игры слов в английском языке»^[6], автор которой фокусирует свое внимание на функционировании языковой игры как стилистического приема в английском языке. Невзирая на в достаточной степени фундаментальные работы по указанной проблематике нельзя сказать, что понятие языковой игры полностью было раскрыто исследователями. Эти труды позволяют получить представление о понятии игры слов в отечественной и зарубежной лингвистике и создать различные классификации игры слов на основании способов ее создания. Ввиду многоплановости проблематики, а также определённой новизны предлагаемого подхода, нам видится необходимым в дальнейшем изложении остановиться на некоторых теоретических положениях, которые рассматриваются в работе в качестве исходных.

Актуальность и новизна следования определяются отсутствием системного описания видов игры слов в языке современной англоязычной рекламы в аспекте перевода/передачи на русский язык. Более того, материалом исследования в настоящей работе послужили современные аутентичные источники рекламных материалов, датированные началом XXI века, на анализе которых и были рассмотрены способы передачи языковой игры. Несмотря на проведенные в этой области исследования, в решении проблем языковой игры сохраняются многочисленные малоизученные аспекты, представляющие несомненный интерес как с точки зрения теории, так и практики. Объектом исследования стали рекламные слоганы, отобранные методом сплошной выборки (объем собранного корпуса – около 500 единиц). Целью работы является выявление особенностей передачи игры слов в рекламном тексте. Данная цель определила следующий круг задач: описать структуру языковой игры и ее зависимость от текстового материала; определить круг возникающих коннотаций и ассоциаций; определить возможные методы применения переводческих соответствий при переводе на русский язык; определить границы использования приема переводческой компенсации и отказа от использования прямой передачи в пользу создания новой игры слов в зависимости от лингвистического и экстралингвистического контекста; определить и обосновать удачность/неудачность используемых приемов и выявить наиболее удачные

стратегии перевода языковой игры.

МЕТОДОЛОГИЯ

В связи с неоднозначным подходом к изучению игры слов не существует общепринятого определения этого явления. Например, А.В. Федоров писал, что игра слов — это собой неожиданное сопоставление значений слов, тождественных или близких друг другу в звуковом отношении [12 с.297]. Т. П. Карпухина говорит о неопределенности понятия игры слов, подтверждая это введением синонимичного ряда: «каламбур», «игра словами», «словесная игра», «языковая игра», «игра словом», «игра слов» [5 с.81]. А. М. Ломов и А. П. Бабушкин определяют каламбур как вид языковой игры, основанный на двусмысленности, порожденный омонимией и вызывающий комический эффект [7 с.16]. Т.Ф. Ефремова, приводя определение термина «каламбур», пишет, что это остроумное выражение, основанное на омонимии и полисемии слов, при том подмечая, что «игра слов» является синонимичным термином [4].

Что касается иностранных ученых, можно отметить, что в их работах четкое определение понятия «игра слов» и разграничение его с другими, близкими по сути понятиями, отсутствует. Так, например, описывая применение каламбуров в рекламе, У.Редферн чередует употребление терминов “pun” и “play on words”, т.е. «каламбур» и «игра слов» соответственно [18]. Автор никак не разграничивает термины, используя их в качестве синонимов. Джеймс Паттерсон определяет каламбур как вид языковой игры, наряду с метафорой, идиомами, омофонами, омографами [17]. Однако, приводя дефиницию каламбура, автор упоминает, что он строится на омонимии (при этом называя омонимию одним из видов языковой игры); это единственный отличительный признак данной фигуры речи. Почему именно каламбур является формой игры слов, а не ее смежным названием, автор не упоминает.

А.В. Уразметова приводит следующую дефиницию: «Каламбур в широком смысле — это любая словесная игра, создающая несоответствие плана содержания и плана выражения с целью образования комического эффекта, это сложное явление, фокусирующее лингвистическую бинарность значений» [11 с.160]. Данное определение кажется наиболее подходящим и полным, так как в нем учитывается эффект неожиданности, который производит на реципиента каламбур, обязательный комический эффект. Кроме того, упоминается и обобщенный способ создания игры слов — использование бинарности значений слов. Таким образом, определение А.В. Уразметовой будет принято в качестве рабочего для настоящей работы.

Сложность в переводе каламбуров заключается в необходимости передать не только содержание смысловое, но и сохранить комический эффект посредством сохранения графической или фонетической формы каламбура. Размышляя над тем, что важнее сохранить, — форму или содержание (идею), — С.А. Колесниченко подмечает, что в сложных ситуациях возможно сохранение содержания с потерей игры слов; либо же сама игра слов может быть передана, однако в таком случае произойдет замена образа, отклонение от первоначальной задумки [6 с.105]. Но во втором случае переводчик рискует потерять связь с контекстом как в узком, так и в широком плане.

Н. М. Любимов писал, что в случаях со звуковой игрой, переводчик имеет полное право менять визуальный облик фразы, иначе передать комический эффект, которого добивался автор, не получится [8 с.245].

В противовес существующей идее о непереводаемости, которую считают актуальной

некоторые ученые, например, Гумбольдт [14], ряд исследователей уверен в несостоятельности этой теории. О так называемой принципиальной возможности перевода (переводимости) писали Л.С. Бархударов [2 с.240], В. Коллер [15]. Исследователи отмечают, что то, что может быть выражено на одном языке, может быть выражено и другим языком посредством различных приемов.

Порой для достижения адекватности перевода, требуется прибегнуть к адаптации, к этнокультурным нормам языка переводного. Под адекватным переводом понимается такой перевод, который в достаточной мере полно и точно, без искажений передает содержание оригинала и его замысел, а также выражающий те же коммуникативные установки [1 с.200]. Это достигается при помощи различных переводческих трансформаций, в том числе транслитерации, описательного перевода, калькирования, элиминации, уподобления и т.д. Иногда переводчики могут прибегнуть к «примечаниям переводчика», выходя за рамки текста, чтобы позволить читателю более полно понять контекст ситуации. Однако данный прием считается крайней мерой, так как переключение между текстом и комментариями может пагубно отразиться на восприятии материала читателем.

Материалом исследования послужили текстовые и визуальные рекламные ролики, собранные методом сплошной выборки из интернет-источников в количестве 500 примеров. Корпус был собран на материале видеороликов с интернет-платформы YouTube и двух баз слоганов (<https://www.sloganbase.ru> и <https://www.sloganlist.com>). Методом исследования материала послужили методы компонентного, семантического и экстралингвистического анализа в обоих языках, поскольку метод социологического исследования не находится в рамках данной работы – во-первых, данная работа выполнена в русле лингвистического исследования, а не на стыке лингвистики и изучения рекламы; во-вторых, в настоящем исследовании в фокусе внимания находится прагматика и прагматический эффект в частности, измерение которого представляется нам наиболее объективным показателем удачности/неудачности передачи игры слов с одного языка на другой. Собранный корпус примеров представляется достаточным для того, чтобы сделать выводы лингвистического характера.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование материала выявило различные способы, к которым прибегает переводчик при передаче игры слов. Нам представляется разумным начать с передачи игры слов, при которой сохраняется метод образования игры слов, поскольку с переводоведческой точки зрения такой результат является наиболее удачным – сохраняется структура и лексическая наполненность оригинала при сохранении аналогичного коммуникативного эффекта на получателя переводного текста. Приведем пример:

1. Have a break, have a kitkat! Есть перерыв — есть киткат!

Глагол «to have» является многозначным в обоих языках, в данном случае важны два его значения: располагать чем-то и съесть что-то. Переводчику удалось обыграть многозначность глаголов и сохранить лексическую составляющую игры слов, а также прагматический эффект.

2. Gillette. The best a man can get. Джиллет. Лучше для мужчины нет!

В данном случае мы видим, что переводчик прибег к антонимическому переводу: составное глагольное сказуемое «can get» меняется на «нет». При переводе сохранилась рифма «Gillette – get» и «Джиллет – нет». Кроме того сохранился и

визуальный облик слогана, привлекающий внимание приемом парцелляции.

3. Melts in your mouth, not in your hands. Тает во рту, а не в жару.

При образовании слогана для рекламы шоколадных драже M&M's была использована идиома «to melt in one's mouth», которая имеет значение «to taste delicious and feel soft or become soft when put in one's mouth». Второй смысл раскрывается благодаря второй части предложения «not in your hands», т.е. первая часть обыгрывается уже в своем прямом значении — шоколад тает во рту потребителя, а не в руках. Переводчику удалось сохранить способ образования игры слов, так как аналогичный фразеологизм есть и в русском языке — «таять во рту». Кроме того, для усиления коммуникативного эффекта (одна из целей рекламы – обеспечить узнаваемость бренда) для образования дополнительного способа создания игры слов, — рифмы, — переводчик поменял лексический состав второй части предложения на «...а не в жару».

Анализ материала показал, что в 29% случаев перевод слогана может быть выполнен игрой слов, образованной тем же методом, что и в оригинале. При этом полное лексическое и грамматическое совпадение невозможно, что объясняется кардинальным различием английского и русского языков.

Вторым – и самым распространенным в нашем материале - способом перевода игры слов (более половины случаев) является перевод, при котором игра слов была образована отличным от оригинала способом, но при этом сохранен прагматический эффект без потери языковой игры. Добиться эквивалентного и адекватного перевода с минимальным изменением структуры игры слов очень сложно, поэтому переводчики прибегают к переводу посредством создания новой, отличной от оригинала, игры слов. При этом важно, чтобы прагматический эффект был таким же, как и задумывалось при создании оригинального слогана. В этом случае переводческие трансформации будут главным методом создания перевода.

Приведем пример:

4. Daewoo, that's who. Daewoo. Заведи любимую.

В этом примере наблюдается замена игры слов, образованной рифмой, игрой слов, образованной посредством обыгрывания многозначности глагола «заводить».

Смысл оригинала заключается в акцентировании внимания на марке автомобиля «Daewoo» посредством указательного местоимения «that» и вопросительного местоимения «who». Благодаря конечной рифме данный слоган хорошо запоминается, что и является целью рекламного текста. В русском языке глагол «заводить» имеет множество значений. В контексте этого слогана он может иметь следующие значения: приобретать, обзаводиться чем-либо; приводить в действие, в рабочее состояние; будоражить. Все три значения могут быть реализованы в рамках предложения, и такая многозначность обеспечивает запоминаемость слогана. Можно предположить, что в данном случае перевод оказался более удачным, чем оригинал.

5. A Mars a day helps you work, rest and play. Mars. Все будет в шоколаде.

В обоих случаях слоган образован при помощи фразеологизма. Оригинал отсылает получателя к идиоме «An apple a day keeps the doctor away». Благодаря ассоциации с идиомой у покупателя возникает подсознательное ощущение, что шоколадка поможет справиться со всеми проблемами. Кроме того, рекламщики образовали рифму (day - play). При переводе данного слогана была употреблена русская идиома «в шоколаде»,

которая в разговорной речи означает «получить выгоду, особенно в изначально не выигрышной ситуации». Коммуникативную интенцию можно сформулировать так: «даже при наличии проблем шоколадный батончик Марс исправит ситуацию», что, в принципе, соответствует интенции английского оригинала. Удачно, что рекламируется именно шоколадный батончик, поэтому данная идиома хорошо вписывается в рекламный слоган. При переводе также была утрачена рифма, но выполнить прагматическую задачу, — донести до покупателя, что с батончиком этой фирмы жизнь улучшится, — переводчикам удалось. Именно поэтому можно считать, что цель при переводе была достигнута.

6. *Maybe she's born with it, Maybe it's Maybelline. Все в восторге от тебя, а ты от Maybelline.*

При переводе данного слогана было произведено целостное преобразование. Произошло полное переосмысление оригинального слогана, общей внутренней формы, семантики и прагматики. В английском варианте игра слов строится на графическом и звуковом сходстве слова «maybe» и бренда «Maybelline». Подобную игру слов невозможно передать в русском. В переводе слогана игра слов образована при помощи грамматической омонимии, поскольку вторая часть предложения может быть воспринята в двух вариантах: — «...а ты (в восторге) от Maybelline». В этом случае акцент делается на том, что потенциальный клиент будет доволен продукцией компании; — «...а ты пользуешься косметикой от Maybelline» (по аналогии с «быть одетым от Диор» и т.п.). Такая двусмысленность порождает игру слов в переводе слогана и позволяет заключить, что переводческая цель была достигнута.

Из всех проанализированных слоганов 56,4% были переведены с образованием игры слов отличным от оригинала способом. Это очевидно объясняется межъязыковыми различиями и необходимостью жертвовать формой и семантикой в пользу прагматики.

Очевидно, что не всегда возможен перевод с сохранением игры слов, но опущение игры слов при переводе является крайней и нежелательной мерой, в особенности при передаче рекламного слогана с учетом его аттрактивной функции. Приведем пример:

7. *Genesis does what Nintendo doesn't. Genesis делает то, что Nintendo не может.*

Из-за разницы грамматических форм английского и русского языков сохранить каламбур невозможно. Этот пример является демонстрацией потери игры слов при переводе. За английским слоганом стоит история многолетнего соперничества двух компаний «Genesis» и «Nintendo». В своем слогане компания «Genesis» акцентирует внимание на своем превосходстве над компанией «Nintendo» посредством игры слов. Название «Nintendo» содержит в себе вспомогательный глагол «do». В слогане «Genesis» была обыграна эта особенность: к глаголу «do» добавили отрицание, тем самым поменяв название на «Nintendon't». Сохранить этот каламбур не представляется возможным ввиду различия грамматических форм английского и русского языка. При возникновении ситуации, при которой выполнение переводческой цели не представляется возможным, оптимальным выходом является перевод, при котором слоган будет производить наиболее близкий к оригиналу прагматический эффект; при этом сохранение игры слов становится второстепенным.

8. *Dodge. Grab life by the horns. Dodge. Возьми быка за рога.*

Данный случай является примером перевода посредством подбора эквивалента идиомы, который, однако, нельзя признать удачным с точки зрения достижения цели. Авторы перевода опустили игру слов, созданную авторами слогана. Оригиналы идиомы звучат как

«take the bull by the horns», что и является прямым эквивалентом к русской версии «взять быка за рога». Однако в оригинале слово «bull» было заменено словом «life», т.е. буквально «возьми жизнь за рога». Изображенный на логотипе автомобиля горный баран создает еще более обширный пласт для языковой игры. Однако в русском языке слоган на фоне логотипа смотрится комично, ведь на логотипе изображен не бык. Воссоздав и переведя буквально идиому, которая послужила почвой для создания игры слов в оригинале, авторы упустили важные тонкости, что стало причиной потери той самой языковой игры.

9. Duz does everything. Duz делает все.

Этот слоган рекламы линейки чистящих средств «Duz» является еще одним примером опущения игры слов. В данном случае выполнить перевод без потери игры слов действительно затруднительно. Вызвано это различием лексики русского и английского языка. Авторы перевода слогана придерживались стратегии пословного перевода. Конечно, смысл передать удалось, однако потеря языковой игры привела к отсутствию звучности слогана.

10. Dentsu can. Денцу может

Рекламный слоган компании, производящей алкогольные коктейли, строится на омонимии модального глагола «can» и существительного «can» (жестяная банка). Таким образом, закладывается мысль, что жестяная банка с напитком от данной фирмы способна утолить жажду и сделать жизнь лучше. При русификации слогана произошел перевод модального глагола «can» его прямым эквивалентом мочь, что привело к потере игры слов и потере коммуникативного эффекта.

Анализ собранного материала показал, что опущение игры слов является крайней мерой, к которой переводчики прибегли в 13,9% случаев. Во многих случаях сохранение игры слов действительно не представляется возможным, но при этом безусловно возможно сохранить коммуникативную интенцию и эффект (например, в примере 9 можно предложить перевод «Duz - очистит все на раз!», при котором за счет рифмы и гиперболизации слоган становится запоминающимся и обеспечивает узнаваемость).

ВЫВОДЫ

Игра слов в рекламном тексте, в частности в слоганах, является незаменимым инструментом привлечения внимания потенциального покупателя, а также выгодным «оружием» при конкурентной борьбе. Безусловно, лингвистические особенности слоганов и, в частности, использование в них игры слов необходимо учитывать при переводе, чтобы обеспечить максимальное сохранение коммуникативной интенции и коммуникативного эффекта.

Маркером качества перевода рекламного текста должно выступать сохранение коммуникативного эффекта и, желательно, коммуникативной интенции при соблюдении основной цели рекламного текста – обеспечения узнаваемости марки. Если переводчикам удастся выполнить прагматическую адаптацию с сохранением игры слов, то представляется возможным заключить, что при переводе была достигнута цель перевода. Достижение переводческой цели в большинстве случаев невозможно без применения переводческих трансформаций.

На собранном нами материале видно, что в более, чем половине случаев достижение переводческой цели было осуществлено созданием игры слов отличным от оригинала

методом, что свидетельствует о том, что сохранить исходный способ образования игры слов не всегда возможно. В таком случае, оптимальным вариантом является сохранение прагматического эффекта, оказываемого слоганом на реципиента, с созданием другой игры слов. При это, как показал анализ, при создании игры слов на основе фразеологических единиц перевод путем подбора эквивалента может привести к переводческой ошибке и отрицательному результату при переводе. Также нельзя не отметить, что выполнение переводческой цели в ряде случаев невозможно, так как при переводе либо искажается смысл оригинального слогана и сохраняется игра слов, либо первоначальный замысел слогана может быть передан лишь при утрате игры слов. Иногда перевод игры слов требует более глубокого переводческого и социокультурного анализа, так как только при этом условии становится возможным достижение переводческой цели.

При возникновении ситуации, при которой выполнение переводческой цели не представляется возможным, оптимальным выходом является перевод, при котором слоган будет производить наиболее близкий к оригиналу прагматический эффект; при этом сохранение игры слов становится второстепенным.

Дальнейшее исследование данной темы представляет собой большой интерес, так как представляется безусловно необходимым выработать рекомендации по адаптации рекламных текстов с учетом особенностей исходного языка и языка перевода, а также социокультурных норм.

Библиография

1. Базылев В. Н. Теория перевода. Кн. 2: практикум / В. Н. Базылев.-2-е изд. , стер. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 201 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – М. : ЛКИ, 2010. – 240 с.
3. Джанумов А. С. Каламбур и его функционирование в двуязычной ситуации: дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. – М., 1997. – 136 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Электрон. Текстовые данные. – М.: АСТ, 2005. – Т. 1 А-Л. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/kalambur.html#.ZCQYH3ZBzIU>
5. Карпухина, Т.П. Игра слов и морфемный повтор : комическое «состязание» смыслов в словах с общей морфемой (на материале английской художественной прозы) / Т.П. Карпухина // Вестник Воронежского гос. ун-та. – 2007а.-№ 1. – 81-82 с.
6. Колесниченко С.А. Условия реализации стилистического приема игры слов в английском языке [Текст] : автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук – Л., 1984. – 20 с.
7. Ломов А.М., Бабушкин А.П. Каламбур как вид языковой игры: механизмы образования // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. 16-19 с.
8. Любимов Н. Перевод – искусство. – М.: Сов. Россия, 1964. – 245 с.
9. Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании: автореф. дис. на соис. учен. степени док. филол. наук. – М., 1997. – 39 с.
10. Остроушко Н. Секреты рекламных текстов,-СПб.: ВК. – 2009. – 212 с.
11. Уразметова А.В. Каламбур как стилистический прием при образовании фразеологизмов с топонимами (на материале английского и французского языков) [Электронный ресурс] // ЧелГУ – 2011 – № 10 – Электрон. версия печат. публ. –

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalambur-kak-stilisticheskiy-priem-pri-obrazovanii-frazeologizmov-s-toponimami-na-materiale-angliyskogo-i-frantsuzskogo-yazykov/viewer> (дата обращения: 29.03.2023).
12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. – 297 с.
 13. Якименко Н. В. Каламбур как лингвостилистический прием в английском языке и пути его воссоздания в переводе: дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук.- Киев, 1984.-214 с.
 14. Humboldt W. von. From introduction to his translation of Agamemnon // Theories of translation: An anthology of essays from Dryden to Derrida / Ed. by Schulte R., Biguenet J.-Chicago, 1992. – 8. 55-59;
 15. Koller, Werner: Grundprobleme der Übersetzungstheorie. Bem München 1972.
 16. Melnnis D., Hajek J., The power of the pun [Электронный ресурс] / 2018. URL: <https://pursuit.unimelb.edu.au/articles/the-power-of-the-pun> (Дата обращения: 18.03.2023).
 17. Patterson J. How to Write Wordplay: 9 Types of Wordplay [Электронный ресурс] / 2021. URL: How to Write Wordplay: 9 Types of Wordplay-2023-MasterClass (Дата обращения: 17.02.2023).
 18. Redfem, Walter (1984). Word-plays. Oxford: Basii Blackwell.
 19. Safire W. On Language: A Barrel of Puns. N. Y., 1980.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «О проблеме передачи игры слов (на материале англоязычных и русскоязычных рекламных текстов)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению рекламного дискурса, стратегий языкового манипулирования и позиционирования товаров и услуг на рынке. Автор обращается к эффекту игры слов, искажению устоявшихся фразеологизмов и фраз- клише.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве методологии применены как общенаучные методы, так и специфические методы лингвистического анализа.

К сожалению, автор не указывает на объем корпуса, отобранного для практической части исследования, принципы и методы отбора. В статье недостаточно примеров, статистических данных, не применены методы социологического исследования и ряд других.

Отметим, что введение не содержит постановку цели и задач исследования, не содержит информации о разработанности темы в науке, что затрудняет определение научной новизны работы. Автор не приводит обзора теоретических источников и научных направлений по заявленной проблематике. В основной части не описан ход исследования, отсутствует экспериментальная часть, исследование является описательным. Заключение не отражает итогов исследования и требует усиления. Текст статьи около 10 000 знаков в с пробелами, а в правилах для автора рекомендуемый

объем заявлен от 12 000 (https://nbpublish.com/e_fil/info_106.html). Считаем, что исследование по заявленной проблематике не может быть полностью рассмотрено в рамках столь ограниченного объема и предлагаем увеличить текст.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены научные труды на русском и английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по стилистике, теории дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «О проблеме передачи игры слов (на материале англоязычных и русскоязычных рекламных текстов)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения ряда корректив, а именно: 1) доработка введения с описанием историографии вопроса, 2) описание объема исследуемого корпуса, увеличение практического материала до объема достаточного для доказательства постулируемого, 3) применение различных методов для подтверждения гипотезы, 4) структурирование материала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации материал обладает должной научной новизной, так как «в настоящее время в лингвистике широко освещается проблема определения и передачи игры слов в разных типах текста». Автор отмечает, что «не вызывает сомнений необходимость систематического анализа разных видов игры слов, в том числе, в рекламном тексте, а также способов их перевода». Далее, «с развитием переводоведения растут и требования к качеству перевода, меняются критерии оценки качества перевода, что, в свою очередь, что представляет собой сложную задачу ввиду специфики предмета исследования. Кроме того, довольно молодая наука о переводе постоянно совершенствуется, что влечет за собой повышение требований к качеству перевода». Таким образом, основной вектор исследования намечен достаточно правильно и может быть продуктивно представлен на суд читателей. Статья имеет верную структурную организацию, дробность текста на части оправдана, это позволяет двигаться по ходу развития и расширения мыслей исследователя. На мой взгляд, закономерно введение следующей части, норматив оформления научных статей это требует: «актуальность и новизна следования определяю(т)ся [поправить] отсутствием системного описания видов игры слов в языке современной англоязычной рекламы в аспекте перевода/передачи на русский язык. Более того, материалом исследования в настоящей работе послужили современные аутентичные источники рекламных материалов, датированные началом XXI века, на анализе которых и были рассмотрены способы передачи языковой игры. Несмотря на проведённые в этой области исследования, в решении проблем языковой игры сохраняются многочисленные малоизученные аспекты, представляющие несомненный интерес как с точки зрения

теории, так и практики», «объектом исследования стали рекламные слоганы, отобранные методом сплошной выборки (объем собранного корпуса – около 500 единиц). Целью работы является выявление особенностей передачи игры слов в рекламном тексте». Точность цели задает и выверенный тон научной наррации. Методология работы направлен на сравнительно-аналитический формат оценки языкового материала, причем практический блок весьма весом. Автор выстраивает объективную картинку рассмотрения вопроса, приводит разные суждения, определения, точки зрения. Например, «в связи с неоднозначным подходом к изучению игры слов не существует общепринятого определения этого явления. Например, А.В. Федоров писал, что игра слов — это собой неожиданное сопоставление значений слов, тождественных или близких друг другу в звуковом отношении. Т.П. Карпухина говорит о неопределенности понятия игры слов, подтверждая это введением синонимичного ряда: «каламбур», «игра словами», «словесная игра», «языковая игра», «игра словом», «игра слов». А.М. Ломов и А.П. Бабушкин определяют каламбур как вид языковой игры, основанный на двусмысленности, порожденный омонимией и вызывающий комический эффект. Т.Ф. Ефремова, приводя определение термина «каламбур», пишет, что это остроумное выражение, основанное на омонимии и полисемии слов, при том подмечая, что «игра слов» является синонимичным термином...» и т.д. В работе достаточно четко дается комментарий процесса «игры слов» в рекламном тексте: например, «порой для достижения адекватности перевода, требуется прибегнуть к адаптации, к этнокультурным нормам языка переводного. Под адекватным переводом понимается такой перевод, который в достаточной мере полно и точно, без искажений передает содержание оригинала и его замысел, а также выражающий те же коммуникативные установки. Это достигается при помощи различных переводческих трансформаций, в том числе транслитерации, описательного перевода, калькирования, элиминации, уподобления и т.д. Иногда переводчики могут прибегнуть к «примечаниям переводчика», выходя за рамки текста, чтобы позволить читателю более полно понять контекст ситуации. Однако данный прием считается крайней мерой, так как переключение между текстом и комментариями может пагубно отразиться на восприятии материала читателем». Считаю, что аналитика имеет место быть на протяжении всего исследования; серьезных фактических сбивов не выявлено; в ряде мест стоит поправить орфографию / пунктуацию, но сделать это нужно точно. Иллюстративный ряд мог быть расширен, но и того количества примеров, которое представлено в работе достаточно. См.: «1. Have a break, have a kitkat! Есть перерыв — есть киткат!», «2. Gillette. The best a man can get. Джиллет. Лучше для мужчины нет!», «3. Melts in your mouth, not in your hands. Тает во рту, а не в жару» и т.д. Должный комментарий дает развернуто, суть «игры слов» объяснена. Например, «при образовании слогана для рекламы шоколадных драже M&M's была использована идиома «to melt in one's mouth», которая имеет значение «to taste delicious and feel soft or become soft when put in one's mouth». Второй смысл раскрывается благодаря второй части предложения «not in your hands», т.е. первая часть обыгрывается уже в своем прямом значении — шоколад тает во рту потребителя, а не в руках. Переводчику удалось сохранить способ образования игры слов, так как аналогичный фразеологизм есть и в русском языке — «таять во рту». Кроме того, для усиления коммуникативного эффекта (одна из целей рекламы – обеспечить узнаваемость бренда) для образования дополнительного способа создания игры слов, — рифмы, — переводчик поменял лексический состав второй части предложения на «...а не в жару» и т.д. Выводы по работе созвучны основному блоку. Автор отмечает, что «игра слов в рекламном тексте, в частности в слоганах, является незаменимым инструментом привлечения внимания потенциального покупателя, а также выгодным «оружием» при конкурентной борьбе. Безусловно, лингвистические особенности

слоганов и, в частности, использование в них игры слов необходимо учитывать при переводе, чтобы обеспечить максимальное сохранение коммуникативной интенции и коммуникативного эффекта...». Тема как таковая раскрыта, формальные требования учтены. Считаю, что статья «О проблеме передачи игры слов (на материале англоязычных и русскоязычных рекламных текстов)» может быть рекомендована к печати в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

ГришакOVA Е.С., Бaлыкина М.И. — Мотивы и закономерности обращения к античным источникам в древнеанглийских религиозных текстах авторства Эльфрика Эйншемского и Вульфстана // Litera. – 2023. – № 10.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68791 EDN: HXYMTV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68791

Мотивы и закономерности обращения к античным источникам в древнеанглийских религиозных текстах авторства Эльфрика Эйншемского и Вульфстана

ГришакOVA Екатерина Сергеевна

ORCID: 0000-0003-3330-285X

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ work.only@mail.ru**Бaлыкина Мария Игоревна**

ORCID: 0000-0001-5800-052X

кандидат исторических наук

доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ marie.balykina@yandex.ru[Статья из рубрики "Историзм"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.10.68791

EDN:

HXYMTV

Дата направления статьи в редакцию:

23-10-2023

Аннотация: Статья посвящена анализу некоторых исследований особенностей перевода латинских источников в древнеанглийских религиозных произведениях авторства Эльфрика Эйншемского и Вульфстана, а также модификаций, которые претерпевают

античные материалы в процессе перевода. Приводятся примеры использования латинских источников и риторических приемов при их адаптации. Осуществляется сравнение авторских стилей двух сочинителей и выдвигаются гипотезы о их личных мотивах при обращении к античным источникам. Анализируются примеры из различных религиозных текстов как на латыни, так и на древнеанглийском, дается их перевод, а также предпринимаются попытки обосновать мотивы и эффекты от применения рассматриваемых риторических приемов. Актуальность статьи определяется необходимостью структурировать имеющиеся данные по латинским заимствованиям в древнеанглийских гомилиях с целью выявления закономерностей, мотивов и влияния этих источников на авторский стиль упоминаемых авторов англо-саксонского периода. Делаются выводы о фундаментальной значимости античных произведений для древнеанглийских гомилетических произведений как в виде пословного перевода, так и в форме авторских интерпретаций, в связи с использованием переводов в качестве обучающей базы для монахов, их объединения в особые религиозные сборники для структуризации и упорядочивания круглогодичных служб. Констатируется первичная зависимость стилистического оформления древнеанглийских гомилий от античного наследия с последующим применением авторских модификаций с целью донесения персонализированных смыслов до целевой аудитории.

Ключевые слова:

перевод, риторика, стилистика, прагматлингвистика, гомилетика, агиография, древнеанглийский язык, латинский язык, история английского языка, убеждение

Введение

Наличие и появление новых исследований относительно истории происхождения древнеанглийских религиозных текстов, их идеологических источников и стилистических особенностей их оформления легли в основу данной статьи. Наследие латинского языка и античных риторических разработок неизбежно проявляется в англо-саксонских литературных памятниках, поскольку, как напрямую, так и косвенно, заимствовались авторами в процессе создания древнеанглийских текстов. Таким образом, данная статья нацелена на анализ исследований в этой области и выявление индивидуальных закономерностей авторских стилей двух наиболее значимых сочинителей Эльфрика Эйншемского и Вульфстана с привлечением и толкованием фактологического материала.

Известно, что древнеанглийские религиозные тексты прочно связаны с текстами на латыни. По имеющимся данным, огромное количество латинских проповедей, которые дошли до нас в английских манускриптах 10, 11 и 12 веков по большей части предназначались для монастырских ночных служб (monastic Night Office), где они читались коллективно [\[5, с. 227\]](#). Структура и содержание ночных служб в позднем англо-саксонском периоде наиболее четко отражены в «Письме к монахам Эйншема» Эльфрика. Большое количество сочинений Эльфрика, предположительно, также служило этой цели. В своем «Письме» он дает подробные рекомендации по поводу того, что следует читать и петь во время «ночных бдений» на протяжении всего года и, по его мнению, это не только выдержки из Библии, но и из «Житий», если служба выпадает на время празднования дня какого-либо святого [\[5, с. 228–229\]](#).

Это может объяснить тот факт, что в сборнике гомилий Эльфрика (Catholic Homilies) можно найти его изложение легенд жития святых. Он часто обращался к Житию (the

Lives of Saints) в католических гомилиях/проповедях и размещал проповеднический материал в Житии. Он приложил немало усилий, чтобы трансформировать легенды в речи проповедника, перед тем, как в итоге разграничить жанры гомилии и жизнеописаний святых в своих более поздних сборниках [\[8, с. 265\]](#). Существует отдельное исследование, посвященное легенде о Сисилии и Валериане в изложении Эльфрика, которое объясняет, почему он обратился именно к этой легенде, и тем лингвистическим приемам, задействованным им для ее адаптации в своих целях. Эти мотивы будут подвергнуты анализу далее в статье.

Еще один выдающийся древнеанглийский автор, Вульфстан, в своих произведениях обращался к латинским источникам, однако прилагал немало усилий, чтобы их изменить, адаптировать и интерпретировать, и вложить в них личное видение. Вульфстан оказал огромное влияние на гомилетическую традицию и, несомненно, сильно действовал на свою аудиторию. О его таланте свидетельствует тот факт, что многие авторы на протяжении столетия после его смерти копировали, имитировали и пытались «улучшить» его работы [\[6, с. 315-316\]](#).

У Вульфстана, как и у Эльфрика, также нет четких границ между жанрами, с которыми он работал. В исследовании, посвященном анализу его работ, приводится определение «leaking boundaries of the genres» (нестойкие, взаимопроницаемые границы жанров). Вульфстан часто использовал одинаковые слова, темы и стилистические приемы в своих сводах законов и в проповедовании. Приводится цитата Патрика Вормальда о том, что «ранние законы Вульфстана чрезвычайно религиозны, а его поздние гомилии очень похожи на законы» [\[6, с. 319\]](#). Вульфстан уделял немало внимания стилистике и разным способам воздействия на аудиторию. Сравнение его работ с латинскими источниками показывает, что он использовал многие риторические приемы из латыни [\[6, с. 326\]](#).

Сопоставляя работы и личные мотивы Вульфстана и Эльфрика, следует отметить, что Вульфстан опирался на разнообразные тексты для своих речей и проповедей, но редко ссылаясь на них, в то время как Эльфрик скрупулезно отмечал ссылки на источники и при переводе на древнеанглийский часто не отклонялся от первоначального смысла. Вульфстан не отличался такой скрупулезностью и охотно пересказывал, переделывал и адаптировал использованный материал. Даже когда Вульфстан опирался на материалы Эльфрика, он прилагал усилия «присвоить» текст, используя присущие ему фразы. В то время как Эльфрик учит и объясняет (teaches and explains), Вульфстан проповедует и призывает (preaches and proclaims) [\[6, с. 341\]](#).

Изложенные выше факты выявляют очевидную преемственность древнеанглийских религиозных произведений от латинских источников, а также обосновывает разнообразие подходов к их использованию, на чем и будет сфокусирована последующая часть статьи.

Результаты

Немало исследований посвящено работе Эльфрика Эйншемского с античными источниками. Он известен, помимо всего прочего, как переводчик Библии, Жития святых и других религиозных писаний. Эльфрик видел большой смысл в переводе латинских источников на древнеанглийский, однако относился к процессу неоднозначно. С одной стороны, Эльфрик не любил переводить Библию с латыни, так как считал, что древнеанглийский не может полностью соответствовать латинскому языку, таким образом искажение смысла неминуемо. Например, в древнеанглийском предисловии к

«Проповедям», он просит тех, кто будет работать с его собранием гомилий, вносить необходимые поправки в перевод, в случае если таковые будут нужны, ибо «*Micel yfel deð se ðe leas writ*» – много зла делает тот, кто ложь пишет [\[3, с. 2\]](#).

В латинском предисловии к «Житию» авторства Эльфрика содержится еще больше выражаемых им сомнений относительно перевода.

Nec tamen plura promitto me scripturum hac lingua, quia nec conuenit huic sermocinationi plura inseri; (не обещаю писать много на этом языке, потому что не пристало, чтобы много было переведено на наш язык...) [\[7, с. 141\]](#).

Non mihi inpetetur quod diuinam scripturam nostrae linguae infero... (не считайте это моим недостатком, что я обращаю святое изложение на наш язык...) [\[7, с. 141\]](#).

Возможно, Эльфрик испытывал «дискомфорт» в отношении перевода в связи с тем, что средневековые грамматика и риторика сосредоточивались на своем слушателе-читателе, подготовке его души к восприятию истины, понятной и умопостигаемой, что отражалось в содержании проповеди или произведений других жанров. Отсюда следовало, что авторы, в ущерб излишней учености и наукообразности, упрощали речь и материал, стремясь завоевать сердца своей аудитории. В русле указанной тенденции был и интерес Бенедиктинского возрождения к национальному языку. В Винчестере, где провел свои отрочество и молодость Эльфрик, возникла «школа» древнеанглийского языка под руководством Этельвольда. Эльфрик в своей переводческой деятельности в значительной мере следовал традициям этой школы [\[2, с. 40\]](#).

О том, что Эльфрик при переводе допускал «отклонения» от оригинала, говорится во многих работах. Например, Альберт Кук в предисловии к своему труду «*Biblical Quotations...*» замечает, что, следуя за латинскими проповедниками, Эльфрик мог, от случая к случаю, отходить от оригинала. Однако, сложно оценить масштаб этих отклонений в связи с небольшим количеством исследований, а также из-за тенденций в древнеанглийском к вариативности форм при изложении одинаковых мыслей и из-за частой невозможности определить на какого именно евангелиста ориентировался переводчик [\[4, с. vii-viii\]](#).

Наконец, в предисловии к Книге Бытия (*Genesis*) Эльфрик как нигде в своих работах выступает против точного перевода. Он считает простой перевод недостаточным, так как при этом он лишается возможности добавления комментария, что естественно в проповедях. Для Эльфрика особенно важна необходимость комментария Ветхого Завета по причине опасения, что несведущий не поймет различия между Ветхим и Новым Заветами, что люди будут смущены отдельными эпизодами из Ветхого Завета или попытаются следовать примеру старейших. Продолжая древнеанглийскую традицию аллитерационного стиля, и, безусловно, помня о красотах языка латинских источников, Эльфрик создает свой особый ритмичный стиль прозы [\[2, с. 80\]](#).

Несмотря на то, что Эльфрик испытывает сомнения относительно перевода священных текстов, он признает преимущество и необходимость этого процесса, так как перевод позволяет охватить и донести знания до большей аудитории, а также, как резюмирует Роберт Стентон, «*out of difference comes unity*» - из разности происходит единство [\[7, с. 141-145\]](#).

Это приводит нас к рассмотрению способов работы Эльфрика с исходными античными источниками. Прежде всего, это, несомненно, пословный перевод, максимально

приближенный к первоначальному тексту. Об этом Эльфрик пишет в своем предисловии к сборнику гомилий.

Ис Ælfric munuc awende þas boc of Ledenum bocum to Engliscum gereorde, þam mannun to rædenne þe þæt Leden ne cunnon. (Я, Эльфрик монах перевел эту книгу с латинских книг на английский язык для тех, кто латынь не знают) [\[3, с. 21\]](#).

Nu bidde ic and halsige, on Godes naman, gif hwa ðas boc awritan wylle, þæt he hi geornlice gerihte be ðære bysne, þe-læs ðe we, urh gymeleasum writerum, geleahrtode beon. Micel yfel deð se ðe leas writ, buton he hit gerihte, swilce he gebringe ða soðan lare to leasum gedwylde (Сейчас молю и заклинаю именем Бога, если кто-либо будет переводить эту книгу, чтобы он аккуратно исправил ее при копировании, чтобы по вине небрежных писцов нас не обвинили бы. Много зла делает тот, кто ложь пишет, если только он не исправит это, как будто он приводит истинное учение к ложной ереси...) [\[3, с. 21\]](#).

Кроме того, в труде А. Кука "Biblical Quotations..." более 200 страниц отведено под список цитат из Библии в произведениях Эльфрика, что свидетельствует о насыщенности его трудов прямыми переводными цитатами первоисточников.

Встречаются примеры, когда Эльфрик включает непосредственно латинские фразы в свои проповеди с последующим переводом и толкованием смысла. Как, например, в проповеди "Dominica Septuagesima".

Witodlice ðas dægðerlican ðenunga cyðað þæt fram ðisum dæge oð Easreon is ure heofung-tid and bereowsung-tid ure synna mid sumere stiðnyse. "Alleluia" is Ebreise word, þæt is on Leden "Laudate Dominum," and nan gereord nis swa healic swa Ebreise. Nu forlæte we þæt healice gereord on ure Septuagesima, and cweðað on Leden, "Laus tibi, Domine, Rex aeterne gloriae"; þæt is, "Sy ðe, Drihten, lof, eces wuldres Cyning." We geswuteljað mid þære eadmodan Leden spræce, þæt we sceolon us sylfe to eadmodran drohtnunge on ðyssere tide gebidan. (Истинно, эти ежедневные службы показывают, что с этого дня до Пасхи — наш скорбный период и период искупления наших грехов с определенной строгостью. «Аллилуйя» - иудейское слово, что на латыни означает «Славься, Господи», и ни один язык настолько величественен, как Иудейский. Мы сейчас оставляем этот величественный язык в Семидесянице и говорим на Латыни «Laus tibi, Domine, Rex aeterne gloriae», что значит «Да пребудет с тобой слава, Господи, Царь вечной славы». Скромной латинской фразой мы показываем, что должны склоняться к более скромной жизни в этот период) [\[3, с. 86\]](#).

Подобные включения проповедником фраз на латыни имеют цель не только закрепить ее в памяти прихожан, но и снять возможный дискомфорт от ее использования при помощи перевода и объяснения причин ее использования.

Несмотря на то, что Эльфрик настаивал на полном соответствии перевода источнику, он иногда намеренно использовал близкие к тексту, но с несколько иным смыслом слова в переводе для достижения своих целей. Наибольший интерес вызывает адаптированный перевод Эльфрика легенды о святых Сесилии и Валериане и мотивы его обращения к ней, поскольку в этом случае совместились не только намерение автора привести пример праведной жизни, но и отразить мировоззрение самого переводчика. Здесь сливается желание не только наставить на путь истинный, но и оказать влияние на формирование определенных канонов, то есть непосредственно воздействовать на некоторые аспекты духовной жизни. Также это может служить доказательством того, что целевая аудитория

древнеанглийских религиозных текстов не ограничивалась прихожанами, распространяясь и на духовенство.

Автор статьи «Homiletic Contexts for Aelfric's Hagiography» утверждает, что выбор этой истории сделан преднамеренно. Эльфрик использует метафору духовного брака в качестве примера для духовенства, чтобы те, сохраняя свое целомудрие посредством крепкой веры и телесного celibата, при этом фигурально обретали потомство посредством обращения последователей в веру. Большинство изменений Эльфрик внес в текст для привлечения наибольшего внимания к духовному продолжению рода [\[8, с. 275\]](#). Он включил легенду о Сесилии и Валериане в Житие, чтобы оказать поддержку реформированным священникам-монахам за счет критики нереформированных женатых священников [\[8, с. 266\]](#).

Именно в версии Эльфрика ангел обещает Валериану, что Тибуртий снова возродится «to þam ecan life» - для «вечной жизни» в противовес простому «eruit» - «искуплен» в оригинале. Не раз повторяя фразу «вечная жизнь», Эльфрик акцентирует внимание на том, как обещание вечности мотивирует христиан поддерживать нужный взгляд на временное земное существование и напоминает аудитории, почему святые учителя из легенды продолжили распространять веру даже в плену и муках [\[8, с. 278\]](#). В сцене казни Сесилии Эльфрик тоже заменяет невыразительное латинское «dicit» (сказала) на «heo tihte» (она прельщала), чтобы охарактеризовать взаимодействие Сесилии с толпой, которая пришла оплакать ее смерть [\[8, с. 281\]](#).

Итак, Эльфрик Эйншемский как переводчик является весьма значимой фигурой в связи с тем, что, во-первых, он переводил большое количество текстов с латыни на древнеанглийский весьма скрупулезно. Во-вторых, имел возможность отбирать информационную базу и облекать ее в необходимые слова и таким способом воздействовать на целевую аудиторию. Кроме того, он разработал собственный стиль с определенными риторическими приемами, нацеленными на лучшее донесение информации до слушателей/читателей, на сохранение красот и особенностей древнеанглийского и латинского языков и также на формирование необходимого мировоззрения у адресатов.

Говоря о втором уникальном средневековом авторе, Вульфстане, следует отметить именно его авторский стиль изложения, будь то латинские источники, мысли других авторов, в том числе и Эльфрика, или же его собственные идеи. Вульфстан обращается к античности посредством применения разнообразных риторических приемов. Наиболее известная работа Вульфстана - проповедь «Sermo Lupi ad Anglos». Ее сравнивают в риторическом и идейном плане с трудом Гильдаса «О разорении Британии». Стиль повествования Гильдаса отличается от стиля Вульфстана большей красочностью и цветистостью, испытывая очевидное влияние античной традиции, близкой первому по времени гораздо больше, чем второму, а также ввиду разных целей произведений: неизвестно, использовался ли когда-нибудь труд Гильдаса для прочтения в устной форме, в отличие от «Проповеди Волка», жанрово предназначенной для этого [\[1, с. 86\]](#). Тем не менее, даже если стиль Вульфстана менее «цветист», нельзя не признать тот факт, что его авторский талант не может оставить никого равнодушным. По словам Энди Орчарда (Andy Orchard: Wulfstan as Reader, Writer, and Rewriter), «подобный драматичный пересказ библейской прозы... может быть назван отличительной чертой стиля Вульфстана, тот самый, который стал залогом того, что работы Вульфстана были широко услышаны и повсеместно читаемы не только в течение его жизни, но и до двенадцатого века... никто не будет подвергать сомнению, что написанное и сказанное

Вульфстаном имело мгновенный и захватывающий дух эффект на его современников»... [6, с. 316]. Суть этого стиля лежит в опоре на эффект усиления воздействия на аудиторию посредством повторения на каждом уровне дискурса. На уровне букв звуки группируются в аллитерации и ассонансе, в то время как слова, формулировки, темы и целые абзацы повторяются, особенно это заметно в разных версиях знаменитой проповеди *Sermo Lupi*. [6, с. 320]. Важно отметить тот факт, что риторические стратегии, используемые в латыни, близко совпадают с приемами Вульфстана в древнеанглийском языке [6, с. 326].

Рассмотрим примеры приёмов, задействованных в проповеди Вульфстана.

1) Аллитерация

... **stric** & **steorfa**, **orfcwealm** & **uncoru**, **hol** & **hete**, & **rypera** **reaflac** ... (чума и мор, падеж и болезни, злоба и ненависть, и преступный грабеж...) [9].

2) Ассонанс

...& us **ungylða** swyðe gedrohtan, & us **unwadera** foroft weoldan **unwæstma**; ... (и чрезмерные налоги приводили нас в отчаянье, и непогода очень часто лишала нас урожая...) [9].

Повторение начальных букв в словах создает впечатление, что количество перечисляемых бедствий намного больше, чем называется.

3) Повторение определенных слов

Forþam mid **miclan** earnungan we geearnedan þa yrmða þe us on sittað & mid swyðe **micelan** earnungan we þa bote motan æt Gode geræcan, gif hit sceal heonanforð godiende weorðan. La hwæt we witan ful georne þæt to **miclan** bryce sceal **micel** bot nyde, & to **miclan** bryne wæter unlytel, gif man þæt fyr sceal to ahte acwencan. (Поскольку великими грехами мы заслужили наши страдания и действительно большими лишениями мы должны получить исцеление от Бога, если с этого времени положению суждено улучшиться. Внемлите! Мы хорошо знаем, что большое нарушение закона должно повлечь большое наказание и большой пожар требует большого количества воды, если суждено потушить этот пожар.) [9].

Повторение слов *micel/miclan/micelan* аккумулирует в сознании образ чего-то огромного, непреодолимого и сложно реализуемого.

3) Повторение синтаксических конструкций

Ac soð is þæt ic secge: þearf is þære bote forþam Godes gerihta wanedan to lange innan þysse þeode on æghwylcan ænde, & folclaga wyrseðan ealles to swyðe, syððan Eadgar geendode. & **halignessa syndan to griðlease wide & Godes hus syndan to clæne berypte ealdra gerihta & innan bestrypte ælcra gerisena. & wydewan syndan wide fornydde on unriht to ceorle & to mænege foryrmde & gehynede swyðe, & earme men syndan sare beswicene & hreowlice besyrwde, & ut of þysan earde wide gesealde swyðe unforworhte fremdum to gesealde, & cradolcild geþeowede þurh wælhreowe unlaga, forlytelre þyfþe wide gynd þas þeode. & freorihthfornumene & þrælrihtgenyrwde & ælmæsrihtgewanode.** (Но истинно говорю вам: есть нужда в этом искуплении, потому что слишком долго Божьи законы попирались на этой земле в каждом районе, а людские законы нарушались слишком сильно, с тех пор как Эдгар умер. И неприкосновенность

святынь слишком широко не соблюдается, и церкви полностью лишаются своих прав и разграбляются. И вдовы повсеместно принуждаются к замужеству незаконными способами и многие лишаются имущества и подвергаются издевательствам; и бедняки жестоко предаются и обманываются и продаются иностранцам, хотя они невиновны, и младенцы незаконно отдаются в рабство, будучи украденными. И права свободных людей попираются, и права рабов ограничиваются, и благотворительные обязательства сокращаются.) [\[9\]](#).

Сложносочиненное предложение перегружено однотипными конструкциями, что создает иллюзию бесконечности бедствий, обрушившихся на английский народ. Кроме того, постоянно повторяется формула пассивного залога, что также указывает на продолжительные страдания и угнетённость людей.

Выводы

Подводя итог представленному в статье анализу мнений и исследований, следует резюмировать, что, безусловно, античные источники являются информационной и идеологической базой гомилетических древнеанглийских произведений. Каким бы ни был подход к адаптации этих источников, их происхождение, даже если они преподносились завуалированно, прозрачны для исследователей, как, например, они зарегистрированы в труде *Biblical Quotations In Old English Prose Writers*.

Тексты переводились для формирования обучающей базы (сборник произведений для ночных бдений), собраний проповедей, а также в попытках информационного и идеологического «форматирования» сознания (интерпретация жизнеописания Валериана и Сесилии авторства Эльфрика).

Античное наследие, несомненно, находит свое отражение в стилистических приемах, используемых древнеанглийскими авторами и несмотря на то, что у каждого значимого проповедника сложился свой уникальный стиль, многие приемы, такие как аллитерация, повторы, определенный ритм/ритмичность, берут свои истоки в латинских работах.

Выявленные закономерности авторских стилей и присутствие личных мотивов при адаптации латинских источников древнеанглийскими сочинителями открывают большие перспективы для дальнейших более подробных исследований проповедей и других англо-саксонских религиозных текстов в риторическом и прагматическом русле.

Библиография

1. Горелов М.М. Катастрофа завоевания в зеркале христианской морали (по «Проповеди Волка англам») // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 69–86.
2. Моховикова Н.В. «Жития святых» Эльфрика как памятник бенедиктинского возрождения: диссертация кандидата филологических наук. Москва, 1999. 147 с.
3. Aelfric. The homilies of the Anglo-Saxon church [microform]: the first part containing the Sermones catholici, or Homilies of Ælfric in the original Anglo-Saxon. London, 1844-46. Vol. 2.
4. Cook, Albert S. Biblical Quotations In Old English Prose Writers: Ed. With the Vulgate And Other Latin Originals, Introduction On Old English Biblical Versions, Index of Biblical Passages, And Index of Principal Words. London: Macmillan, 1898.
5. Hall Th. N. Latin sermons for saints in early English homiliaries and legendaries // The

Old English Homily: Precedent, Practice, and Appropriation. Brepols Publishers, 2007. V. 17. P. 227-263.

6. Orchard A. Wulfstan as reader, writer and rewriter // The Old English Homily: Precedent, Practice, and Appropriation. Brepols Publishers, 2007. V. 17. P. 311-341.
7. Stanton R. Rhetoric and Translation in Ælfric's Prefaces // Translation and Literature. Edinburgh University Press. 1997. Vol. 6, No. 2. P. 135-148.
8. Upchurch R.K. Homiletic contexts for Aelfric's hagiography: the legend of saints Cecilia and Valerian // The Old English Homily: Precedent, Practice, and Appropriation. Brepols Publishers, 2007. V. 17. P. 265-283.
9. Wulfstan. Sermo Lupi ad Anglos. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/anglica/Chronology/11thC/Wulfstan/wul_sermon.html (дата обращения: 31.08.2022)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мотивы и закономерности обращения к античным источникам в древнеанглийских религиозных текстах авторства Эльфрика Эйншемского и Вульфстана», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к наследию латинского языка в европейских языках, а также особенностям текстов на древнеанглийском языке религиозного содержания.

Основой исследования явились труды в области истории происхождения древнеанглийских религиозных текстов, их идеологических источников и стилистических особенностей их оформления.

Целью данной статьи явился анализ исследований в этой области и выявление индивидуальных закономерностей авторских стилей двух наиболее значимых сочинителей Эльфрика Эйншемского и Вульфстана с привлечением и толкованием фактологического материала.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

К сожалению, автор не указывает на объем корпуса, отобранного для практической части исследования, принципы и методы отбора. Хотя в работе перечислены наименования источников.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Автор иллюстрирует теоретические положения языковым материалом (оригинальные отрывки на древнеанглийском языке).

Библиография статьи насчитывает 9 источников, среди которых представлены научные труды на русском и английском языках. Считаем, что обращение к большему количеству

фундаментальных работ отечественных исследователей, таких как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, обогатило бы настоящую работу. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по истории языка, практикума по древнеанглийскому и латинскому языкам, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Мотивы и закономерности обращения к античным источникам в древнеанглийских религиозных текстах авторства Эльфрика Эйншемского и Вульфстана» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цзоу С. — Изображение Китая в русской поэзии: «Китайское путешествие» О. А. Седаковой // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68797 EDN: IPHQQG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68797

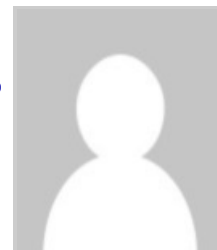
Изображение Китая в русской поэзии: «Китайское путешествие» О. А. Седаковой

Цзоу Синь

соискатель, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ summer0326@mail.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.68797

EDN:

IPHQQG

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2023

Аннотация: Предметом статьи является отражение китайской культуры в стихотворном цикле «Китайское путешествие» О. А. Седаковой. Несмотря на сравнительно большую изученность этого цикла, его внимательное чтение, предпринятое с позиций носителя китайской культуры, может обнаружить новые нуждающиеся в комментировании эпизоды и свидетельства глубоких знаний в области китайской философии и классической поэзии, которыми обладает поэтесса. Хотя значимость даосских идей для Седаковой обсуждалась в науке, в цикле возможно указать на не отмечавшиеся ранее образы и идеи, восходящие к Лао-Цзы, а также к «Книге перемен»; некоторые реалии, присутствующие в цикле Седаковой, в китайской культуре обладают символическим смыслом, что еще не комментировалось российскими исследователями. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней интерпретируются некоторые не отмеченные ранее реалии и символика, восходящие к китайской культуре: так, хотя значимость образа воды для цикла уже отмечалась в науке, не пояснялась его связь с идеями Лао-Цзы (между тем образ воды у Седаковой, как и в даосизме, связывается с представлениями о нежности как о высшей ценности); в свете идей даосизма нами поняты образы пути,

неба и земли в отдельных стихотворениях цикла; образы неба, земли и благородного мужа также возводятся нами к «Книге перемен» (она упоминалась в исследованиях цикла, но в других аспектах); поясняется символический смысл, которым обладают в китайской культуре и, в частности, в классической китайской поэзии используемые Седаковой образы ивы, горы, лестницы, флейты, ласточки. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что поэзия Седаковой основана на гармоническом взаимодействии русского (европейского) и китайского; такая оценка уже высказывалась в науке, но мы подкрепили ее новыми примерами.

Ключевые слова:

Седакова, Китайское путешествие, русская поэзия, поэтический цикл, Лао-Цзы, традиционная символика, классическая китайская поэзия, китайская культура, даосизм, Книга перемен

О. А. Седакова, поэтесса, переводчица и филолог, в детстве жила с родителями в Китае. Спустя много лет, в 1986 году, Седакова написала лирический цикл «Китайское путешествие», о котором говорит: «“Китайское” — это как бы путешествие в Рай, в некое эдемское состояние ... Почему Китай? ... Я не могу сказать, что воспоминания о Китае у меня остались ясными. Это скорее осязательные, тактильные ощущения, запахи...» [\[1\]](#).

Этот поэтический цикл «уже становился в науке предметом подробного исследования, исследователи рассматривали его с разных точек зрения, поэтому уместно будет предварить наши собственные наблюдения кратким очерком истории вопроса. Обсуждалось влияние китайских философских представлений (прежде всего даосских) на картину мира и систему ценностей в этом цикле (см. особенно работы Н. Г. Медведевой и Н. Черныш). Были опознаны некоторые отсылки к классической китайской поэзии, использование традиционных для китайской культуры символических образов. Так, А. К. Жолковский видит у Седаковой реминисценции из Ли Бо, проявляющиеся в обращении к образам «луны, воды, отражения в воде, в частности, луны и звезд; вина, чарки, чаши, выпивки с друзьями, опьянения; дружбы, любви и расставания — с женой или друзьями, в том числе поэтами» [\[2, с. 240\]](#). Само название цикла, основной его лирический сюжет — странствие — Жолковский тоже признает вдохновленными жизнью этого китайского классического поэта, вечно странствовавшего.

Жолковский при этом справедливо замечает, что «работа Седаковой с интертекстами не ограничивается китайской сферой, а интересно подключает русские источники». Например, «у строчки и чем камень опускаться на дно <не меньше... чем. — Ц.С.>, которая в контексте Ли Бо, видимо, соотносится с образом камня на дне реки в “Стихах о Чистой реке”, вероятен и русский подтекст — “Три слова” Иннокентия Анненского» [\[2, с. 243\]](#). К этим наблюдениям Жолковского над собственно словесно-образным рядом цикла Седаковой близки наблюдения Н. Г. Медведевой, анализировавшей другой уровень цикла и говорившей об отражении даосизма в «Китайском путешествии»: как и Жолковский, Медведева пишет о соединении в том русском литературном произведении китайского и европейского (русского), о том, как происходит у Седаковой «синтез (“интерференция”, по Г. Гачеву) даосских представлений о мире и христианской любви ко всему живому» [\[3, с. 66\]](#).

Мы со своей стороны попробуем дополнить наблюдения и соображения русских

филологов тем, что особенно ясно видно в цикле Седаковой носителю китайской культуры.

Так, например, верные оценки большого значения текстов Лао-Цзы и даосских идей для «Китайского путешествия» могут быть подкреплены новыми аргументами. Кроме того, что уже было отмечено русскими исследователями, мы укажем еще на некоторые строки и образы, которые связываются с мыслями Лао-Цзы.

Так, значимость мотива *воды* в «Китайском путешествии» уже отмечалась Н. Г. Медведевой, писавшей: «По частотности употребления слова в "Китайском путешествии" распределяются следующим образом: *вода* встречается в цикле 13 раз, *небо* – 9, *солнце* – 6, *земля* – 5, *звезда* – 4. Но, кроме прямых обозначений, есть много связанных с ними или косвенных. Например, в семантический ряд "воды" попадают *пруд, нижняя влажная лазурь, реки, чистый ключ, океан, прибой, дно*, а также *корабль, плот, лодка*; "земли" – *берега, холмы, террасы, песок, побережье, сады, суша*» [3, с. 59]. Даосский смысл образа воды, однако, еще не комментировался. Между тем Лао-Цзы говорил: «Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется [с ними]. Она находится там, где люди не желали бы быть. Поэтому она похожа на дао» (фрагмент 8).

Во втором стихотворении цикла сказано:

Пруд говорит:

были бы у меня руки и голос

как бы я любил тебя, как лелеял! ...

Мне же ничего не нужно: ведь нежность — это выздоровление.

Образ воды у Седаковой, как и в даосизме, связывается с представлениями о нежности как о высшей ценности. В китайской культуре есть пословица: 以柔克刚 (нежность побеждает твердость), исток которой представляет собой фразу Лао-Цзы: «Вода — это самое мягкое и слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и нет ей на свете равного» (фрагмент 78). Про нежность у Седаковой есть, например, такие строки:

С нежностью и глубиной —

ибо только нежность глубока,

только глубина обладает нежностью, —

в тысяче лиц я узнаю,

кто ее видел, на кого поглядела

из каменных вещей, как из стеклянных,

нежная глубина и глубокая нежность.

К центральному понятию даосизма, *пути*, отсылают слова из третьего стихотворения:

Не довольно ли мы бродили,

чтобы наконец свернуть

на единственно милый,
 никому не обидный,
 не видный
 путь?

Образы неба и земли, которые, конечно, являются универсальными и присутствуют в поэзии разных времен и народов, у Седаковой связываются, как и в даосизме, с представлениями о высших ценностях:

Несчастен,
 кто беседует с гостем и думает о завтрашнем деле;
 несчастен,
 кто делает дело и думает, что он его делает...
 он, безумный, не знает,
 как аист ручной из кустов выступает,
 как шар золотой
 сам собой взлетает
 в милое небо над милой землей.

Последняя строка, как и общий пафос этого стихотворения, сопоставимы со словами Лао-Цзы: «Небо и земля – долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными» (фрагмент 7). Здесь важна, в частности, и та ценность, которая приписывается способности отрешиться от сосредоточенности на самом себе, существовать «не для себя».

В семнадцатом стихотворении упоминается «И-цзин», древняя Книга перемен, где собраны ранние философские тексты:

там всему взамен
 выбрасывают гадальные кости на Книгу перемен.

(и в древнем Китае, и до сих пор на основе «И-цзин» люди занимаются гаданием).

Возможное влияние «Книги перемен» на «Китайское путешествие» подробно рассматривалось Н. Черныш; исследовательница видит это влияние прежде всего в смысловой композиции цикла: «<...> гексаграммы идут одна за одной парами, где первая (четная) сторона имеет характеристики янского типа (активное, солнечное, действующее), а вторая (нечетная) соответственно характеристики иньского типа (пассивное, лунного, принимающее). В «Китайском путешествии» прослеживается <...> принцип <гексаграммы>: пары стихотворений вступают в своеобразные диалогические отношения, как Инь и Ян, дополняют друг друга, и возникает общее смысловое единство» [4, с. 407]. Сопоставив первые фразы стихотворений, образующих цикл, Черныш использовала понятие «квантов смысла», о которых говорила сама Седакова в одном из интервью: «...В каждой вещи мне важно, где она начинается и где кончатся. И с той и с другой стороны ее окружают паузы. Это как бы квант смысла и настроения. С

ним одним нужно побыть какое-то время, забыв о прочем» [\[5\]](#).

Со своей стороны обратим внимание и на более очевидную вещь: для «Китайского путешествия» очень важны такие ключевые понятия «Книги перемен», как небо, земля, благородный муж.

В «Китайском путешествии» присутствуют не только идеи древнекитайской философии и связанные с этими идеями символические образы, но и разнообразные детали, детали, связанные со специфичностью китайской жизни, в том числе с повседневным бытом, описываемым еще в классической китайской поэзии; заметим, что некоторые из этих деталей были усвоены русской поэзией задолго до Седаковой, в Серебряном веке (например, присутствуют в книге Гумилева «Фарфоровый павильон» (1918)): это, например, желтое вино (т.е. кукурузное; иногда желтое, как луна), длинные рукава (с ними у Седаковой сравниваются ветки деревьев) и т.п. Среди таких специфических образов и тем — рисунок тушью (гохуа). Поэтесса, которая очень любит китайское изобразительное искусство, определила цикл в целом как «попытку аналогового прозрачного рисунка» [\[1\]](#). Рисунок тушью — основа сложной метафоры в десятом стихотворении цикла:

Велик рисовальщик, не знающий долга,

кроме долга играющей кисти:

и кисть его проникает в сердце гор,

проникает в счастье листьев...

Однако в основном образность «Китайского путешествия» имеет не столько специфически китайский, сколько общечеловеческий характер: ласточки, бабочки, зерно, небо, земля... При этом некоторые из этих образов могут иметь разные традиционные символические значения в китайской и в европейской (в частности, русской) культурах.

Седакова, помнящая свое детство в Китае и навсегда сохранившая к нему живой интерес и любовь, и будучи при этом при этом европейским поэтом и филологом, может, обращаясь в «Китайском путешествии» к частотным в мировой поэзии образам, объединять китайские и европейские смыслы символического образа.

Так происходит, например, уже в первом стихотворении цикла, где в первой части предложена гармоническая и простая картина в духе гохуа:

И меня удивило:

как спокойны воды,

как знакомо небо,

как медленно плывет джонка в каменных берегах.

Родина! вскрикнуло сердце при виде ивы:

такие ивы в Китае,

смывающие свой овал с великой охотой,

ибо только наша щедрость

встретит нас за гробом.

Здесь единственный раз во всем цикле использовано слово *джонка*; впоследствии часто появляется слово *лодка*. В европейской культуре лодка символизирует обычно непредсказуемую судьбу человека, отданного во власть стихии; в классической китайской поэзии лодка – это символ тоски: по родине, по странствующим и т.д. У Седаковой медленность движения джонки, спокойствие вод и неба связаны с европейской символикой жизни как «утлого суденышка среди бурных вод» по принципу контраста, и при этом очевидна связь образа лодки с тоской по Китаю и по своему детству.

Еще один потенциально символический образ, присутствующий в этом стихотворении, — образ ивы (вообще в «Китайском путешествии» ивы появляются неоднократно, например, в пятом стихотворении лирическая героиня обращается к «карликовым соснам» и «плакучим ивам»). Здесь, видимо, тоже можно предположить объединение китайского и русского символического смыслов. Для русских эмоциональный смысл образа ивы определен уже прилагательным «плакучая» (это точное обозначение ботанического вида). «В Китае при разлуке было принято отламывать веточку ивы и давать на память уезжающему. Поэтому сломанная ива или ветка ивы символизируют прощание, печаль в разлуке и тоску по родине» [4, с. 108]. Добавим, что этот обычай впервые был описан в «Шицзин»:

Помню время, когда уходили в поход,

Был на ивах зеленый, зеленый наряд;

Ныне мы возвращаемся к дому назад –

Только снежные хлопья летят и летят...

[6, с. 208].

Отметим, что произношение иероглифа «ива» (liü) похоже на слово «остаться» (liù): провожающий не хотел, чтобы близкие не уходили...

Кроме уже отмечавшегося М. Хабибулиной [7] символического смысла расставания, образ ивы еще в Китае обозначает надежду на весну, светлое будущее (см., например, у Ван Вэя: *на цветах персика еще держится вчерашний дождь, а вокруг зеленой ивы уже струится весенний пар*).

Русским исследователям, анализирующим «Китайское путешествие», очевидно, как важен в стихах Седаковой мотив движения, связывающего небо и землю: «Поэтому верх и низ в этом мире связаны движением. Оно происходит по вертикали либо сверху вниз, либо наоборот. Пруд спускался сверху / голосом, как небо (2); рукава деревьев, падая, не падают, / окунаются в воду (3); с неба кинута лестница (4); с почтением склоняются небеса (10); камень опускается на дно (13). Обратное движение: гора, у которой в коленях последняя хижина (4); аист как шар золотой / сам собой взлетает в милое небо над милой землей (9); ивы вырастают у воды, вода следует за магнитом звезды (13); путь похож на свечу (16); вода вдохновенья растет (17)» ([3, с. 60-61]). Поясним, насколько этот мотив укоренен в китайской традиции.

В четвертом стихотворении Седакова создала два важных образа: горы и лестницы, а и в культуре даосизма, и в древней китайской литературе, особенно в стихах династии

Тан, эти два образа нередко обнаруживаются рядом и взаимодействуют:

Там, на горе,
у которой в коленях последняя хижина,
а выше никто не хаживал;
лба которой не видывали из-за туч
и не скажут, хмур ли он, весел, —
кто-то бывает и не бывает,
есть и не есть.

Величиной с око ласточки,
с крошку сухого хлеба,
с лестницу на крыльях бабочки,
с лестницу, кинутую с неба,
с лестницу, по которой
никому не хочется лезть;
мельче, чем видят пчелы
и чем слово есть.

В китайской культуре есть пословица: 庄周梦蝶 (прямое значение: Чжуан Цзы снится, что он превратился в бабочку), имеющая следующий смысл: в жизни много неопределенности. Это можно сопоставить с тем, что написано у Седаковой: *кто-то бывает и не бывает, есть и не есть*.

Под влиянием даосизма древние китайцы считали, что высокие горы – это лестницы, которые опускают с неба; горы называли небесными лестницами (天梯), подняться на высокие горы – это путь к тому, чтобы стать небожителем. Небожитель по-китайски обозначается как 神仙, иероглиф 仙 состоит из двух частей: человек (人) и гора (山), видно, что для китайцев небожитель представляет собой человека, который живет в горах, поэтому большинство героев старых китайских легенд связано со священными горами.

Три священные горы — Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу — часто упоминаются в древней китайской литературе, особенно в стихах. Например, в стихотворении Цао Чжи «Путь к небу» говорится:

С помощью волшебных туфель я догоняю небожителя, я догнал его у горы Пэнлай.

Волшебная вода из горы течет белой волной, орхидея и душистый османтус почти соединились с небом.

Черный леопард гуляет под горой, кунь <волшебная птица китайских легенд> летают над горой.

Ветер поднимает меня на гору, здесь я как будто видел всех небожителей.

Здесь прямо названа гора Пэнлай.

Горы — лестницы на небо есть и в стихах Ду Фу, Ван Вэя и Ли Бо. Приведем примеры из Ли Бо:

Я на лестнице, зеленые облака вокруг меня, такие картины природы позволят мне забыть мою тоску. («Поднимаюсь на башню рассыпанных цветов в городе Цзинь») 飞梯绿云中, 极目散我忧。(《登锦城散花楼》)

Когда придет рассвет, я пойду на гору, буду держу в руках колотушку и подниматься по облачной лестнице. («Расставание с монахом-отшельником») 平明别我上山去, 手携金策踏云梯。(《别山僧》)

Лишь когда под обвалом погибли здесь молодцы,

Устремились до неба ступени из каменных плит.

(«Трудны дороги в Шу», пер. С.А. Торопцева)

Видно, что в стихах Ли Бо лестницы бывают разные: летящие, облачные и т.д. Ли Бо странствовал всю жизнь, он захотел искать путь, который позволил бы ему стать небожителем, поэтому он поднимался на разные высокие горы, куда даже никто не смел подняться, но своей цели он не достиг, что выразил в стихотворении «Заглядываю в вино»:

Сун цзы отдыхает в горе Цзиньхуа, Ань ци живет в горе Пэнлай.

Все они древние небожители, где они сейчас?

Наша жизнь как молния коротка, мгновенно превратился в старика.

Небо и земля не стареют и не изменяются, но наши черты лица изменяются.

Передо мной вино, но я не хочу его пить.

Жизнь убедила Ли Бо в том, что не существует пути к божеству, зато вино дало ему утешение: когда он пьян, он чувствует себя близко к божеству. Так как Ли Бо обожает пить вино, он принят как один из членов восемь пьяных небожителей. Вино – самый важный образ в стихах Ли Бо. В тринадцатом стихотворении Седакова написала:

...чем пьяный Ли Бо заглядывать

в желтое, как луна, вино...

О мотиве вина у Ли Бо, конечно, писали до нас: «В переведенных А. Ахматовой и А. Гитовичем стихотворениях Ли Бо мотив “вина”, обозначенный уже в названиях (“Поднося вино”, “Пьянствую в горах с отшельником”, “Под горой одиноко пью”), – один из ведущих» [\[3, с. 60\]](#).

Поясним также китайский подтекст образов флейты и ласточки.

Четырнадцатое стихотворение цикла начинается так:

Флейте отвечает флейта,

не костяная, не деревянная,

а та, которую держат горы
в своих пещерах и щелях...

У Седаковой здесь, как видим, флейта метафорическая, нерукотворная, поэтесса говорит о том, как воет ветер в горах; но эта метафора вырастает и из частотного в классической китайской поэзии образа флейты-музыкального инструмента. Так, поэты вводят образ флейты для выражения своей тоски, например, в стихотворении «Мелодия Лянчжоу» (凉州词) Ван Чжихуана есть знаменитые строки:

Река Хуанхэ течет далеко, как будто до облаков, вокруг бастиона высокие горы.

Зачем бамбуковая флейта жалуется на ивы, ведь весенний ветер никак не может долететь до Нефритовых ворот.

А у Ли Бо флейта яшмовая:

С чиновником Ван Ци слушаю мелодию флейты в башне Желтого журавля

Я был переведен на низшую должность в область Чанша, я часто смотрел на запад на нашу столицу Чанань, но не видел моего дома.

В башне Желтого журавля играют на яшмовой флейте, в мае цветы сливы падают в городе на реке (*подстрочник наш*)

Седакова часто обращается к образу ласточки, который тоже типичен для классических китайских стихов. Эта типичность уже отмечалась исследователями, но ее смысл не раскрывался (см., напр., у Медведевой: «ласточки – деталь, которая также имеет специфически “китайскую” окраску (ласточкины гнезда употреблялись в пищу, о них, кстати, упоминает в своем цикле Н. Гумилев)» ([\[3, с. 58\]](#)).

и ласточка на чайной ложке

подносит высоту:

сердечные капли, целебный настой.

У образа ласточки есть три важных символических значения: во-первых, ласточка – это символ начала весны, в стихотворении «По Чжэнь цзы: пейзаж весной» (破阵子: название вида мелодий) Ян Шу (宴殊) написал, что ласточка прилетает как раз в середине весны, а после того, как опадут цветы груши, наступает праздник Цинмин. (燕子来时新社, 梨花落后清明).

Во-вторых, ласточки летают группой или парой, поэтому пара ласточек побуждает человека стремиться к идеальной любви. У Янь Цзидао были строки: человек в одиночестве стоит среди опадающих цветов, ласточки летают парами в морозящем дожде (落花人独立, 微雨燕双飞).

В-третьих, в древнем Китае ласточка как почтальон передает письмо. Например, у Оу Янсюя есть строки: Со слезами на глазах я в одиночестве склонился на террасе и спросил у возвращающихся ласточек: не встретили ли они вас на дороге, когда прилетели? (泪眼倚楼频独语。双燕来时, 陌上相逢否?).

Можно, следовательно, утверждать, что не только китайская философия и наиболее узнаваемые образы китайской культуры, но и менее очевидная традиция китайской классической поэзии и китайской символики оказывается основой цикла О.А. Седаковой

«Китайское путешествие», и знакомство с этой основой помогает понимать произведение.

Библиография

1. В словах, а не путем слов. Ольга Седакова отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского // Топос, 2003, 18 марта [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://www.topos.ru/> (дата обращения: 22.01.2023)
2. Жолковский А. К. «Неужели..?» (Ольга Седакова, «Китайское путешествие», 13) // Жолковский А. К. Новая и новейшая русская поэзия. М.: РГГУ, 2009. С. 233-246.
3. Медведева Н. Г. Образ Китая в русской поэтической традиции (Н. Гумилёв, О. Седакова, И. Бродский) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. №1. С. 53-71.
4. Черныш Н. А. Путешествие Ольги Седаковой по «Книге перемен» // Ольга Седакова: Стихи. Смыслы. Прочтения. М.: НЛО, 2016, с. 401-434.
5. Седакова О. А. «Поэзия — противостояние хаосу». Интервью от 28 мая 2010 года. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://omiliya.org/article/olga—sedakova—poeziya—protivostoyanie—khaosu—olga—balla.html?ysclid=lg0yulp2a5183280703> (дата обращения: 03.04.2023)
6. Шицзин. Избранные песни. Пер. А. Штукина. М., 1957.
7. Хабибулина М. Китай по-русски: образ ивы в цикле О. А. Седаковой «Китайское путешествие» // Молодой ученый, 2021, №1. С. 107–114.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Изображение Китая в русской поэзии: «Китайское путешествие» О. А. Седаковой», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей представления Китая в русской поэзии. С учетом интереса к изучению китайского языка и культуры в наше время, работа является актуальной и призвана восполнить те лакуны, которые имеются. Несмотря на то, что данный цикл уже явился объектом исследования, автор обращается к иным аспектам.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве источника материала исследования был взят лирический цикл «Китайское путешествие» О.А. Седаковой.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в

русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 7 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам на иностранных языках по смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Изображение Китая в русской поэзии: «Китайское путешествие» О. А. Седаковой» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Perception of V. Pelevin and the study of his work in China

Shi Fuyu

PhD in Philology

Senior Lecturer, Institute of Russian Language, Dalian University of Foreign Languages

116000, China, Liaoning Province, Dalian, Liushunxi str., 6

✉ sfy1989@foxmail.com

Li Xiaoge

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of Russian Language, Inner Mongolia Normal University

010000, China, Inner Mongolia, Hohhot, Zhaowuda str., 81

✉ lixiaoge89@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the perception of V. Pelevin and the study of his work in China. The object of the study is the perception of Victor Pelevin's creativity in China. The subject of the study is a review of translations of V. Pelevin's works into Chinese and a presentation of the results of research about him in Chinese literary criticism. The main purpose of the work is to analyze the degree of study of Victor Pelevin's work in China with a brief overview of the main directions of modern research by Chinese critics. In the work, along with general scientific methods of analysis, synthesis, analogy and generalization, the descriptive method and the comparative method were also used. As a result of the conducted research, it was revealed that Chinese literary critics pay close attention to the work of Viktor Pelevin, especially the Chinese elements in his works, and highly appreciate the intellectual value of the writer's works. The results described in this article will contribute to a deeper understanding of V. Pelevin's work by Chinese literary critics, and can also be introduced as scientific material into the educational process at the Faculty of Philology. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time new scientific achievements of China are involved in the research field – the evaluation and study by Chinese researchers of the works of V. Pelevin.

Keywords: Russian literature, Chinese criticism, anti-utopia, Chinese elements, Eastern philosophy, Zen Buddhism, emptiness, postmodernism, Victor Pelevin, Chinese literary studies

References (transliterated)

1. Van Shufu. Viktor Pelevin: tipichnyi obrazets postsovetskoi literatury // Russkaya literatura i iskusstvo. (王树福. 佩列文: 一个后苏联时期的文学标本 // 俄罗斯文艺). 2013. №3. S. 36-43.
2. Van Shufu. Vostochnaya illyuziya v russkoi literature: obraz Kitaya v romanakh V. Pelevina // Novye perspektivy mirovoi literatury. (王树福. 俄罗斯文学的东方幻象: 佩列文小说中的中国形象 // 外国文学动态). 2013. №3. S. 18-21.
3. Ven' Yuisya. Kompleks «Antiutopiya» v postmodernistskom kontekste: peizazh tvorchestva V. Pelevina // Russkaya literatura i iskusstvo. (温玉霞. 后现代语境下的“反乌托邦”情结——维·佩列文的小说创作图景 // 俄罗斯文艺). 2010. №1. S. 11-17.

4. Kun Liin. Issledovanie intertekstual'nosti v romane Viktora Pelevina «Generation P» // Izuchenie Sibiri. (孔俐颖. 佩列文小说《“百事”一代》互文性解读 // 西伯利亚研究). 2019. №2. S. 65-70.
5. Kun Liin. Problema Vostok-Zapad v proze V. Pelevina v Rakurse Semiotiki Kul'tury: Dis. ... kand. filol. nauk. – Pekinskii universitet inostrannykh yazykov, 2021. 160 s. (孔俐颖. 文化符号学视域下佩列文小说中的东西方问题研究. 博士论文). 北京外国语大学. 2021. 160 s.
6. Kun Liin. Issledovanie granitsy: krizis identichnosti v romanakh V. Pelevina // Sovremennaya zarubezhnaya literatura. (孔俐颖. 边界地带的求索 —— 佩列文小说中的身份认同危机 // 当代外国文学). 2023. №1. S. 69-76.
7. Li Sin'mei. Real'nost' i illyuziya – khudozhestvennaya kartina postmodernistskikh romanov Viktora Pelevina. – Shankhai: Izdatel'stvo Fudan'skogo universiteta, 2012. 222s. (李新梅. 现实与虚幻——维克多·佩列文后现代主义小说的艺术图景). 复旦大学出版社. 2012. 222 s.
8. Fen Syue. Prostranstvennoe pis'mo v postmodernistskikh romanakh V. Pelevina // Novye perspektivy mirovoi literatury. (冯雪. 佩列文后现代主义小说的空间书写 // 外国文学动态研究). 2019. №1. S. 84-94.
9. Tsini' Zhuitszi. O vliyaniy yuzhnoi shkoly dzen-buddizma na tvorchestvo Pelevina – na primere «Chapaev i Pustota» // Zhurnal Tszyamusiiskogo professional'nogo instituta. (秦睿梓. 论中国南派禅宗哲学对佩列文创作的影响——以《夏伯阳与虚空》为例 // 佳木斯职业学院学报). 2018. №3. S. 75-76.
10. Tszyan Lei. Protiv utopii konsyumerizma: issledovanie romana Viktora Pelevina «Generation P» // Sovremennaya zarubezhnaya literatura. (姜磊. 佩列文《百事一代》反消费乌托邦思想研究 // 当代外国文学). 2016. №3. S. 101-108.
11. Chzhan Sin'. Glubokaya interpretatsiya postmodernistskikh tekstov – retsenziya na «Igra · Dzen · Postmodern» // Russkaya literatura i iskusstvo. (张馨. 对后现代文本的深度解读——评<游戏·禅宗·后现代> // 俄罗斯文艺). 2008. №1. S. 105-107.
12. Chzhu Tao. Utopiya ili antiutopiya? – O stilisticheskoy spore romana V. O. Pelevina «S.N.U.F.F.» // Russkaya literatura i iskusstvo. (朱涛. 乌托邦抑或反乌托邦? ——论维·佩列文小说《S.N.U.F.F.》的文体之争 // 俄罗斯文艺). 2018. №1. S. 47-53.
13. Chzhen Syaotin. Viktor Pelevin i vostochnyi postmodernizm // Novye perspektivy mirovoi literatury. (郑晓婷. 维克多·佩列文与东方后现代主义 // 外国文学动态研究). 2022. №1. S. 68-76.
14. Chzhen Yunvan. Igra · Dzen · Postmodern – issledovanie postmodernistskoi poetiki V. Pelevina. Pekin: Izdatel'stvo narodnaya literatura, 2006. 284 c. (郑永旺. 游戏·禅宗·后现代——佩列文后现代主义诗学研究). 北京: 人民文学出版社, 2006. 284 s.
15. Chzhen Yunvan. Issledovanie postmodernistskikh markerov romana Pelevina «Chapaev i Pustota» // Inostrannye yazyki i literatura. (郑永旺. 佩列文的小说《夏伯阳与虚空》的后现代主义标记研究 // 外国语). 2008. №2. S. 34-38.
16. Shi Sitsyan'. Russkaya mehta v Nan'ke o Kitae: kitaiskie elementy v «SSSR Taishou Chuan'» Viktora Pelevina // Sovremennaya zarubezhnaya literatura. (史思谦. 一个俄国人的中国南柯梦——论佩列文《苏联太守传》中的中国文化元素 // 当代外国文学). 2018. №4. S. 58-64.
17. Yan' Meipin. Gumanisticheskie perspektivy iskusstvennogo intellekta v «IPhuck 10» // Novye perspektivy mirovoi literatury. (阎美萍. «IPhuck 10»对人工智能的人文反思 // 外国文学动态研究). 2021. №3. S. 120-127.

Povalko Polina

PhD in Philology

Senior lecturer, General and Russian Linguistics Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

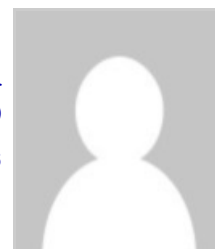
✉ povalko-pyu@rudn.ru

Zhang Jiaxian

Student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

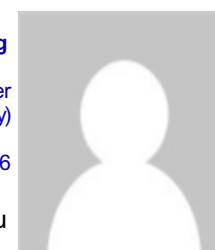
✉ 1032229207@rudn.ru

Wang Zhiying

Student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1032229599@rudn.ru

Abstract. The article examines the place and role of the Chinese language in the linguistic landscape of the campus of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba. The subject of the study is written public texts in Chinese, posted on the university campus (announcements, signs, posters, etc.). The material collected by the continuous sampling method was analyzed from the positions of the addressees of the texts, their subject matter and multilingualism, and also evaluated from the point of view of compliance with the norms of the Chinese language in the texts. The effectiveness of Chinese-language written communication was assessed using a survey of Chinese-speaking students. The place of the Chinese language in the linguistic landscape of the university campus is described; it is noted that written communication in Chinese on campus plays an important role both in the educational process and in everyday interaction. At the same time, conclusions about the insufficient representation and limited thematic diversity of Chinese-language texts were drawn. Recommendations for improving written communication in Chinese are proposed, which will help optimize the process of adaptation of students from China, increase their awareness, which will generally have a positive impact on the ergonomics of the communicative space, as well as increase the status of the Chinese language in the language landscape of an internationally oriented university.

Keywords: multilanguage, ergonomics of the communicative space, internationally oriented university, intercultural communication, communicative space, written communication, linguistic landscape, university campus, international campus, Chinese language

References (transliterated)

1. Landry R., Bourhis R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16 (1). R. 23–49. DOI:10.1177/0261927X970161002
2. Pütz M. Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology. Russian Journal of Linguistics, 2020, 24 (2), 294–324. DOI:

10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324

3. Pavlenko A. Yazykovye landshafty i drugie sotsiolingvisticheskie metody issledovaniya russkogo yazyka za rubezhom // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. 2017. T. 21. № 3. S. 493–514. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514.
4. Jenkins J., Mauranen A. (eds.) Linguistic Diversity on the EMI Campus: Insider accounts of the use of English and other languages in universities within Asia, Australasia, and Europe (1st ed.). Routledge, 2019. DOI: 10.4324/9780429020865
5. Dubinina M. N., Kolodyazhnaya D. A. Kitaiskii komponent v lingvisticheskom landshafte kul'turno-istoricheskoi chasti Kolomny // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. № 4. S. 1213–1217. DOI: 10.30853/phil210189
6. Lyu Tszinpen. Lingvisticheskii landshaft: issledovanie i analiz perevoda s russkogo na kitaiskii yazyk v krupnykh gorodakh Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2019. № 2. S. 121–129.
7. Cao H.Z., Liu Y.Q., Chen H.Y. Mapping the Linguistic Landscape in a Chinese University. Open Access Library Journal, 2022, 9, 1–16. DOI: 10.4236/oalib.1109585.
8. Xiaofang Y. A layered investigation of Chinese in the linguistic landscape: A case study of Box Hill, Melbourne / Y. Xiaofang // Australian Review of Applied Linguistics. – 2020. – P. 302–335. DOI: 10.1075/aral.18049.yao
9. Lyu L. Sposoby i motivy naimenovaniya geograficheskikh ob'ektov v kitaiskom i russkom yazykakh // Litera. – 2021. – № 5. – S. 97–105. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.5.35607
10. Yaru Zhou, Yi Zhang (2023). The Role of Linguistic Landscape in Teaching Chinese as a Foreign Language: Taking the Linguistic Landscape in Lanzhou Subway Station as an Example. *Journal of Social Science Humanities and Literature*, Vol. 6, (4), 201–212. DOI: 10.53469/jsshl.2023.06(04).38
11. Im J.H. The discursive construction of East Asian identities in an era of globalization and internationalization: the linguistic landscape of East Asian departments at a US university. *Journal of Multicultural Discourses*, 2020, 15 (1), 80–103. DOI:10.1080/17447143.2020.1738441.
12. Liu C. & Wang Y. J. Exploration of Code Use and Arrangement of Linguistic Landscape in Universities-Take Shungeng Campus of Shan Dong University of Finance and Economics as an example. *Modern Communication* (20), 2021, 102–104.
13. Zhang Y.C. Research on the Linguistic Landscape of University Campus. *Literature Education*, 2020, 10, 132–133. DOI: 10.16692/j.cnki.wxjys.2020.10.058.
14. Jiang S. & Ma C.Y. Research on the Linguistic Landscape of University Campus from the Perspective of Adaptation Theory. *Ability and Wisdom*, 2018, (09), 13. DOI: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=CAIZ201809011&DbName=CJFQ2018>.
15. Nosiani N., Asiyah S., Mustikawati D.A. Linguistic Landscape on Campus in Ponorogo (A Case Study of Signs in Ponorogo Universities). *Penerbitan artikel ilmiah Mahasiswa Universitas Muhammadiyah Ponorogo*, 2019, 3 (2): 130–138. DOI: 10.24269/ed.v3i2.299
16. Povalko P. Yu., Mikheeva E. S., Gubanova O. I. Universitetskii kampus kak ob'ekt nauchnogo issledovaniya // Yazyk kak iskusstvo: funktsional'naya semantika i poetika: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 14–15 aprelya 2022. Moskva: RUDN, 2022. S. 283–291.

17. Kolysheva O. N., Lokhankina I. N., Taranova A. A. Chto znachit slovo «kampus»: vzglyad studentov i prepodavatelei // Yazyk kak iskusstvo: funktsional'naya semantika i poetika: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 14–15 aprelya 2022. Moskva: RUDN, 2022. S. 616–623.
18. Ben-Rafael E., Shohamy E., Amara M. H. & Trumper-Hecht N. Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel // International Journal of Multilingualism. 2006. Vol. 3 (1). Pp. 7–30. DOI: 10.1080/14790710608668383
19. Cenoz J., Gorter D. Linguistic landscape and minority languages // International Journal of Multilingualism. 2006. No 3. P. 67–80. DOI: 10.1080/14790710608668386
20. Malinowski D. 2009. Authorship in the linguistic landscape: a multimodal-performative view. In E. Shohamy & D. Gorter (eds.) 2009, Linguistic landscape: Expanding the scenery. London: Routledge, pp. 107–25.
21. Gubanova O. I., Lokhankina I. N. Ergonomichnost' kommunikativnogo prostranstva internatsional'nogo kampusa: vzglyad inostrannykh studentov // Vostochnyi kaleidoskop: materialy dokladov i soobshchenii III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh-vostokovedov s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, RUDN, 6 dekabrya 2022 g. Moskva: RUDN, 2023. S. 136–144.

The transformation of meanings of the semantic space of a literary text under translation to a foreign language

Smirnova Dariya Leonidovna

Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Translation, Russian New University

129090, Russia, Moscow, Olympic Avenue, 10 building 3, sq. 266

✉ dar1jasmirnova@yandex.ru

Abstract. The transformation of the semantic structure of a literary text under translation into a foreign language is inextricably linked with the transformation of conceptually significant meanings of this text. In order to establish the direction of changing the meanings that make up the paradigm of the key statements for this text, it is necessary to comprehensively study the paradigm of meanings arising in the translation text using a definitional analysis of key lexemes in the source language and the translation language and contextual analysis of the meaning-forming contexts of this text. In this connection, the subject of the study is the semantic structure of a key utterance in a polyphonic text. Particular attention is paid to the change in the volume of meanings formed during translation and the change in the actualization of meanings arising as the text is semantically unfolded. The scientific novelty lies in the material chosen for the study: the paper presents contexts from the translation of the novel by F.M. Dostoevsky "The Idiot", made by Eva M. Martin, published by Everyman's Library in 1914 and republished in 1916. Previously, this translation text was not used as a valuable source for obtaining new knowledge about the semantic structure of a literary text and its transformation during translation, in particular, the aspect concerning the functioning of text dominants at the aesthetic and linguistic level. The contexts given in the study give reason to believe that the paradigm of the meanings of the key sign is significantly narrowed in the translation text, which leads to flattening of conceptually significant meanings and violation of the basic properties of the polyphonic word.

Keywords: Dostoevsky, paradigm of meanings, polyphonic word, a conceptually meaningful

statement, text dominant, the key statement, semantic structure, content structure, literary text, semantics

References (transliterated)

1. Valentinova O.I. Semiotika polifonii / Otv. red. E.A.Krasina. M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2005.
2. Valentinova O.I. Universal'nye printsipy analiza verbal'nogo iskusstva. Uchebnoe posobie. M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2012.
3. Valentinova O.I., Denisenko V.N., Rybakov M.A. Aktual'nye napravleniya sovremennoi lingvistiki s pozitsii sistemnogo podkhoda. Nekotorye razmyshleniya ob itogakh nauchnoi stazhirovki v RUDN "Obshchaya i chastnaya metodologiya filologicheskoi nauki" 2019 goda // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2021. № 3. S. 918-933.
4. Dostoevskii F.M. Idiot. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti tomakh / Gl. red. V.G. Bazanov. T.8. L.: Nauka, 1973.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M.: Azbukovnik, 2000.
6. Khidekel' S.S. Russko-angliiskii ob'yasnitel'nyi slovar': slovar' russko-angliiskikh sootvetstviu. M.: AST, 2006.
7. Collins, S. (2018). *Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary: The Source of Authentic English*. London, England: HarperCollins UK.
8. Dostoevsky, F.M. (1916). *The Idiot, Newly revised version by Eva M. Martin*. London, England: Dent.
9. Harris, W.T. (Ed.). (1925). *Webster's New International Dictionary of the English Language: Based on the International Dictionary of 1890 and 1900, Now Completely Revised in All Departments, Including Also a Dictionary of Geography and of Biography, Being the Latest Authentic Quarto Edition of the Merriam Series*. Springfield: G & C. Merriam company.
10. McIntosh, C. (Ed.). (2013). *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Summers, D., Gadsby, A. (Ed.). (1995). *Longman dictionary of contemporary English: The complete guide to written and spoken English. New edition*. Harlow: Pearson Education Limited.
12. Rundell, M. (Ed.). (2007). *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Oxford: Macmillan ELT.

The conceptual pair “Life” and “Death” in the Chinese linguistic picture of the world: an explanation of the meanings of precedent texts for representatives of Russian linguistic culture

Lyu Siqi

Postgraduate student, Department of Russian language and methods of its teaching, RUDN University

117198, Russia, g. Moscow, ul. Mklukho-Maklaya, 6

✉ lvsiqi@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the conceptual pair “Life” and “Death” in

the Chinese linguistic picture of the world. The relevance of this study is due to the growing need for successful intercultural cooperation between Chinese and Russian cultures. Due to objective extralinguistic factors, there is an intensive exchange of knowledge between China and Russia. The flow of Chinese students to Russia is increasing; In the learning process, they are interested not so much in mastering the functioning of the Russian language system, but in understanding the "Russian world." This process can be difficult due to the discrepancy between the original and the target cultures. The purpose of this work is to study the conceptual complex "Life – Death", implemented in the Chinese linguistic picture of the world, on the basis of precedent texts widely known to recipients. The subject of the study is the differential characteristics of the conceptual dyad, identified in the process of analysis. The material for the work is precedent texts, in particular, poetic and paremiological units containing the lexical component "Life" and "Death" in the Chinese language. Research methods: descriptive method, conceptual analysis, linguocultural commentary method, contextual analysis, questionnaire. The analysis showed that in the system of social relations the role of each person is determined from birth. Death in the Chinese linguistic picture of the world is the other side of life; It becomes grief and loss only if the individual fails to realize his best qualities. In a certain sense, life for speakers of Chinese language consciousness is a moral achievement. The parameters of the Chinese linguistic picture of the world that we have considered constitute the fund of knowledge that will allow us to begin to comprehend the Russian linguistic picture of the world either by "comparing" mental spaces or by eliminating gaps.

Keywords: explanation, model, values, association experiment, precedent text, Chinese linguistic culture, conceptual pair, concept, linguistic picture of the world, linguoculturology

References (transliterated)

1. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.
2. Zalevskaya A.A. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. M.: Gnozis, 2005. 546 s.
3. Kubryakova E.S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) // Aktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki. M.: Flinta: Nauka, 2009. S. 46–59.
4. Bakhtikireeva U.M. Fenomen Georgiya Dmitrievicha Gacheva // Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoi kul'ture. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Nal'chik, 2015. S. 10–15.
5. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011.
6. Gerd A.S. Vvedenie v etnolingvistiku. Sankt-Peterburg, 1995.
7. Sorokin Yu.A., Markovina I.Yu. Kul'tura i ee etnopsikholingvisticheskaya tsennost' // Etnopsikholingvistika. M.: Nauka, 1988. S. 5–18.
8. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M.: Slovo/Slovo, 2000. 264 s.
9. Tan' Aoshuan. Kitaiskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost'. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 240 s.
10. Remchukova E.N., Kuz'mina L.A. «Pretsidentnyi mir» F.M. Dostoevskogo v sotsiokul'turnom i «igrovom pole» sovremennykh media // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2022. T. 13. № 1. С. 45-67. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-

11. Krasnykh V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya / V.V. Krasnykh. M.: Gnozis, 2002. 284s.
12. Ufimtseva N.V., Balyasnikova O.V. Natsional'noe samosoznanie i assotsiativno-verbal'naya set': ob odnoi gipoteze Yu.N. Karaulova // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 12. № 2. С. 238-254. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-25

The evolution of ideas about vegetarianism in British literature in the Late 18th – Early 19th Century (a case of 'An Essay on Abstinence from Animal Food, as a Moral Duty' by J. Ritson, 'Queen Mab' and 'A Vindication of Natural Diet' by P.B. Shelley)

Kolosova Ekaterina Igorevna

Junior researcher, Literary Studies Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

✉ kolosova@inion.ru

Abstract. The article examines the literary representation of the topic of vegetarianism in the works of British writers in the Late 18th – Early 19th Century. English sugar merchant, author of popular self-help books Thomas Tryon was one of the first to propose the concept of vegetarianism, which was new to his contemporaries. His works, like those of his followers, inspired Joseph Ritson and Percy Bysshe Shelley. Joseph Ritson in his essay 'An Essay on Abstinence from Animal Food, as a Moral Duty' (1802) summarizes the experience of his predecessors and proposes an original concept of vegetarianism, close to the romantic philosophy. P. B. Shelley used Ritson's ideas in his philosophical poem 'Queen Mab' (1813) and his essay 'A Vindication of Natural Diet' (1813). The article presents the results of a productive dialogue between intellectuals of the Enlightenment (such as T. Tryon and G. Cheyne) and J. Ritson. This influenced the further development of the philosophy of vegetarianism in European culture. Thus, the poet of the romantic era P.B. Shelley, inspired by Ritson's essay, rethought his ideas in his own way and presented them in his works.

Keywords: XVIII century, British literature, George Cheyne, Thomas Tryon, romanticism, Percy Bysshe Shelley, Enlightenment, Joseph Ritson, vegetarianism, Queen Mab

References (transliterated)

1. Vanslov V.V. Estetika romantizma. M: Iskustvo, 1966. – 397 s.
2. Vershinin I.V. Trudy po izucheniyu predromantizma i romantizma. M.: Sotsium, 2011. – 671 s.
3. D'yakonova N.Ya. Angliiskii romantizm: Problemy estetiki. M.: Nauka, 1978. – 208 s.
4. Kovaleva O.V. Zarubezhnaya literatura XIX veka. Romantizm. Uchebnoe posobie. M.: Oniks, 2005. – 268 s.
5. Kolosova E. I. Tema vegetarianstva v literature Velikobritanii XVII-XVIII vv., ee osnovaniya i kul'turnye konteksty // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie. 2021. № 4. S. 53-65.
6. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii. Gl. red. A. N. Nikol'yukin. M.: Intelvak, 2001. – 1596 s.
7. Solov'eva N.A. U istokov angliiskogo romantizma. M.: MGU, 1983. – 230 s.

8. Cheyne G. The Essay of Health and Long Life. London: George Strahan, 1724. – 232 p.
9. Guerrini A. A. Diet for a sensitive soul: vegetarianism in eighteenth-century Britain // Eighteenth-century life. 1999. Vol. 23 (2). P. 34-42.
10. Jeanneret M. «Ma salade et ma muse»: on Renaissance vegetarianism // At the table. Turnhout: Brepols, 2007. P. 211-222.
11. Morton T. Joseph Ritson, Percy Shelley and the making of romantic vegetarianism // Romanticism. 2006. Vol. 12 (1). P. 52-61.
12. Morton T. Shelley and the Revolution in Taste: The Body and the Natural World. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 298 p.
13. Ritson J. An Essay on Abstinence from Animal Food: As a Moral Duty. London: R. Phillips, 1802. – 236 p.
14. Shelley P. B. A Vindication of Natural Diet. London: F. Pitman, 1886. – 27 p.
15. Shelley P. B. Queen Mab: a Philosophical Poem. London: John Ascham, 1834. – 232 p.
16. Tryon T. Wisdom's Dictates, or, Aphorisms and Rules, Physical, Moral, and Divine, for Preserving the Health of the Body, and the Peace of the Mind. London: Tho. Salisbury, 1691. – 153 p.

The use of adjectives as a means of changing the time continuum within a literary text

Gurkova Anastasiia Vladimirovna

Teacher, Department of English, State University of Humanities and Technology

142600, Russia, Moscow region, Orekhovo-Zuyevo, Zelenaya str., 22

✉ avgurkova@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the exaggeration and understatement of time in modern English literary text through the use of adjectives. The object of the study are adjectives, which are presented as a means of depicting an exaggerated and understated time continuum. The author examines in detail the semantics of such lexemes as brief, quick, fleeting, ancient and slow. Particular attention is paid to their changes within the framework of combinations with other lexical units, during which time periods are stretched or narrowed. In this work, the author implemented the following methods: the method of component analysis, the method of contextual analysis, the method of linguostylistic analysis.

The main conclusion of the study is the identification of the lexemes brief, quick, fleeting, ancient and slow as indicators of exaggeration and understatement of time within the English literary text of the fantastic genre. The use of the analyzed lexemes in different forms of degree of comparison of adjectives, as well as as part of comparative phrases, is noted. The above lexemes can express the speed of actions performed, and the time spent by the heroes is either deliberately drawn out or passes instantly. Also, hyperbolic time can be a way of reflecting the authenticity of the existence of peoples and the world as a whole. It is worth noting that some author's neologisms were identified.

Keywords: author's neologism, hyperbolization, context, continuum, dictema, adjective, understatement of time, exaggeration of time, non-dictionary phrases, time category

References (transliterated)

1. Barkhudarov L. S. Ocherki po morfologii sovremennogo angliiskogo yazyka. M.: LIBROKOM, 2009. 160 s.
2. Blokh M.Ya. Voprosy izucheniya grammaticheskogo stroya yazyka. – M., 1976.
3. Blokh M.Ya. Diktema v urovnevoi strukture yazyka // Voprosy yazykoznaniya. 2000. – №4. S. 56–67.
4. Brunner K. Istoriya angliiskogo yazyka. M.: Izd. LKI, 2010. 720 s.
5. Vorontsova G. N. Ocherki po grammatike angliiskogo yazyka. M.: Izd-vo liter. na inostr. yaz., 1960. 399 s.
6. Gaidenko P.P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke. – M.: Progress-Traditsiya, 2006. – 464 s.
7. Gak V.G. Prostranstvo vremeni // Logicheskii analiz yazyka: Yazyk i vremya / Otv. red. N.D. Arutyunova, T.E. Yanko. M.: Indrik, 1997. S. 122–130.
8. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury. Ch. I. M.: Iskusstvo, 1972. 318 s.
9. Gurkova A.V. Leksicheskie pokazateli preuvelicheniya i preumen'sheniya vremeni angliiskogo yazyka (na materiale khudozhestvennykh tekstov) // Litera. – 2023. – № 6. – S. 108–116. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.43433 EDN: HIVJSP [Elektronnyi resurs]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43433 (data obrashcheniya: 09.10.2023)
10. Gurkova A.V. Kategoriya khudozhestvennogo vremeni // Kazanskaya nauka. – 2021. – № 5. – S. 63–65. – EDN ZEJFV.
11. Zhigadlo V. N. Sovremennyy angliiskii yazyk: teoreticheskii kurs grammatiki. M.: Literatura na inostr. yaz., 1956. 349 s.
12. Ivanova I. P. Vid i vremya v sovremennom angliiskom yazyke. L., 1961. 199 s.
13. Il'ish B. A. Istoriya angliiskogo yazyka. M.: Izd-vo literatury na inostr. yazykakh, 1958. 418 s.
14. Koshevaya I. G. Problemy yazykoznaniya i teorii angliiskogo yazyka. Grammaticheskii stroi sovremennogo angliiskogo yazyka: teoreticheskii kurs. M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2012. 178 s.
15. Koshevaya I. G., Sviridova L. K. Grammaticheskie struktury i kategorii angliiskogo yazyka: teoreticheskii kurs. M.: LIBROKOM, 2010. 192 s.
16. Ozhegov S.I. Tolkovy slovar' Online [Elektronnyi resurs]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=3998> (data obrashcheniya: 06.10.2023).
17. Popova, L. G. O sushchnosti i vozmozhnostyakh ustanovleniya kul'turnoi pamyati slov (sopostavitel'nyi aspekt) / L. G. Popova, V. O. Egorova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 9-1(51). – S. 143–145. – EDN UCNFLX.
18. Rastorgueva T. A. Ocherki po istoricheskoi grammatike angliiskogo yazyka. M.: LIBROKOM, 2008. 168 s.
19. Smirnitskii A. I. Morfologiya angliiskogo yazyka. M.: MGU im. Lomonosova, 1959. 350 s.
20. Tumanova A.B., Pavlova T.V., Zueva N.Yu. Kategoriya vremeni v sovremennoi nauke: analiz i interpretatsiya // Neofilologiya. 2019. №18. [Elektronnyi resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-vremeni-v-sovremennoy-nauke-analiz-i-interpretatsiya> (data obrashcheniya: 23.08.2023).
21. Yartseva V. N. Istoriya morfologii angliiskogo yazyka. M.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1960. 250 s.
22. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ldoceonline.com> (data obrashcheniya: 06.09.2023).

23. Macmillan Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (data obrashcheniya: 06.09.2023).
24. Martin G., Fire and Blood [Elektronnyi resurs]. Bantam Books, New York, 703 p. URL: https://vk.com/doc466073463_491658818?hash=idX9RY1uwhPt7QUdmwuoSvJPgPxgASA46jkyeGDE44H&dl=JcMcB6Ve5IZJneeSPUFJI0FABb3L1OizEEAJI910Sek (data obrashcheniya: 12.09.2023).
25. Oxford Dictionary [Elektronnyi resurs] // Lexico / powered by Oxford. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (data obrashcheniya: 23.09.2023).
26. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows [Elektronnyi resurs]. 2007, 781 p. URL: <http://fcerosario.pbworks.com/w/file/attach/103717697/J.K.%20Rowling%20-%20HP%207%20-%20Harry%20Potter%20and%20the%20Deathly%20Hallows.pdf> (data obrashcheniya: 16.09.2023)

The Method of Application of Mini-corposes for the Analysis of Language Variation of Etiquetial Expressions in Bilingual Language Situations in the Sociolinguistic Aspect.

Soloveva Anna Andreevna

PhD in Philology

Senior teacher, Russian as foreign language department, Russian State Agrarian University

127247, Russia, Mbscow, Beskudnikovsky passage, 4-2-84

✉ yarlee@yandex.ru

Abstract. The author examines the process of creating and methodology of applying the mini-corps to solve the problems in the field of language choice learning in the sphere of speech etiquette. The different stages of compiling a mini-corps from the peculiarities of material collection to the construction of theoretical models of language use of speech etiquette are considered. The terminological apparatus of the study is introduced. The features of different methods are compared and the need for a comprehensive approach to compiling a mini-corpus is substantiated. The shortage of corpora for the study of language choice in a bilingual situation is stated. Advantages and disadvantages of the chosen methodology are described. In particular, the necessity of selecting authentic examples of spontaneous speech taken from videos based on the method of non-included observation is pointed out. The place of the mini-corpus technique in the set of methods used in this study is shown. The result is a corpus-based description of the algorithms of speakers' use of etiquette expressions in a particular language under the influence of various configurations of factors and parameters of the social context. It is concluded that this method allows, on the one hand, to obtain the necessary and sufficient material for the analysis, on the other hand, it does not involve the use and processing of a large array of data.

The prospect of researching the method is to apply it in other situations of bilingualism in order to complement and correct the theoretical models obtained in the course of the study. Thus, the method of compiling bilingual mini-corps makes it possible to reach the level of generalization of linguistic facts, sufficient to build universal models for interpreting the patterns of language choice of etiquette expressions in bilingualism.

Keywords: Catalan language, content analysis, language choice, methods, etiquette expressions, bilingualism, corpus linguistics, sociolinguistics, Hindi language, mini-corpus

References (transliterated)

1. Golubkova E. E. Ispol'zovanie lingvisticheskikh korpusov pri reshenii semanticheskikh problem // Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod, M.: Izdatel'skii dom YaSK, 2015. S. 39-80.
2. Kirpikov A. R. Kachestvennyi kontent-analiz kak metod issledovaniya // XXI Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professora L. N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya», 22-23 marta 2018 g., Ekaterinburg: UrFU, 2018. S. 67-74., s. 70.
3. Labov U. O mekhanizme yazykovykh izmenenii // Novoe v lingvistike, Vypusk VII, M.: «Progress», 1975, 486 s.
4. Solov'eva, A. A. Stepen' vliyaniya parametra sotsial'nogo statusa na vybor rechevogo etiketa pri dvuyazychii / A. A. Solov'eva // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya, 2019, T. 10, № 1, s. 10. <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK119.pdf> Data obrashcheniya: 30.10.2022.
5. Solov'eva, A. A. Etiketnye vyrazheniya pri dvuyazychii: sotsiolingvisticheskii analiz / A. A. Solov'eva, M.: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Rusains", 2022, 174 s., s. 98-103.
6. Suleimanova, O. A. Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy / O. A. Suleimanova, M. A. Fomina, I. V. Tiv'yaeva. – 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe, M.: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Yazyki Narodov Mira", 2020. 352 s.
7. Chernyavskaya V. E. Diskursivnyi analiz i korpusnye metody: Neobkhodimoe dokazatel'noe zveno? Ob'yasnitel'nye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov // Voprosy kognitivnoi lingvistiki, 2018, № 2, s. 31-37.
8. Formanovskaya N. I. Russkii rechevoi etiket: Lingvisticheskie i metodicheskie aspekty, M.: «URSS», 2008, 160 s.
9. Frumkina R. M. Lingvisticheskaya gipoteza i eksperiment (o spetsifike gipotez v psikholingvistike) // Gipoteza v sovremennoi lingvistike, M.: Nauka, 1980, s. 183-216.
10. Jakobson R. Closing Statement: Linguistics and Poetics. Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. – Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc., 1960, 470 p.

Under a False Flag: Literary Hoaxes and the Use of Numerals

Zenkov Andrei Viacheslavovich

PhD in Physics and Mathematics

Associate Professor at the Department of Modeling of Controllable Systems, Ural Federal university

620002, Russia, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, Mira st., 19, office 434

✉ zenkow@mail.ru

Abstract. The present study pertains to stylometry. There are cases when a writer who has achieved fame, for various reasons, begins to create under a different name, tries to write in a different manner and, at times, again succeeds in a new incarnation. Whether the author is able to significantly change the literary style inherent in him or it is impossible to escape from himself – our work is devoted to the study of this issue. The study is based on the analysis of what numerals are present in the texts of an author. It has been shown by several examples from English-, French- and Russian-language literature, that the use of numerals is an author's

feature that manifests itself in all or most of the sufficiently long texts of a given author. We apply our approach to the works of Romain Gary, Boris Akunin (Grigori Chkhartishvili) and some other authors of interest for stylometry. The conclusions are drawn on the basis of hierarchical cluster analysis and supported by the Pearson's chi-squared test.

Keywords: Truman Capote, Harper Lee, Boris Akunin, Romain Gary, numerals in texts, text authorship, text attribution, quantitative linguistics, stylometry, cluster analysis

References (transliterated)

1. Stamatatos E. A survey of modern authorship attribution methods // J. of the American Society for information Science and Technology. 2009. No. 60(3), Pp. 538–556.
2. Tempestt N., Kalaivani S., Aneez F., Yiming Y., Yingfei X., Damon W. Surveying Stylometry Techniques and Applications // ACM Comput. Surv. 2017, 50(6), Article 86, 36 pages.
3. Brocardo M. L., Traore I., Woungang I., Obaidat M. S. Authorship verification using deep belief network systems // Int. J. Commun. Syst., 2017. DOI:10.1002/dac.3259.
4. La Inteligencia Artificial ayuda a descubrir una obra desconocida de Lope de Vega en los fondos de la BNE, Biblioteca Nacional de España, <https://www.bne.es/es/noticias/inteligencia-artificial-ayuda-descubrir-obra-desconocida-lope-vega-fondos-bne> (Accessed: October 18, 2023).
5. Zenkov A. V. Otkloneniya ot zakona Benforda i raspoznavanie avtorskikh osobennostei v tekstakh // Komp'yuternye issledovaniya i modelirovanie. 2015. № 7(1). S. 197–201.
6. Zenkov A. V. Novyi metod stilemetrii na osnove statistiki chislitel'nykh // Komp'yuternye issledovaniya i modelirovanie. 2017. № 9(5). S. 837–850.
7. Zenkov A. V. A Method of Text Attribution Based on the Statistics of Numerals // J. of Quantitative Linguistics. 2018. No. 25(3). Pp. 256–270.
8. Zenkov A. V., Místecký M. The Romantic Clash: Influence of Karel Sabina over Macha's Cikani from the Perspective of the Numerals Usage Statistics // Glottometrics. 2019 No. 46, Pp. 12–28.
9. Zenkov A. V. Stylometry and Numerals Usage: Benford's Law and Beyond // Stats 2021. No. 4, Pp. 1051–1068.
10. Zenkov A. and Místecký, M. Young Vladimír Vašek? – A Numerals Analysis Contribution to the Bezruč–Hrzánský Identity Issue // Naše řeč. 2022 No. 105(3). Pp. 151–161.
11. Zenkov A. V., Ermakov N. E. Chislitel'nye v tekstakh kak kharakternaya osobennost' avtorskogo stilya // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9(45). 6 s.
12. Moisl H. Cluster Analysis for Corpus Linguistics. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 2015.
13. Koppel M., Winter Y. Determining if Two Documents are Written by the Same Author // J. of the Association for Information Science and Technology. 2014. No. 65(1). Pp. 178–187.
14. Artinian A. Maupassant criticism in France, 1880 – 1940, with an inquiry into his present fame and a bibliography. N. Y.: Kings Crown Press, 1941.
15. Dugan J. R. Illusion and Reality, A Study of Descriptive Techniques in the Works of Guy de Maupassant. The Hague, Paris: Mouton, 1973.
16. Lloyd C. Guy de Maupassant. Reaktion Books, 2020.
17. Boisen J. Un Picaro métaphysique: Romain Gary et l'art du roman. Odense University Press, 1996.

18. Hocus Bogus. Romain Gary writing as Émile Ajar, Transl. by D. Bellos, New Haven, London: Yale University Press, 2010.
19. Poier-Bernhard A. Romain Gary – das brennende Ich: literaturtheoretische Implikationen eines Pseudonymenspiels. Tübingen: Niemeyer, 1996.
20. Shields C. J. Mockingbird: A Portrait of Harper Lee: From Scout to Go Set a Watchman. Henry Holt and Company, 2016.
21. Michał Choiński, Maciej Eder, Jan Rybicki, Harper Lee and Other People: A Stylometric Diagnosis // Mississippi Quarterly. 2017/2018. No. 70/71(3). Pp. 355–374.
22. Burns B. D. Do People Fit to Benford's Law, or Do They Have a Benford Bias? Available online: <https://cognitivesciencesociety.org/cogsci20/papers/0379/index.html> (Accessed: October 18, 2023).
23. Clarke G. M., Cooke D. A basic Course in Statistics. London: Hodder Arnold, 2004.

The theme of family and home in Maria Yakunina's dilogy "The Eight" and "Dear Rita"

Oktyabr'skaya Ol'ga Svyatoslavovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, M. V. Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, office 967

✉ svyatolga@yandex.ru

Abstract. The article raises the question of the principles of the relationship between adults and children in a modern children's story. In addition, the themes of home, family, and family education in the lives of teenagers are updated. The significance of this article is due to the importance of the problems posed, as well as modern and practically unexplored research material, which are the stories "The Eight" and "Dear Rita" by the modern teenage author M. Yakunina. To comprehend these aspects, the following research methods are used in the article: comparative, hermeneutic and comparative-typological methods. With the help of a systematic approach, an analytical study of the ways of socialization and self-improvement of a child in a teenage story is provided. The main result of this work is the study of different types of characters of children and adults, ways of their interaction and ways of self-realization. At the same time, the following tasks were solved: identification of key aspects of growing up and socialization of the child; analysis of the relationship between adults and children in Maria Yakunina's stories "The Eight" and "Dear Rita"; determination of the features of the development of the main storylines and the figurative system of the analyzed stories. The key topic of the article is the role of the family in the life of a teenager, the possibility of choosing a family by a child and the responsibility of both children and adults for the family as a whole and each of its members.

Keywords: modern children's story, school story, child's self-realization, developmental psychology, children's literature, raising a teenager, childbirth, family and home, child growing up, teenage literature

References (transliterated)

1. Nichiporov I. B. Detstvo kak trauma v sovremennoi russkoi literature (povest' Pavla Sanaeva "Pokhoronite menya za plintusom") // Art Logos. 2019. №1 (6). S. 47-52.

2. Boroda E.V. "Chestnoe begstvo" sovremennogo geroya: problema eskapizma v podroostkovoi literature XXI veka // Neofilologiya. 2020. T. 6. № 23. S. 599-607.
<https://cyberleninka.ru/article/n/chestnoe-begstvo-sovremennogo-geroya-problema-eskapizma-v-podroostkovoy-literature-xxi-veka>
3. Mingalina A.P. Obraz rebenka-introverta v sovremennoi podroostkovoi proze. V sb.: Peredovoe razvitie sovremennoi nauki: opyt, problemy, prognozy. Sb. statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Petrozavodsk, 2021. S. 219-226.
4. Chekasheva N.V., Os'mukhina O.Yu. Vzroslyi mir glazami rebenka v proze G. Shcherbakovoi ("Dyadya Khlora i Koryakina", "Otkhayannaya osen"). V sb.: Aktual'nye problemy filologii i zhurnalistiki. Sbornik nauchnykh trudov. Saransk, 2022. S. 121-126.
5. Vlasova G.I. Sovremennaya detskaya literatura v Kazakhstane: pisatel'skie strategii i literaturnye reputatsii.-V sb.: Deti i kniga v polikul'turnom mire: materialy 2 Mezhdunarodnogo kongressa. Almaty: Akademiya detskoi knigi "ALTAIR", 2021. S. 15-20.
6. Nichiporov I.B. Sem'ya v epokhu peremen: romany Yuriya Polyakova rubezha KhKh-KhKhI vv. («Zamyslil ya pobeg...», «Gribnoi tsar'») // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2020. № 3. S. 174-181.
7. Nichiporov I.B. Sovremennost' glazami podrostka: povest' R. Senchina «Chego vy khotite?» // Stephanos. 2022. № 2 (52). S. 20-27.
8. Os'mukhina O.Yu. Obraz doma v tvorchestve Dm. Lipskerova kontsa 1980-1990-kh gg. // Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal. 2021. № 2 (10). S. 28-36.
9. Bal M. Narratology: introduction to the theory of narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 205 p.
10. Tempert S. Translating Young Adult Literature. The High Circulation Rate of Youth Language and Other Related Translation. Problems in The Catcher in the Rye and The Outsiders. – Utrecht, 2013 – 134 p.
11. Bakhtin M. M. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti // Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii. T. 1. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'turyYu 2003. S. 69-263.
12. Likhachev D. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya // Voprosy literatury. 1968. № 8. S. 74-87.
13. Yukhnova I. S. Tsennostnye orientiry geroev A. P. Gaidara ("Timur i ego komanda") // Filologicheskii klass. 2019. № 2 (56). S. 126-131.

Aesthetics of Zen Buddhism in the works of M. A. Voloshin (On the example of poetic miniatures – inscriptions for watercolors)

Bai Yang

postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1074948330@qq.com

Pinaev Sergei Mikhailovich

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str. 6, 10, of. 2

✉ serpinaev@mail.ru

Abstract. This article examines the embodiment of the ideas and aesthetics of Zen Buddhism in the works of M. Voloshin. The purpose of the article is to identify how the thought and aesthetics of Zen Buddhism are presented in the works of M. Voloshin. The material for the work was M. Voloshin's poetic miniatures - inscriptions on watercolors, autobiographies and memoirs. M. Voloshin himself called Buddhism "the first religious step" in his autobiography. Zen Buddhism does not accept the dualism and irreconcilability of Western philosophy, for example, the opposition "God-man", "moment – eternity", "peace – struggle", etc. One typical feature of M. Voloshin's work is philosophical harmony, and many of his poems resonate with the poems of Zen (Chan) masters. Categories embodied in Zen poems, such as the frailty of the earthly, eternity and harmony of nature, can also be found in the poems of M. Voloshin. The novelty lies in the fact that currently little attention is paid to the manifestations of the philosophy of Zen Buddhism in the works of the poet. The analysis of Maximilian Voloshin's watercolors paintings allows us to assert that Zen Buddhism occupies an important place among his aesthetic and ideological guidelines. The study of the reception of Zen Buddhism in the work of M. Voloshin is of great importance for understanding his poetry, the concept of creativity and worldview. Under the influence of the ideas and aesthetics of Zen Buddhism, Voloshin's poems reflect his three fundamental categories of aesthetics: The principle of simplicity; Harmony; The principle of emptiness and silence.

Keywords: nature, Chan, oppositions, harmony, the principle of simplicity, aesthetics, Zen Buddhism, worldview, Voloshin, silence

References (transliterated)

1. Vospominaniya o Maksimiliane Voloshine. – M., 1990.
2. Kupchenko V. P. «V vechnykh poiskakh istokov...»: Maksimilian Voloshin – poet-okkul'tist // Nauka i religiya. – 1990. – № 2. – S. 29–31.
3. Voloshin M. Kludel' v Kitae. // Voloshin M. A. Sobranie sochinenii. M.: Ellis Lak, 2000.
4. Vasil'eva, N. A. Chelovek i «ochelovechennyi» mir v filosofii i iskusstve dzen-buddizma // Vostochno-Evropeiskii nauchnyi zhurnal. – 2016. – T. 11, № 4. – S. 15–18.
5. Ge Chzhaoguan. Chan'-budiizm i kitaiskaya kul'tura. Shankhai, Shankhai zhen'min' chuban'she, 1986.
6. Voloshin M. A. O samom sebe // Maksimilian Voloshin – khudozhnik. M., 1976.
7. Tompson M. Vostochnaya filosofiya / Per. s angl. Yu. Bondareva. M.: FAIR-PRESS, 2000. – 384 s.
8. Grigor'eva T. P. Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya: Avtoref. Diss. ... kand. filol. nauk. – M., 1979.
9. Avtobiografiya Voloshina / Voloshin Maksimilian. Stikhotvoreniya i poemy v dvukh tomakh. YMCA-PRESS. Paris. 1984.
10. Pinaev S. M. Orientalizm v tvorchestve M. A. Voloshina // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. – 2012. – № 4. – S. 36–43.

11. Voloshin M. Stikhotvoreniya i poemy / vstup. st. A. V. Lavrova; sost., podgot. teksta V. P. Kupchenko i A. V. Lavrova; primech. V. P. Kupchenko. SPb.: Pb. pisatel', 1995. 704 s.
12. Maksimilian Voloshin. NADPISI NA AKVARELYaKh [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://rusilverage.blogspot.com/2016/02/blog-post_46.html (data obrashcheniya: 29.09.2023).
13. Voloshin M. A. Sobranie sochinenii. – T. 12. – M.: Ellis Lak, 2013; – T. 13, Kn. 1. – M.: Ellis Lak, 2015.
14. Base. Po tropinkam Severa (liricheskii dnevnik XYII veka): per. s yap., vstupit. stat'ya i prim. N. I. Fel'dman // Vostok. – Sb.1. – «Literatura Kitaya i Yaponii». – M.: «Academia», 1935. – 301–342 s.
15. Dyumulen, G. Istoriya dzen-buddizma / G. Dyumulen; Genrikh Dyumulen; [Per. s angl. Yu. V. Bondareva]. – Moskva: Tsentrpoligraf, 2003.

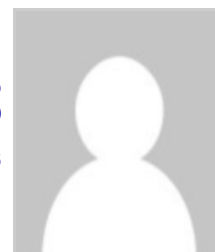
Main innovations of the pandemic period in the Russian language

Van Tinyan'

Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

117198, Russia, Moscow, ul. miklukho-Maklaya, 6, 6

✉ 1042218032@rudn.ru

Mitrofanova Irina Igorevna

PhD in Sociology

Associate Professor, Department of Russian Language and Teaching Methodology, Peoples' Friendship University of Russia

✉ mitrofanova-ii@rudn.ru

Abstract. The subject of the scientific article is the main innovations in the Russian language that appeared during the Covid-19 pandemic. The purpose of the article is to identify and analyze innovations in the Russian language during the pandemic, as well as their classification.

The following methods were used in the work: text analysis, comparative analysis, frequency analysis, categorization, deduction method.

The results of the work showed that many innovations were formed in the Russian language during the pandemic: new words translated from another language or undergone lexical development; homonymy; dissemination of slang vocabulary; going beyond specialized circles of highly specialized vocabulary; non-usual changes in the scope of semantics; the prevalence of one main discourse in speech and language.

The article allows us to understand how social transformations affect language and the linguistic picture of the world. In this regard, the results of the work can be used to create effective communication strategies and understand the various processes unfolding in society. The research can also help improve the procedure for translating various texts, as well as improve intercultural interaction during a pandemic and similar situations.

The novelty of the research can be seen both at the theoretical and practical levels. At the theoretical level, the approaches of various authors to recording changes in the field of the

Russian language during the Covid-19 pandemic were collected, analyzed and structured. At a practical level, these changes are supported by specific examples that can be useful to philologists, linguists, journalists and any other interested parties who operate with the terminology of the pandemic period and use it in their work.

The pandemic has significantly affected the Russian language and led to many changes in it. These innovations were reflected in the works of modern Russian linguists and philologists, as well as in various journalistic materials on the Internet, which became the empirical basis for the study.

Keywords: lexical acquisition, slang words, Covid-19 pandemic, Non-articular changes, intellectualisation of language, mainstreaming discourse, change of meaning, homonymy, neologisms, Russian language

References (transliterated)

1. Aksenova N.V. Osobennosti angliiskikh neologizmov ponyatiino-tematicheskoi oblasti Covid-19 // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. Tom 13. № 9. S. 172–176.
2. Arutyunyan V.S. Kul'turnye smysly ekonomicheskogo diskursa v kontekste pandemii 2020 // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2021. № 2. S. 71–86.
3. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennansa. M.: Khudozhestvennaya literatura. 1990. 544 s.
4. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / RAN. In-t lingv. issled.; Sost., gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 1998. 1534 s.
5. VOZ ob'yavila pandemiyu novogo koronavirusa // BBC / URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51842591> (Data obrashcheniya: 24.10.2023)
6. VOZ otmenila rezhim chrezvychainoi situatsii v mire iz-za COVID-19 // Forbes.ru / URL: <https://www.forbes.ru/society/488928-voz-otmenila-rezim-crezvycajnoj-situacii-v-mire-iz-za-covid-19> (Data obrashcheniya: 24.10.2023)
7. VOZ: Pandemii Covid-19 bol'she net // Fontanka.ru / URL: <https://www.fontanka.ru/2023/05/05/72281282/> (Data obrashcheniya: 24.10.2023)
8. VOZ: Covid-19 bol'she ne yavlyaetsya chrezvychainoi situatsiei mezhdunarodnogo znacheniya // UN News / URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/05/1440702> (Data obrashcheniya: 24.10.2023)
9. Gekkina E.N. Novoe v slovare passazhirov obshchestvennogo transporta // Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy (k 50-letiyu nauchnogo napravleniya): sbornik nauchnykh statei / pod redaktsiei T.N. Butsevoi. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2016. S. 28–34.
10. Gekkina E.N., Kozhevnikov A.Yu. Tendentsii leksicheskogo obnoveniya v otrazhenii «koronavirusnykh» slov // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 3 (102). S. 95–108.
11. Golovanova E.I. Dinamicheskie protsessy v russkom yazyke epokhi koronavirusa // Vestnik SAFU. Lingvistika. 2021. T. 21. № 5. S. 33–39.
12. Golovanova E.I., Madzhaeva S.I. O slovare epokhi pandemii koronavirusa // Vestnik ChelGU. 2020. №7 (441). S. 48–55.
13. Dankova N.S. Reprezentatsiya pandemii v SMI: metaforicheskii obraz voyny (na materiale amerikanskikh gazet) / N.S. Dankova, E.V. Krekhtunova // Nauchnyi dialog. 2020. № 1 (8). S. 69–83.

14. Zav'yalova E.E. Rossiiskie anekdoty na «Koronnuyu» temu: problematika i poetika // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 3. S. 259-295.
15. Zaproshy v poiske na proshloi nedele // Google Trends / URL: https://trends.google.ru/trends/story/RU_cu_ZPFTN3EBAABGRM_en?hl=ru (Data obrashcheniya: 24.10.2023)
16. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs / V.I. Karasik. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
17. Katermina V.V., Lipiridi S.Kh. Osobennosti otobrazheniya pandemii koronavirusa v leksike meditsinskogo diskursa (na osnove angliiskikh neologizmov) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 4 (147). S. 170-175.
18. «Koronapanika»: idei, kotorye mogut pomoch' perestat' boyat'sya bolezni // Dzen / URL: <https://dzen.ru/a/Xm3Gypi6T2qa8kLt> (Data obrashcheniya: 27.10.2023)
19. Koronapanika: kak ne soiti s uma iz-za karantina // Dzen / URL: <https://dzen.ru/a/Xqgg7LFPkQq5CzdH> (Data obrashcheniya: 27.10.2023)
20. Kubryakova E.S. V poiskakh sushchnosti yazyka // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2009. № 1 (18). S. 5-12.
21. Radbil' T.B., Ratsiburskaya L.V., Paloshi I.V. Aktivnye protsessy v leksike i slovoobrazovanii russkogo yazyka epokhi koronavirusa: lingvokul'turnyi aspekt // Nauchnyi dialog. 2021. № 1. S. 63-79.
22. Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: monografiya. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2021. 610 s.
23. Russkii yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst: kollektivnaya monografiya / pod redaktsiei L.V. Ratsiburskoi. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2014. 325 s.
24. Savchenko A. V. «Koronavirusnye neologizmy»: ot leksiki i frazeologii k internet-memam (na materiale russkogo i kitaiskogo yazykov) / A.V. Savchenko, Lai Yan' Tsyun' // Kommunikativnye issledovaniya. 2020. T. 7. №4. S. 865-886.
25. Slovar' inostrannykh slov: [bole 4500 slov i vyrazhenii] / N.G. Komlev. M.: Eksmo, 2006. 669 s.

The Manifestation and Evolution of Irony in English Standup Comedy

Galtsov Petr Il'ich

Teaching assistant, Department of Primary and Preschool Education, Moscow Regional State University

141014, Russia, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24

✉ newseygo@gmail.com

Baturina Elvira Rifatovna □

Associate Professor, Department of Preschool Education, Moscow Regional State University

141014, Russia, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24

✉ Baturina.elvi@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is irony and its manifestation in the humorous

monologues of foreign stand-up comedians. The object of this study is the speeches of American stand-up comedians. The author examines in detail such aspects as the main components of creating irony, which include the implicit expression of the author's superiority, the author's presupposition, as well as stylistic means of creating irony, such as contrast, epithets, hyperbole. Special attention is paid to such types of irony as verbal, dramatic and situational irony. Post-irony and meta-irony were also considered, as well as the specifics of their formation in comedians' jokes, which include playing with reality, intertextuality, pastiche, the concept of the author's death, the proclamation of criticism of traditional and modernist meta-narratives. The novelty of the research lies in the previously unseen analysis of stand-up performances for the presence and formation of irony, as well as the means of its creation. A special contribution of the author to the research of the topic is the opening of the corpus of texts of stand-up comedians' speeches for further analysis of the material to identify other linguistic phenomena. The topic of irony, post-irony, meta-irony was presented for the first time in this context and is available for further research. In addition to the seemingly goal of expressing ridicule and the author's superiority over the viewer, irony also reveals the positive sides of the object of jokes.

Keywords: transgression, meta-irony, author's death concept, criticism of values, intercontextuality, reality play, post-irony, author's presupposition, self-irony, irony

References (transliterated)

1. Barabanov, N. V. Protoironiya kak element ironii // Nauchnyi aspekt. – 2022. – T. 1. – № 2. – S. 65-68. – EDN DFEQPN.
2. Batova M.A. — Dramaturgiya obraza antigeroya: soblazn zla // Filosofiya i kul'tura. – 2020. – № 3. – S. 65 - 73. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.3.32135 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32135 (data obrashchaniya: 14.09.2022)
3. Bochina, T. G. Stilisticheskie priemy kontrasta kak sistema s polevoi strukturoi // Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. – 2010. – № 1(19). – S. 25-29.
4. Dzheimison F. Postmodernizm i obshchestvo potrebleniya // Dzheimison F. Marksizm i interpretatsiya kul'tury. M. ; Ekaterinburg : Kabinetnyi uchenyi, 2014. S. 288–308.
5. Zholos, L. M. Yumor, ironiya i satira v angliiskoi literature / L. M. Zholos, M. A. Chmykhalova // Perevodcheskii diskurs: mezhdistsiplinariy podkhod: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Simferopol', 23–25 aprelya 2020 goda. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2020. – S. 101-106.
6. Zelentsova, M. G. Osobennosti perevoda yumora, ironii i satiry v khudozhestvennoi literature / M. G. Zelentsova, L. A. Khodakovskaya // Perevodcheskii diskurs: mezhdistsiplinariy podkhod : Materialy I vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Simferopol', 27–29 aprelya 2017 goda / Glavnyi redaktor M.V. Norets. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2017. – S. 134-139.
7. Kozintsev, A. G. Chelovek i smekh. – Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Aleteiya, 2007. – 236 s.
8. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. M. : In-t eksperimental'noi sotsiologii ; SPb. : Aleteiya, 1998. 160 s.
9. Ovodova, S. N. Narrativ nauki i ironiya v "RIK i Morti": metamodernizm vs

- postmodernizm / S. N. Ovodova, D. V. Dobrotvorskii // Vestnik Omskogo universiteta. – 2020. – T. 25. – № 3. – S. 55. – DOI 10.24147/1812-3996.2020.25(3).54-60. – EDN QTERWO.
10. Spiridonova E. A., Leksiko-stilisticheskie sredstva sozadnii ironii v romane E. Shtrittmattera «Chudodei» (na nemetskom i russkom yazykakh). Elektronnyi resurs. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3107/1/VKR.pdf> (data obrashcheniya: 16.09.2022)
 11. Stepanova, N. Yu. Kontrast kak sredstvo sozdaniya komicheskogo effekta (lingvostilisticheskii aspekt): spetsial'nost' 10.02.04 "Germanskii yazyki": avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Stepanova Natal'ya Yur'evna. – Moskva, 2009. – 20 s.
 12. Chalova L. V. Stilisticheskaya funktsiya figur kontrasta // Evraziiskii soyuz uchenykh. – 2015. – № 8-3(17). – S. 78-80.
 13. Cherkasova, E. V. Pragmatika ironii i yumora: dve grani komicheskogo / E. V. Cherkasova, M. E. Makarova // Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya i pedagogiki. – 2017. – № 1(4). – S. 147-151. – EDN XOHLBB.
 14. Chernyshevskii N. G. Vozvyshennoe i komicheskoe. Poln. sobr. soch. t.2. M., 1949. – 584 s.
 15. Filosofskii slovar' / Pod red. I.T. Frolova.-4-e izd.-M.: Politizdat, 1981. – 445 s.

The Parable of the People's Faith and the Motive of the Crusade Fraternization in F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot".

Krinityn Aleksandr Borisovich

Doctor of Philology

Associate professor of the Department of the History of Russian Literature, Philological Faculty a Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., GSP-1, d. 1, p. 51., room 958

 derselbe@list.ru

Abstract. The author studied the episode of fraternization by Myshkin and Rogozhin in several aspects: 1) as a specific literary transformation of folk's legends about fraternization with Christ 2) both as the central episode of the novel's plot and a reference to its final scene 3) ideologically as a spiritual unit between the protagonists and the Russian folk 4) as a symbolic description of internal contradictions of the Russian national character. The episode is closely connected with the preceding talk about belief in God, in whose course Myshkin refusing to directly answer if he believed in God, tells about his meetings with "common people" and arrives at a conclusion about the chaotic and enigmatic depths of the folk's consciousness. This was the only discourse about religious belief in the whole Dostoevsky's Pentateuch preceding "the Brothers Karamazov" which makes Myshkin conclude that religious belief can be obtained from Russian folk as a bearer of religious mission, notwithstanding the dark abyss in his soul.

The conclusions based on the analysis lets us rethink and reconstruct Myshkin's ideological evolution in the whole novel. The article traces Dostoevsky's reliance on folk legends about fraternization with Christ. It is a pioneering research as it points to parallels with the novel's final in terms of symbolic gestures, paradoxically completing the rite of exchanging crosses in the second chapter of the novel. Myshkin's thoughts are proved in the next episode when Rogozhin attempts to kill Myshkin – which would have seemed impossible after the characters

exchanged their crosses. Thus the imminent catastrophe outlined in the episode dooms the novel's final, yet not in terms of religious belief and the author's dependence on Russian folk.

Keywords: psychologism, punishment, prince Myshkin, folklore motifs, folk legends, Russian national character, fraternization, christian symbolism, novel *The Idiot*, Dostoevsky

References (transliterated)

1. Russkaya entsiklopediya [elektronnyi resurs] URL: <https://rus-russian-enc.slovaronline.com/7596-POBRATIMSTVO>
2. Lotman L. M. Realizm russkoi literatury 60-kh godov XIX veka. (Istoki i esteticheskoe svoeobrazie). – L.: Nauka, 1974.
3. Narodnye russkie legendy, sobrannye Afanas'evym. – London, 1859. S. 30-31.
4. Pamyatniki starinnoi russkoi literatury. Izd. gr. Kushelevym-Bezborodko, pod red. N. Kostomarov. Vyp. I. – SPb., 1860. S. 123.
5. Flegentova T. N. Situatsii obmena krestami kak tsentral'nyi epizod simvolicheskogo plana romanov F. M. Dostoevskogo // Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov. ISSN 1991-3087. [elektronnyi resurs] URL: <http://jurnal.org/articles/2010/fill34.html> (data obrashcheniya: 13.10.2022)
6. Borisova V. V. Emblematiceskii stroi romana Dostoevskogo «Idiot» // Dostoevskii: materialy i issledovaniya. T. 17. – CPb., 2005. S. 102-107.
7. Palacheva V. V., Flegentova T. N. «Ispytanie krestom»: krest kak «vizual'nyi znak» v romanakh F. M. Dostoevskogo («Prestuplenie i nakazanie», «Idiot», «Podrostok») // Vestnik KemGU № 2, 2008 Filologiya. S. 159-163.
8. Strakhov N. N. «Voina i mir». Sochinenie grafa L. N. Tolstogo // Strakhov N. N. Literaturnaya kritika. – SPb.: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut, 2000. S. 294-358.
9. Dolinin A. S. Poslednie romany Dostoevskogo. – M.; L.: Sovetskii pisatel', 1963. 344 s.
10. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii v 30-ti tt. L.: Nauka, 1971-1990.
11. Grossman L. P. Seminarii po Dostoevskomu. Moskva; Petrograd, 1922.
12. Harreß, Birgit Das Symbol des Kreuzes in Dostojewskijs Roman „Der Idiot“. In: Deutsche Dostojewskij-Gesellschaft: Jahrbuch 2001, Band 8. Peter Lang Verlag, Frankfurt am Main 2001. P. 108-116.
13. Mochul'skii K. V. Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo // K. V. Mochul'skii. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii. – M.: Respublika, 1995. – S. 219-562.

Pavlik Morozov in Post-Soviet Reality (based on V. P. Krapivin's novel "The Bronze Boy")

Sukhikh Olga Stanislavovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Literature, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

✉ ruslitxx@list.ru

Abstract. The object of the analysis is V. P. Krapivin's novel "The Bronze Boy". The subject of the study is the representation of the image of Pavlik Morozov in this work. The purpose of the study is to identify the author's concept of the image and fate of Pavlik Morozov in the

novel by V. P. Krapivin. The cultural-historical method of analysis allows us to see how the moment of the change of the country's political course was reflected in the literary text and determined the views of the hero of the past era. The method of holistic analysis helps to determine how the title of the novel and plot parallels contribute to the creation of the image of a child victim of socio-political struggle and cruelty of the world. The scientific novelty of the article is determined by the fact that the image of Pavlik Morozov in "The Bronze Boy" was not previously the subject of special study. The study leads to the following conclusions. V. P. Krapivin shows that Pavlik Morozov is not a traitor, but a victim of a clash of socio-political interests. In the past, his image was made a symbol of devotion to social values, and in the era of the 1990s, shown in the novel, he was again given the role of a symbol, but already negatively labeled. The deheroization of the image of Pavlik Morozov in the era of the 1990s is evidence of the moral failure of society, from the point of view of V. P. Krapivin. The analysis of the multidimensional meaning of the novel's title allows us to conclude that for the writer, the story of Pavlik Morozov has a universal character and this is due to the fact that adults sacrifice the interests of the child. In addition, this is the tragedy of a person who committed an act for high reasons, which from a formal point of view can be perceived as odious. In this regard, Pavlik Morozov in the figurative system of the novel has doubles, with which plot branches are connected, deepening the tragic beginning. The results of the study may have practical application in teaching Russian literature of the late twentieth century.

Keywords: plot, meaning of the title, demythologisation, mythologisation, Pavlik Morozov, ideology, pioneer-hero, Krapivin, history, society

References (transliterated)

1. Anikina Yu. A. Spetsifika konflikta v khudozhestvennom mire V. P. Krapivina: diss. ... kand. filol. n.: 10.01.01. Volgograd, 2014. 167 s.
2. Gor'kii M. Zaklyuchitel'naya rech' na I Vsesoyuznom s"ezde sovetskikh pisatelei 1 sentyabrya 1934 goda // Gor'kii M. Sobr. soch.: v 30 tt. T. 27. M.: GIKhL, 1953. S. 337–354.
3. Grebennik G. P. Mif, antimif i anekdot v ideologii // Istoriya i sovremennost'. 2015. № 2. S. 140–159.
4. Druzhnikov Yu. Donoschik 001, ili Voznesenie Pavlika Morozova. Moskva–Augsburg: Im werden verlag, 2003. 94 s.
5. Kelli K. Tovarishch Pavlik. Vzlet i padenie sovetskogo mal'chika-geroya / Per. s angl. I. Smirenskoï. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 310 s. ISBN 978-5-86793-654-9.
6. Kolomyts D. M., Kolomyts O. G. Mify v dukhovnoi i politicheskoi kul'ture i ikh rol' v formirovanii sovremennogo mirovozzreniya // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 4. Ch. 1. S. 28–31.
7. Krapivin V. P. Bronzovyi mal'chik / Vladislav Krapivin. – [B. m.]: Avtor, 1994. 197 s. ISBN 978-5-425-05233-9.
8. Likhachev D. S. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya // Voprosy literatury. 1968. № 8. S. 74–87.
9. Medvedeva I., Shishova T. Troyanskii kon' yuvenal'noi yustitsii // K istine: missionersko-apologeticheskii proekt. https://kistine.ru/uvnal_justice/uvnal_justice_medvedeva-01.htm (data obrashcheniya: 03.09.2023).
10. Mid M. Kul'tura i preemstvennost'. Issledovanie konflikta mezhdu pokoleniyami // Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya / Per. s angl. i komment. Yu. A.

Aseeva; Sost. i posleslovie I. S. Kona. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izd-va «Nauka», 1988. C. 322–362.

11. Savin E. Ot «Espady» do «Tremolino» // Ta storona. 1995. № 12.
<https://www.rusf.ru/vk/recen/1995/savin05.htm> (data obrashcheniya: 01.10.2023).
12. Svitenko N. V. Trilogiya «Parusa "Espady" V. P. Krapivina: konflikt i sistema personazhei v aksiologicheskom aspekte // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. Vyp. 4. <https://philology-journal.ru/article/phil20220182/fulltext> (data obrashcheniya: 01.10.2023).
13. Severova N.G. Geroi detskoj literatury v usloviyakh sotsial'nogo sloma (k vos'midesyatiletiju ural'skogo pisatelya Vladislava Krapivina) // Zyryanovskie chteniya: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Kurganskii gosudarstvennyi universitet. Kurgan, 2018. S. 213–216.
14. Tendryakova M. Detskie donosy i yuvenal'naya yustitsiya // Obrazovatel'naya politika. 2010. № 9–10 (47–48). S. 106–114.
15. Tendryakova M. Okhota na ved'm. Istoricheskii opyt intolerantnosti. M.: Smysl, 2019. 160 s. <https://iknigi.net/avtor-mariya-tendryakova/189955-ohota-na-vedm-istoricheskii-opyt-intolerantnosti-mariya-tendryakova.html> (data obrashcheniya: 03.09.2023). ISBN: 978-5-89357-392-3
16. Tyupa V. I. Analitika khudozhestvennogo (vvedenie v literaturovedcheskii analiz). M: Labirint, 2001. 189 s.
17. Chernyi K. Pavlik Morozov. Perezagruzka. Versii ob odnoi diversii // Obrazovanie i pravoslavie. 28.10.2011. <http://www.orthedu.ru/news/3742-11.html>
18. Shcherbakov A.B. Literaturovedcheskie mify. Kul'turno-istoricheskaya shkola i problema tvorcheskoi individual'nosti // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturovedcheskie-mify-kulturno-istoricheskaya-shkola-i-problema-tvorcheskoy-individualnosti> (data obrashcheniya: 01.10.2023)

On the Divergence of the Slovak and Czech Literary Languages at the Word-formation Level

Lifanov Konstantin Vasil'evich

Doctor of Philology

Professor, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51, Faculty of Philology

✉ lifanov@hotmail.com

Abstract. The object of the study is such lexemes of the Slovak literary language, which were originally similar to the corresponding Czech, but in the XX century they underwent changes, as their word-formation characteristics changed. At the same time, the corresponding Czech words remained unchanged. We call this phenomenon asymmetric divergence. Asymmetric divergence characterized many parts of speech: nouns, adjectives, adverbs, verbs. The source of the material was primarily the newspaper "Catholické Noviny" for 1889–1890, as well as some publications of the early XX century. This article discusses cases of asymmetric divergence realized in small closed groups of vocabulary or even at the level of individual lexemes. The main conclusion of the author is that asymmetric divergence was an important factor in the formation of the lexical composition of the Slovak literary language and its acquisition of specific features that distanced it from the Czech. To the greatest extent, it

affected nouns, and the most common means was suffixation, that is, replacing the original suffix that coincided with the corresponding Czech with another suffix. The divergence of the Slovak and Czech literary languages, as a rule, is beyond the field of view of researchers who consider primarily the influence of the Czech language on Slovak. At the same time, it was she who was the leading trend in the development of the Slovak literary language in the XX century.

Keywords: substitution, other parts of speech, prefixation, suffixation, nouns, closed group, word-formation level, asymmetric divergence, Slovak literary language, simplification

References (transliterated)

1. Lifanov K. V. Vytesnenie bogemizmov iz leksicheskogo sostava slovatskogo literaturnogo yazyka s kontsa XIX v. // Die Welt der Slaven – Halbjahresschrift für Slavistik, Band 50, Heft 1, 2005. S. 71-82.
2. Lifanov K. V. Asimmetrichnaya divergentsiya slovatskogo i cheshskogo literaturnykh yazykov // Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Belgrad, 20-27 avgusta 2018 g. Doklady rossiiskoi delegatsii, mesto izdaniya Institut slavyanovedeniya RAN Moskva. S. 316-334.
3. Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1978 <https://vokabular.ujc.cas.cz/materialy/nlp/Synkova-2017/Synkova-2017-Priloha-A-Formalni-zmeny.pdf> (data obrashcheniya: 14.11.2022)
4. Katolícké noviny. Trnava, 1889.
5. Katolícké noviny. Trnava, 1890.
6. Lifanov K. Asymetrická divergence spisovnej slovenčiny a spisovnej češtiny na slovotvornej rovine // Slovo a Slovesnost, r. 78, č. 4, 2017. S. 305-321.
7. Marothy Šoltésová E. Výbor zo spisov, Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1934.
8. Gierlová E. Kvety s kríža. Slovensky podáva Fr. Rich. Osvald, dekan-farár, censor deices, Trnava: Spolok sv. Adalberta (Vojtecha), 1910.
9. Svätá rodina. Turč. Sv. Martin, 1914.
10. Svätá rodina. Turč. Sv. Martin 1915.
11. Synková P. Popis staročeské apelativní deklinace (se zřetelem k automatické morfologické analýze textů Staročeské textové banky). Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2017. 461 s. <https://vokabular.ujc.cas.cz/informace.aspx?t=synkova-2017-popis-staroceske-apelativni-deklinace&o=aktuality> (data obrashcheniya: 14.11.2022)

Textual periphrases in the semantic structure of N.M. Karamzin's sentimental historical novel "Natalia, the Boyar's Daughter"

Mikhailenko Arina Yur'evna

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119334, Russia, Moscow, ul. Leninsky Prospekt, 32 A

✉ arina.mikhaylenko@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the problem of the functioning of the lexical figurative means of artistic expression – periphrase as an integral component of the semantic structure of the literary text created in the line of sentimentalism aesthetics in the genre of historical story against the background of the ongoing process of the formation of the norms of the Russian literary language in the context of linguistic polemics of the turn of the XVIII–XIX centuries. The study of the semantic structure of a literary text involves the analysis of the types of nomination techniques and their aesthetic content. However, the use of peripheral expressions has a certain specificity, which is associated with their heterogeneity in thematic marking, structure and object of nomination. The subject of the study is periphrases, the paper presents the classification of periphrases of N.M. Karamzin's story "Natalia, the boyar's Daughter" as works of the genre of sentimental historical story. Using the example of the analysis of the text of the story, the peripheral combinations in the thematic groups love and time (time/period: life, year) are considered, the models of periphrases, metonymic nomination are described, the functions of periphrases are considered. The study of the functioning of periphrases is focused on determining the place and role occupied by this technique in the semantic structure of the text. The relevance of the research is connected with the choice of the research material – N.M. Karamzin's novella "Natalia, the boyar's daughter", its consideration in order to identify the features of the semantic structure and is due to the general interest of modern linguistics in the interpretation of a literary text based on a system-functional approach to the study of the object.

Keywords: image structure, expression, Russian standart language, Karamzin, historical narrative, sentimentalism, paraphrase, semantic structure, semantics, aesthetics of sentimentalism

References (transliterated)

1. Novikov L. A. Izbrannye trudy. T.1: Problemy yazykovogo znacheniya. T.1. M.: URSS, 2001. 672 s.
2. Vinogradov V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv. M.: Gos. uch.-ped. izd-vo, 1934. 287 s.
3. Grekhneva L. V. Osobennosti perifrasticheskoi nominatsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. № 6–2. S. 207–210.
4. Grekhneva L. V. Perifrasticheskie oboznachenie chuvstv i emotsional'nykh sostoyanii v russkoi literature k4ntsa XVIII–nachala XIX vv. // Vestnik Novgorodskogo universiteta im. N.I. Lobochevskogo. 2013. № 6(2). S. 69–72.
5. Golub I. B. Stilistika russkogo yazyka. M.: Rol'f; Airis-press, 1997.
6. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazykoznaniya. M.: Inostrannaya literatura, 1955. 416 s.
7. Kozharina T. V. K portretu frantsuzskoi kul'tury: issledovanie stepeni izvestnosti i chastotnosti toponimov vo vtorichnom znachenii // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. 2014. № (2). C. 83–88.
8. Cherednichenko Yu. E. K voprosu o funktsional'nom aspekte perifraz // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 1 (96). C. 96–101.
9. Sidirov I. A. O funktsional'nom podkhode k perifraze // Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 1999. S. 149–155.
10. Guzi L. Yazykovaya lichnost' i perifraz // Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 1. C. 36–47.

11. Karamzin N. M. Natal'ya, boyarskaya doch' // Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh. M.; L.: Khudozhestvennaya literatura, 1964. T. 1. C. 622–660.

Byronic motives in the image of Raskolnikov

Liang Ziheng

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of History of Russian Literature, Moscow State University

✉ 1026723455@qq.com

Abstract. The article examines the features of Byronism in Raskolnikov's - one of Dostoevsky's characters. Based on the analysis of the works of Byron and his characters, an attempt is made to generalize the main features of this type of characteristic of the Byronic hero. Through comparison with the "Byronic heroes" and their inner world, Raskolnikov's character is analyzed more concretely and accurately. At the same time, the images of heroes of different historical periods, different nationalities and different literary trends are compared, similarities and differences between them are analyzed. Based on the comparison, an attempt is made to identify and generalize the Byronic features present in Raskolnikov's character. The comparative-historical approach, methods of generalization, interpretation of the results were used in the study. The scientific novelty of the study lies in the fact that in the course of the work, the features of Raskolnikov's image were revealed in the aspect of such a literary trend as romanticism. The author also analyzes the reception of Byronic heroes in Russian literature. The main conclusion of the study is that Raskolnikov, although he appears in Dostoevsky's work as a realistic character, may well be considered as the successor of the Byronic hero. The results of the research contribute to the study of Raskolnikov's image in all its complexity. In addition, the conclusions of the article can also be used in the study of Dostoevsky's literary and philosophical position as a whole.

Keywords: reception of romantic literature, rebel, self-awareness, Byronic motives, special characters, Raskolnikov, the creation of Dostoevsky, romantic images, Byronic heroes, romantic literature

References (transliterated)

1. 蒋承勇.“拜伦式英雄”与“超人”原型—拜伦文化价值论. //外国文学研究, 2010(06):01-06. (Tszyan Chen"yun. «Baironicheskogo geroya» i arkhetyip «supermena» – teoriya kul'turnykh tsennostei Bairona // Izuchenie zarubezhnoi literatury.2010.06. s. 01-06).
2. 张岩.英雄·异化·文学——西方文学中的英雄母题及其流变研究 [D].华东师范大学, 2008. (Chzhan yan'. Geroi·raspodoblenie·literatura—Issledovanie geroicheskogo motiva i ego flyuidov v zapadnoi literature[D]. Vostochno-kitaiskii normal'nyi universitet,2008).
3. 罗素:《西方哲学史》(下卷), 何兆武等译. 北京:商务印书馆, 1997 年(Rassel.Bertran. Istoriya zapadnoi filosofii. Tom.2. Perevod. Khe Chzhaovu i dr. Pekin: Kommercheskaya pressa, 1997. s. 298-305).
4. Dostoevskii. F.M. Prestuplenie i nakazanie. Perevod. Chzhu khaiguan', Van ven'. [M]. Pekin: Izdatel'stvo Narodnoi literatury.1982.
5. 朱熹:《四书章句集注》, 中华书局, 2012年(Chzhu Si. «Kommentarii k chetyrem knigam». Zhonghua Book Company, 2012. S. 355)

6. Palomnichestvo Chail'd-Garol'da: [Sbornik: Perevod] / Dzhordzh Gordon Bairon; [Khudozh. A. Amirkhanov]. – Perm': Kn. izd-vo, 1988.
7. Svet v nochi (o «Prestuplenii i nakazanii») opyt medlennogo chteniya. Georgii Meier. 1967 by Possev-Verlag V. Gorachek KG. Frankfurt/Main Printed in Germany.
8. 曹靖华, 俄国文学史[M]. 北京:北京大学出版社, 2007(Tsao tszinkhua. «istoriya russkoi literatury». Pekin: izdatel'stvo Pekinskogo universiteta. 2007.)
9. 智量, 论 19 世纪俄罗斯文学[M]. 复旦大学出版社, 2009(Chzhi Iyan. «russkaya literatura 19-ogo veka». Shankhai: izdatel'stvo Fudan'skogo universiteta. 2009.)
10. Bakhtin. M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. – M., 1963.
11. 郑克鲁, «外国文学史», 北京:高等教育出版社, 1999年.(Chzhen kelu. «istoriya zarubezhnoi literatury». Pekin: izdatel'stvo vysshego obrazovaniya. 1999)
12. Mochul'skii.K.V. Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo.Parizh. 1980.
13. Tikhomirov.B.N. Lazar', gryadi von! Sankt-Peterburg. 2016.
14. 勃兰兑斯:《十九世纪文学主流》刘半九等译。北京:人民文学出版社, 1997 年。(Brandeis, "Osnovnoe napravlenie literatury XIX veka", perevod Lyu Khan'tszyu. Pekin: Izdatel'stvo "Narodnaya literatura", 1997.)
15. 徐葆根:《西方文学:心灵的历史》。北京:清华大学出版社, 1988 年。(Syui Baogen, Zapadnaya literatura: istoriya razuma. Pekin: Izdatel'stvo Universiteta Tsinkhua, 1988.)

Collections of Spanish paremias of the XVI century and their influence on the development of folklore tradition

Bakanova Anna Valentinovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Ibero-Romanic Language Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, g. Moscow, ul. Leninskie Gory, 1, of. 1GUM

✉ asia_sim@mail.ru

Terenteva Ekaterina Dmitrievna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, g. Moscow, ul. Miklukho-Maklaya, 10/2

✉ terentyeva-ed@rudn.ru

Abstract. The article examines the works of folklore scientists who laid the foundations of Spanish paremiology. The subject of the study are collections of proverbs, sayings and other small genre forms published in Spain in the XVI century. The focus of attention is the famous apophthegmata of Melchor de Santa Cruz "Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles" (1574), which collected about a thousand texts and covers all aspects of the life of Spanish society. Along with other famous folklore collections of the XVI century by such authors as Juan de Timoneda, Juan de Mal Lara, Pedro Mejía, the work of Melchor de Santa Cruz influenced the formation of a scientific approach in Spanish folklore studies. The article provides a comparative analysis of collections of folklore texts of this period and emphasizes their

influence on the development of Spanish folklore studies of subsequent centuries. The XVI century caused in Spain the rise of national consciousness, which is accompanied by an increase in scientific interest in the Spanish language, its lexical richness and grammatical system. Following the discovery of the New World, Spain is experiencing not only the rapid development of the science of folklore, but also the flowering of linguistic thought, based on the small genres of folklore in the issue of exemplification. The combination of short form and capacious content makes this group of genres attractive to linguists, folklorists, and Spanish writers of the Golden Age.

Keywords: anecdote, aphorism, apophthegmata, apophthegm, paremia, paremiology, Spanish folklore, Spanish language, proverb, saying

References (transliterated)

1. Kokk'yara Dzh. Istoriya fol'kloristiki v Evrope. M.: Izdatel'stvo Inostrannoi literatury, 1960. 694 s.
2. Kut'kova A. V. Rechevye stereotipy podderzhaniya kontakta: semantiko-pragmatischekii aspekt // Voprosy ibero-romanistiki. Vypusk 18. M.: MAKSS Press, 2021. S. 130–140.
3. Kut'kova A. V. Doy las Mas Fervientes Gracias: meksikanskies retablo kak ob"ekt lingvokul'turologicheskogo issledovaniya // Voprosy ibero-romanistiki. Vypusk 19. M.: MAKSS Press, 2022. C. 51-61.
4. Medvedeva E. S. Lingvokul'turologicheskii analiz reprezentatsii flory i fauny v ispanoyazychnykh zagadkakh (na materiale pireneiskogo i meksikanskogo natsional'nykh variantov) Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2022. 187 s.
5. Mironova N. D. Sushchnost' ponyatiya «Sravnenie» v interpretatsii otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei i sposoby ego obrazovaniya // StudNet, 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sushchnost-ponyatiya-sravnenie-v-interpretatsii-otechestvennykh-i-zarubezhnykh-issledovateley-i-sposoby-ego-obrazovaniya>
6. Obolenskaya Yu. L. Vliyanie russkoi literatury na dukhovnuyu zhizn' Ispanii v XX-XXI vv. // Vestnik MGU. Seriya № 9: Filologiya. № 6. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-russkoy-literatury-na-duhovnuyu-zhizn-ispanii-v-hh-hhi-vv?ysclid=lmhwhf20cgs568604847>
7. Obolenskaya Yu. L. Ispanskies tantsy kak ob"ekt izucheniya i perevodcheskoi interpretatsii A. N. Ostrovskogo // Voprosy ibero-romanistiki. Vypusk 18. M.: MAKSS Press, 2021. S. 31-38.
8. Obolenskaya Yu. L. Mitos y leyendas de España. Legendy i predaniya Ispanii: S obshirnymi lingvokul'turologicheskimi, istoricheskimi, grammaticheskimi kommentariyami. M.: URSS, 2023. 240 s.
9. Pavlova A. N. 2022 Genezis i transformatsiya prazdnichnoi kul'tury v Ispanii. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2022. 272 s.
10. Propp V. Ya. Problemy komizma i smekha. M.: Labirint, 1999. 285 s.
11. Raevskaya M. M. Ispanskoe yazykovoe soznanie Zolotogo veka (XVI-XVII vv.). M.: Komkniga, 2007. 304 s.
12. Sulimova N. G. Istoriya razvitiya ispanskoi grammaticheskoi mysli (XV-XIX vv.). M.: MAKSS Press, 2005. 331 s.
13. Díaz Viana, L. El folklore dentro de las disciplinas antropológicas: tradición y nuevos enfoques // Perifèria. Revista de Recerca i Formació en Antropologia, Vol. 27 Núm. 1, 2022. URL: <https://revistes.uab.cat/periferia/article/view/v27-n1-diaz>

14. Diccionario de la lengua española. 2022. URL: [<https://dle.rae.es/>] (data obrashcheniya: 30.08.2023)
15. Mal Lara J. de La Philosophia vulgar. 1568. URL: [https://www.bibliotecavirtualdeandalucia.es/catalogo/es/catalogo_imagenes/grupo.do?path=86261] (data obrashcheniya: 02.08.2023)
16. Mexía P. Silva de varia lección. 1673. URL: [<https://archive.org/details/silvadevarialecc00mex/page/n16/mode/1up>] (data obrashcheniya: 15.08.2023).
17. Navascués J. M. Historia del Folklore. Folklore y costumbres de España. Barcelona: Ediciones Merino, 1944. T.1. P. 3-164.
18. Puertas Moya F. E. Chistes, sales y agudezas de ingenio: un subgénero encubiertamente paremiológico. 1999. URL: [https://cvc.cervantes.es/lengua/paremia/pdf/008/067_puertas.pdf] (data obrashcheniya: 15.08.2023)
19. Santa Cruz M. de Floresta española de apotegmas o sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles 1655. URL: [https://bibliotecadigital.jcyl.es/es/catalogo_imagenes/grupo.do?path=10069745] (data obrashcheniya: 15.08.2023).
20. Timoneda J. de El Patrañuelo. 2017. URL: [<https://www.biblioteca-antologica.org/es/wp-content/uploads/2017/10/TIMONEDA-Elpatra%C3%B1uelo.pdf>] (data obrashcheniya: 20.08.2023).

The Chekhov Digital project: tasks and problems of implementing semantic markup of texts (on the example of A. P. Chekhov's story "The Death of an Official")

Severina Elena Mikhailovna

Doctor of Philosophy

Professor, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communications, Southern Federal University

344006, Russia, Rostov-on-Don, Universitetskiy, 93

✉ emkovalenko@sfedu.ru

Larionova Marina Chengarovna

Doctor of Philology

Head of the Department of Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

344006, Russia, Rostov-On-Don, 41 Chekhov str.

✉ chengarovna@yandex.ru

Abstract. The article considers a model of preparation of machine-readable (semantic) markup of texts for the Chekhov Digital project on the example of philological interpretation of individual significant elements of A. P. Chekhov's story "Death of an Official" and presentation of this information explicitly based on the standards of digital publication Text Encoding Initiative (TEI/XML). Based on the work of literary researchers, significant entities have been identified for marking up the corpus of the writer's texts, but the question of their representation in the text remains quite complex. A philological examination of such aspects as "properties, states and events; character features" in an excerpt from the story of A.P. Chekhov was carried out from the point of view of the TEI markup capabilities for preserving

philological knowledge in a machine-readable format. One of the objectives of the Chekhov Digital project is to go beyond a simple digitized text and provide useful digital tools for the researcher. The elements of machine-readable markup are presented, which make it possible to mark up significant entities in Chekhov's texts for organizing semantic search through the corpus of the writer's texts, the problems and research tasks arising in the process of implementing such interdisciplinary projects due to the need to combine the efforts of specialists from different fields of knowledge are considered. The project implements the principle of Open research data, the most important task of which is to create scientific communities around data. The work on the project led to the development of scientific cooperation between researchers of the Higher School of Economics, the UNC RAS and the SFU.

Keywords: author's technologies, expert annotation, semantic search, machine-readable markup, TEI, philological expertise, Chekhov, digital edition, project Chekhov Digital, natural language processing

References (transliterated)

1. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1974-1983.
2. TEI Consortium, eds. TEI P5: Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange. Version 4.6.0. Last updated on 4th April 2023. TEI Consortium. URL: <https://tei-c.org/guidelines/p5/>
3. Severina E. M., Bonch-Osmolovskaya A. A., Kudin A. M. Tsifrovye filologicheskie praktiki: proekt "Chekhov Digital". Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2022. № 2. S. 153-165. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-153-165>.
4. Severina E.M., Larionova M.Ch. Novye filologicheskie praktiki: semanticheskoe izdanie tekstov A. P. Chekhova. Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2020, № 10, s. 13-21. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.10.33970.
5. Chekhov A. P. Smert' chinovnika // Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. T. 2. M.: Nauka, 1975. S. 164-166.
6. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. T. 4. M.: Russkii yazyk, 1989.
7. Korolenko V. G. Anton Pavlovich Chekhov // Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Goslitizdat, 1960. S. 135-148.
8. Berdnikov G. P. A. P. Chekhov. Ideinye i tvorcheskie iskaniya. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1984.
9. M. Straka, J. Straková, J. Hajič (2019): UDPipe at SIGMORPHON 2019: Contextualized Embeddings, Regularization with Morphological Categories, Corpora Merging. In: Proceedings of the 16th SIGMORPHON Workshop on Computational Research in Phonetics, Phonology, and Morphology, pp. 95-103, Association for Computational Linguistics, Stroudsburg, PA, USA, ISBN 978-1-950737-36-9.
10. Dyachenko P. V., L. L. Iomdin, A. V. Lazurskii, L. G. Mityushin, O. Yu. Podlesskaya, V. G. Sizov, T. I. Frolova, L. L. Tsinman. Sovremennoe sostoyanie gluboko annotirovannogo korpusa tekstov russkogo yazyka (SinTagRus) // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. M., 2015. № 6. S. 272-300.
11. M.-C. de Marneffe, T. Dozat, N. Silveira, K. Haverinen, F. Ginter, J. Nivre, & C. D. Manning. 2014. Universal Stanford dependencies: A cross-linguistic typology. In

Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'14), pages 4585–4592, Reykjavik, Iceland. European Language Resources Association (ELRA). URL:
https://nlp.stanford.edu/pubs/USD_LREC14_paper_camera_ready.pdf

12. Potebnya A. A. Iz zapisok po russkoi grammatike: V 4 t. T. 3. M.: Prosveshchenie, 1968.
13. Bolotova E. A. Antroponimicheskaya yazykovaya mozaika «govoryashchikh» imen i familii // The Scientific Heritage. 2019. № 4. S. 35–39.
14. Larionova M.Ch., Shepeleva O.A. Otchego umer Chervyakov? Traditsionnaya kul'tura v rasskaze A.P. Chekhova «Smert' chinovnika» // Izvestiya YuFU. Filologicheskie nauki. 2019. № 1. S. 36–41. <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-36-41>.
15. Kataev V.B. «Step'»: dramaturgiya prozy // Taganrogskii vestnik. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «"Step'" A. P. Chekhova: 120 let». Vyp. 3. Taganrog: OOO «Izd-vo Lukomor'e», 2008. S. 3–9.

The Problem of "Nationality" in Dostoevsky's Concept of "Pochvennichestvo"

YANG JINGHONG

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of History of Russian Literature, M. V. Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region region, Moscow, Lebedeva str., 1

✉ yangj@my.msu.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the problem of nationality in the concept of "pochvennichestvo" by F. M. Dostoevsky. The object of the study was the writer's views on the people and their role in the formation of culture, the subject was the category "nationality", presented in the journalistic and artistic works of F. M. Dostoevsky. The purpose of the article is to identify the historical context in which the writer's ideas about nationality were formed and developed, and to highlight various aspects of the problem of nationality in the works of F. M. Dostoevsky. The scientific novelty of this study lies in the fact that the author is the first to consider the problem of nationality in the aspect of Dostoevsky's attitude to utilitarianism and the formula "the environment is stuck." The work, along with general scientific methods of analysis, synthesis and generalization, uses descriptive, biographical and cultural-historical research methods. As a result of the scientific research, the author points out the inevitability of the emergence of pochvennichestvo in Russian social life of the second half of the 19th century and analyzes the writer's position in the dispute between Westerners and Slavophiles, coming to the conclusion that F. M. Dostoevsky did not oppose Western, essentially material, civilization, but resolutely rejected its inevitable by-product - spiritual degeneration. The writer asserted the power inherent in Russian Orthodox culture to resist the erosion of Western culture and called on the Russian people to take upon themselves the mission of the messiah. Dostoevsky's ideas about nationality, like his pochvenism, prove the writer's confidence of Russian people and Russian culture. The results of the research work can be used in further study of the work of F.M. Dostoevsky, as well as in teaching the history of Russian literature at school.

Keywords: spirituality, russian idea, slavophilism, westernism, orthodoxy, Russian people, soil, pochvennichestvo, nationality, Dostoevsky

References (transliterated)

1. Andzhei de Lazari. V krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo. M.: Interbuk, 2004. 205 s.
2. Borisova V. V. Natsional'noe i religioznoe v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Elektronnyi resurs]: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk : 10.01.01 / Borisova Valentina Vasil'evna. Ufa, 1997. 312 s. Rezhim dostupa: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000205022> (data obrashcheniya: 29.10.2023).
3. Bocharova I. M., Volkova E. A., Frolova E. V. Monarkhizm i narodnost' F. M. Dostoevskogo v «Dnevnikh pisatelya» // Uchenye zapiski Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №2 (46). S. 37–45.
4. 万海松. 寓于根基主义思想中的“人民性”问题——论陀思妥耶夫斯基的“人民性”概念的本质. 学习与探索, 2016(9): 137–141. (Van Khaison. Problema «narodnosti» v ideyakh pochvennichestva — o sushchnosti predstavleniya Dostoevskogo o «narodnosti» // Obuchenie i issledovanie. 2016. № 9. S. 137–141.)
5. 万海松. 陀思妥耶夫斯基根基主义思想的反理性主义根源. 江海学刊, 2017(4): 204–209. (Van Khaison. Ob antiratsional'nykh kornyakh pochvennichestva Dostoevskogo // Akademicheskii zhurnal Tszyan Khai. 2017. № 4. S. 204–209.)
6. 万海松. 陀思妥耶夫斯基根基主义思想萌芽期与发展期的原创性. 外国文学, 2018(1): 25–33. (Van Khaison. Ob original'nosti idei pochvennichestva Dostoevskogo v period zarodysha i razvitiya // Inostrannaya literatura. 2018. № 1. S. 25–33.)
7. 万海松. 作为“第三条道路”的俄国根基派刍议——以费·陀思妥耶夫斯基为中心. 俄罗斯东欧中亚研究, 2018(3): 94–107. (Van Khaison. Suzhdeniya o russkikh pochvennikakh kak o «tret'em puti», orientirovannye na F. M. Dostoevskogo // Issledovaniya Rossii, Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii. 2018. № 3. S. 94–107.)
8. Vasil'ev A. A. Natsional'naya pochva v mirovozzrenii F. M. Dostoevskogo, A. A. Grigor'eva i N. N. Strakhova // Chelovek i kul'tura. 2013. № 4. S. 16–42.
9. Vladimirtsev V. P. Dostoevskii narodnyi. F. M. Dostoevskii i russkaya etnologicheskaya kul'tura: Stat'i. Ocherki. Etyudy. Kompleks ist.-lit. issled. Irkutsk: IGU, 2007. 459 s.
10. Dostoevskii F. M. v vospominaniyakh sovremennikov: V 2-kh t. M.: Khudozh. lit., 1990. T. 1. 439 s.
11. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. L.: Nauka, 1972–1989. T. 18, 20, 21, 22, 26, 28.
12. Krinitsyn A. B. Syuzhetologiya romanov F. M. Dostoevskogo. Monografiya. M.: Maks Press, 2017. 456 s.
13. Miller R.F. Neokonchennoe puteshestvie Dostoevskogo. SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2022. 359 s.
14. Nizhnikov S.A. F. M. Dostoevskii i «Russkaya ideya» // Vestnik KalmGU, 2016. №1 (29). S. 104–111.
15. Popov V.D. Problema naroda u Dostoevskogo // Dostoevskii: Materialy i issledovaniya. L., 1980. T. 4. S. 41–54.
16. Solov'ev V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo // Sochineniya v dvukh tomakh. T. 2. M.: Mysl', 1988. S. 290–323.
17. Fridlender G.M. Problemy naroda i narodnosti v tvorchestve Dostoevskogo (Iz neopublikovannoi stat'i) // Dostoevskii: Materialy i issled. T. 16. Yubileinyi sbornik / Otv. red. N. F. Budanova, I. D. Yakubovich. SPb.: Nauka, 2001. S. 405–408.
18. Kheveshi M.A. Tolpa, massy, politika. M.: Izdatel'stvo Instituta filosofii, 2001. 222 s.

About the problem of wordplay transmission (based on the material of English and Russian advertising texts)

Pavlenko Elena Aleksandrovna

PhD in Philology

Senior lecturer, Department of English philology and translation, St. Petersburg University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7-9

✉ eapavlenko@inbox.ru

Kuraleva Tatiana

PhD in Philology

Senior lecturer, Department of English philology and translation, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 11

✉ t.kuraleva@spbu.ru

Vyunova Ekaterina Kirillovna

PhD in Philology

Associate professor, Department of English philology and translation, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 11

✉ e.vyunova@spbu.ru

Abstract. The object of the study is examples of the use of wordplay in the advertising texts translated from English into Russian. The subject of the study is the translation techniques used by translators to preserve the communicative orientation and impact on the reader. The choice of the research object is due to the prevalence of advertising text in the modern world, which implies the need to develop common translation standards and examples of solutions to emerging difficulties. The problem of translating different types of wordplay has been little studied in modern linguistics, which determines the need for further research. Even less studied is the problem of translating wordplay in advertising slogans in a comparative aspect. The analysis of the collected material allowed us to identify three main translation strategies: the transmission of wordplay, in which the method of wordplay formation is preserved; transmission, in which the preservation of the method of wordplay formation is impossible or undesirable; transmission, in which the preservation of wordplay itself is impossible. In the latter case, translators often have to sacrifice the communicative effect, which is not desirable from the standpoint of modern translation studies. The article concludes that the linguistic features of slogans and, in particular, the use of wordplay in them must be taken into account when translating in order to ensure maximum preservation of communicative intent and communicative effect.

Keywords: phraseology, recipient, communicative intention, communicative effect, impossibility of translation, pun, translation studies, wordplay, advertising, omission

References (transliterated)

1. Bazylev V. N. Teoriya perevoda. Kn. 2: praktikum / V. N. Bazylev.-2-e izd. , ster. – M. : FLINTA, 2012. – 201 s.
2. Barkhudarov, L. S. Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. – M. :

- LKI, 2010. – 240 s.
3. Dzhanumov A. S. Kalambur i ego funktsionirovanie v dvuyazychnoi situatsii: dis. na sois. uchen. stepeni kand. filol. nauk. – M., 1997. – 136 s.
 4. Efremova, T. F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] / T. F. Efremova. – Elektron. Tekstovye dannye. – M.: AST, 2005. – T. 1 A-L. – Rezhim dostupa: <https://www.efremova.info/word/kalambur.html#.ZCQYH3ZBzIU>
 5. Karpukhina, T.P. Igra slov i morfemnyi povtor : komicheskoe «sostyazanie» smyslov v slovakh s obshchei morfemoi (na materiale angliiskoi khudozhestvennoi prozy) / T.P. Karpukhina // Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. – 2007a.-№ 1. – 81-82 s.
 6. Kolesnichenko S.A. Usloviya realizatsii stilisticheskogo priema igry slov v angliiskom yazyke [Tekst] : avtoref. dis. na soisk. uchen. stepeni kand. filol. nauk – L., 1984. – 20 s.
 7. Lomov A.M., Babushkin A.P. Kalambur kak vid yazykovoi igry: mekhanizmy obrazovaniya // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, 2015. 16-19 s.
 8. Lyubimov N. Perevod – iskusstvo. – M.: Sov. Rossiya, 1964. – 245 s.
 9. Nukhov S.Zh. Yazykovaya igra v slovoobrazovanii: avtoref. dis. na sois. uchen. stepeni dok. filol. nauk. – M., 1997. – 39 s.
 10. Ostroushko N. Sekrety reklamnykh tekstov,-SPb.: VK. – 2009. – 212 s.
 11. Urazmetova A.V. Kalambur kak stilisticheskii priem pri obrazovanii frazeologizmov s toponimami (na materiale angliiskogo i frantsuzskogo yazykov) [Elektronnyi resurs] // ChelGU – 2011 – № 10 – Elektron. versiya pechat. publ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalambur-kak-stilisticheskii-priem-pri-obrazovanii-frazeologizmov-s-toponimami-na-materiale-angliyskogo-i-frantsuzskogo-yazykov/viewer> (data obrashcheniya: 29.03.2023).
 12. Fedorov A.V. Osnovy obshchei teorii perevoda. M., 1983. – 297 s.
 13. Yakimenko N. V. Kalambur kak lingvisticheskii priem v angliiskom yazyke i puti ego vossozdaniya v perevode: dis. na sois. uchen. stepeni kand. filol. nauk.-Kiev, 1984.-214 s.
 14. Humboldt W. von. From introduction to his translation of Agamemnon // Theories of translation: An anthology of essays from Dryden to Derrida / Ed. by Schulte R., Biguenet J.-Chicago, 1992. – 8. 55-59;
 15. Koller, Werner: Grundprobleme der Übersetzungstheorie. Bem München 1972.
 16. Melniss D., Hajek J., The power of the pun [Elektronnyi resurs] / 2018. URL: <https://pursuit.unimelb.edu.au/articles/the-power-of-the-pun> (Data obrashcheniya: 18.03.2023).
 17. Patterson J. How to Write Wordplay: 9 Types of Wordplay [Elektronnyi resurs] / 2021. URL: [How to Write Wordplay: 9 Types of Wordplay-2023-MasterClass](#) (Data obrashcheniya: 17.02.2023).
 18. Redfem, Walter (1984). Word-plays. Oxford: Basii Blackwell.
 19. Safire W. On Language: A Barrel of Puns. N. Y., 1980.

Purposes and patterns of the use of antique sources in old English religious texts by Ælfric and Wulfstan

PhD in Philology

Associate professor of the Department of Foreign Languages for Humanitarian Specialities, Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevsky

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23

✉ work.only@mail.ru

Balykina Mariia Igorevna

PhD in History

Associate professor of the Department of Foreign Languages for Humanitarian Specialities, Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevsky

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23

✉ marie.balykina@yandex.ru

Abstract. The article contains the results of the analysis of existing investigations into the ways how Latin religious sources were adopted and adapted in Anglo-Saxon homiletic literature. The present analysis may be of value when it is important to understand how religious contexts were borrowed and presented to a different culture, moreover the motives of adaptation of Latin texts may add to better understanding of the writer's personalities and thus to a clearer insight into their works. Two eminent old English writers: Aelfric and Wulfstan worked closely with Latin texts following various strategies. While Aelfric in most cases translated the texts verbatim or slightly modified them, Wulfstan put much effort to give the text his own personality. Both writers still depended on the rhetoric traditions employed in Latin and their individual styles coincide in with usage of some stylistic features such as assonance, alliteration and repetition, but still were rather different. Aelfric himself considered the translation to be a separate rhetoric device as the text converted into a different language does not only carry the message to the target audience, but makes the process of communication easier. For Wulfstan the message itself is of importance, not the source, so he elaborated his unique style of communicating his ideas to the target audience. The practical and scientific value of the article is expressed in the need to structure the existing studies of the influence of the Latin language on Old English and opens up the perspective of further study in the field of rhetoric and pragmalinguistics.

Keywords: history of the English language, Latin, Old English, hagiography, homiletics, pragmalinguistics, stylistics, rhetoric, translation, persuasion

References (transliterated)

1. Gorelov M.M. Katastrofa zavoevaniya v zerkale khristianskoi morali (po «Propovedi Volka anglam») // Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati. 2012. S. 69–86.
2. Mokhovikova N.V. «Zhitiya svyatykh» El'frika kak pamyatnik benediktinskogo vrozozhdeniya: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 1999. 147 s.
3. Aelfric. The homilies of the Anglo-Saxon church [microform]: the first part containing the Sermones catholici, or Homilies of Ælfric in the original Anglo-Saxon. London, 1844–46. Vol. 2.
4. Cook, Albert S. Biblical Quotations In Old English Prose Writers: Ed. With the Vulgate And Other Latin Originals, Introduction On Old English Biblical Versions, Index of Biblical Passages, And Index of Principal Words. London: Macmillan, 1898.
5. Hall Th. N. Latin sermons for saints in early English homiliaries and legendaries // The

- Old English Homily: Precedent, Practice, and Appropriation. Brepols Publishers, 2007. V. 17. P. 227-263.
6. Orchard A. Wulfstan as reader, writer and rewriter // The Old English Homily: Precedent, Practice, and Appropriation. Brepols Publishers, 2007. V. 17. P. 311-341.
 7. Stanton R. Rhetoric and Translation in Ælfric's Prefaces // Translation and Literature. Edinburgh University Press. 1997. Vol. 6, No. 2. P. 135-148.
 8. Upchurch R.K. Homiletic contexts for Aelfric's hagiography: the legend of saints Cecilia and Valerian // The Old English Homily: Precedent, Practice, and Appropriation. Brepols Publishers, 2007. V. 17. P. 265-283.
 9. Wulfstan. Sermo Lupi ad Anglos. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/anglica/Chronology/11thC/Wulfstan/wul_sermon.html (data obrashcheniya: 31.08.2022)

The portrayal of China in Russian poetry: "Chinese Journey" by O. A. Sedakova

Zou Xin

Postgraduate of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ summer0326@mail.ru

Abstract. The subject of the article is the reflection of Chinese culture in the poem cycle "Chinese Journey" by O. A. Sedakova. In spite of the relatively large number of studies of this cycle, a close reading of it, undertaken from the perspective of a bearer of Chinese culture, may reveal new episodes in need of commentary and evidence of Sedakova's profound knowledge of Chinese philosophy and classical poetry. Although the significance of Taoist ideas for Sedakova has been discussed, it is possible to point out images and ideas that have not been noted before and are related to Lao Tzu and the Book of Changes, also some details that can possess a symbolic meaning in Chinese culture. Thus, although the significance of the image of water for the cycle has already been noted, its connection with the ideas of Lao Tzu has not been explained; in the light of the ideas of Taoism, we understand the images of the path, heaven and earth.

The study explains the symbolic meaning that Sedakova's images of willow, mountain, ladder, flute, and swallow have in Chinese culture.

We conclude that Sedakova's poetry is based on the harmonious interaction of European and Chinese; this assessment has already been expressed in science, but we have reinforced it with new examples.

Keywords: Taoism, Chinese culture, classical Chinese poetry, traditional symbolism, Lao Tzu, poetic cycle, Russian poetry, Chinese Journey, Sedakova, The Book of Changes

References (transliterated)

1. V slovakh, a ne putem slov. Ol'ga Sedakova otvechaet na voprosy Dmitriya Babil'skogo // Topos, 2003, 18 marta [Elektronnyi resurs.] Rezhim dostupa: <https://www.topos.ru/> (data obrashcheniya: 22.01.2023)
2. Zholkovskii A. K. «Neuzheli..?» (Ol'ga Sedakova, «Kitaiskoe puteshestvie», 13) //

- Zholkovskii A. K. Novaya i noveishaya russkaya poeziya. M.: RGGU, 2009. S. 233-246.
3. Medvedeva N. G. Obraz Kitaya v russkoi poeticheskoi traditsii (N. Gumilev, O. Sedakova, I. Brodskii) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2008. №1. S. 53-71.
 4. Chernysh N. A. Puteshestvie Ol'gi Sedakovoi po «Knige peremen» // Ol'ga Sedakova: Stikhi. Smysly. Prochteniya. M.: NLO, 2016, s. 401-434.
 5. Sedakova O. A. «Poeziya — protivostoyanie khaosu». Interv'yu ot 28 maya 2010 goda. [Elektronnyi resurs.] Rezhim dostupa: <https://omiliya.org/article/olga—sedakova—poeziya—protivostoyanie—khaosu—olga—balla.html?ysclid=lg0yulp2a5183280703> (data obrashcheniya: 03.04.2023)
 6. Shitszin. Izbrannye pesni. Per. A. Shtukina. M., 1957.
 7. Khabibulina M. Kitai po-russki: obraz ivy v tsikle O. A. Sedakovoi «Kitaiskoe puteshestvie» // Molodoi uchenyi, 2021, №1. S. 107-114.